Ричард Колье

ДУЧЕ!

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ БЕНИТО МУССОЛИНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Ричарда Колье повествует о жизни одной из мрачных фигур в истории — итальянского фюрера, установившего фашистскую диктатуру в стране. Бенито Муссолини — верный соратник Гитлера — был отвергнут своим народом. Попытка Гитлера спасти Муссолини при помощи своего сподвижника Скорцени в конечном итоге закончилась неудачей. Бенито Муссолини был повешен вверх ногами на площади Лорето у себя на родине.

- Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 12
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини

Посвящается итальянцам и итальянкам, пережившим те времена

То, что я значу для Германии, вы, дуче, значите для Италии. Но как оценят нас в Европе, вынесут решение только потомки.

Адольф Гитлер,28 февраля 1943 года

Как нам следует поступать после перенесенных, страданий и борьбы, пролитых слез и мук, потоков крови и ненависти, после полнейшей безнадежности?

Игнацио Силоне. «Фонтамара»

Глава 1
«Рим или смерть!»

27–30 октября 1922 года

Ночь казалась неподходящей для совершения революции. В 6 часов вечера пошел дождь, сопровождаемый резкими порывами ветра, нагонявшими волну на Тирренском озере. Люди в черных фуражках, долгое время раболепствовавшие перед господами и собравшиеся теперь на штурм, промокли насквозь. За холмами, окружавшими Рим, собралось около сорока тысяч человек, ожидавших в эту октябрьскую ночь 1922 года падения города.

Весь день армия чернорубашечников, ударный отряд итальянской фашистской партии, насчитывавшей 300 000 членов, готовилась к совершению марша на Рим. От Больцано в Доломитах до Палермо на Сицилии, расположенных друг от друга на расстоянии более двух тысяч километров, собирались когорты чернорубашечников, влекомые магическим словом «Рим», подъезжавшие к пунктам сбора на автомашинах, тракторах и скрипучих конных повозках. Они устраивали бивуаки у печей

для обжита кирпича, располагались в виноградниках и на виллах, в амбарах, хлевах и винных погребах.

Прошло всего три года с тех пор, как сто человек, собравшихся на базарной площади Сан-Сеполькро в Милане, объявили о создании фашистской партии, целью которой, столь же пиратской, как череп и две скрещенные кости на ее знаменах, было сокрушение социалистических и коммунистических оппонентов и взятие силой власти в стране в свои руки.

В общих чертах план их был несложен. В Тиволи, в сорока километрах от Рима, более четырех тысяч фашистов заняли виллу Д'Эсте, расположенную в садах, заложенных еще в шестнадцатом веке, откуда контролировались источники обеспечения города водой и электроэнергией. В Монтеротондо, в тридцати километрах северо-восточнее города, тринадцать тысяч чернорубашечников были готовы к захвату важнейшей железнодорожной линии. Западнее, в Чивитавеккье, старом порту Рима, чернорубашечники из Пизы, Лукки и Каррары были нацелены на железнодорожную линию, идущую вдоль всего побережья. Капуя, узловой пункт дорог, идущих на юг, контролировалась чернорубашечниками из Неаполя.

На рассвете 28 октября чернорубашечники в сотнях городов страны должны были быть готовы к быстрому и бесшумному занятию почтамтов, префектур, железнодорожных станций и армейских казарм. В течение нескольких часов фашисты планировали окружить вечный город и установить контроль над всей Италией.

Однако армия эта была вооружена плохо, не хватало оружия и продовольствия. Взять хотя бы роту из Монтеротондо, в которой на 130 человек было всего два пулемета и восемьдесят охотничьих ружей. В четырех колоннах, двигавшихся на Рим, не было ни одного орудия, а ведь численность гарнизона города была не менее 30 000 солдат.

Командир колонны из Монтеротондо двадцатишестилетний Улисс Иглиори, авиатор Первой мировой войны, так записал в своем дневнике: «У меня нет даже лиры, чтобы заплатить за наем автомашины… Наши люди не ели ничего со вчерашнего дня».

Дино Перроне, бывший кавалерийский офицер, также принимавший участие в марше, отмечал: «Нужда у нас во всем: нет воды, продуктов, денег. Нельзя даже связаться с руководством в Перудже».

Получив распоряжение возглавить колонну, он двинулся ускоренным маршем к Риму, преодолев расстояние двести пятьдесят километров по раскисшим от дождя дорогам за девять часов. За все это время он не имел никаких контактов с

командирами других колонн.

В темноте, холоде и сырости сорок тысяч человек терпеливо ожидали решения своих лидеров на дальнейшие действия, а также поступления оружия и подхода подкреплений.

В Феррари, почти в трехстах километрах севернее Рима, дождь прекратился. Задача двадцатичетырехлетнего Карло Гольдони состояла в поисках оружия, боеприпасов и транспорта. Ветеран фашистского движения, зарабатывавший себе на жизнь журналистикой, будучи не связанным ни с какой редакцией, он ходил теперь в черной рубашке и каске на голове. За три кровавых года, прошедшие с момента создания в Феррари местного комитета фашистской партии, тридцать два его товарища погибли в столкновениях с полицией и соперничающими с фашистами социалистами и коммунистами.

За два дня до революции он с тремя товарищами проник в два часа ночи в местный кавалерийский музей, пригрозив его сторожу, и осмотрел выставочные залы в поисках оружия, которое оказалось в большей своей части допотопным. В качестве трофеев он прихватил три пулемета с двадцатью патронными лентами.

Начальник Гольдони — Итало Бальбо («железная борода»), бывший офицер, носивший красную бородку, которому было двадцать шесть лет и который являлся одним из четырех шеф-организаторов марша на Рим, считавших, что революция потребует крови, — был недоволен его успехами и приказал:

— Надо найти больше оружия. Мы сдадимся только тогда, когда будет израсходован последний патрон.

Поэтому Гольдони следующей же ночью с двумя товарищами совершил рейд в казарму 28-го пехотного полка, проникнув на ее территорию через высокий забор встав друг другу на плечи. Взломав замок оружейной комнаты, они похитили двадцать винтовок и шесть револьверов.

— Если даже сорок из ста человек будут вооружены, все равно это будет показателем силы, — прокомментировал его успехи взводный командир.

Гольдони продолжил свои действия.

В одиннадцать часов вечера у входа в здание железнодорожной станции он увидел при свете газовых фонарей человека, которого ожидал, — доктора Капуто, начальника железнодорожной полиции, своего старого знакомого. Дав знак своим товарищам, он вышел из тени и пошел навстречу тому.

— Гольдони?! — удивленно воскликнул полицейский. — Что привело вас сюда в это время?

— Я решил нанести вам визит, — ответил Гольдони и, как профессионал, ткнул ему в бок свой револьвер. — Не делайте

глупостей и отдайте мне свое оружие.

— Да вы с ума сошли, — обескураженно и возмущенно сказал Капуто.

— Это не ваше дело. Тут рядом мои люди. Так что отдавайте револьвер и скажите своим полицейским сделать то же самое.

В подтверждение его слов из темноты появилось несколько чернорубашечников. Капуто и семеро полицейских были разоружены без сопротивления.

Не дожидаясь приказа на начало решительных действий, он с товарищами решил в ту же ночь занять узловую железнодорожную станцию. Когда скорый поезд ДД-49 Триест — Рим в 1.08 28 октября прибыл на станцию, его пассажиров ожидал неприятный сюрприз. Не успел поезд остановиться, как фашисты оказались в вагонах и, угрожая оружием, заставили всех ехавших в нем выйти на платформу. При этом было отобрано тридцать охотничьих ружей и винтовок. Часть подбежавших чернорубашечников стала заниматься буфетами, забирая из них печенье, сосиски и минеральную воду. Другие в это время начали устанавливать пулеметы — один в хвостовом багажном вагоне, второй — в одном из средних вагонов. Третий пулемет Гольдони лично установил на боковой платформе локомотива. Машинист и его помощник отреагировали на это аплодисментами.

— Нам как раз нужен поезд на Рим, — заявил Гольдони, — не пойдем же мы пешком.

Следует отметить, что 11 000 железнодорожников в ту ночь по всей Италии помогали фашистам, поскольку сами состояли в их партии, в захвате своих же поездов.

В 2 часа ночи раздался паровозный гудок, и поезд со 120 феррарскими фашистами отправился в путь. До Болоньи Гольдони решил немного отдохнуть, так как там надо было рассадить по вагонам 400 местных чернорубашечников.

Получив депешу генерального директора общественной безопасности около 9 часов вечера 27 октября, майор Арнальдо Ацци — представитель 16-й пехотной дивизии на железнодорожной станции Чивитавеккья — вскрыл толстый конверт, опечатанный сургучной печатью, полученный им недавно от командующего римским гарнизоном генерала Эммануила Пуглизе.

При свете керосиновой лампы майор стал изучать содержавшийся в нем меморандум. В нем имелось во-

семь пунктов, но в первом же было сказано: «В случае попытки прибытия фашистов в столицу на поездах вам следует воспрепятствовать этому всеми средствами, за исключением применения оружия… Общее число их в одном поезде не должно

превышать триста человек.

Если же их окажется больше, поезд необходимо остановить любыми способами, вплоть до использования силы…»

Король Виктор-Эммануил III ударил сжатым кулаком правой руки о ладонь левой, что было явным признаком его недовольства или расстройства. Нервно расхаживая по своему увешанному гобеленами кабинету во дворце Квиринале постройки шестнадцатого века, он в 9 часов вечера 27 октября был озабочен будущим своего трона, как, впрочем, и другие европейские монархи.

С расстроенным лицом, покусывая свои негустые усы, король с неудовольствием смотрел на человека, нарушившего его внутренний покой, — шестидесятитрехлетнего председателя государственного совета Луиджи Факту.

В шесть часов утра король собирался выехать на охоту в свое имение Сан-Россоре, расположенное в четырехстах километрах от Рима, когда получил закодированное сообщение от Факты. Король сразу же потерял всякий интерес к охоте, поскольку в депеше говорилось, что «в целях стабилизации обстановки» необходимо его личное присутствие в столице. При встрече с Фактой вечером он сказал ему резко:

— Мы должны немедленно поговорить обо всем, чтобы я мог разобраться в ситуации.

А им действительно было о чем поговорить, поскольку Факта намеревался предложить ввести во всем королевстве чрезвычайное положение перед лицом угрозы фашистского государственного переворота.

И он уже начал осуществлять свое решение, так как на площади Пилотта неподалеку от дворца был виден отряд кавалеристов в количестве двухсот человек на белых конях и целый ряд пулеметов, установленных на грузовиках. Сам дворец был обнесен колючей проволокой, которая была натянута у пятнадцати городских ворот и семнадцати мостов через Тибр. Хотя порывы ветра и доносили звуки сигнальных горнов и грохот броневиков, городские улицы были пустынны. Генерал Пуглизе ввел с девяти часов вечера комендантский час и запретил движение частного автотранспорта и даже трамваев.

За двадцать два года своего правления король принял присягу двадцати премьер-министров и никого не презирал больше, чем бюрократа и формалиста Факту. О биографии адвоката из Пьемонта, бывшего в течение тридцати лет депутатом различного уровня, почти нечего было сказать газетному репортеру, не слышавшему ранее его имени, при назначении Факты премьер-министром. Хорошо знали его только

в римском кафе «Арагно», где он ежедневно заказывал в полдень яичницу-болтунью. Его пушистые белые усы любили карикатурно изображать фашисты цветными мелками на крышках столов этого же кафе. Коллеги-депутаты называли его в своем кругу «председателем, лелеющим несбыточную надежду», за его абсолютно беспочвенный оптимизм.

В течение восьми месяцев своего нахождения у власти он вынашивал свою основную идею: чернорубашечники блефуют. О планируемом ими «марше на Рим» он узнал ещё три недели тому назад, когда фашисты создали нелегально собственную милицию.

— У меня в Риме — войска и артиллерия, — заявил он своим министрам и, показав план фортификационных сооружений города, добавил: — Я приказал хорошо почистить и смазать орудия.

Хотя генерал Пуглизе еще месяц назад предложил свой план контрмер, опасаясь попытки государственного переворота, премьер-министр даже не ознакомился с ним. Было проигнорировано и заявление сорокасемилетнего генерала Пьетро Бадолио, начальника штаба армии:

— Достаточно пяти минут ружейного огня, чтобы разогнать этот сброд!

За двадцать четыре часа до встречи с королем Факта и его кабинет, наконец-то осознавшие опасность положения, приняли решение о подаче в отставку. Взывая к депутатам сделать решительный шаг, Факта разрыдался и заявил:

— Вам нужны решительные шаги? Хорошо, я размозжу себе голову.

Его руки дрожали, щеки подергивались от тика. Невысокого же роста король напомнил ему о долге:

— Я не буду формировать новое правительство, пока в Италии происходят беспорядки. Я не хочу и не могу. И сейчас же оставлю все дела и уеду в деревню с женой и сыном.

Король не любил ответственности, как и многое другое в жизни, но сейчас тысячелетний дом Савойев, который был для него превыше всего, находился в опасности. Во дворце ходили легенды о том, чего не любил монарх-лилипут, прозванный «маленьким мечом». У него была привычка надевать сильно поношенную разнокалиберную военную форму, тогда как на его счету в лондонском банке «Хамбро» находилась весьма приличная сумма в полтора миллиона фунтов стерлингов. Будучи ростом около ста пятидесяти сантиметров, он в детстве ложился спать с грузом, привязанным к ногам, чтобы хоть немного вытянуться. Он был предметом насмешек всех европейских карикатуристов, один из которых изобразил посетителя, низко склонившегося перед

ним с треуголкой в руке. Теперь, в пятидесятипятилетнем возрасте, он испытывал любовь только к трем вещам — своей величавой жене Елене, бесценной коллекции монет, хранящихся в шестидесяти шкафах, и своему трону.

Король не любил фашистов. По его требованию сотни офицеров, посещавших их партийные митинги в военной форме, были уволены из армии или переведены в другие гарнизоны. Не далее как 7 октября он сказал военному министру:

— Я не хочу, чтобы такие люди находились в Риме. Примите меры для избежания опасности.

Однако одно из недавних событий выбило его несколько из колеи: фашисты проявили уважение к монархии.

23 августа в их газетах проскользнуло скрытное предупреждение: «Корона останется в неприкосновенности, пока не станет вмешиваться в наши дела».

20 сентября был даже сделан намек на лояльность: «Мы должны набраться мужества, чтобы быть монархистами».

И такое мужество было проявлено 24 октября на неапольском конгрессе, на котором было принято решение о марше на Рим: собравшиеся стоя приветствовали упоминание имени короля.

Контраст по сравнению с поведением республикански настроенных социалистов был очевиден. Король не мог забыть дня 1 декабря 1919 года, дня открытия заседания первого парламента после окончания войны. Когда он тогда вошел в помещение, где собралась палата депутатов Рима, сто пятьдесят шесть социалистов, входивших в ее состав, повскакали с мест с криками: «Долой его!» Затем, приколов в отвороты пиджаков красные гвоздики, символ социализма, они покинули зал с песней «Красный стяг».

А тут еще одно осложнение совсем запутало короля — соперничество кузена, пятидесятитрехлетнего Эммануила-Филиберто, герцога Аосты, бывшего командующего 3-й итальянской армией, отца Амадео II, будущего командующего итальянскими войсками в Восточной Африке. Месяц тому назад герцог проводил смотр фашистских сил в Мерано при исполнении оркестром гимна чернорубашечников, а вчера его видели в Бевагно, неподалеку от Перуджи, где он встречался с фашистским руководством. При этом он угрожал, что в случае необходимости обратится к армии с призывом о свержении короля, а это было бы шагом к развязыванию гражданской войны.

Король считал, что лояльность к нему армии можно не подвергать сомнению, несмотря на ее близость к бывшим солдатам в рядах чернорубашечников, однако возможный скандал мог бы сказаться отрицательно на престиже монархии в

глазах всего мира. И все же он решил выслушать мнение главнокомандующего армией генерала Армандо Диаца, запросив его:

— Как поступит армия?

— Ваше величество, армия выполнит свой долг, но лучше не подвергать ее этому испытанию, — отрезвляюще ответил генерал.

Король понимал, о чем думал хитрый генерал. Ему было известно, что тот, ужиная на балконе префектуры Флоренции в тот же день, тепло приветствовал демонстрацию фашистов. Более того, девять вышедших в отставку генералов, не потерявших своего эмоционального влияния на армию, играли ключевую роль в разработке стратегии фашистского марша на Рим.

Девятью днями раньше один из них, генерал Эмилио де Боно, вместе с еще одним организатором марша, Цезарем Марией де Веччи, встретились с женщиной, которую король побаивался, — его матерью, непреклонной голубоглазой королевой Маргеритой. В гостиницу «Парк-отель», где остановились четверо фашистских лидеров для обсуждения вопроса о разделении Италии на двенадцать командных зон, пришло ее приглашение на обед на ее вилле. И королева-мать не стала скрывать своих симпатий. Когда, отобедав, они собрались уезжать, королева сказала:

— Желаю всяческих успехов в вашем предприятии! Я знаю, что ваши планы преследуют единственную цель — безопасность и процветание нашей страны.

С того дня она не переставала указывать сыну, в чем заключался его долг.

— Положение дел, — произнес король задумчиво, разрешив Факте уйти, — заслуживает самого серьезного внимания. Переговорим снова завтра.

Аудиенция продолжалась двадцать минут, но король так и не решил, что ему делать, из-за неясности собственных интересов. Смогут ли фашисты обеспечить безопасность короля и страны или же выиграет монархия, объявив чрезвычайное положение?

Генералу Амброджио Клериси не оставалось ничего другого, как самому пойти выполнять поручение. В 2 часа ночи в субботу 28 октября в длинных коридорах дворца, покрытых серой ковровой дорожкой, стояла мертвая тишина — даже посыльные короля разошлись по домам. Несколько минут тому назад сын короля был разбужен телефонным звонком премьер-министра Луиджи Факты. Ему во что бы то ни стало было необходимо переговорить с шефом Клериси генералом Артуро Читтадини, но тот не отвечал.

Поспешая по пустынным коридорам, Клериси вдруг остановился, заметив полоску света, пробивавшуюся под дверью

покоев Читтадини. Войдя в комнату, он увидел старенького генерала, мирно уткнувшегося в какую-то книгу.

Клериси вкратце доложил сложившуюся ситуацию. Поскольку король не назначил другого премьер-министра, Факта, оставаясь у власти, проводил ночное заседание кабинета министров. В течение часа они выслушивали резкую критику генерала Эммануила Пуглизе, требовавшего «письменных распоряжений».

Пуглизе подчеркнул, что около 26 000 фашистов удерживаются на железнодорожных линиях севернее города всего 400 карабинерами.

— Дайте мне право, — яростно говорил он, — и армия восстановит порядок во всей Италии за несколько часов. Фашисты не войдут в Рим!

Нельзя было терять ни минуты: по всей Северной Италии чернорубашечники начали забастовку. В Кремоне, где королевская гвардия открыла по ним огонь, было убито семеро фашистов. Чернорубашечники Ровиго заняли правительственные типографии, намереваясь не допустить объявление чрезвычайного положения в прессе. В Перудже, Флоренции и еще шести городах они удерживали коммунальные учреждения — водопроводные сооружения, почту, телеграф, телефон.

Но Факта и его кабинет ожидали указаний, так как, судя по сообщениям из различных городов, например Сиены, в армейских казармах шла добровольная раздача оружия и боеприпасов фашистам.

Вдруг Клериси прервал свое сообщение, заметив, что телефонная трубка лежала снятой с рычагов. Однако когда он попытался ее поправить, начальник остановил его:

— Оставьте все как есть и сообщите Факте, что меня не нашли.

— Но, извините меня, правильно ли это? Читтадини ответил невозмутимо:

— Это — распоряжение его величества. Он желает, чтобы правительство занималось своим делом — но не возлагало ответственность за свои действия на него.

Король читал телеграмму со всевозраставшим недовольством. За высокими окнами его кабинета было еще темно, дождь продолжал омывать пальмы в дворцовом саду. Часы из золоченой бронзы, стоявшие на камине, показывали восемь часов утра. Прошло шесть часов с тех пор, как Факта пытался связаться с генералом Читтадини.

Телеграмма была получена десять минут назад. Из нее было ясно, как проходило ночное заседание кабинета министров. От имени председателя государственного совета и министра

внутренних дел она была адресована всем командирам воинских частей: «№ 288/59: Кабинет министров принял решение о введении во всех провинциях королевства чрезвычайного положения с пополудни сего дня. Декрет об этом будет опубликован немедленно. Примите все меры по поддержанию общественного порядка и обеспечению безопасности граждан и имущества».

— Вы явно проигнорировали конституционное право, — резко сказал король премьеру, — отдав распоряжение военным, не проконсультировавшись со мной.

Пробормотав извинение, Факта подумал о прошедшей ночи, самой длинной и напряженной в его жизни. До трех часов обсуждался проект декларации о введении чрезвычайного положения, который он сейчас представил королю. В течение пяти часов он терпеливо дожидался вызова короля, но такового не последовало. Только настоятельные требования министров заставили его пойти на такой шаг.

Ему было известно, что войска на железных дорогах в Орте, Чивитавеккье и других узловых станциях находились на расстоянии около ста пятидесяти метров от остановленных ими поездов с фашистами. Что произойдет дальше, неизвестно.

Факта попытался объяснить причину появления проекта декларации:

— В различных провинциях Италии проходят несанкционированные демонстрации… которые могут ввергнуть страну в хаос… Граждане должны сохранять спокойствие и доверять предпринимаемым полицейским мерам…

К изумлению Факты король не только не достал свою авторучку, но, сказав что-то непонятное для него, сунул декрет в ящик письменного стола. Все его сомнения и колебания, видимо, закончились. Слухи о том, что почти семьдесят тысяч фашистов готовы к штурму города, если возникнет такая необходимость, вызывали беспокойство. К тому же чернорубашечники Корсо-Умберто в самом Риме размахивали трехцветными флагами, выкрикивая: «Да здравствует король!», демонстрируя ему свою лояльность.

— Премьер, — сказал он сухо Факте, — единственной причиной для объявления чрезвычайного положения является гражданская война. И призывать к ней означает, что один из нас должен пожертвовать собой.

Впервые за всю свою карьеру слабовольный и добродушный Факта решился на иронический ответ с ничего не выражавшим лицом:

— Нет никакой необходимости, ваше величество, уточнять,

кто из нас должен это сделать.

Девятилетний Джиорджио Ботелли чувствовал себя покинутым. Странные люди, расположившиеся три дня назад в гостинице его деда под названием «Бруфани-Палас» в Перудже, исчезли также неожиданно, как появились. Ему казалось, что такой жизни, как в те дни, больше никогда уже не будет.

Обычно это старое здание из красного кирпича, расположенное на высоте более пятисот метров над долиной реки Аззизи, было излюбленным местом для английских туристов, которых вполне устраивали слегка затемненные комнаты, пахнувшие льняным семенем, глубокие кожаные кресла и папоротник в латунных горшках. Однако за те три дня, которые провели здесь представители фашистского руководства, в доме многое изменилось. Постовые чернорубашечники, худые и внушавшие страх своими кинжалами, расположились в украшенных колоннами портиках. За вращающимися дверями, откуда портье в свое время вызывал кареты постояльцев или гостей, были установлены пулеметы. Каждое окно было забаррикадировано мешками с песком.

Джиорджио не знал, что фашисты избрали Перуджу для размещения своего штаба, исходя из стратегических соображений: в радиусе всего нескольких километров тут находились заводы по производству боеприпасов, фабрики мясных консервов, кондитерских изделий и шоколада. А в случае провала своих планов они могли быстро отойти в долину реки По.

Видя, что лидеры фашистов собрались в библиотеке, мальчик решил, что книги в красных кожаных переплетах и были главной целью их появления. Уже через день он стал узнавать их по внешнему виду: Цезарь Мария де Веччи, Пидмонтез с пышными усами, Мишель Бьянчи — худой и в пенсне, представлявшийся ему настоящим дипломатом, Итало Бальбо — самый шумный, с постоянно взлохмаченными красными волосами. Пятидесятишестилетний генерал Эмилио де Боно с лысой головой и белой козлиной бородой, бывший командир 9-го армейского корпуса, казался среди них главным, но, как стало потом известно, как раз он-то в числе первых и поддался панике, опасаясь объявления чрезвычайного положения.

— Нас, офицеров, расстреляют непременно, — говорил он чуть ли не всем, с кем встречался.

Напряжение обстановки стало нарастать после полуночи, 27 октября. Фашисты установили пулемет в местной префектуре, а на горе Субасио, в сорока километрах от города, армейские артиллеристы выкатили на боевую позицию тяжелое оружие,

нацеленное на старую гостиницу. По другую сторону площади Италии войска расположили пулеметы чуть ли не в каждой двери и окне домов.

Пустые бутылки от шампанского валялись повсюду, пепельницы были до краев наполнены окурками, что было не принято в гостинице, и, по мнению Джиорджио, скорее напоминало генеральный штаб перед боем. Связные сновали на мотоциклах, покрытые пылью подобно мельникам. В бильярдной комнате и комнате отдыха на больших столах из красного дерева были разложены карты с расположением фашистских отрядов. Офицеры с озабоченными лицами прибывали на едва ли не разваливающихся автомашинах, докладывали обстановку и уезжали, не успев выпить даже глоток воды. Было ясно, что эти люди не бросят оружия до тех пор, пока не добьются власти.

Неожиданно обстановка изменилась. Посыльный доставил телеграмму. Прочитав ее, генерал де Боно произнес запинаясь:

— Кажется, начинается игра со счастливым концом.

Через несколько минут после его краткого разговора с командиром войсковой части армейские подразделения начали отход. Чернорубашечники разразились радостными криками и кинулись обнимать друг друга. Шляпы и фуражки полетели ввысь, зазвенели все городские колокола и колокольчики. Четверо фашистских лидеров произнесли речи с балкона перед собравшимися чернорубашечниками и поспешно, сев в автомашины, уехали.

Когда в гостинице наступила полная тишина, Джиорджио на цыпочках прошел в библиотеку. Мальчик хотел посмотреть комнату, в которой его дед заявил о принятии исторического решения, и был разочарован, увидев, что в ней все было по-прежнему. В воздухе еще висел сигарный дым, часы ходили, на камине лежала оставленная в спешке телеграмма.

Джиорджио, схватив ее, прочитал: «№ 23870. Сообщаем, что инструкции, предписанные вам в телеграмме № 288/59 в связи с введением чрезвычайного положения, отменяются…»

Снова и снова водитель Итало Бальбо нажимал на грушу сигнала своего автомобиля. Клаксон буквально ревел, но все было напрасно. Несмотря на дождь, дорога была забита людьми, двигавшимися в сторону Рима. Проехать по старому каменному мосту, выводящему на улицы города, где две тысячи лет назад с триумфом встречали императора, было почти невозможно.

Большинство шло пешком, счастливчики ехали на машинах, обдавая округу грязной водой из луж. На это никто не обращал внимания, главное было не остаться в хвосте. Все произошло, как и ожидалось: король и правительство пошли на уступку. Ничто

теперь не могло отвлечь людей от марша на Рим.

Многие чернорубашечники под холодным проливным дождем терпеливо ожидали по тридцать шесть часов распоряжения о начале марша. Те, кому стало известно об отмене чрезвычайного положения, самостоятельно отправились в путь. Все шли с надеждой, не зная точно, что их ждет впереди.

Люди были голодными, не получив за все это время никакой пищи.

В толпе было несколько тысяч студентов, рассматривавших происходившее как воскресное развлечение, своего рода карнавал. Некоторые из них приехали поездами в вагонах третьего класса, разместившись под деревянными скамьями прямо на полу.

Все были одеты кто в чем. Один парнишка из Ареццы прихватил в спешке голубой дождевик своей матери. Неапольские рыбаки шли в матросских бушлатах, тосканские фермеры — в охотничьих куртках. Некоторые были босиком. Всеобщее внимание привлекал мужчина с развешанными по всей одежде пятьюдесятью значками с серпом и молотом, снятыми, как он хвалился, с мертвых коммунистов.

Таким же эксцентричным было и их оружие: музейные пистолеты, заряжавшиеся с дульной части, допотопные мушкеты, старинные охотничьи ружья, снятые с вооружения еще в 1880 году винтовки.

Почти никто из них не смог бы сделать и одного выстрела. Те, кто не смог найти никакого оружия, прихватили клюшки для гольфа, косы, вилы, колья и даже ножки от столов — все, что оказалось под рукой. Один держал в зубах кинжал, другой жонглировал динамитными шашками. Некто Федерико Антониоли нес ярмо для быков.

Для сотен людей времени для подготовки к походу вообще не было, и они для решения вопроса прихватили кто ножницы для стрижки овец, а кто и серьги своей жены. В Феррари конторский клерк, услышав о марше, поспешил к своему шефу, на ходу сменив белую рубашку на черную. Когда тот спросил его, долго ли он будет отсутствовать, клерк ответил:

— Откуда я знаю. Ведь происходит революция!

А в Чианциано, неподалеку от Флоренции, некий лейтенант армейской ремонтной службы, не доложив своему начальнику о полученной им команде, чтобы успеть вовремя, остановил поезд, шедший в южном направлении.

Хозяин косметического магазинчика в Феррари, получив назначение на дежурство на центральной железнодорожной станции, вывесил в окошке записку, чтобы поставщики товаров

оставляли их в течение ближайших двух дней в будке дежурного зала ожидания первого класса.

Для всех, кто придерживался фашистского кредо, Рим был не только магнитом, но и встречей с историей.

Чернорубашечники, выезжавшие поездом из Гроссето, прихватили с собой слепого восьмидесятилетнего старика, воевавшего пятьдесят два года назад вместе с Гарибальди. В Монтеротондо Паоло Петруччи, неизлечимо больной туберкулезом, и тот собирался принять участие в марше.

Некоторые люди вообще впервые в своей жизни покидали дом. Кавалеристы Джузеппе Карадонны из Фоггии выехали на конях в плащах и шляпах с перьями. Некий состоятельный молодой человек из Асколи отправился в поход в одиночку, установив пулемет на своем гоночном «фиате».

Воспользовавшись свободным временем, все больше людей на мотоциклах и тракторах, на поездах и автомобилях, размалеванных лозунгами типа: «Наплевать на все — Рим или смерть», спешили разделить триумф. Всех их направлял магнетизм человека, работавшего долгие годы над тем, чтобы эмоции людей смогли выплеснуться в нужное время.

На знаменах и касках, подобно воинственному кличу, было начертано: «Да здравствует Муссолини!»

В зрительном зале миланского театра «Манцони», построенного в стиле барокко с обильной позолотой, свет был приглушен. Освещенными оставались только ложи. Бинокли присутствовавших направлялись на дотоле неизвестный профиль мужчины, сидевшего во второй из них. Тридцатидевятилетний Бенито Муссолини, казалось, намеревался провести остаток вечера со своей женой Рашель и двенадцатилетней дочерью Эддой, и ничто другое его не занимало.

Но вот свет был погашен, и тяжелый занавес раздвинулся. Начинался первый акт оперы Ференца Мольнара «Лебедь». Когда ведущая актриса Лина Паоли стала исполнять арию принцессы Беатрис, Муссолини принял свою обычную позу. Подперев подбородок белыми, почти женственными руками, он устремил свой взор вперед, подобно бульдогу, сидящему в конуре.

Большинство зрителей знало о Муссолини не более тех нескольких строк, что были помещены в его ежедневной газете «Иль Пополо д'Италиа», рассчитанной на чернь. До 1912 года в Милане его вообще не знали. Только став заместителем директора по хозяйственной части социалистической газеты «Аванти», он прослыл репортером острым на язык. Мало кто мог предположить, что этот человек, изгнанный из рядов социалистов в 1914 году в связи с вступлением Италии в войну и создавший

новую фашистскую партию, набравшую в 1919 году менее жалких пяти тысяч голосов на парламентских выборах, сможет привести страну на грань начала гражданской войны.

Не знали зрители и того, что Муссолини был в этом самом театре на вчерашнем представлении вместе со своей новой любовницей красноволосой Маргеритой Заффарти, художественным критиком газеты «Иль Пополо». Предусмотрительно он сидел в глубине ложи, невидимый для посторонних, пока один из заместителей главного редактора не принёс ему сообщение о том, что клермонские фашисты уже начали мятеж. Прочитав сообщение, Муссолини сказал:

- Ну вот и началось. — Затем, возвратив тому бланк депеши, добавил: — Сохрани ее, она может стать историческим документом.

На этот раз план Муссолини был иным. Он решил появиться на публике, чтобы о нем пошли разговоры. Его склонность к интригам достигла критической стадии. Сидя неподвижно, он устремил свой взгляд на освещенную сцену, однако в середине второго акта неожиданно сказал жене и дочери:

— Пора уходить!

Рашель даже не стала возражать. Она привыкла к выходкам Бенито, к тому же опера ей не нравилась. С большим удовольствием она пошла бы пусть даже в пятый раз на оперетку «Герцогиня дю Табарин». Рашель спокойно восприняла и его сообщение, что через несколько дней они возвратятся в свои бывшие апартаменты на третьем этаже дома номер 38 по улице Форо Бонапарте.

Репортеры, собравшиеся в редакции газеты «Иль Пополо», обменялись многозначительными взглядами, когда туда вошел коренастый Муссолини (рост его составлял сто шестьдесят семь с половиной сантиметров). Редактор по международным вопросам Пьеро Парини подумал, что еще несколько дней назад газета не находила сбыта, и главный вход был буквально завален отпечатанными тиражами. В помещение редакции постоянно заходили делегации различных фашистских комитетов, оставляя на сохранность ручные гранаты у Арнальдо, младшего брата Муссолини.

В редакции никто не знал, сколь важна была для него отмена чрезвычайного положения. Мысль о том, что король явно напуган, придавала ему смелость. Буквально через несколько часов после сообщения он направил во дворец одного из своих лидеров Цезаря Марию де Веччи, ревностного монархиста, которого лично знал король.

— Я хочу, чтобы народ Италии знал, что я отказался

подписать декрет, вызвавший бы несомненно гражданскую войну, — сказал ему король и добавил: — Думаю, что через неделю об этом будет забыто.

— Ничто не будет забыто, — заверил его де Веччи. — Напомним, если станет необходимо, ваше величество.

В ночь на 27 октября Муссолини был готов занять пост министра без портфеля в новом правительстве. Теперь же он через де Веччи и своего помощника Дино Гранди вел переговоры об отказе от предложенных королем постов шести министров в новом правительстве во главе с бывшим премьером Антонио Саландрой.

Гранди приводил свои доводы:

— Семьдесят процентов итальянцев — с нами. Так что если мы согласимся на предложение и будут проведены выборы, мы все равно придем к власти.

(Гранди был одним из противников совершения марша, считая, что он может привести к гражданской войне.)

— Ты — предатель дела революции, — обвинил его Муссолини. — Мне не нужна уродливая победа.

Кассиру фашистской партии Джиованни Маринелли Муссолини сказал более открыто:

— Я не хочу прийти к власти через вход для прислуги.

Переговоры шли всю ночь. И вот Гранди позвонил из дворца от генерала Читтадини и сообщил триумфальную новость: король собирается поручить Муссолини формирование правительства.

Но сын кузнеца был подозрителен и недоверчив:

— Сказанное звучит как ловушка. Мне надо официальное извещение.

Чтобы сохранить свои разговоры с Римом в секрете, он вел их из кабины для стенографов. От духоты по лицу его и шее стекали капельки пота. Видя это, корреспондент по вопросам сельского хозяйства Марио Феррагути приоткрыл дверку, чтобы впустить воздух. Муссолини подмигнул ему и сказал:

— Скоро в сельском хозяйстве произойдут большие изменения.

В 3 часа ночи капитан (впоследствии адмирал) князь Констанцо Чиано, герой Первой мировой войны на море и твердый приверженец фашизма, позвонил по телефону и возбужденно сказал:

— Послушайте, Муссолини, каким, по вашему мнению, должен быть текст королевской телеграммы в ваш

адрес?

— Не вижу никаких трудностей, — ответил тот покровительственно. — Вполне достаточно, если в ней будет

сказано: «Его величество просит вас принять на себя бремя», ну и так далее.

Будущий адмирал переспросил:

— Неофициальное бремя?

Голос Муссолини прозвучал твердо:

— Нет-нет, дорогой Чиано. Здесь должна быть полная ясность. «Бремя по формированию правительства». Вы согласны с такой формулировкой?

Тот поспешил заверить его в своем согласии, добавив, что король «весьма близок» к фашистским идеям и делам.

— Сейчас надо засвидетельствовать королю наше почтение. И не забудьте отдать распоряжение, чтобы все чернорубашечники покинули город, но с полным сознанием, что они вошли в Рим с развевающимися знаменами — как победители.

Чиано опять согласился с мнением Муссолини и попросил его прибыть в Рим по возможности скорее, чтобы «избежать возможных ошибок».

Муссолини остался непреклонным и заявил: — Я появлюсь там только после получения телеграммы с тем текстом, что я продиктовал вам. Доброй ночи, Чиано.

Через несколько минут Парини увидел, что у двери кабинета Муссолини зажглась красная лампочка, предупреждавшая, чтобы ему не мешали. Оставшись один, Муссолини стал обдумывать свои планы. Он решил принять меры, чтобы усилить вероятность получения обговоренной телеграммы. Когорты фашистов, хотя и плохо вооруженные, являлись мощным фактором оказания действенного влияния на правительство: фашизм обязательно придет к власти в ауре силы и геройства. А его редакционная статья в завтрашней газете, переданная телеграфом в Неаполь, будет, несомненно, перехвачена в Риме и даст королю дополнительную пищу для размышлений.

И он с неистовостью начал размашистым почерком писать на всем, что попадалось под руку, — на обратной стороне конвертов, писем и даже оберточной бумаге: «Победа распространилась по всей стране при почти единодушной поддержке народа, и значение ее не должно быть принижено какими-либо уступками. Мобилизация сил и средств не преследовала своей целью достижение компромисса с Саландрой… Фашизму нужна власть».

В соседней комнате заместитель главного редактора Луиджи Фредди сидел в напряженном ожидании: ночная и в основном обременительная работа только начиналась. Он был единственным человеком в редакции, который мог расшифровывать писанину Муссолини и компоновать текст так, чтобы его можно было прочитать.

В 4 часа утра Муссолини вызвал его к себе и выглядел при этом вполне довольным. В то время когда публика будет читать эти слова, фашисты продемонстрируют деловую сторону достигнутого ими успеха.

В двухстах километрах южнее Милана, в Генуе, небо было покрыто свинцовыми облаками. От резких порывов восточного ветра на водной глади гавани появились белые барашки волн. На площади Корветто журналист Коррадо Марчи с опаской посматривал на небо в надежде, что дождь еще не начнется. Ему предстояло привлечь к себе внимание трехсот фабричных рабочих, собравшихся у своеобразной трибуны, где он стоял.

В это воскресное утро 29 октября Марчи, член националистической партии — синерубашечников, руководство которой должно было до одиннадцати часов принять решение об объединении с фашистами, имел поручение выступать перед толпой до 10 часов 45 минут, когда все вопросы будут уже обсуждены. Во дворце Монторзоли, построенном в шестнадцатом веке и находившемся напротив, ныне размещалась префектура города. Там все было тихо, но из окон нижнего этажа десятки глаз наблюдали за каждым движением собравшихся.

Ничего подозрительного видно не было, даже лидер местных фашистов Жерардо Бонелли, кивнувший Марчи, был одет, как и все остальные, в гражданскую одежду.

Когда Марчи начал говорить, стали падать первые капли дождя. Подняв воротник своего пиджака, он решительно продолжил свое выступление:

— Товарищи по вере, всегда готовые выступить на защиту короля и страны, великий час восстания народа наступил…

Дождь усилился, капли его падали прямо ему на голову с веток магнолии, под которой он стоял. Марчи продолжал стараться изо всех сил, но слушающие аплодировали вяло.

Площадь была похожей на гигантское колесо, от которого радиально отходило семь улиц, подобно его спицам. Но вот поверх голов толпы он увидел, как на каждой из них показалось по автобусу, которые, въехав на площадь, остановились, перекрыв все подходы к ней. Водители их, выключив двигатели, вышли из кабин. Для генуэзских фашистов час «икс» пробил уже шесть минут назад.

Прикрытые автобусом от глаз посторонних, восемь человек спокойно прошли сквозь вращающиеся двери небольшого кинотеатра «Сивори», примыкавшего сзади к зданию префектуры. Их возглавлял двадцатидвухлетний студент юридического факультета Джузеппе Гонелла. Миновав зрительный зал, они направились к боковой двери, которая вела в префектуру. За ней

Гонелла услышал голоса морской стражи, охранявшей префектуру. Тем не менее он стал открывать отверткой дверной замок, прислушиваясь к ожидаемому сигналу.

И вот с площади послышались громкие крики. Триста человек, собравшихся там, оказались фашистами. Повернувшись спинами к оратору, они устремились на штурм тяжелых деревянных дверей префектуры. Гонелла услышал, как вдали раздался треск ломаемых дверей, вскрыл дверь, у которой остановилась его группа, и бросился вперед, обходя охрану префектуры с тыла.

Когда охранник попытался остановить его, выставив винтовку со штыком, Гонелла ухватил его по-медвежьи. Почти моментально на мраморной лестнице образовался клубок из восьми борющихся пар. В этот момент через входные двери во главе своего отряда ворвался Бонелли с пистолетом в руке.

Не теряя ни минуты, Бонелли помчался по лестнице к кабинету префекта. Направив на него пистолет, приказал:

— Звоните в Рим — в министерство внутренних дел. Префект позвонил, и Бонелли взял трубку.

— Все ли в порядке? — услышал он голос помощника министра.

Для Бонелли это был звездный час, когда он, широко ухмыляясь, произнес:

— Лучше быть не может. Говорит начальник местных вооруженных сил фашистов — мы только что заняли префектуру Генуи.

— Арнальдо, — обратился Бенито Муссолини к своему брату, — возьми себя в руки. Нам надо быть готовыми к выпуску специального номера газеты.

Арнальдо, казалось, его не слышал. В этот полдень, когда Бенито показал ему только что полученную телеграмму от генерала Читтадини, он тяжело опустился в кресло и снял свое пенсне. Затем снова надел его и вышел из комнаты, шатаясь как пьяный.

Телеграмма содержала как раз то, чего так ожидал Муссолини: «Его величество король просит вас прибыть по возможности быстрее в Рим, так как желает поручить вам формирование правительства».

Как он и предполагал, редакторская статья в газете сделала свое дело. К тому же захват префектуры в Генуе показал, что даже в городах, не очень-то поддерживавших фашистов, чернорубашечники были в состоянии силой взять власть в свои руки.

Сейчас же, в восемь часов вечера, он инструктировал

Арнальдо по вопросу выпуска газеты на понедельник, готовясь к собственному «маршу на Рим». В 8.30 вечера он выехал экспрессом ДД-17, шедшим из Милана в Рим, в вагоне первого класса.

Мальчишки-продавцы газет в эту дождливую ночь сновали по улицам города. Когда Муссолини с пятью сподвижниками из своей свиты прибыл на Центральный вокзал, он остановился, чтобы прислушаться и осмотреться. В их криках ему слышалось приближение своего триумфа: «Кабинет Факты распущен. Муссолини вызван к королю».

Около вагона его ожидали машинист локомотива и кочегар в черных рубашках с военными медалями на груди, чтобы выразить свое почтение.

Идя к поезду глубоко засунув руки в карманы своего серого дождевика и нахлобучив на глаза шляпу, он представлял себе, как все изменится после его прихода к власти: люди будут вырывать газеты из рук друг друга, тысячные толпы запрудят все улицы, для встречи будет выстроен почетный караул, апартаменты завалены цветами.

Вместо прощальных слов провожавшим он распорядился: еще до рассвета сжечь редакцию социалистической газеты «Аванти», где когда-то работал сам. Он опасался, что она может призвать к генеральном забастовке и тем самым смазать его триумф.

Когда поезд тронулся в путь, Муссолини долго стоял у коридорного окна, посылая воздушные поцелуи.

Триумф нарастал и ночью. Муссолини сообщил журналисту туринской «Ла Стампа», что в составе его будущего кабинета министров предусмотрены пятнадцать нефашистских представителей из общего числа тридцати. В Пьяченце, Пизе и Карарре продолжался бум. Войска возвращались в казармы, а в Чивитавеккью король даже выслал две автомашины на тот случай, если связь оказалась бы нарушенной.

Когда поезд подходил к Риму, в 10.50 утра Муссолини увидел в небе три серебристые черточки, кружившие подобно соколам: это фашистские летчики из Центоселли проделывали фигуры высшего пилотажа в его честь.

Из вагона он вышел со слегка осунувшимся лицом, так как всю ночь не спал. Одежда его представляла собой своеобразную визитную карточку: черная рубашка, утренний пиджак, черные брюки, на голове котелок, на ногах белые гетры, припудренные тальком, прикрывавшие поношенные ботинки.

В 11.45 он вошел в комнату приемов на первом этаже дворца.

В течение дня мимо его порталов пройдут шестьдесят тысяч фашистов, отмечая свою победу. Подойдя к королю, Муссолини,

никогда не отказывавшийся от театральных поз, произнес с пафосом:

— Прошу извинения за свой вид, ваше величество, я прибыл прямо с поля боя.

Глава 2
«День, когда будет трепетать вся Италия…»

Июль 1883 года — октябрь 1922 года

Тридцать девять бурных лет отделяли день появления на свет сына кузнеца в Предаппио, что в Романии, от дня его появления в комнате приемов дворца Квиринале. Бенито Муссолини родился 29 июля 1883 года на железной кровати, изготовленной его отцом. С первых же часов своего бытия он относился к окружавшему его миру как к врагу. Целых три года, несмотря на все старания родителей, он не говорил. Только специалист уха, горла и носа из ближайшего населенного пункта Форли немного успокоил их, заверив:

— Это пройдет. Я уверен, когда подойдет время, он будет даже говорить слишком много.

Хотя семья Муссолини была дружной, в ней процветала схизма, что отражалось в их художественных пристрастиях. Над двухспальной кроватью его мать, двадцатипятилетняя Роза, деревенская школьная учительница, повесила символ католицизма — изображение Девы Марии. Почти рядом с ней, как бы для баланса, ее муж Алессандро повесил портрет своего почитаемого героя — освободителя Сицилии, республиканца генерала Джузеппе Гарибальди.

Грузный, темноволосый и неглупый Алессандро, согласившийся на церковное бракосочетание, тем не менее говорил друзьям, что остается атеистом. Главный смысл жизни он видел в международном социализме. За свои левые убеждения и деятельность он находился под постоянным надзором полиции, отсидев шесть месяцев в тюрьме, так что даже на поездку в Форли — менее двадцати километров — ему потребовалось специальное разрешение. И все же своего первенца он назвал Бенито в честь мексиканского революционера Бенито Хуареса, совершившего казнь императора Максимилиана.

Кузница, в которой он иногда работал в большом кожаном переднике, пока отец обсуждал политические вопросы со своими закадычными друзьями, оказывала на Бенито поляризующее воздействие. Спрятанный в подвале в железном ящике красный запрещенный флаг из сатиновой материи, флаг партии, извлекался один раз в году на Первое мая и переходил из рук в руки.

Хотя его мать хотела, чтобы он стал священником, Бенито усматривал в борьбе отца с властями, которую он вел всю свою

жизнь, более важную деятельность. Своей сестре Эдвиге, бывшей моложе его на пять лет, он однажды сказал:

— Имея столь большое число молящихся, мы все равно попадем в рай, если даже никогда в своей жизни не встанем на колени.

Отец учил его другим ценностям. Когда однажды во время жатвы соседний мальчишка, бывший старше его, украл у Бенито деревянную игрушечную тележечку с орехами да еще и поколотил за протест, Бенито со слезами побежал к отцу с жалобой, но тот ответил ему:

— Мужчина обязан уметь защищаться, а не искать сострадания. Не приходи ко мне, пока не побьешь его.

Кипя от злости, Бенито немного обтесал камень, сжал его в кулаке и набросился на обидчика, избив того до крови и заставив попросить прощения.

Поступок его был понятен для местных жителей. Бесплодные, полупустынные земли, поднимающиеся на склоны Апеннин, способствовали тому, что люди там становились независимыми, агрессивными, коренастыми и широкоплечими, привыкшими к нужде. Одна пара обуви для отца и сына была обычным явлением. Также естественным был обычай брать в долг хлеб, масло и соль у соседей, положение у которых было немного получше. На каменистой земле не росли даже деревья — то единственное, что могло идти на топку крестьянам. Поэтому там широкое хождение имела поговорка: «Если хочешь согреться, прыгай!»

Семья Муссолини была бедной, как и большинство соседей. Несмотря на то что Роза получала, как учительница, постоянную зарплату, доход семьи редко превышал 100 лир в месяц. К тому же кузнец нередко ссужал своих товарищей-социалистов небольшими суммами денег. В трехкомнатной квартире Бенито со своим младшим братом Арнальдо располагались на соломенном тюфяке в комнате, служившей кухней. На обед они ели обычно хлеб, выпеченный не на дрожжах, и овощной суп, разливаемый отцом из большой терракотовой супницы. На ужин готовился салат. Только по воскресеньям семья, состоявшая из шести человек, включая мать Розы — Марианну, разрешала себе угощение в виде супа с бараниной (кусок мяса на всех был весом не более полукилограмма).

Алессандро пророчил сыну большое будущее, Роза была значительно скромнее. Достигнув восьмилетнего возраста, Бенито превратился в бродячего воришку, скитавшегося по окрестностям и чаще встречавшегося с уличными собаками, чем с людьми. Он мог часами сидеть верхом на старой деревенской лошади, направляя ее в довольно быструю речушку Рабби, возвращаясь

домой лишь с наступлением сумерек.

Когда мать, заботясь о его душе, брала Бенито с собой в церковь Сан Кассиано, построенную еще в девятом веке, он начинал озорничать и щипать своих соседей-ребятишек, за что его выставляли из церкви. Тогда, набрав желудей и маленьких камешков, он забирался на ближайшее дерево, откуда бросался ими в хористок и даже священнослужителей.

Однажды, наевшись украденной вишни, он упал посреди дороги будто бы в агонии. Изо рта его текла красная слюна, похожая на кровь. Когда вокруг него собралась толпа, обсуждавшая, что с ним могло случиться, он вскочил, обрызгал нескольких человек вишневым соком и убежал. В другой раз, увидев, как старик Филиппино что-то копал лопатой и даже вспотел, Бенито отобрал ее у него и молча, не говоря ни слова, продолжал копать долгое время. Старик же сидел, посасывая свою трубку.

Когда он во главе группы ребятишек отправился воровать айву, дело едва не окончилось трагедией, поскольку разозлившийся фермер выстрелил по ним из охотничьего ружья. От испуга один из мальчишек упал с дерева и повредил ногу. Бенито и не подумал бежать, подобно другим. Глядя на фермера с полным пренебрежением, он поднял парнишку, положил его, как мешок, на плечи и отнес в безопасное место.

Его энергия, неистовство и предприимчивость стали легендарными. Один из деревенских стариков, Маттео Помпиноли, вызвался засечь быстроту его бега вокруг блока домов. Когда он с секундомером в руке определил две минуты, Бенито возразил:

— Две минуты? Так долго я не мог бежать.

Уже в восьмилетнем возрасте он бегал как паровоз, стараясь быть во всем лучшим. Хотя Бенито и был старше своего брата на два года, только благодаря влиянию Арнальдо он не совершил никаких серьезных проступков.

Муж Розы придерживался антиклерикализма, но последнее слово всегда оставалось за ней. И делала она это мягко, но твердо и упрямо. Когда Бенито уже в девятилетнем возрасте пришел домой поздно и с синяками под обоими глазами, она решила отправить его в церковную школу-интернат в Фаэнцу, находящуюся на расстоянии около сорока километров от дома. Довольно скоро он возвратился назад с пальцами правой руки обмотанными бинтами, так как налетел на каменную стену, прыгнув на своего противника-мальчишку.

Через несколько дней отец повез его в школу на повозке, запряженной ослами, по пыльной дороге, шедшей между

желтеющими осенними полями. За время шестичасовой поездки он наставлял сына:

— Слушай внимательно то, чему там тебя будут учить, в особенности географию и историю, но не давай им забивать тебе голову всякой ерундой о Боге и святых.

Девятилетний сорванец ответил ему конфиденциально:

— Не беспокойся, отец, я знаю, что никакого Бога нет. Годы учебы в этой школе Бенито вспоминал потом

как самые безотрадные в своей жизни. Уже тогда его возмущала существовавшая система разделения учеников на три категории в зависимости от благосостояния родителей. Сам он относился конечно же к представителям третьей категории, место которых было на задних партах.

— Меня не удовлетворяло не столько то, что в хлебе учеников третьей категории часто попадались муравьи и мухи, сколько само разделение нас по рангам, — сказал Бенито по прошествии нескольких лет.

С этого момента и до конца своей жизни Бенито Муссолини оставался человеком, стремившимся освободиться от горечи детских лет.

В то же время он испытывал постоянную ностальгию по детству: по оливково-зеленому чижу, щебетавшему в клетке у кухонного окна; по виноградным гроздьям, свисавшим с лозы на небольшом приусадебном участке; по повозкам, скрипящим по стерне во время уборки урожая; по звону колокольчиков на шеях коров.

Будучи в состоянии аффекта от постоянных унижений, испытываемых им в положении ученика третьей категории, он как-то бросил чернильницу в преподавателя. И только слезы матери остановили директора интерната от исключения Бенито из школы.

Чтобы утихомирить мятежный дух мальчишки, священники назначили ему наказание — стояние на коленях на кукурузных зернах, рассыпанных на полу, по четыре часа в день в течение двенадцати суток. Если он попросит прощение, директор обещал сократить срок наказания. Но хотя его колени кровоточили на десятый день, Бенито молча выдержал все до конца, так и не попросив снисхождения.

Мятежный дух Муссолини сломлен не был. За очередную провинность он должен был спать в загоне вместе со сторожевой собакой, а та вырвала клок его брюк. Следующим его наказанием явилось стояние в одиночку лицом к стене в дальнем углу игровой площадки. Летом 1894 года за удар перочинным ножом одного из соучеников в ягодицу он был выгнан из школы.

Уже в одиннадцать лет Бенито имел мужской характер, и у него выработалась черта быть во что бы то ни стало первым. Однажды во время летних каникул мать услышала поток ругательств из соседней комнаты. Заглянув туда озабоченно, она увидела сына, стоявшего лицом к стене и произносившего речь. На ее вопрос, не сошел ли он с ума, он успокоил ее, сказав, что тренируется произносить речи, готовясь к тому дню, «когда вся Италия будет трепетать от его слов».

Взяв как-то по подсказке отца истрепанный томик «Отверженных», он усмотрел в борьбе Жана Вальжана с Парижем параллель со своим противостоянием в одиночку священникам, мелочным и ограниченным бюрократам и капиталистам. Старые люди в окрестностях Предаппио долго вспоминали, как Бенито зачитывал отрывки из книги где-нибудь в хлеву при дрожащем свете фонаря крестьянам с всклокоченными бородами в коричневых плисовых куртках и широкополых шляпах, а звонкий мальчишеский голос то звенел, то затихал, восхищая свою первую аудиторию.

В форлимпопольском колледже второй ступени, находившемся в пятнадцати километрах от его деревни, Бенито держался смело и дерзко. Во время принятия пищи ученикам часто выдавали твердый как камень хлеб. Все покорно молчали, Муссолини же сказал в лицо ректору:

— С нами обращаются хуже, чем в приюте для нищих.

Когда тот сбежал, мальчишки повскакали со своих мест и устроили гвалт, бросаясь кусками хлеба в голову эконома. Бенито успокоил их, прыгнув на стол.

— Прекратите, — скомандовал он, повелительно вскинув руки. — Бросаться хлебом значит оскорблять пищу бедняков!

Когда о случившемся доложили мэру, который попробовал кусок того самого хлеба, Муссолини был оправдан.

С этого момента он постоянно находился в центре внимания. На подростковых сельских танцах ему однажды наскучил медленный вальс, навевавший сон, он призвал к тишине и, выскочив на танцевальную площадку, соло изобразил романьольский стиль вальса с ножом в зубах. Временами он уходил от собравшихся на какое-нибудь скучное мероприятие ребят и уединялся на церковной колокольне, где читал Бакунина, Золя, Горького — истории о людях, попадавших в неблагоприятные условия.

Один из прежних его соучеников, Рино Алессио, часто повторял:

— Он и тогда был лидером среди мальчишек.

Когда он, немного повзрослев, попал однажды в дешевый

публичный дом «Форли», то отплевывался потом, заявив:

— Чувствовал я себя там как в грязи — подобно подвыпившему мужику.

Однако появившаяся у него тяга к женщинам, которая с тех пор его не покидала, засела в нем как вирус. И он поделился с Алессио своими впечатлениями:

— Теперь я мысленно раздеваю каждую девушку, которая попадается мне на глаза.

У него началась длинная серия ничтожных амурных дел — под деревьями, на лестничных клетках, на скамьях у реки Рабби.

Вместе с тем он стал вести себя так, будто бы различные правила и постановления предназначены только для других. Однажды, получив задание написать сочинение на тему «Время — деньги», он ушел из класса, оставив на столе преподавателя записку: «Время — деньги, поэтому я пошел готовиться к завтрашнему экзамену по геометрии. Думаю, что это логично?»

Хотя его выходка повлекла за собой запрещение посещать колледж в течение десяти дней, она подняла его авторитет среди мальчишек.

Для Алессандро Муссолини 8 июля 1901 года было праздничным днем, который он пометил на настенном деревянном календаре, что было обычным делом для местных крестьян, отмечавших праздники и дни отдыха: наконец-то Бенито возвратился домой со школьным аттестатом в кармане.

Сам он считал, что теперь настало время для больших дел. Мать же, приложившая все усилия к тому, чтобы он мог стать так называемым «белым воротничком», предложила ему подать заявление на вакантную должность коммунального писца. Без всякого интереса Бенито согласился. В ожидании решения вопроса он стал отмерять километры от дому до публичной библиотеки, где часами сидел за книгами, а под вечер возвращался назад с большим черным зонтом в руках.

Учитывая репутацию отца, имевшего постоянные стычки со священниками, муниципалитет отказал Бенито в приеме на работу.

Алессандро, нанесший визит мэру и руководству муниципалитета, подогревшись предварительно местным вином, заявил им:

— Вы еще пожалеете, что отказали в работе моему сыну. И запомните: даже Христос не мог найти работу в своей деревне.

Сыну же отец сказал:

— Тебе не место в нашей деревне, мальчик. Иди в большой мир и завоюй там подобающе тебе положение.

Бенито с удовольствием последовал бы совету отца, но смог

пока выехать лишь в городишко Суалтиери, находившийся в двухстах километрах от их деревни в провинции Реггия Эмилия, где была вакансия школьного учителя с окладом двенадцать шиллингов в неделю. Мэр и директор школы согласились на предоставление ему этой должности. Однако уже скоро они стали смотреть искоса на поведение молодого учителя, проводившего все свое свободное время в прокуренной траттории в политических спорах.

Лишь немногие горожане желали видеть у себя в качестве гостя человека, умывающегося на рассвете почти полуголым в реке По и затем идущего босиком вдоль железной дороги, вскинув ботинки на палке через плечо, как это делают бродяги, несущие свои пожитки. А ведь так в целях экономии поступали крестьяне в его округе. Иногда после ночной пьянки он укладывался спать прямо на полу в местной сапожной мастерской, предпочитая не идти в жилище, снимаемое им у синьоры Паниццы.

Летом 1902 года произошло то, что предсказывали его коллеги-учителя: он не был переутвержден в должности. И он снова вспомнил слова отца: «Иди в большой мир и завоюй там подобающее тебе положение».

Сообщив родителям о своем решении, он купил за сорок пять лир билет на поезд и уехал в Швейцарию.

Утром 9 июля 1902 года Муссолини отправился на железнодорожную станцию вместе со своим близким другом Цезарем Граделлой. За ними шла служанка синьоры Паниццы, неся картонку с новой парой обуви, недавно приобретенной Бенито. Когда подошел пармский поезд, он обнял обоих и сел в вагон. Не успел, однако, поезд набрать скорость, как он импульсивно бросил им свою покупку и крикнул, стараясь перекричать лязг колес:

— Пусть это будет мой сувенир для вас. Успех Муссолини не зависит от пары ботинок.

К исходу первых же десяти дней Бенито даже пожалел о своем импульсивном поступке, так как единственные его ботинки почти совсем развалились. Он испытывал голод, съев сразу же прихваченные яблоки и печеную картошку. В кармане у него было всего 2 франка и 35 сантимов. Работу он смог найти в местечке Орбе и то только в качестве каменщика по 32 сантима за час при одиннадцатичасовом рабочем дне. При этом ему приходилось 121 раз за день поднимать на второй этаж строящегося здания тачку, доверху наполненную кирпичом.

В субботу 19 июля он вынужден был прекратить эту работу, поскольку руки у него были в мозолях и кровоточили.

Работодатель буквально швырнул ему 20 франков, крикнув, что деньги эти все равно что у него украдены.

Купив крепкие горные ботинки, Муссолини направился в Лозанну. Из металла в его кармане был только никелевый медальон с изображением Карла Маркса. Впервые ему пришлось голодать, и с тех пор на всю его жизнь у него сохранилась ненависть к богатым. Несколько раз он прямо-таки хватал, подобно животному, куски хлеба с крестьянского стола. Спал же он под мостом. Попытался было пристроиться в церковную благотворительную столовую для бродяг и нищих, но и там перед девятнадцатилетним парнем дверь была закрыта.

С горечью впоследствии Муссолини вспоминал: «Голод — хороший учитель, не хуже тюрьмы и врагов».

И в тюрьме он там отсидел, а по выходе из нее случайно встретил в лозаннском кафе «Торлаши» группу итальянских социалистов, каменщиков, имевших непостоянную работу. Они включили нового товарища в состав своей группы, а через четыре месяца избрали секретарем Итальянского профсоюза каменщиков. С присущей ему рисовкой он стал подписывать свои письма — «Бенито Муссолини, каменщик».

Во время демонстраций и забастовочных митингов он впервые ощутил свою власть над массами и способность играть их чувствами и настроениями, подобно опытному арфисту. Кто-то из рабочих сказал ему однажды:

- Ты наносишь удары кулаками в воздух, будто бы пытаешься разрушить невидимую стену между собой и аудиторией.

Настоящий социалист, а он был уверен, что стал им благодаря отцу, должен был быть, как считал он тогда, анархистом, атеистом, человеком, выступающим против короля, милитаризма и правительства.

Его инстинкт на жесты, электризующие толпу, был безошибочным. Выступая однажды на публичных дебатах с лозаннским священником о реальности Бога, Муссолини, достав из кармана дешевые никелированные часы, заявил:

— Сейчас времени 3 часа 30 минут. Если Бог существует, я даю ему пять минут, чтобы поразить меня.

Поскольку земля под ним не разверзлась и не ударила молния, собравшиеся ответили аплодисментами на его богохульство. Одобрительный рев толпы стал для него такой же потребностью, как и горячие объятия русских и польских девушек — эмигранток, с которыми он проводил жаркие ночи. Издающаяся на итальянском языке газета «Трибуна» назвала его одним из крупнейших «дуче» (лидеров) итальянских социалистов.

Дружившая с ним Анжелика Балабанова, тридцатитрехлетняя

полная русская блондинка, зарабатывавшая на жизнь в качестве переводчицы, была неплохим социалистическим агитатором. В комнате, которую она снимала, они проводили долгие вечера за самоваром, беседуя и куря одну сигарету за другой. Но вскоре она заметила такую черту его характера, как постоянное беспокойство и волнение. К тому же она поняла, что ненависть к угнетению происходила у него не от любви к людям, а от собственного восприятия жизни — чувства униженного достоинства и крушения надежд, страсти отстаивать собственное «я».

Хотя Муссолини и пользовался авторитетом у безграмотных каменщиков, даже ближайшее окружение его не признавало. Он ходил в сильно поношенных ботинках, и ему явно не хватало знаний. Швейцарская полиция ему не доверяла и даже слегка побаивалась — он дважды арестовывался и высылался из страны, но опять возвращался. Однако найти какую-либо другую работу, кроме как в качестве обслуживающего персонала, он не мог. Свой хлеб насущный зарабатывал даже гадая на картах. Приходилось ему работать и в качестве посыльного в мясной лавке, и у виноторговца. Он был и ассистентом скульптора, и протирщиком стекол, и заводским рабочим. По ночам изучал французский и немецкий языки, держа для обогрева свои ноги в ящике с опилками.

Для Анжелики его постоянные разговоры о силе и физической отваге являлись своеобразной компенсацией его собственной слабости — отсутствия личного признания и престижа. Месяцами она говорила сама себе, что не права в его оценке, но день, когда Муссолини отправился обедать вместе с ее подругой Марией Риджер, школьной учительницей, подтвердил ее самые худшие подозрения.

— В течение долгих лет он был болен, испытывая чувство собственной неполноценности, — сказала она Марии, пытаясь оправдать поведение Бенито.

Поэтому та, ставя перед ним макароны, заметила с некоторым сарказмом:

— Вероятно, вы бы предпочли курицу или трюфеля, но мы же — пролетариат.

— А почему бы и нет? — взорвался Муссолини. — Перед тем как я пришел сюда, я прочитал ресторанное меню в гостинице. Знали бы вы, что только едят и пьют эти свиньи.

— Но если вам представится возможность жить как эти люди, вы скоро забудете о народе, — горячо возразила Мария.

Бенито гневно посмотрел на нее искоса своими черными глазами, воскликнув:

— Отсюда я уеду поездом в вагоне третьего класса и буду питаться скудной и дешевой пищей. Святая Мадонна, как же я ненавижу богатых! Почему я должен терпеть эту несправедливость? Как еще долго нам остается ждать?

Если бы Муссолини знал ответ на этот вопрос, его амбиции заметно поубавились бы. Пройдет целых десять лет с тех пор, как он в ноябре 1904 года навсегда покинет Швейцарию, прежде чем его имя появится на устах итальянцев.

Когда он был солдатом 10-го пехотного Берзаглиерского полка, известного медленным, неторопливым шагом и зеленым плюмажем из перьев, свисавшим с круглых головных уборов, слава его как чемпиона по прыжкам в высоту не выходила за казарменную территорию в Вероне. Будучи постоянно нуждающимся второстепенным учителем (получавшим 2 фунта стерлингов в месяц) в Толмеццо — городке в горах северо-восточной части фриульского округа, он был отмечен как мастер удерживать своих учеников от беспорядков путем подхалимажа. Не в силах контролировать сорок пострелов своего класса, он начинал занятия с раздачи сладостей из бумажного кулька.

За его карьерой внимательно следили лишь чиновники полицейского департамента. При этом заведенное на него досье еще до возвращения из Швейцарии в 1904 году пухло с каждым годом. В нем, в частности, отмечалась его деятельность в качестве распространителя социалистических печатных изданий типа «Ла Лима», а о характере было сказано как о «импульсивном и вспыльчивом». В полиции его считали человеком, способным к нападкам как на католиков, так и на христиан, относящимся к национальному флагу как к «тряпке, которую следует вывешивать на навозной куче», и обзывавшим отечество «чудовищем, угодным Христу, тиранническим, жестоким и карательным».

Когда в феврале 1909 года Муссолини выехал в небольшой городок Тренто в Австрии в качестве редактора газеты «Л'Авенир», туда последовало предписание: «За ним требуется наблюдение». И тамошняя полиция следовала ему неукоснительно. Будучи выслан из страны «за подстрекательские действия против властей» в конце сентября того же года, он успел отсидеть там шесть раз в тюрьме. Документы у него изымались одиннадцать раз.

Возвратившись назад, Бенито стал на некоторое время компаньоном своего отца, сделавшегося хозяином винной лавочки в Виа Маззини. Когда четыре года назад умерла Роза от менингита в возрасте сорока шести лет, Алессандро продал свое хозяйство, женился по неписаному закону на Анне Гуиди и открыл эту лавочку. В баре ему помогала дочь Анны, хорошенькая

девятнадцатилетняя блондинка Рашель.

Скромная деревенская девушка, привыкшая к сельскому труду, она знала Бенито, когда ей было еще всего семь лет, боясь и восхищаясь им.

Флиртуя с Рашель, он сказал, что женится на ней по возвращении из Тренто. Она только рассмеялась, ибо знала, что социалисты, совершающие церковное бракосочетание и крестящие своих детей, обычно исключаются из партии.

В октябре 1909 года Бенито приехал в дом ее сестры Пины, где находилась Рашель (неподалеку от Сан-Мартино), и сказал той:

— Я хочу, чтобы Рашель стала матерью моих детей, но поторопи ее. У меня мало времени.

Рашель настолько быстро собрала свои вещички в узелок, что не успела даже причесать волосы. Она знала его деспотический характер по тому случаю, когда она на сельских танцах пошла танцевать с другими парнями, а он по дороге домой в повозке, не говоря ни слова, ущипнул ей до синяков руку.

Спустившись по лестнице, она присоединилась к нему и шла без зонта под дождем около трех километров до Форли, сказав лишь:

— Мы — как два бедных чертенка. Даже собаки лают на нас.

В гражданском браке сына Алессандро усмотрел нарушение закона жизни, к тому же, зная собственную судьбу, здраво предупредил его:

- Оставь лучше девушку в покое — подумай, сколько всего пришлось пережить твоей матери из-за меня. Твоя политическая деятельность принесет только страдания тебе и женщине, которая разделит твою судьбу.

Достав револьвер, Бенито ответил:

— В нем шесть патронов, один для Рашель и пять — для меня.

Обескураженные Алессандро и Анна вынуждены были дать свое согласие. Получив в качестве приданого сборную мебель и кое-что из неновой посуды, молодые сняли небольшую квартиру в Форли напротив здания суда.

Двадцатишестилетний Бенито развернул на этой базе весьма амбициозную деятельность — он принялся за реорганизацию федерации социалистов в Форли и приступил к выпуску четырехстраничной еженедельной газеты «Ла Лотта ди классе» («Классовая борьба»), тираж которой не превышал 350 экземпляров. Рабочее место Муссолини — заведующего, редактора, репортера и корректора — находилось за столом, отделенным от жилой комнаты его квартирки пыльным

занавесом.

Получая 5 фунтов стерлингов в месяц, половина из которых шла на уплату аренды помещения, Муссолини приходилось нелегко. Да и кроме своей издательской деятельности ему надо было заниматься партийными делами, поскольку он стал одним из основных ораторов и агитаторов во всей округе. В поисках голосов будущих избирателей ему случалось иногда проходить в день свыше пятидесяти километров, наведываясь в хлевы, сараи и амбары фермеров. В этих походах его, как правило, сопровождал девятнадцатилетний поклонник и последователь Пьетро Ненни.

Бедность преследовала Муссолини на каждом шагу, и он, чтобы немного подработать, становился даже продавцом газет, сидя в киоске Дамерини, когда тот уходил на обед, за что получал кусочек ветчины. 1 сентября 1910 года, когда родилась его дочь Эдда, у него было всего пятнадцать лир в кармане, на которые он купил дешевенькую деревянную люльку, которую принес домой на собственных плечах. Отдельные совещания с коллегами ему приходилось проводить в своем жилище, сидя на кровати. Рашель часто стирала его единственные брюки, дабы он выглядел более или менее прилично, просушивая их в соседней пекарне.

Кроме политики, его почти ничто не интересовало. Когда директор местного театра предлагал ему бесплатные места для прессы, он часто отказывался. Исходя из собственных амбиций, он сидел только на балконе вместе с простым народом, считая себя его частицей. Главную его гордость составляла скрипка, приобретенная им с рук и висевшая на гвозде над кроватью. Бенито упросил профессора Архимеда Монтанелли давать ему уроки музыки, и, хотя тот заявлял, что ученик уже стар, чтобы овладеть искусством скрипача, он старательно исполнял все предписанное, зачастую режа слух какофонией звуков, пытаясь овладеть игровой техникой.

Будучи трезвенником и предпочитая в качестве напитков молоко и кофе, он иногда заказывал спиртное, что служило для его товарищей свидетельством наличия у него каких-то неприятностей или забот. Однажды, сильно перебрав спиртного, он заявился домой в 5 часов утра и проспал девять часов. Когда же проснулся, оказалось, что он перебил в доме почти всю посуду — вазу, супницу и тарелки.

— Если ты хоть еще раз придешь домой в таком виде, я убью тебя, — пригрозила ему Рашель.

Второго такого предупреждения Муссолини не потребовалось. Подобно герою какой-то мелодрамы, он поклялся головою дочери, что спиртное более в рот не возьмет, и сдержал

свое слово.

Особенности его характера проявлялись иногда довольно драматично. Однажды, когда цена на молоко подскочила, он отправился в городскую администрацию и заявил мэру:

— Либо цена на молоко будет установлена на прежнем уровне, либо я посоветую местным жителям повесить вас вместе с городскими «шишками» на балконе.

Цена на молоко была тут же снижена.

Темп жизни все увеличивался, и у Муссолини не оставалось времени ни на что другое, кроме действий. Книги он не читал, а лишь просматривал, посоветовав еще в Тренто своему коллеге-социалисту:

— Девяти страниц в книге вполне достаточно, чтобы понять ее содержание, — первые три, последние три и три в середине.

Считая, что революции и социальные изменения могут быть осуществлены только насильно, он читал лишь писателей, говоривших о насилии, — Джорджа Сореля и Фридриха Ницше. Довольно часто он приводил в замешательство «умеренных» в партии своими призывами к экстремизму.

— Надо жить с риском, — заявил он на конференции социалистической партии в 1910 году.

Все последующие тридцать пять лет его жизни были связаны со смертью и насилием.

Империалистическая война Италии против Турции в 1911 году, когда основные боевые действия развернулись в Триполи, предоставила Муссолини шанс, которого он ждал.

— Прежде чем покорять Триполи, итальянцы должны завоевать Италию, — писал он в «Ла Лотта». — Надо подвести воду в высохшую Пуглию, установить справедливость на юге страны и дать повсеместное образование. Все — на улицы, начнем генеральную забастовку!

Последовавшие события приняли кровавый характер. Когда забастовщики, ведомые Муссолини и Ненни, стали разбирать железнодорожные пути, чтобы воспрепятствовать подвозу войск, против них была использована кавалерия. Введением военного положения правительство подавило забастовку. Муссолини был арестован и предстал перед судом, обвиненный в «подстрекательстве к правонарушениям». Однако он превратил зал судебного заседания в театр, а скамью подсудимых в сцену.

- Если вы меня оправдаете, — заявил он судьям, — то доставите мне удовольствие. Если же осудите, то окажете мне честь.

И такая «честь» ему была оказана. Приговор гласил: один год тюремного заключения. Срок был потом сокращен до пяти

месяцев, которые он провел в камере номер 39 форлийской тюрьмы.

Хотя мало кто слышал его имя за пределами сорокакилометрового радиуса от Форли, Муссолини мечтал о лучшей судьбе. В своем дневнике в тот период времени он записал: «У меня неуемный и горячий темперамент. Что из меня получится?»

Что из него получилось, не смог предугадать никто, даже Алессандро, умерший в возрасте пятидесяти семи лет за несколько месяцев до его прихода к власти. Через девять месяцев после выхода из тюрьмы он, которого стали звать дуче итальянских социалистов, был избран в состав Национального исполнительного комитета социалистической партии и перешел на работу в миланскую газету «Аванти» с окладом 500 лир в месяц.

1 декабря 1912 года, оставив Рашель и Эдду в Форли, он перебрался в Милан в качестве заместителя главного редактора газеты. Вскоре его смелые статьи увеличили ее тираж с 28 до 100 тысяч экземпляров. В возрасте еще до тридцати лет он становится известным в стране человеком — не без помощи нападок журналистов, своих конкурентов. Их статьи он хранил в отдельном ящике стола, называя журналистов «оплаченным кем-то рабочим инструментом», «подобострастными пресмыкающимися», «параноиками», «литературными поденщиками» и даже «уголовно помешанными».

В Милане его навестила Анжелика Балабанова.

— Ну вот видишь, — сказал он ей, — как русские относятся к Маринетти?

Анжелика покачала головой, услышав, что лидер авангардистско-футуристического направления Филиппо Маринетти находился с визитом в Москве. Муссолини, буквально сияя, пояснил:

- Как только он появляется на сцене и начинает читать свои лекции, в аудитории начинаются крики, свист, и в него летят помидоры. Как я ему завидую. Мне хотелось бы быть на его месте…

24 ноября 1914 года эта мечта Муссолини исполнилась. Когда он шел вдоль длинного прохода миланского театра «Пополо», то ему пришлось инстинктивно нагнуть голову от неистово размахивавших кулаков. Сквозь гвалт голосов до него донеслись возгласы: «Кто за это платит?»

Не успел он тогда подняться на сцену, как к его ногам полетели мелкие монеты, а какая-то женщина громко крикнула:

— Иуда, вот твои кровавые деньги!

И тут же ее голос был перекрыт возгласами трех тысяч делегатов-социалистов:

— Кончай! Предатель! Убийца! Затем снова послышалось:

— Кто за это платит?

Бледный, не бривший три дня и с сухостью во рту Муссолини посмотрел на председательствующего Джиацинто Менотти Серрати, ища его поддержки.

— Товарищи! — обратился к залу Серрати. — Дайте ему сказать!

Но его слова потонули в гвалте и шуме.

В тот холодный вечер миланские социалисты не были настроены на разумные дебаты. И хотя один из поддерживавших его социалистов попробовал призвать собравшихся к благоразумию, не успел Муссолини открыть рот, как началось скандирование:

— Громче, громче! Говори яснее!

Вообще-то неистовство было и понятно. 29 июля, за пять дней до начала Первой мировой войны, Муссолини вместе с другими членами исполкома подписал антивоенный манифест Итальянской социалистической партии, в котором клеймилась любая попытка втянуть Италию в милитаристский, капиталистический конфликт. Даже если правительство объявит войну, социалисты были намерены бойкотировать это решение. Невероятно, но 18 октября, находясь один в редакции «Аванти», Муссолини вдруг напечатал статью, призывавшую партию к поддержке вступления Италии в войну.

За этим последовало то, что и должно было случиться. За девять дней до упомянутого митинга в театре «Пополо», когда партийные лидеры решали вопрос о судьбе Муссолини, на улицах города появилась неизвестная до тех пор газета «Иль Пополо д'Италиа». Редакционная статья в ней была прямо направлена против Муссолини, подчеркивая два положения: «У кого есть сталь, у того есть и хлеб» и «Революция — идея, основанная на штыках». Газета была распродана в течение часа.

Муссолини должен был объяснить своим товарищам, почему он столь быстро изменил свою позицию, но его старания были тщетными. К ногам его продолжали дождем сыпаться мелкие монеты. В зале нарастали гвалт, шум, крики и свист.

— Если вы считаете меня недостойным… — слабо прозвучал его голос.

В ответ раздалось многоголосое: «Да». Однако обвиняемый стремился стать судьей, бросив предупреждающе:

— Я буду беспощаден к тем, кто не желает открыто высказать свое мнение в этот трагический час.

Внезапно схватив со стола стакан, он поднял его вверх и сжал с такой силой, что тот лопнул и рассыпался. По щеке Бенито потекла кровь. С неистовством он крикнул:

— Вы ненавидите меня, потому что еще любите! Затем, бледный и дрожа от ярости, он направился в боковой выход. Те, кто находился неподалеку, услышали, как он с зубовным скрежетом произнес:

— Вы еще меня узнаете.

Через шестьдесят дней после начала войны он порвал все связи с социалистами, придя к выводу, что Италия должна принять участие в войне.

С точки зрения профессии это означало для него самоубийство. Положение усугубило и то обстоятельство, что Рашель вместе с дочерью и матерью приехала в Милан. Так что ему пришлось искать квартиру для всей семьи. Но за аренду помещения платить теперь было нечем, не было денег и на пищу и одежду. Придя после митинга в театре домой, он рассказал Рашель об истинном положении дел.

Решение его имело своеобразную логику. Ведь нейтралитет Италии означал бы пассивное наблюдение за развитием событий, что никак не увязывалось с его темпераментом. К тому же для амбициозных политиков война предоставляла обширное поле деятельности. Издатель газеты «Иль Ресто дель Карлино» Филиппо Нальди из Болоньи представлял интересы крупных землевладельцев. И он предложил Муссолини организовать выпуск газеты по вопросам посредничества, согласившись дать ему взаймы первоначальный капитал. Будучи всю свою жизнь безразличным к деньгам, Бенито усмотрел в этом шанс на получение определенной власти и завоевание престижа.

Арендовав несколько мансардных комнат в доме номер 35 по улице Паоло да Каннобио, он начал свой бизнес, имея из мебели только стол, стул и полдюжины оранжевого цвета ящиков. Над дверью красовалась надпись со свойственным ему юмором: «Если вы войдете, то окажете мне честь, если же нет, то сделаете мне любезность».

Через пять дней после исключения его из организации миланских социалистов исполком на своем заседании в Болонье ратифицировал их решение, и Муссолини был исключен из партии.

Вся эта история стоила ему нескольких бессонных ночей.

В марте 1915 года, подняв тираж «Иль Пополо» до ста тысяч экземпляров, он получил новую поддержку. Озабоченные тем, чтобы Италия вступила в войну на стороне союзников, французские правительственные эмиссары выплатили ему

субсидию в размере пятнадцати тысяч франков через Чарльза Дюма, секретаря департамента военной пропаганды. Затем последовали регулярные выплаты по десять тысяч франков. Через других французских агентов, одним из которых был Жульен Люшар, сотрудник Миланского французского института, Бенито получил пожертвования в сумме тридцати тысяч лир.

Из человека, которого еще два года назад поддерживали всего несколько сот его сторонников, он превратился в лидера миллионов. По всей Италии создавались группы, требовавшие вмешательства в международные дела и рассматривавшие Муссолини в качестве своего рупора. На улицах городов стали появляться манифестации — студенты, клерки, чернорабочие, призывы которых поддерживались звонкими голосами мальчишек — продавцов газет, разносивших «Иль Пополо д'Италиа» по домам.

— Всякий раз, когда в газете появляется новая статья Муссолини, начинается оживление, — сказал как-то один из владельцев газетных киосков Рашель, державшейся инкогнито.

Девятнадцатилетний студент юридического факультета университета Болоньи Дино Гранди, постоянный читатель «Иль Пополо», написал Муссолини восторженное письмо: «Примите самое глубокое восхищение от рядового молодого человека вашей мужественной работой, заслуживающей полного доверия».

Отвечая не только ему, но и миллионам других, Муссолини написал: «Дорогой друг, мы должны бороться и держать удары, если таковые последуют».

Это не было пустыми словами. Как потом вспоминала Рашель, в те беспокойные месяцы он часто возвращался домой с нахлобученной на лоб шляпой и в порванном пиджаке. 12 апреля, возглавляя провоенную демонстрацию в Риме, он был задержан на восемь часов. Месяцем позже он высказал мысль, чтобы народ «подтолкнул в спину несколько десятков депутатов». Когда 24 мая 1915 года премьер Антонио Саландра объявил войну Австрии, ссылаясь на хорошие результаты переговоров в Лондоне, многие люди посчитали Муссолини чуть ли не провидцем.

В конце сентября Муссолини в серо-зеленой форме Берзаглиерского полка оказался в окопах под Карнией. Это его не особенно расстроило, так как суматоха, происходившая в мире, отразилась и на его личной жизни. Его любовное отношение к женщинам, смешанное с ненавистью, достигло апогея. Он соблазнил Леду Рафанелли, экзотическую писательницу, курившую египетские сигареты и пившую кофе по-турецки, будучи в амурных отношениях с Маргеритой Заффарти, художественным критиком своей газеты.

16 декабря 1915 года он оформил свои отношения с Рашель гражданским браком, а за месяц до этого у него появился сын от Иды Дальсер, темноволосой, живой и очаровательной телефонистки из «Аванти». Муссолини, подписывавший свои письма «Любящий вас дикарь», согласился официально признать своего сына, названного также Бенито, но жениться отказался. Истеричная и эксцентричная Ида стала устраивать ему сцены, так что ему требовался какой-то выход из создавшегося положения.

Полк, в котором служил Муссолини, находился на одном из труднейших участков фронта, и ему за семнадцать месяцев нахождения в нем пришлось выкопать не один десяток траншей, которые обеспечивали защиту не только от пуль и снарядных осколков австрийцев, но и от снега и льда. Однако в трудных условиях позиционной войны, поскольку линия фронта проходила всего на тысячу метров ниже покрытых снегом вершин Альп, Муссолини показал себя отличным солдатом, дабы не уронить свой престиж в глазах окружающих и побудить их забыть о своем политическом прошлом.

И хотя солдаты и даже офицеры наведывались к нему в окоп, чтобы пожать руку издателю «Иль Пополо», привилегиями он почти не пользовался. Он переносил те же трудности, что и Остальные: ночные температуры, падавшие ниже нуля градусов по Цельсию, когда подметки ботинок примерзали к почве; мучительные дни, когда ветер, дувший в их сторону, приносил зловоние разлагавшихся трупов, когда из-за недостатка воды люди не мылись месяцами; голодные недели, когда австрийцам удавалось огнем артиллерии уничтожать походные кухни, и солдаты оставались без еды, когда доведенные до отчаяния люди съедали соломенные чехлы своих фляжек; бесконечные проливные дожди, шедшие месяцами.

Муссолини воспринимал все это безропотно, даже чувствуя определенную радость, что не надо было самому принимать решения. И каждую неделю посылал свои заметки в «Иль Пополо», набрасывая их при скудном свете примитивных светильников, заправленных сардинным маслом. Приезжая домой в краткосрочные отпуска, в кровать он не ложился, устраиваясь на полу.

Свои дневниковые записи он вел постоянно. Однажды, когда полк был отведен с передовой линии в тыл для противохолерных прививок, он пристроился для этой цели в пустой казарме на какой-то кровати.

Хотя многие и ценили его за издательскую деятельность, мало кто видел в нем инициатора и движущую силу различных начинаний и идей. В порыве откровенности он как-то сказал

своему приятелю, капралу Цезарю Равегнани:

— В один прекрасный день я стану хозяином мира, тогда ты можешь навестить меня, чтобы в этом убедиться.

Равегнани, обычно выполнявший для Муссолини кое-какие работы, на этот раз не поверил и возразил:

— Что за чепуху ты несешь, старина.

Война для Бенито Муссолини окончилась в час дня 23 февраля 1917 года, через двадцать три дня после присвоения ему звания младшего унтер-офицера. В начале года полк был переведен в район Карсо, севернее Адриатики, в котором преобладали известняковые горные породы и где во время обстрела по всей округе разлетались каменные осколки. На высоте 144, которую полк удерживал, австрийская артиллерия «прихватила», как говорили солдаты, гораздо больше итальянцев, чем на других участках фронта.

Двадцать человек, в числе которых был и Муссолини, были в тот день в самой настоящей преисподней, ведя огонь из гаубицы, ствол которой буквально раскалился докрасна. Но и противник не молчал, положив последние два снаряда прямо в цель. Четыре солдата были убиты на месте, Муссолини же отброшен взрывной волной на пять метров. Лейтенант Франческо Каччезе, первым подбежавший к нему, потом сказал:

— Глаза его уставились в одну точку, а зубы были крепко сжаты, чтобы не показать боль.

Муссолини был отправлен в глубокий тыловой госпиталь с высокой температурой. Врачи насчитали в его теле сорок четыре шрапнельных осколка, главным образом в левой ноге, груди и паху. В течение месяца Муссолини был прооперирован двадцать семь раз без анестезии, за исключением двух наиболее сложных. Чтобы избежать гангрены, раны обрабатывались тампонами, пропитанными спиртом.

— Мне хотелось выть от боли, как волку, — признался он впоследствии.

Вплоть до июня он ничего не мог написать для своей газеты, поскольку не ориентировался ни во времени, ни в обстановке. Однажды, обезумев от звона в ушах, он заорал:

— Выключите этот чертов телефон!

А дело было в том, что услышал-то он звонок в руках псаломщика, когда священник совершал последний ритуал для умершего на соседней постели солдата.

В августе, опираясь на костыли, он возвратился в Милан. С тех пор он мог носить только обувь на кнопках, чтобы избежать нагноения в левой ноге.

Страна была разделена надвое. Одну часть Италии

составляли те шесть миллионов человек, которых он оставил на фронте, настроенных патриотично и выражавших свое отношение к происходившему сентиментальными словами: «Умереть с возгласом «Да здравствует Италия, да здравствует король» значит отправиться прямо в рай».

На внутреннем фронте картина была гораздо бледнее: не многие из гражданских лиц ожидали, что война вступит в третий год, война, которую социалисты, международные гуманитарии, продолжали бойкотировать. Испытывая ненависть и нападки многих армейских генералов, считавших их «внутренними врагами», они отвечали по-своему. За возложение венков на могилы солдат или участие в церемониях военных захоронений члены партии исключались из ее рядов. В палате депутатов социалист Клаудио Тревес, предшественник Муссолини на должности редактора «Аванти», выдвинул лозунг: «Нет следующей зиме в окопах».

Поскольку тысячи рабочих были освобождены от военной службы, они усматривали в словах Тревеса глубокий смысл.

В конце октября 1917 года Муссолини почувствовал себя совсем плохо и был вынужден принимать морфий. Рашель молча плакала, занимаясь по хозяйству. Под Капоретто, в центре долины Изонцо, 2-я итальянская армия не выдержала удара австро-немецких войск и отошла более ста километров в глубь страны под ледяным проливным дождем почти без единого выстрела. Эта трагедия обошлась Италии в двести пятьдесят тысяч пленных, миллион винтовок и потерю зимнего обмундирования стоимостью шесть миллиардов лир.

Анархист по характеру, Муссолини стал барабанщиком короля и страстным патриотом страны, начав кампанию под лозунгом «Стоять до конца!» и призывая правительство принять жесткие меры к пораженцам, ввести военное положение в Северной Италии и закрыть все социалистические газеты. Своим фронтовым товарищам он писал ностальгические письма, подписывая их «Ваш старый берзаглиерец, почти распластанный пополам». Впоследствии более четырехсот из них заявляли, будто бы выносили его на руках с поля боя.

Годом позже, 30 октября 1918 года, когда итальянские армии под командованием генерала Армандо Диаца прорвали австрийскую оборонительную линию неподалеку от городка Витторио-Венето, в восьмидесяти пяти километрах от Венеции, миллионы людей считали, что человеком, внесшим наибольший вклад в поддержание боевой морали за последний год, был Бенито Муссолини.

По секретному соглашению в Лондоне Италии была обещана

значительная компенсация за более чем шестьсот тысяч убитых и почти полтора миллиона раненых, снижение военного долга на двенадцать миллиардов лир, передача ей естественных портов на югославском Адриатическом побережье и австрийских территорий с населением, говорящим на итальянском языке, — Тренто и Триеста, а также ряда укреплений в Турции. Но на Версальской мирной конференции двадцать седьмой президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон отказался признать это секретное соглашение, которое Америка не подписывала.

Вильсон провел ряд встреч с Джорджем Клемансо и Дэвидом Ллойд Джорджем, на которые итальянский представитель Виктор-Эммануил Орландо не приглашался. А на них как раз рассматривалась претензия Италии на Тренто и Триест. Незадолго до этого Вильсон был объявлен почетным гражданином Рима и получил в подарок золотую модель памятника с изображением волчицы, кормящей Ромула и Рема. Теперь же его портреты стали сжигаться на площадях Италии.

В стране наступил период горького разочарования войной и теми, кто в ней участвовал. На мансарде в редакции «Иль Пополо» Муссолини молча выслушивал телефонные звонки, в которые сообщалось о новых вылазках против «козлов отпущения» — фронтовых солдат. В Болонье прохожие безучастно наблюдали, как хулиганы переломали костыли инвалида войны. В Милане, когда ветеран войны в трамвае пожаловался, что ему отдавили ногу, е него сорвали боевые награды и вытолкали вон из трамвая. А два офицера 71-го пехотного полка в Венеции были избиты неподалеку от своей казармы, затем их запихали в будку часового и вместе с нею затопили в водах канала.

Прошло еще несколько месяцев, и стало совершенно очевидно, что солдатам рассчитывать на места в правительстве не приходилось. Когда в Милане на Центральном железнодорожном вокзале офицер Альпийского полка был обезоружен и избит, да так, что ему сломали руку, военное командование отдало распоряжение, действовавшее во всей стране, что впредь офицеры, находящиеся в отпуске, должны были выходить на улицу только в гражданской одежде, чтобы «избежать раздражения населения».

Вскоре среди 160 000 уволенных из армии офицеров, недовольных создавшимся положением дел, появилась жажда мщения. Число членов партии социалистов, бывших в оппозиции к войне, к этому времени достигло 1 200 000 человек, и премьер-либерал Франческо Нитти, старавшийся их умиротворить, объявил амнистию 150 000 дезертиров.

Но не только офицеры вызывали гнев социалистов, а и

священники, да и сама монархия. В Деноре, неподалеку от Феррари, социалисты, воодушевленные успехами русской революции, вторглись в храм, чтобы украсить алтарь красным флагом. После того как на выборах они получили контроль за двумя тысячами муниципалитетов, красный флаг сменил трехцветный в большинстве населенных пунктов, а портреты короля в мэриях были повернуты лицом к стене, как в одной из мелодрам.

Для богатых и представителей среднего класса наступили тяжелые времена. Люди, разозленные и разочарованные бесполезной войной, продолжавшейся сорок один месяц-, рассматривали чуть ли не все подряд под углом классовой политики. В Сиене люди, появлявшиеся на улицах в модных галстуках или державшие в руках книги, встречались, как говорится, в штыки, как и во Флоренции — те, кто носил жесткие шляпы: их могли побить палками или забросать пустыми винными бутылками. Над владельцами автомашин и женщинами, появлявшимися в меховых манто, чернь устраивала чуть ли не линчевание. В Пегли, морском пригороде Генуи, где социалисты имели власть, женщинам во время гуляний запрещалось танцевать, носить драгоценности и шелковые чулки, а в гостиницах свет выключался в 11 часов вечера.

В дождливое воскресное утро 23 марта 1919 года Муссолини сделал свой первый шаг контрнаступательного плана. В небольшом павильоне на базарной площади Сан-Сеполькро в Милане кучка собравшихся встретила аплодисментами организатора новой фашистской партии, названной так по прообразу фашин — пучка веток вяза с топором, связанных вместе красным шнуром, служивших в античном Риме символом власти консулов, решавших вопросы жизни и смерти. Многие из столпившихся вокруг своего лидера были людьми вкусившими власть и понявшими ее сладость — «ардиты» в черных рубашках и свитерах (элитарное подразделение времен Первой мировой войны), в задачу которых входил штурм австрийских укрепленных позиций с кинжалами в зубах и по гранате в каждой руке, живших на широкую ногу и получавших спецпайки, как бы ни тяжело было положение с продовольствием в армии. Держа руки на рукояти кинжалов, они давали клятву: «Мы будем преданно защищать Италию и готовы убивать или быть убитыми».

— Мы победим или умрем, даже если придется копать окопы на площадях и улицах, — сказал Муссолини, обратившись к ним.

Число членов новой партии было более чем скромным. Хотя газета «Иль Пополо» и писала, что на митинге присутствовало сто двадцать человек, манифест был подписан только пятьюдесятью

четырьмя. Репортеры просто-напросто приписали к ним еще семь десятков продавцов молока из Ломбардии.

Организация местных отделений партии пошла на удивление быстро. Так, уже в конце месяца они появились вслед за Падуей и Неаполем в Турине, Генуе и Вероне, а к середине апреля — в Павии, Триесте, Парме, Болонье и Перудже. А за два с половиной года 2200 отдельных партийных групп и организаций величали Муссолини своим дуче.

И в этом не было ничего неожиданного, так как к 1920 году Италия оказалась разделенной на части и находилась на грани гражданской войны. Нацию охватила забастовочная лихорадка. Только за один год Муссолини опубликовал в «Иль Пополо» две тысячи призывов к забастовкам и выходу на улицы. Тюремные охранники предъявили премьеру Нитти ультиматум: если в течение пяти дней их оклады не будут повышены, они откроют двери своих заведений и выпустят на улицу всех заключенных и преступников. Почтовые работники стали заливать серную кислоту в почтовые ящики, ночное отключение электричества коснулось даже больниц.

Если священники или офицеры входили в трамваи, вагоновожатые тут же останавливали их и отказывались ехать дальше. Расписание движения поездов не выдерживалось. Поезд из Турина, например, прибыл на конечную станцию на четыреста часов позже намеченного. Чтобы попасть на конференцию в Сан-Ремо, премьеру Нитти пришлось ехать в закрытом автомобиле до Анцио, а там пересесть на эскадренный миноносец.

В сентябре 600 000 рабочих металлургических заводов осуществили акцию в советском духе, заняв все заводы от Милана до Неаполя. На шестистах заводских трубах остановленных заводов в течение месяца развевались красные флаги.

Когда владелец «Фиата» Джиованни Агнелли возвратился в свой кабинет в Турине, ему пришлось пройти под аркой, украшенной красными флагами, а на стене над письменным столом вместо портрета короля висел портрет Ленина.

Некий миланский промышленник, чтобы умиротворить рабочих, стал носить эмблему серпа и молота на булавке своего галстука. Хаос царил не только в промышленности, сельские районы также превратились в поле боя.

Двести коммунистических союзов Феррары потребовали от фермеров использовать на сельскохозяйственных работах промышленных рабочих и обеспечивать их продуктами. Те, кто на это не соглашался, подвергались бойкоту, начиная от лавочников и кончая парикмахерами, в том числе и по линии оказания медицинской помощи.

Тысячи людей стали с надеждой ожидать, что найдется сила, которая наведет в стране порядок. Издатель «Иль Пополо» в эти дни вел себя подобно генералу какой-нибудь банановой республики. Он сидел за столом, заваленным гранатами, охотничьими ножами и патронами. На стене за его спиной висел черный флаг «ардитов» с черепом и костями, а у двери стоял пулемет.

Муссолини попытался воспользоваться ситуацией и в ноябре 1919 года выставил свою кандидатуру на выборах в палату депутатов, не пойдя даже на блок с националистами. Результат, однако, оказался плачевным. В Милане фашисты получили всего 4795 голосов против 170 000 голосов, отданных за социалистов.

Социалисты осадили редакцию «Иль Пополо», обнесенную колючей проволокой и охраняемую двадцатью пятью вооруженными «ардитами».

— Если они осмелятся ворваться к нам, — предупредил Муссолини, — я уложу с полдюжины храбрецов и устрою им кровавое отрезвление.

Когда через несколько дней к нему пришли шесть флорентийцев и сообщили, что получили по двадцать лир на каждого для совершения террористического акта по отношению к нему, он пробурчал:

— Я думал, что стою дороже.

И тут же выдал каждому по двести лир из собственного кошелька. Он по-прежнему, как шестнадцатилетний школьник, старался при всяком удобном случае утереть, как говорится, нос своим противникам.

В этот период времени «Иль Пополо» часто сталкивалась с цензурными рогатками, на что Муссолини реагировал четырехстраничными выпусками газеты на чистых листах бумаги, на которых были напечатаны лишь ее название и своеобразная эпиграмма: «Наложен запрет по приказу этой свиньи Нитти».

Те, кто был близок к нему, так, как Рашель, видели, что он был подобен сжатой стальной пружине. Он продолжал борьбу, несмотря на все трудности, видя свою задачу в обвинении других. Однажды, придя в ярость от медлительности телефонистки на коммутаторе, он сорвал телефон со стены и выбросил его в окно.

Арнальдо, ставшему заведующим хозяйственной частью газеты, доставалось не менее других. Когда он, например, принес в кабинет Бенито удобное мягкое кресло, брат накричал на него:

— Убери это, и немедленно, ты меня слышишь? Кресла и комнатные туфли являются предметами, вызывающими у меня отвращение.

Но и Арнальдо, в свою очередь, неоднократно говорил

Рашель:

— Не обращай на это никакого внимания — наша мать всегда считала, что Бенито — настоящий образец грубости и неучтивости.

Как и в детстве, Муссолини пытался снять напряжение неистовыми поступками, совершая ежедневные велосипедные поездки не менее тридцати пяти километров для проведения летучих митингов и участия в диспутах. (Когда он ездил на автомобиле, то никогда не переключал скорость, а первый его самостоятельный полет на самолете закончился падением с высоты сорока метров, в результате чего ему пришлось провести на больничной койке двадцать дней с высокой температурой. Впоследствии он, правда, налетал более семнадцати тысяч часов.)

Единственное, чего он себе не позволял в течение всей жизни, — признания в поражении.

Любимым его занятием было фехтование. Иногда он проводил до шести поединков в день с апломбом д'Артаньяна, хотя и обращался с рапирой как с дубинкой, ведя бой, гримасничая и мыча, под мостами и на берегах речушек.

Чтобы не вызывать беспокойства в семье, в которой прибавились шестилетний Витторио и двухлетний Бруно, он по возвращении домой говорил Рашели кодовую фразу:

— Сегодня у меня были спагетти.

Ни одному противнику не удалось обезоружить Муссолини, он же не прекращал бой до тех пор, пока тот не признавал его победу.

В послевоенные годы он увлекся игрой на второй скрипке.

В это же время Муссолини познакомился с поэтом-новеллистом д'Аннунцио, который в сентябре 1919 года в свои пятьдесят семь лет с тысячей волонтеров захватил югославский порт Фиуме с большой итальянской колонией — вопреки решению Вудро Вильсона и отсутствию мандата собственного правительства.

Лысоголовый, носящий монокль, держащийся как супермен и выступающий за свободную любовь д'Аннунцио был эксгибиционистом, другом художников, да и сам принимал участие в росписи церковных стен. Но он был и большим патриотом и довольно известным авиатором периода Первой мировой войны. Собрав под свои знамена девять тысяч «ардитов», он в течение четырнадцати месяцев удерживал порт.

Когда на Рождество 1920 года итальянский военно-морской флот выкурил его из Фиуме, он со своими корсарами примкнул к Муссолини. Ловко умевший использовать других для собственных целей, тот был доволен этим усилением фашистского движения,

взяв на вооружение черные рубашки «ардитов», серо-зеленые бриджи и краги, а также черные береты с черной кисточкой. Перенял он и выброс правой руки вверх в знак приветствия, как это было когда-то принято у римских легионеров, и боевой клич «К нам!», а также возгласы «Эйя, эйя, алала», бытовавшие у троянцев.

Молодые, наглые и дерзкие парни, входившие в состав так называемых фашистских отрядов действия, вели себя вызывающе, да и их девиз был: «Будь все проклято». Их гимном была песня фронтовых штурмовых отрядов «Молодость», а расхожим оружием — касторовое масло, которым они поили своих жертв — по поллитра за один прием, и почти полуметровой длины дубинки, называемые ими «манганелло».

Вскоре тысячи жаждавших перемен и действий людей были готовы посоревноваться с ними. На правых рукавах они носили ярко-красные нашивки, пили «на посошок» вишневый бренди и отвечали «здесь» на перекличках, когда назывались их павшие товарищи.

Армия эта была весьма пестрой. Одни шли в нее под давлением обстоятельств, как например, двадцатилетний Дино Гранди, проведший в свое время три месяца в монастыре и ушедший от преследовавших его коммунистов лишь благодаря умелому владению мотоциклом.

Другие — в основном бывшие офицеры — пополнили ряды фашистов из-за жизненных затруднений и неприятностей.

Были тут и озлобленные интеллектуалы: веронец Альберто де Стефани, профессор политической экономии, возглавивший движение протеста своих студентов; Альфредо Мизури, зоолог и международный авторитет в вопросах хвостовых особей; римлянин Джузеппе Боттаи, поэт-авангардист, называвший короля «савойским товарищем» и плевавший вслед проехавшей королевской автомашине.

Велика была и хулиганско-бандитская прослойка. Так, Сандро Карози из Пизы, заходя в кондитерскую, требовал свои любимые кремовые пирожные, которые нанизывал на острие кинжала. Девятнадцатилетний Этторе Мути развлекался, звоня в дверь домов, а возвратившись из похода с д'Аннунцио в дом матери, отметил это событие серией выстрелов из пистолета. Итало Капании (по прозвищу «большая скотина»), продававший одно время порнографические открытки в Буэнос-Айресе и бывший затем избранным в депутаты, проходил по рядам социалистов в палате, демонстрируя с намеком старинные морские атрибуты, сорванные с якорей. А во Флоренции, называемой «фашистополисом», некий Туллио Тамбурини

устраивал постоянные побоища коммунистов, вследствие чего местная газета «Ла Национе» направляла своих репортеров в центральную больницу города для уточнения числа его жертв.

Кремонец Роберто Фариначчи (по прозвищу «раздающий удары и пощечины») наводил такой террор в своем городе, в котором когда-то жил и трудился великий Страдивари, что о нем с содроганием вспоминали еще по прошествии двадцати лет. Двадцатидевятилетний Роберто, бывший одно время старшим телеграфистом на железнодорожной станции, добился, как он сам хвастался, «отставки» шестидесяти четырех мэров-социалистов, держа у их виска револьвер для ускорения дела. Когда на одного из его близких друзей было заведено судебное дело, он позвонил министру юстиции в Рим и пригрозил сжечь его дом, если тот не отменит судебное разбирательство.

Методы фашистов по свержению власти социалистов были грубыми и примитивными, но зачастую эффективными. Когда в Оке, неподалеку от Ровиго, начался падеж крупного рогатого скота из-за забастовки сельскохозяйственных рабочих, местные фашисты в количестве семнадцати человек устроили на конях отлов разбежавшихся животных по образцу американского Дикого Запада и возвратили их хозяевам. Чернорубашечники на грузовиках рыскали по дорогам сельскохозяйственных районов страны, грабя местное население, сжигая дома и ведя беспорядочную стрельбу, вытеснив оттуда к июню 1921 года социалистов.

Чтобы остаться в живых, все рабочие низкой квалификации в долине реки По вступили в ряды фашистской партии. Многие землевладельцы делали это по принуждению. Когда один богатый тосканец решил построить сооружение для размещения там коллекции из 2500 певчих птиц, фашисты захватили у него почти шесть тысяч акров земли и принудили пустить их под пашню, используя в качестве рабочей силы членов фашистской партии.

Ночь за ночью домовладельцы, лежа за закрытыми ставнями окон, слышали звуки револьверных выстрелов, грохот ног маршевых колонн по пустынным площадям и безумные крики людей, попавших под кровавые расправы. Флорентиец Тамбурини потребовал от всех мелочных торговцев и лавочников снизить цены на продаваемый товар на двадцать процентов. Яйца, фрукты и овощи тех, кто не шел на это, разбрасывались и топтались ногами прямо на рынках. Вскоре на многих лавочках появилась надпись: «Закрыто вследствие грабежей даже в дневное время».

В Адрии, южнее Венеции, фашисты искоренили алкоголизм, принудив каждого виноторговца выставить в витрине поллитровую банку касторового масла в качестве

предупреждения, что ждет того, кто будет замечен пьяным. В Алессандрии, городе рецидивистов, фашистский шеф послал отпечатанный циркуляр тремстам громилам, карманным ворам и сутенерам с приглашением на совместную встречу в погребке. В качестве альтернативы для них было только попасть в больницу, поэтому большинство согласились начать честную трудовую жизнь.

Представители среднего класса — рабочие высшей квалификации, мелкие лавочники, студенты — и конечно же власти стали видеть в фашистах Муссолини своеобразных крестоносцев, патриотов-идеалистов, которые были в состоянии спасти Италию от большевизма.

Главнокомандующий армией генерал Армандо Диац, вдохновленный «патриотической направленностью» газеты «Иль Пололо», отдал распоряжение о ее бесплатном распространении в частях.

Полиция же вообще стала сторонницей фашистов, и, когда в Триесте те захватили и разгромили редакцию и типографию социалистической газеты «Иль Лаворато-ре», издателем которой был Игнацио Силоне, полицейский наряд прибыл туда — для ареста социалистов.

Муссолини стал получать и более реальную поддержку. Джиакомо Теплиц, президент Миланского коммерческого банка, за которым стояла шелковая и текстильная промышленность, был готов внести на счет партии сумму не меньше той, что внесли банкиры Кредитного банка, представлявшие крупнейшие автозаводы, — триста тысяч лир. Миланские масоны и генеральный секретарь конфедерации промышленности Джино Оливетти были также настроены благожелательно. Ко времени провозглашения марша на Рим фонд Муссолини имел на своем счету двадцать четыре миллиона лир, из которых почти ничего не было израсходовано на вооружение и питание фашистских отрядов. Страшась неудачи, Муссолини фонд этот фактически не трогал, исходя из возможности ведения длительной борьбы.

На этом этапе жизни у Муссолини были и более мирные планы. Через год после переезда редакции газеты в более комфортабельные помещения на улице Виа Лованио, в мае 1921 года прошли выборы в палату депутатов, где фашистские кандидаты получили тридцать четыре места. Сам Муссолини насчитывал сто семьдесят восемь голосов, поданных за него избирателями.

Чтобы нанести поражение ненавистному левому крылу, бывший пять раз премьером правительства лидер либералов циничный семидесятидевятилетний Джиованни Джиолитти

пошел на создание блока с фашистами, которых называл «пожарниками», надеясь, что их отряды действия разгромят социалистов. Не затрагивая либералов. Таким образом, нога дуче была уже поставлена на первую ступеньку власти. После ноября 1920 года, видя языки разгоравшегося большевистского пламени, он решил даже помириться с социалистами.

— Говоря о том, что в Италии продолжает сохраняться большевистская опасность, мы осознаем ее реальность, — предупреждал он в июле 1921 года. — И хотя большевизм в основном повержен… фашизм вскоре станет не только освободителем, но и тиранией.

Такое его высказывание имело под собой основу. Избалованные безнаказанностью, даже те, кто были вначале идеалистами, деградировали в хулиганов, забияк и убийц. В Феррари Муссолини с возмущением отказался пройти по ковру из красных флагов, захваченных Итало Бальбо и брошенных ему под ноги. Целый ряд фашистских лидеров стали выше закона. Так, Ренато Риччи (по прозвищу «небольшое землетрясение») из Карарры для освобождения восьмерых фашистов из тюремного заключения стал терроризировать население, бросив на осуществление этой акции шесть тысяч чернорубашечников, пока магистрат не пошел на уступку. В феврале 1921 года люди Тамбурини хладнокровно застрелили во Флоренции председателя профсоюза железнодорожников прямо в его кабинете, после чего сунули ему в рот сигарету.

В августе 1921 года Муссолини подписал в палате депутатов пакт об умиротворении со своими врагами — социалистами. Но уже через несколько часов получил известия, бросившие его в дрожь и холод. Фашистские лидеры на севере страны — Бальбо в Феррари, Фари-наччи в Кремоне и Тамбурини во Флоренции — отказались придерживаться пакта. Придя в ярость, Муссолини вышел из состава исполкома партии, заявив, что будет впредь рядовым ее членом.

Однако это его решение было кратковременным. Вскоре он понял, что оно было гласом вопиющего в пустыне: движение бывших солдат превратилось уже в союз сил, стремившихся разгромить демократию и превратить страну в фашистское государство. Куда бы ни шла партия, он должен был оставаться ее лидером. Поэтому в ноябре 1921 года он пошел на непростой мир с воинственно настроенными элементами в партии.

Вслед за этим последовала целая серия бескровных акций — своеобразная репетиция предстоявшего спектакля. Три года тому назад установление контроля над коммунальными сооружениями и предприятиями — светом, телефоном и водой — помогло

Ленину и Троцкому овладеть Петроградом. Муссолини решил воспользоваться этим опытом. Пробным камнем стала Равенна: в сентябре 1921 года 3000 фашистов во главе с Бальбо овладели городом на Адриатике. 12 мая 1922 года настала очередь Феррары: 63 000 чернорубашечников захватили все командные пункты города, Бальбо же с пистолетом в руке сместил префекта, располагавшегося со своей администрацией в замке шестнадцатого века. Через семнадцать дней 20 000 человек захватили и удерживали в течение пяти дней Болонью, устроив свой бивуак под колоннадами, затем ушли, придя к выводу, что город может быть взят.

В августе 1922 года, когда социалисты объявили всеобщую забастовку, Муссолини предъявил ультиматум правительству Факты: либо правительство прекращает эту забастовку, либо это делает он. Поскольку власти проявили нерешительность, фашисты остановили движение поездов и трамваев, затем от Таранто до Мерано заполыхали более ста штаб-квартир социалистов.

Тон заявлений Муссолини стал тверже. 11 августа он провозгласил:

— Подготовка к маршу на Рим начата. А 19 августа добавил:

— Век демократии прошел.

Д'Аннунцио, услышав об этом, воскликнул в ужасе:

— Рим, Рим, неужели ты сдашься какому-то убийце и палачу?

Премьер-министр Факта предложил ему прибыть в Рим 4 ноября, в день прекращения военных действий, во главе колонны ветеранов — инвалидов войны.

Когда это известие дошло до Муссолини 24 октября во время заседания конгресса партии в Неаполе, он решил, что не даст этому лысому поэту украсть его славу. Дуче поручил генералу де Боно, Бальбо, Бьянчи и де Веччи срочно разработать план марша на Рим. Началась борьба за власть.

Послевоенный хаос, боязнь большевизма, взлет и падение шести правительств за три года — все это помогло Муссолини, который 30 октября 1922 года стоял перед королем во дворце Квиринале как шестидесятый премьер-министр страны.

Уже через двенадцать часов Муссолини провел первое заседание кабинета министров в своих апартаментах на втором этаже гостиницы «Савойя». Промежуточное время он использовал для наведения порядка в городе. В час пополудни начался пятичасовой марш фашистских отрядов по улицам Рима — от площади Пополо к площади Венеции по узкой улице Корсо-Умберто и затем мимо дворца Квиринале, с балкона которого король отдал им салют. Во главе колонны шел здоровенный

чернорубашечник, размахивая пальмовыми ветками — символом победы.

Триумф этот продолжался не долго. Получив донесения о беспричинных беспорядках и нападках на социалистов, Муссолини тут же направил распоряжение главе города Джино Кальца-Бини: «Примите совместно с начальником полиции меры по избежанию кровопролития».

К уходящему в отставку премьеру Факте он послал личную охрану в количестве десяти крепких чернорубашечников, напомнив им:

— На этой войне он потерял сына. Смотрите, чтобы ни один волосок не упал с его головы.

Когда начальник римской Центральной железнодорожной станции доложил о невозможности вывезти из города в течение двадцати четырех часов шестьдесят тысяч устраивавших шум и гам фашистов, Муссолини холодно ответил ему:

— Вычеркните из своего словаря слово «невозможно».

Настало время встречи друзей. Итало Бальбо, прибывшему на следующее же утро, он ничего не сказал, молча обняв. Дино Гранди, приложившему все силы для организации марша, сказал с упреком:

— А ты ведь не верил в мою звезду. Сейчас я не могу включить тебя в состав правительства — это не понравится многим чернорубашечникам.

Джузеппе Мастроматти, своего личного представителя в Перудже, Муссолини встретил спокойно. Когда же тот высказал мнение, что настоящая революция призывает браться за кинжалы, Бенито медленно покачал головой и возразил:

— Нет. За кровь приходится платить кровью — а я не хочу окончить свою жизнь подобно Кола ди Риенци.

Уходя из апартаментов, Мастроматти вспомнил о судьбе римского тирана четырнадцатого века, находившегося у власти всего несколько месяцев, когда взбунтовавшаяся чернь тащила его окровавленного по улицам города к церкви Сан Марчелло, чтобы повесить там за ноги.

Тогда, 30 октября 1922 года, в гостинице «Савойя» казалось, что подобная история в жизни человечества никогда более не повторится.

Глава 3
«Трупы под моими ногами»

Ноябрь 1922 года — декабрь 1924 года

Скрипя тормозами, черная «изотта-франчини» повернула к дворцу Виминале, в котором располагалось министерство внутренних дел. Не успел шофер премьера открыть дверцу машины, как Муссолини выпрыгнул из нее. За ним следовал заместитель министра Джиакомо Асербо. Перескакивая сразу через две ступени каменной лестницы у фасада здания, дуче приблизился к привратнику с серебряной булавой, одетому во фрак и петушиную шляпу. Тот сразу же отдал ему честь.

Войдя в кабинет министра, Муссолини, вместо приветствия, произнес:

— Мне очень жаль, синьор, что вы нездоровы. Бюрократ, которых было довольно много в те ноябрьские дня 1922 года, попался в ловушку.

— Ваше превосходительство, видимо, ошибается, — запротестовал он. — Я чувствую себя превосходно.

— Тогда, — возразил сердито Муссолини, ударяя кулаком в свою раскрытую ладонь, — потрудитесь объяснить, почему вы пришли на работу в одиннадцать часов, тогда как официальное начало рабочего дня — в девять часов утра.

Обратившись к своему спутнику, сказал:

— Асербо, запишите его фамилию — здесь, по-видимому, много сорной травы, которую следует прополоть.

Новая метла добралась до всех уголков Италии. Бенито Муссолини — председатель совета, министр как внутренних, так и иностранных дел — стал действовать по своему плану. В 8 часов утра 31 октября он прошел скорым шагом по длинным коридорам дворца Чиги, где располагалось министерство иностранных дел, оставляя на столах отсутствовавших сотрудников свою визитную карточку как знак скрытого предупреждения. В 9 часов утра он был на связи со всеми тридцатью министрами своего кабинета, введя ежедневную перекличку.

Вскоре дрожавшие от страха бюрократы стали называть 1922 года первым годом фашистской эры, и на официальных документах появилась двойная дата, но ни один из двадцати четырех часов не стал священным.

Однажды, не дозвонившись до одного из министров в два часа дня, Муссолини швырнул трубку, воскликнув:

— Это просто буржуазная привычка уходить на обед.

Расслабляться он не позволял и себе. За первые два месяца своего премьерства он провел сорок два заседания кабинета, каждое из которых продолжалось не менее пяти часов. Приходя в свой кабинет в 8 часов утра, он редко покидал его ранее 9 часов вечера. Обедать он появлялся не ранее трех часов дня. Новые его апартаменты находились в доме номер 156 по улице Виа Раселла, на третьем этаже. Съедал он обычно по три чашки бульона с крошеной ветчиной, который ему готовил Кирилло Тамбара, доверенный слуга, последовавший за их семьей в Рим.

Работал Муссолини как одержимый. Меморандумы и телеграммы шли постоянным потоком. На них он делал пометки «Хорошо. — *М.*» или же перечеркивал синим карандашом.

Он создал большой совет из глав ведущих министерств как совещательный орган по вопросам законодательства, направленного на борьбу с бюрократией и сокращение громоздкого управленческого аппарата, в результате чего было уволено тридцать пять чиновников различного ранга. Добился Муссолини и слияния синерубашечников-националистов с фашистами. Ликвидировав королевскую гвардию, созданную по инициативе премьера Нитти, он включил ее подразделения в состав милиции национальной безопасности, подчинив их себе. Для наведения порядка в дорожных делах запретил автомашинам подавать звуковые сигналы, ввел одностороннее движение транспорта и не разрешил дальнейшее использование допотопных двухколесных экипажей с местом кучера сзади. Несмотря на большую загруженность, он находил время, чтобы присутствовать на церемониях открытия нового завода или фабрики, а также серебряных юбилеях действующих.

— Я хочу, чтобы пятьдесят тысяч итальянских предприятий работали как часы, — заявлял он и принимал меры для осуществления этой идеи.

Энтузиазм Муссолини передался многим министрам. Пытаясь сбалансировать государственный бюджет впервые за долгие годы, министр финансов Альберто де Стефани даже спал в своем кабинете. Эдоардо Торре, начавший проводить реформу на итальянских железных дорогах, несколько раз выезжал на различные станции и, если выяснял, что какой-либо поезд опаздывает, тут же снимал машиниста, заменял его машинистом резерва и на подножке паровоза на полной скорости мчался до станции назначения. В первую же неделю своего пребывания в министерском кресле Торре установил, что железные дороги несут потери от воровства, превышающие цифры 1915 года в три тысячи раз. Для решения проблемы он стал направлять с

грузовыми составами охранников, появлявшихся как джины из бутылок при попытках грабителей вскрыть двери какого-нибудь вагона. В результате число ограблений резко снизилось, да и поезда стали приходить вовремя.

В качестве поддержки начинаний Муссолини рабочие государственной табачной фабрики, неапольского арсенала и римских армейских и морских складов провели сверхурочные работы, не требуя за это никакой платы. Более десяти тысяч писем получал он еженедельно от граждан, которые предлагали свою добровольную помощь. А один из отцов обратился с просьбой переменить королевским декретом имя своего сына с Ленин Эспозито на Бенито Муссолини Эспозито.

Луиджи Пиранделло, знаменитый драматург, будучи спрошенным о его мнении о событиях вскоре после марша на Рим, проворчал:

— Я знаю только то, что люди, приходящие к власти, хотят есть. Те же из них, кто помоложе, будут есть больше.

Когда Муссолини доложили о подобных высказываниях, он воскликнул:

— Я не из тех, кто лишь проходит через Рим. Я намерен оставаться здесь и править страной. Итальянцы должны подчиняться, и они будут подчиняться — даже если я буду вести борьбу не только против врагов, но и против друзей, даже против себя самого.

Выступая в качестве премьера на первом заседании палаты депутатов 16 ноября, он высказался в таком же духе. На скамьях, занимаемых депутатами-социалистами, было неспокойно. Даже места для публики были почти все заполнены чернорубашечниками, постоянно хватавшимися руками за рукояти кинжалов. Первые слова дуче, с которыми он обратился к ассамблее, стоя с руками упертыми в бедра и бледным от эмоций лицом, были проникнуты угрозой:

— Если бы была необходимость, я мог бы устроить в этом сером зале бивуак для моих чернорубашечников и прекратить деятельность парламента.

В зале стояла полная тишина, когда Муссолини, сделав театральную паузу, добавил:

— В моей власти было сделать именно так, но не таковым было мое желание. — Подождав реакцию собравшихся на эти слова (свою речь дома он репетировал целых три часа), дуче промолвил: — Во всяком случае, пока.

Затем он перешел к главному пункту своего выступления:

— Палата должна понять, что я могу распустить ее через два дня или два года. Требую передачи мне всей полноты власти.

И он получил всю полноту власти 275 голосами. Против были социалисты и коммунисты — 90 голосов.

— Я хочу поставить веху начала моей эры… подобно льву, наносящему удар своей лапой, — признался он в те дни Маргерите Заффарти и провел растопыренными пальцами по кожаной спинке стула.

Но не только в Италии Муссолини играл в то время своими мускулами. Когда в конце августа 1923 года генерал Энрико Теллини с четырьмя офицерами, принимавшие участие в качестве представителей итальянской части комиссии в демаркации границы между Грецией и Албанией, были убиты из засады на греческой территории, Муссолини тут же потребовал от Греции найти и наказать убийц и выплатить компенсацию в размере пятисот тысяч фунтов стерлингов, дав срок пять дней. Поскольку греки ограничились только извинениями, Муссолини направил эскадру итальянских кораблей для бомбардировки и захвата острова Корфу.

В первый, но не последний раз Муссолини выступил против созданной всего три года назад Лиги Наций, убежденный, что ни одна страна не должна превышать своих полномочий. И он выиграл схватку, так как Лига передала этот вопрос конференции послов, а та решила, что Греция должна заплатить требуемую сумму, а итальянский флот покинуть Корфу.

Уже в ноябре 1922 года Муссолини показал свое лицо и в международном плане: с дуче и Италией все должны считаться. По пути на Лозаннскую конференцию, которая должна была решить вопрос о послевоенном будущем Турции, Муссолини вызвал к себе в купе поезда Сальваторе Контарини, генерального секретаря по международным делам, и делегата конференции Раффаэля Гуариглия. Без всяких комментариев он передал им тексты телеграмм на имя французского премьера Раймона Пуанкаре и британского министра иностранных дел лорда Керзона.

Вечером оба этих государственных деятеля и Муссолини должны были быть почетными гостями на официальном банкете в гостинице «Бо Риваж» в Лозанне. Предварительно было решено, что Муссолини, прибывающий на 45 минут раньше парижского поезда, будет ожидать обоих на вокзале.

В его телеграммах шла речь об изменении этого плана. Муссолини сообщал, что сойдет с поезда в Территете, в ста километрах от Лозанны, на берегу Женевского озера, где и предлагал встретиться в привокзальной гостинице, отказавшись от банкета.

Ни один из репортеров, освещавших эту конференцию, не

забыл момента, когда прибывшие на личном поезде Пуанкаре, он и Керзон выглядывали в недоумении из окон пульмановского салона, не видя Муссолини. Пуанкаре громко и возмущенно спросил:

— Где же этот ублюдок?

Примерно с полчаса длилась перебранка после того, как им были вручены телеграммы Муссолини. Отказаться от его приглашения значило проложить глубокую борозду между союзниками, а им было необходимо сохранить единый фронт против турецкой делегации. В молчаливой ярости Пуанкаре и Керзон направились в Территет на первую встречу с Муссолини, который ожидал их в фойе «Гранд-отеля» в утреннем костюме с большой черной тростью, подобно ирландцу, широко улыбаясь. Около него стояла целая фаланга молодых фашистов — его телохранителей.

Дипломаты старой школы, Пуанкаре и Керзон, были непривычны к тому, что даже во время их первой встречи и беседы в апартаментах Муссолини у двери стояли эти забияки со снаряженными карабинами в руках. В конце встречи они были вынуждены пообедать вместе с Муссолини в ресторане гостиницы. Когда же после этого оба направились к личному поезду, впереди их вышагивал оркестр бойскаутов в количестве двадцати человек, исполнявший фашистский гимн.

Контарини и Гуариглия после Корфу чувствовали себя на конференции вполне уверенно, да и Муссолини следовал традиционному курсу Италии в вопросах внешней политики — ориентации на Британию.

Приближенные скоро заметили слабое звено Муссолини — боязнь осмеяния.

— Когда я делаю ложный шаг или осознаю, что не владею ситуацией, — признался он как-то одной из своих приятельниц, — то начинаю нервничать, становлюсь злым и не могу даже спать ночью.

Когда Италия в 1924 году получила официальное право на владение Додеканесскими островами, Муссолини намеревался сразу же послать к ним военно-морскую эскадру для формального подтверждения этих прав.

— Но мы и так владеем ими уже десять лет, — запротестовал Гуариглия. — Если вы сделаете так, над нами будет смеяться весь мир.

Муссолини помрачнел, но от своего плана отказался.

Барон-Руссо, прекрасно знавший дипломатический протокол, придерживался такой же тактики.

Муссолини, несмотря на всю свою власть, оставался грубым

романьольцем. В сорок своих лет он не имел подходящего утреннего туалета, фрака и лакированных туфель. Его гардероб как издателя «Иль Пополо» состоял из нескольких готовых костюмов. А модными он считал только свои гетры да котелок, который хранил как талисман.

— В мире остались только трое, кто носит их, — поделился он своей мыслью с Рашель, поклонницей Лауреля и Харди, как и он сам, — это я, Станлио и Оллио.

Когда дуче однажды появился во дворце Чиги в зеленом пледовом костюме, отороченном красной лентой, подобно лошадиной попоне, сшитом им на заказ у портного, Барон-Руссо отреагировал словами:

- Какой прекрасный костюм у вас, ваше превосходительство, для поездки в Шотландию. Не собираетесь ли вы туда?

Муссолини понял намек и в этом костюме более нигде не появлялся.

Во время их короткого визита к британскому премьер-министру Бонару Лоу в декабря 1922 года Барон-Руссо вновь показал свою сообразительность. Когда поезд подходил к конечной станции Виктория, Муссолини вышел из своего купе с той самой черной тростью, с которой встречал Керзона в Швейцарии.

— По случаю вашего первого посещения столицы этой страны разрешите мне взять на память 'эту вещицу, — нашелся дипломат и мягко забрал трость у Муссолини.

В обществе дам с драгоценными украшениями и мужчин с твердыми воротничками — в этом незнакомом ему мире — Муссолини старался выглядеть достойно. За всю свою жизнь он ни разу не побрился самостоятельно, после женитьбы это делала Рашель. Теперь же он внимательно слушал то, что ему говорил Барон-Руссо по вопросам дипломатического этикета: краги вместе с фраком не надевают, на банкетах салфетку за ворот рубашки не затыкают, вино не разбавляется водой, и хлеб не мочится в бокале.

Главным ментором Муссолини стала леди Сибил Грехем, жена британского посла. В качестве почетного гостя на банкетах в посольстве он занимал место рядом с хозяйкой.

— Следите за каждым ее движением, — посоветовал ему Барон-Руссо. — Берите те же ложки, вилки и ножи, что и она.

Уходя со званого вечера, Муссолини поцеловал ее руку и сказал, широко улыбаясь:

— Я не знал ранее, что англичане пьют суп как пиво.

Во многих случаях он оставался тем, кем был на самом деле, — простым крестьянином.

Деньги для него в течение всей жизни были самой настоящей мистерией. Отправляясь в двухнедельное путешествие, он мог взять с собой всего сто лир. Когда «Иль Пополо» потребовался заем в местном банке, чтобы покрыть самые необходимые расходы, банкир потребовал долговую расписку.

— А что это такое? — спросил издатель своего помощника Луиджи Фредди.

Уже вскоре после этого при выезде к озеру Комо какой-то нищий попросил у него милостыню, а поскольку у Муссолини не было с собой денег, он выписал тому долговую расписку.

Он был очень суеверным человеком, опасаясь горбунов, уродов и бородатых мужчин. На его новой двухместной спортивной красного цвета «альфа-ромео» по обе стороны капота были прикреплены пучки клевера. Кирилло Тамбара заказал в Падуе шесть статуэток святого Антония — целителя по одной в каждую новую квартиру дуче, так как тот считал что этот святой — панацея от всех болезней.

Эта его слабость не была лишь семейной тайной. И во дворце Чиги старший хозяйственник Квинто Наварра приказал удалить из календарей несчастливые даты — 13 и 17. До полудня во дворце не мог появиться ни один военный. И никто из чиновников дворца не забыл тот день 1923 года, когда Муссолини услышал о вскрытии гробницы Тутанхамона и болезнях со смертельным исходом всех участников этого вскрытия.

Поклонники Муссолини установили в качестве подарка в помещении под его кабинетом только что привезенную из Египта мумию. Узнав об этом, он тут же схватил телефонную трубку и стал отдавать прерывающимся голосом истеричные распоряжения обслуживающему персоналу немедленно убрать ее, хотя был уже поздний вечер. В течение часа, пока саркофаг не был увезен в музей, дуче даже не входил в свой кабинет.

По отношению к женщинам он вел себя крайне распущенно. Генерал Эмилио де Боно, назначенный начальником службы общественной безопасности, старался не допустить распространения слухов об этом в городе. Рашель с детьми оставалась еще в Милане, а об его связи с Маргеритой Заффарти, снимавшей номер в гостинице «Гранд-отель», знало большинство горожан. Но Заффарти была лишь одной из его любовниц. Шофер Боратто возил дуче по самым различным адресам в Риме, многие женщины приходили сами в его спальню в апартаментах на улице Виа Раселла. Он был настолько нетерпелив, что не снимал даже ни брюк, ни обуви.

— Мужчине следовало бы иметь на спине небольшую машинку, — сказал он как-то Боратто, — чтобы быть в состоянии

удовлетворить всех их.

Его страсть к уединению была поистине патологической. Ни одна из женщин не провела ночь в его апартаментах. Маргерита Заффарти сказала по этому поводу с иронией:

— Он боялся, что они будут смеяться, увидев его ночную рубашку.

Даже в редакции «Иль Пополо» он держался особняком. Узнав, что в его квартиру в Милане забирались воры, он сразу же снял другую, не ступив ногой в помещение, где побывали посторонние.

Его голос, приглушенный и конфиденциальный в разговоре с каким-либо собеседником, становился сразу же громким и высокомерный, как только к ним присоединялся еще кто-то. Кроме Арнальдо, у него не было друзей среди мужчин. Однажды барон Фассини, владелец дома по Виа Раселла, пригласил его к себе в гости на загородную виллу.

— Кого это он там ожидает, — грубо ответил Муссолини через дверь, — когда я обедаю?

«Одинокий волк», так называли его фашистские лидеры, в 1924 году предпринял шаг, который был воспринят ими как предательство всего того, что символизировал марш на Рим.

- Имеется только одна возможность спасти Италию, — сказал он удивленному журналисту-социалисту Карло Сильвестри, — это пойти на сотрудничество со всеми партиями, и прежде всего — с социалистами.

Сказанное с быстротой молнии распространилось в палате депутатов. Сидевшие в баре быстро допивали сухое вино. Кто-то крикнул:

— Поторопитесь, выступает Маттеотти, можно ожидать фейерверка.

Когда опоздавшие вошли в зал, то увидели удивившую всех сцену, освещенную солнечными лучами, проникшими сквозь потолочные стекла. Более пятисот депутатов нового созыва топали ногами, свистели и отпускали язвительные замечания. А за трибуной стоял депутат-социалист Джиакомо Маттеотти, терпеливо ждавший, когда шум в зале уляжется. На стенных часах и календаре были видны исторические 4 часа пополудни 30 мая 1924 года.

И вот голос Маттеотти зазвенел металлом:

— В связи с тем, что нынешние выборы следует считать недействительными, так как правительство не посчитало нужным учесть мнение избирателей, составившее большинство в четыре миллиона голосов, мы заявляем свой протест…

В зале послышался громкий ропот. Фашистские депутаты

стали ритмично хлопать крышками своих столиков, выражая классическим способом свое неодобрение и несогласие. Многие при этом поглядывали на Муссолини, который, как и всегда в кризисные моменты, не выражал никаких эмоций. Он сидел неподвижно, подперев руками свое лицо, застывшее как маска.

Председательствующий Энрико де Никола ручным звонком призывал к тишине.

Маттеотти снова перешел в атаку.

В течение пяти лет сорокадевятилетний Джиакомо Маттеотти был назойливым слепнем для фашистской партии. Сын богатых землевладельцев, он стал убежденным социалистом, холодного, аналитического склада ума которого фашисты побаивались, пытаясь помешать его выступлениям перед массами как хорошего оратора. В Палермо, где рестораторы боялись фашистских репрессий, если бы они стали его обслуживать, он остался голодным. В Ферраре, отказавшись от эскорта карабинеров, ему пришлось покинуть город перемазанным угольной пылью и плевками. Но, даже будучи похищенным в родном Ровиго, когда его стали мучить, вставляя зажженную свечку в прямую кишку, Маттеотти остался непреклонным и непобежденным.

«Буря», как прозвали его коллеги, через несколько дней был во дворце Монтечиторио, где проходили заседания палаты депутатов, и, просматривая прессу, карандашом в серебряной оправе делал заметки, направленные против фашистов.

За восемь недель до этого, 6 апреля, Муссолини утвердил новый закон о выборах, который был воспринят фашистами с воодушевлением, так как обеспечивал им необходимое преимущество. Партия, получившая на этих выборах большинство голосов, — не менее двадцати пяти процентов от общего числа избирателей, — могла рассчитывать на две трети мест в парламенте. Фашисты, получившие 4 500 000 голосов против 3 000 000 голосов оппозиции, претендовали на 374 места. Вот против такого вердикта и выступал Маттеотти, проявляя все свое ораторское искусство.

И он приводил примеры явного нарушения выборов фашистами. Так, из 100 кандидатов-социалистов 60 не имели возможности вербовать своих сторонников перед выборами даже в собственных округах. Один кандидат был застрелен в квартире, когда собирался идти в свое учреждение. Пятнадцать первых избирателей, отказавшихся голосовать за фашистов, были выброшены-с поезда на ближайшей же станции. Помещения и имущество социалистов, уничтоженные фашистами, оценивались в миллионы лир.

- Ни один итальянский избиратель не мог свободно выразить

свое волеизъявление, — возвысил голос Маттеотти. — Премьер возложил обеспечение порядка на избирательных участках на фашистскую милицию.

В зале начался ад кромешный. На скамьях фашистских депутатов многие вскакивали, размахивая бумагами и кулаками.

— Вы дискредитируете палату, — крикнул один из фашистов.

— Тогда вам следует распустить парламент, — спокойно возразил Маттеотти.

Роберто Фариначчи впервые за все время подал голос, произнеся с яростью:

— Сматывайся, или мы сделаем то, чего до сих пор не сделали!

— Тогда вы исполните только свою работу, — холодно ответил Маттеотти.

— Мы заставим тебя заговорить по-иному, — заорал Фариначчи.

Маттеотти, бледный, но решительный, скрестив руки, спокойно ждал, пока утихнет гвалт.

— Мы стоим у власти и намерены ее удерживать, — бросил ему кто-то из фашистов.

Маттеотти обратился к депутатам:

— Я привожу факты, и нечего создавать шум — либо они соответствуют действительности, либо докажите, что они неверны.

Муссолини продолжал сидеть молча и неподвижно. Его тщательно продуманный план поглощения социалистов одновременно с роспуском милиции и большого совета рушился. Твердолобые фашисты дезавуировали в

1921 году его пакт о примирении с социалистами, но он не собирался отказываться от этой идеи, хотя в октябре

1922 года приглашенные им на высокие посты представители левого крыла Луиджи Эйнауди и Луиджи Альбертини отказались от предложения. Муссолини понимал, что для эффективного управления государством ему нужны социалисты. Теперь же, после выступления Маттеотти, ему было бы чрезвычайно трудно убедить партийных экстремистов в необходимости привлечения социалистов к работе кабинета министров. Да и социалисты, получившие новые подтверждения террора фашистов, вряд ли пойдут на компромисс.

Звонок в руках де Николы трезвонил без умолку, а в отдаленных уголках палаты фашисты и социалисты начали между собой драку, нанося удары кулаками и ногами и пытаясь руками душить своих противников.

— Уважаемые коллеги, прошу занять свои места, — взывал к

ним де Никола.

Боясь крови, он обратился затем к Маттеотти:

— Закругляйтесь, не надо провоцировать беспорядок.

Но непреклонный Маттеотти хотел быть услышанным и возразил:

— Это почему же? Вы, наоборот, обязаны обеспечить мое право на выступление.

Когда же де Никола попросил его говорить поосторожнее, Маттеотти вспылил:

— Я буду говорить так, как это предусмотрено парламентским правом.

И он продолжил свое выступление, хотя стенографисткам было трудно слышать то, что он говорил, из-за продолжавшегося гвалта. Выступление, на которое он планировал затратить двадцать пять минут, продолжалось все девяносто. Каждый приводимый им факт он подтверждал источниками, так что в их правоте сомнений не оставалось. Вот вкратце то, о чем он говорил.

Печатные органы социалистов уничтожены, вся выборная публикация сожжена. Молодые двадцатилетние люди голосовали вместо шестидесятилетних. Регистрационные карточки лиц, побоявшихся прийти на голосование, использовались фашистами под различными именами, что легко доказать, так как почерк везде одинаковый.

Говорить ему приходилось с трудом, ибо шум и крики в зале продолжались и даже нарастали.

— Заткнись! — завопил железнодорожный босс Эдоардо Торре. — Мы не собираемся терпеть эти оскорбления!

Несколько здоровенных фашистов бросились к трибуне, чтобы стащить с нее выступавшего.

Тем не менее Маттеотти невозмутимо закончил свое выступление словами:

— В связи с вышеизложенным мы требуем аннулирования результатов выборов.

Возвратившись на свое место, он сказал своему коллеге, депутату Эмилио Луссу:

— Я сказал то, что должен был сказать. Все остальное меня не беспокоит.

Как бы шокированный собственной безрассудной смелостью, добавил, обращаясь к депутату Антонио Приоло:

— Я выступил с речью, теперь вы можете готовить свои соболезнования моим родным на моих похоронах.

Свою кончину он предугадал.

Все присутствовавшие в тот день в парламенте обратили

внимание на перекошенное от гнева лицо Муссолини, когда он направился во дворец Чиги. Он не видел выхода из сложившейся обстановки и до самого своего конца был связан с людьми, подобными Фариначчи и Тамбурини, приведшими его к власти. Подобно Франкенштейну, он стал жертвой собственного творения. При входе во дворец Чиги он столкнулся с Джиованни Маринелли, сорокапятилетним административным секретарем партии, носившим бородку и золотое пенсне. В манере Генри II, короля Англии, выплескивавшего свое плохое настроение на архиепископа Томаса Беккета, Муссолини выкрикнул:

— Если бы вы не были шайкой негодяев, ни один человек не произнес бы речь, подобную этой.

С таким же неистовством он бросал реплики и замечания чуть ли не десяток раз в день, быстро о них забывая.

На этот раз дуче подал голос одинокого волка слишком открыто.

Джиакомо Маттеотти, положив руки под голову, лежал вытянувшись на софе, уставившись невидящими глазами в потолок. Времени было 4 часа пополудни 10 июня 1924 года. В его десятикомнатных апартаментах по улице Виа Пизанелли в доме номер 40, в тихом районе города на берегу Тибра, было спокойно. Трое его детей — Джиан Карло шести лет, Джиан Маттео трех лет и Изабелла, которой был всего годик, уже спали. Но ни он сам, ни его жена, голубоглазая, с мягким приятным голосом Велия, не могли заснуть.

— Я знаю, — неожиданно произнес. Маттеотти, — что фашисты что-то готовят. Может быть, следует отправить детей в Боргезский сад.

— Но не бери с собой свои заботы, — ответила Велия.

Однако после некоторых раздумий Маттеотти отказался от своей идеи: если что-то и будет происходить, то дети будут в большей безопасности дома. Хотя палата была сегодня закрыта, ему надо было поработать в библиотеке и побывать во дворце Спагна, где он принимал участие в восстановительных работах.

Эти черты характера Джиакомо нравились Велии. Посвятив свою жизнь борьбе за улучшение положения обездоленных, он отдавал половину своего депутатского жалованья в дом для девочек-сирот. Он ненавидел забастовки, парады и демагогию в собственной партии, не говоря уже о фашизме. Будучи человеком дела, он критиковал «кресельных социалистов», которые, призывая к забастовкам, сами на улицы не выходили. Был он и гордым и заботливым отцом, играющими детьми в чижи, постоянно державшим открытыми окна, чтобы ребятишки дышали свежим воздухом, и немедленно бежавшим в аптеку, если

кто-то из них поцарапает себе ногу.

Через четверть часа Маттеотти встал с софы и начал одеваться: белая рубашка с мягким воротником, белый галстук и белые ботинки с черными носками, элегантный пиджак серого цвета, в карманах которого лежали листки бумаги для заметок.

Поцеловав жену, он пообещал возвратиться в 8 часов вечера на ужин. В кармане у него было всего десять лир. Велия из окна видела, как он пошел в направлении Тибра.

В это время на углу улицы остановился черный шестиместный лимузин «лянча» с фашистами. Водителем был Америго Думини, тридцатилетний флорентиец, совершивший одиннадцать убийств. На задних сиденьях располагались Аугусто Малакрия, судимый за растрату; Филиппо Панцери; Амлето Поверомо, сорокаоднолетний миланский мясник, сидевший в тюрьме за вооруженное ограбление; Джузеппе Виола, двадцатисемилетний эпилептик, дезертир военного времени, и Альбино Вольпи, тридцатипятилетний диверсант-подводник Первой мировой войны.

Среди этой шестерки только Думини хорошо знал Маттеотти, к тому же он уже несколько дней осуществлял слежку за его домом. От административного секретаря партии Джиованни Маринелли он получил задание похитить Маттеотти и «поработать» с ним.

До Маринелли дошли слухи, что депутат имел доказательства выплаты нефтяной компанией Синклера из Нью-Джерси ста пятидесяти миллионов лир для получения концессии в Италии. Деньги эти должны были быть поделены между министром труда Габриэлем Карнаццей, министром экономики Марио Орсо Корбино, заместителем министра внутренних дел Альдо Финци, пресс-секретарем Муссолини Цезарем Росси и издателем газеты «Корьере Итальяно» Филиппо Филиппелли. Если Маттеотти опубликует эти сведения, это может вызвать большие осложнения. Когда Муссолини 30 мая высказал свое недовольство Маттеотти, для Маринелли был открыт зеленый свет.

Думини не знал, дома ли Маттеотти, и решил на всякий случай показать своим кумпанам, где тот живет и каким путем идет, чтобы добраться трамваем номер 15 с улицы Виа Фламиниа до парламента.

Увидев внезапно идущего Маттеотти, Думини прохрипел:

— Хватай свинью!

Вольпи тут же выпрыгнул из машины, за ним последовал Малакрия.

Молодой клерк страховой компании Элисео ди Лео,

пришедший искупаться в Тибре с друзьями, случайно взглянул на обрыв и увидел появившегося высокого мужчину. В тот же момент двое других прыгнули на него и свалили на землю, ударив кулаками в живот. Поскольку они исчезли из виду, ди Лео подумал, что это друзья, разыгрывающие какую-то шутку.

Четырнадцатилетний Ренато Бианчини, шедший к Другу, увидел картину, от которой застыл в ужасе: четыре человека несли на руках вскрикивающего и извивающегося мужчину — двое за голову и двое за ноги. Задним ходом к ним подъехала машина, дверца ее открылась, и четверо попытались затолкнуть мужчину на заднее сиденье. От удара ботинком мужчины стекло в дверце разлетелось вдребезги. Вольпи нанес ему удар кулаком, Поверомо же крикнул:

— Хватит, идут люди!

Но было уже поздно. Некий Джиованни Каванна увидел со своего балкона свалку, но подумал, что это полиция производит арест. Услышав крики Маттеотти, он побежал вниз, успев заметить, как с подножки тронувшейся машины спрыгнул Панцери и скрылся в боковой улице.

«Лянча» с быстротой пули неслась в направлении ведущего на север моста Милвио, пересекая трамвайные линии. Редкие прохожие были в недоумении: дорога впереди была свободна, а шофер подавал непрерывные гудки клаксона. Им было, конечно, невдомек, что Думиии заглушал крики, доносившиеся с заднего сиденья. Вдруг из бокового окна машины показался красный кожаный овал — депутатское удостоверение, которым Маттеотти попытался привлечь к себе внимание.

Мужчины внутри мчавшейся автомашины устроили настоящую свалку, пытаясь утихомирить депутата, навалившегося всем телом на Поверомо. В драке не принимал участия только Джузеппе Виола, поскольку у него заболел живот. Но вот Маттеотти в пылу этой свалки ударил его каблуком ботинка в половые органы. Взвыв от боли, он выхватил кинжал и нанес удар. Все еще находясь под Маттеотти, Поверомо вдруг почувствовал, как по его правой ноге потекла горячая кровь.

Сидевший за рулем Думини не знал, что произошло. Он был незнаком с Римом и поэтому ехал наугад. Стук в стеклянную перегородку машины заставил его остановиться. Он хотел было открыть заднюю дверку, как вдруг увидел окровавленного Маттеотти.

— Смотри-ка, Америго, — сказал Малакрия, — он совсем плох.

Как потом вспоминал Думини, у него появился позыв к рвоте. Он не понимал, что у Маттеотти задета сонная артерия, а тот

лишь хрипел.

— Надо к ближайшему фонтану, — заикаясь, произнес он, — ему нужна вода.

— Это не поможет, — возразил Малакрия. — Он уже мертв.

На какой-то момент наступила тишина, был слышен только шорох листьев деревьев. Рядом с Думини оказался Вольпи, пробормотавший мрачно:

— Мы прирезали его как цыпленка. Но он умер мужественно, а?

Тридцатисемилетний Артуро Фасциола, бывший сотрудник «Пополо д'Италиа», а теперь личный секретарь Муссолини, зашел поужинать в кафе «Пикароцци», что через дорогу от дворца Чиги. Среди немногих посетителей он увидел знакомые лица — Америго Думини с товарищами. Чтобы не примыкать к их компании, он подошел к стойке бара. И вдруг ему показалось странным, что они не шумели, как обычно, а на лице каждого читалось замешательство.

— Вы, наверное, кого-то прикончили? — спросил он без большого интереса.

Никто ему не ответил. Все шестеро сидели как в шоке. Однако, когда он вышел из кафе, его догнал Альбино Вольпи, тронувший его за рукав.

— Слушай-ка, — сказал он, — а ведь мы убили Маттеотти. Подожди минутку.

Сбегав в кафе, он принес небольшое кожаное портмоне и, отведя Фасциоло в сторону, достал его содержимое: кусочек кожаного покрытия сиденья автомобиля с капельками засохшей крови и паспорт Маттеотти.

— Передай это Муссолини от нас.

Когда Фасциоло стал отнекиваться, Вольпи пригрозил:

— Передай, или мы передадим сами — дабы показать, что мы сделали то, что должны были сделать.

И он вкратце поведал ему всю историю. Когда Маттеотти умер, они совсем потеряли голову. Несколько часов они блуждали по городу, но никак не могˆп попасть на дорогу, ведущую в сельскую местность. Думини даже перепугал их всех, остановив машину, чтобы спросить у карабинера, как им проехать. В самый критический момент у них кончился бензин. Около восьми часов вечера, поняв, что они опять свернули к Риму, Вольпи решил, что надо избавляться от трупа. В ста метрах от дороги уже в наступившей темноте они выкопали небольшую ямку подручным инструментом — сантиметров двадцать глубиной и около метра длиной, так что тело пришлось укладывать сложенным пополам. Место это находится где-то

севернее города, но где точно, он уже не помнит.

Идя в свой кабинет, Фасциоло подумал: «Какова будет реакция Муссолини на это?»

В 8 часов утра 11 июня Фасциоло убедился, что его информация уже не является секретной. Еще ночью, в надежде на похвалу, Думини доложил обо всем Джиованни Маринелли, а тот передал Муссолини. Когда Фасциоло достал паспорт Маттеотти, дуче взглянул на него с неудовольствием и спросил:

— Зачем вы его взяли? Что вы понимаете в этих делах? Заперев документ в стол, приказал Фасциоло никому ничего не говорить.

Эти дни были самыми тяжелыми для Муссолини. 13 июня расстроенная Велия Маттеотти, не спавшая три дня, попросила у него аудиенцию. С испариной на лбу и заметно волнуясь, он принял ее в приемной дворца Монтечиторио, где проходили заседания парламента, вместе с заместителем министра внутренних дел Альдо Финци и Джиакомо Асербо. Несмотря на объявленные по всей стране поиски, местонахождение депутата обнаружено не было и оставалось загадкой. Велия попросила, чтобы муж, живой или мертвый, был доставлен к ней. Стараясь сохранить лицо своего режима, Муссолини был вынужден ей солгать:

— Синьора, если бы я знал, что произошло с вашим мужем, я бы доставил его к вам.

Его слова ее ни в чем не убедили. Когда Муссолини попросил Асербо проводить ее вниз, Велия с гордостью ответила:

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Вдова Маттеотти может передвигаться самостоятельно.

Муссолини понял окончательно, что попал в сплетение интриг своих собственных последователей. И он решил узнать правду. Под нажимом Джиованни Маринелли был вынужден признаться, что отдал распоряжение Думини захватить депутата в качестве заложника. Будучи арестован через несколько дней, Маринелли посчитал Муссолини неблагодарным за то, что он не допустил его коалиции с социалистами.

В течение июня последовала волна арестов. 12 июня на Центральной железнодорожной станции был взят Америго Думини, 17 июня — Альбино Вольпи неподалеку от границы со Швейцарией, 24 июня — Джузеппе Виола, а через четыре дня и Поверомо в Милане. Альдо Финци был вынужден уйти в отставку, а Цезарь Росси и Филиппо Филиппелли оказались за решеткой. 16 июня ушел в отставку генерал Эмилио де Боно.

Через день республиканский депутат Ойгенио Чиза обвинил Муссолини на заседании палаты:

— Вы ничего не говорите, потому что сами являетесь соучастником всех этих дел.

Муссолини тут же отказался от портфеля министра внутренних дел.

В тот вечер дуче был почетным гостем на банкете во дворце Квиринале в честь Раса Тафари из Абиссинии. Когда он поднял со стола свою салфетку, из нее выпал конверт. При свете канделябров Муссолини прочитал вложенную в него записку: «Вы — убийца Маттеотти, будьте готовы надеть наручники».

Сидевший рядом с ним король Виктор-Эммануил тоже обнаружил конверт и передал его без комментариев Муссолини.

На листочке бумаги было написано: «Ваше величество, убийца Маттеотти сидит рядом с вами. Передайте его в руки правосудия».

Затянувшаяся тишина стала беспокоить Квинто Наварру. Более часа из кабинета дуче не было ничего слышно. Даже не было обычного звонка для вечерней почты и крепкого кофе. Осторожно, на цыпочках он подошел к неплотно прикрытой двери и заглянул внутрь. Через секунду, прикрыв дверь, он удалился, явно шокированный. А увидел он странную картину: Бенито Муссолини, стоя на коленях на своем стуле, бился головой о деревянную стойку.

Обвинение в соучастии в убийстве Маттеотти было для него все равно что удар кулаком в лицо. По своей наивности он не мог понять, что моральная ответственность за преступление лежит на нем. Позвонив в Милан по телефону своему брату, он пожаловался на происходящее. Однако Арнальдо ответил ему резко:

- Я не раз предупреждал тебя о людях, находящихся с тобою рядом.

Одной из своих подруг Муссолини сказал гневно:

— Мои злейшие враги не причинили мне большего вреда, чем друзья.

Наварре казалось, что Муссолини заболел. Не увлекаясь солидными кушаньями на официальных банкетах, он глотал в своем кабинете сырые яйца, отказываясь от различных блюд. Его костюм висел на нем как мешок. За три недели он похудел на десять килограммов.

Наварра был одним из немногих, остававшихся близким к нему.

В 10 часов утра 27 июня, названного социалистами днем памяти Маттеотти, в приемной и коридорах дворца Чиги было тихо, как и на улицах и площадях во всей Италии. На берегу Тибра, около черного креста, поставленного на месте похищения

Маттеотти, более тысячи римлян стояли десять минут в молчании, затем ребятишки-школьники в белых одеждах исполнили реквием. В миланском соборе собралось около пяти тысяч человек, где «крылья смерти коснулись душ прихожан». В Венеции ни один гондольер не вышел в каналы, в Турине пассажиры стояли на коленях с непокрытыми головами в проходах остановившихся автобусов и трамваев. Только в Кремоне жизнь шла как обычно, так как местный фашистский босс Роберто Фариначчи заявил:

— Этого Маттеотти помянули и так вполне достаточно.

В ряде городов прошли антифашистские демонстрации. В Милане сотни человек собрались в галерее имени Виктора-Эммануила и потрясали своими красными, белыми и зелеными партийными билетами. В Турине и многих других местах милиция отказалась выйти на улицы. Красный флаг был приспущен на мачте местной администрации в пригороде Катании на Сицилии. На улицах Рима ночью на большинстве поясных портретов Муссолини красной краской были изображены капельки крови, текущие из горла дуче.

13 июня сто пятьдесят оппозиционных депутатов — социалисты, республиканцы, несколько либералов и членов народной партии — молча покинули зал заседаний палаты с требованием предать суду похитителей Маттеотти. Лидер либералов Джиованни Амендола и шеф социалистов Филиппо Турати были твердо убеждены: если Муссолини не уйдет в отставку по собственному желанию, король наведет порядок.

Как раз утром того дня полицейский патруль обнаружил в дренажной трубе дороги, идущей на север от улицы Виа Фламиниа, пиджак, который был опознан как пиджак Маттеотти. Молодой полицейский Овидио Карателли, прихватив охотничью собаку отца, стал обследовать прилегавшую местность. Вдруг собака стала рыть лапами землю около дуба. Немного подкопав ее, полицейский увидел человеческие останки.

Хотя время и жара сделали свое дело, римский дантист Винченцо Дуча опознал золотую коронку, поставленную им Маттеотти несколько месяцев назад.

Однако 24 июня король, ссылаясь на конституцию, заявил, что сенат оказывает доверие Муссолини, к тому же три бывших премьера — Джиованни Джиолитти, Виктор Орландо и Антонио Саландра, — имевшие вес в парламенте, также поддерживают Муссолини. Даже королева Маргерита, королева-мать, настолько обожала Муссолини, что сделала его своим душеприказчиком и, более того, убедила короля наградить его «Ожерельем Благовещения». Золотая цепь, которой савойский дом произвел

награждение всего двадцать раз за шесть столетий, позволяла теперь дуче обращаться к королю «кузен».

Королева-мать дала Муссолини совет:

— Не будьте смешны и не думайте об отставке. Я уже успокоила короля.

Депутации социалистов, которая пришла с петицией об отстранении Муссолини, король сказал, символически прикрыв глаза руками и заткнув уши:

— Я слеп и глух: мои глаза и уши — сенат и палата депутатов.

Делегация инвалидов войны была принята подобным же образом. Терпеливо выслушав их обращение, король — мастер непоследовательности — сказал:

— А моя дочь сегодня утром подстрелила двух перепелов.

Когда сконфуженная делегация уходила, один из ветеранов проговорил, заикаясь:

— Я тоже люблю перепелов, ваше величество, они очень хороши, особенно со свежим горохом.

В рядах фашистских боссов царила некоторая растерянность. Секретарь партии Франческо Джиунта высказал даже мнение, что уединившийся во дворце Чиги Муссолини «все еще не отказался от идеи возвращения к своим друзьям-социалистам». Ведь за три дня до похищения Маттеотти Муссолини заявил на заседании палаты: «Необходимо объединить способности и добрую волю всех».

Подобные же сомнения были и у Роберто Фариначчи, считавшего, что лучшим решением вопроса было бы устранение пятисот социалистов.

У этих двоих и им подобных назначение либерально настроенных Луиджи Федерцони министром внутренних дел и Дино Гранди его заместителем вызвало озабоченность.

Адвокат из Болоньи Гранди, бывший в свое время в оппозиции маршу на Рим, был убежден, что Муссолини непричастен к убийству Маттеотти, и сохранил к нему лояльность.

Партийные экстремисты скоро убедились, что их опасения были небезосновательны. 20 декабря, после двухнедельных закрытых совещаний с Федерцони и Гранди, дуче сделал заявление в переполненной палате депутатов, имевшее эффект разорвавшейся бомбы. Закон о выборах, предусматривавший легкую победу фашистов, должен был в апреле претерпеть изменение по принципу непропорциональности, подобно английскому.

Для провинциальных фашистских боссов это означало: новая

правительственная коалиция положит конец активности отрядов действия и всесилию дубинок и кистеней. И им не придется более распоряжаться в своих районах как в собственном доме.

— Я создал фашизм, я возвысил его и продолжаю держать в своем кулаке! — похвалился Муссолини на конгрессе партии в Падуе.

Однако горстка настроенных решительно деятелей решила доказать, что он ошибается.

Около полудня 31 декабря 1924 года шестьдесят провинциальных начальников милиции молча и с суровыми лицами шли по улицам Рима. Миновав колонну Марка Аврелия, они вошли в пустынный двор дворца Чиги. Затем все, как один, направились к кабинету Муссолини, находившемуся на первом этаже.

На первый взгляд это была рутинная церемония, введенная самим дуче: со всех концов Италии к нему прибывали делегации с новогодними поздравлениями. На этот раз только их лидер Альдо Тарабелла и его приспешники знали истинную причину этой миссии: побудить Бенито Муссолини стать неограниченным диктатором — раз и навсегда.

Отодвинув в сторону Наварру, тридцать три человека из группы вошли без всякого приглашения в кабинет Муссолини, сидевшего в дальнем углу у стены, декорированной боевыми топорами, с министром финансов Альберто де Стефани и шефом милиции генералом Гандольфо. Тарабелла протянул дуче через стол письмо от флорентийца Туллио Тамбурини.

Хмурый Муссолини быстро просмотрел текст письма, в котором Тамбурини сообщал о начатой им в городе «чистке» антифашистских элементов.

Тарабелла не стал терять времени попусту и, как говорится, показал зубы.

— Нам не нравится складывающаяся обстановка, — зло сказал он Муссолини. — Тюрьмы полны фашистами, фашистов предают суду, а вы не хотите взять на себя ответственность за дело революции.

Муссолини, которого обступили со всех сторон, спросил, не скрывая раздражения:

— А что приносят акции отрядов действия? Сейчас необходимо нормализовать положение вещей, и ничего более.

В ответ послышался хор язвительных замечаний. Как бы про себя Муссолини произнес:

— Трупы, которые они бросают мне под ноги, мешают мне идти вперед…

— Какой же вы вождь революции, — воскликнул

Тарабелла, — если боитесь трупов?!…Вы идете на уступки, чтобы угодить оппозиции, но этим только добьетесь своего бесславного конца. Вам надо набраться мужества перестрелять лидеров оппозиции.

— Расстреляны должны быть похитители Маттеотти, — вспылил Муссолини.

Тарабелла и его сопровождающие оставались неумолимыми, видя его слабость и изолированность. Как бы ставя точку в разговоре, один из них достал кинжал и положил его на отполированный до блеска стол Муссолини, воскликнув:

— Если вы хотите умереть, умрите, а мы не желаем!

— Это — мятеж, заслуживающий наказания, — ответил дуче едва слышно.

Тарабелла посмотрел на него с недоумением. Ведь всего день назад он сказал на очередной вечеринке одному из партийных боссов, Джиованни Пассероне:

— Я готов идти вперед. Сейчас же он произнес:

— Я не хочу обмануться. — И повторил еще раз: — Я не хочу обмануться.

Он посмотрел на всех присутствующих, пытаясь продемонстрировать железную волю, читая в глазах обступивших его мужчин требование быть непоколебимым лидером, решительным и непримиримым.

- Мы уходим, — завершил разговор Тарабелла жестко, разделяя одно слово от другого. — Но мы захлопнем за собой дверь.

Муссолини ничего не ответил. Выходя, каждый отдал легионерский салют. В полном молчании он важно и не торопясь смотрел на то, как они выходили.

Последний, как и говорил Тарабелла, хлопнул дверью. Этот грохот слился с гулом артиллерийского выстрела, возвестившего наступление полдня, произведенного из пушки на Джаникулюмской высоте. Звуки эхом отдались в коридорах дворца Чиги, как дурное предзнаменование.

Глава 4
«Если я пойду вперед, следуйте за мной!»

Январь 1925 года — май 1936 года

«Дуче, дуче, да здравствует наш дуче!»

Из тысяч окон раздавались крики, и на мостовую летели букеты цветов и темно-красные розы. И хотя крики толпы звучали музыкой в его ушах, Бенито Муссолини не показывал виду. Он стоял во весь рост у заднего сиденья «альфа-ромео» алого цвета, уперев руки в бока.

За рулем сидел партийный босс Болоньи Леандро Арпинати, весь проникнувшийся важностью момента. Машина шла со скоростью, немного превышавшей скорость движения пешехода.

За шесть часов до этого Муссолини торжественно открыл новый стадион города, приняв участие в конноспортивных состязаниях по преодолению препятствий на белоснежном рысаке. После этого он вихрем пронесся по Болонье, посетив партийные штаб-квартиры, милицейские казармы и новую гимназию. В 5 часов вечера в воскресенье 31 октября 1926 года стало уже темнеть, порывы теплого ветра, поднимавшего пыль на улицах, предвещали грозу.

Дуче направлялся к Центральной железнодорожной станции, и шоу было уже практически завершено. Появившиеся за ночь листовки размером с почтовую открытку, расклеенные на заборах и стенах домов, с кричащим лозунгом: «Дуче прибывает к нам, но никогда не покинет!», казались теперь Леандро Арпинати ложной тревогой.

Однако произошло невероятное. Бенито Муссолини показалось, что человек «среднего роста» прорвался сквозь полицейский кордон и направился к нему, видимо с петицией. Дино Гранди, ставший заместителем министра иностранных дел, сидевший рядом с Арпинати, увидел «мужчину маленького роста, стоявшего с вытянутой рукой». Арпинати же разглядел, что в руке мужчины был револьвер на шнуре.

Сидевший сбоку от Муссолини мэр Болоньи вообще ничего не видел, но вдруг почувствовал, как пуля задела его правый рукав, пролетев сквозь тунику дуче и его церемониальный шарф ордена Маврикия. Несколько секунд Муссолини оставался неподвижным. Машина рванулась вперед, а мужчина исчез в «водовороте рук и кинжалов».

Через полчаса Итало Бальбо, командующий милицией, доложил Муссолини на железнодорожном вокзале, что

неудавшийся террорист, пятнадцатилетний мальчишка Антео Цамбони, был уже через несколько секунд убит разъяренной толпой, которая чуть было не разорвала его на куски. Почему, однако, этот Цамбони, надевший впервые длинные брюки и интересовавшийся только футболом, попытался совершить покушение на дуче? Являлся ли он пешкой в руках других или же вообще стрелял кто-то другой, скрывшийся в поднявшейся суматохе? Несмотря на долгие месяцы расследования этого дела, полиция, однако, так ничего и не выяснила.

В восьмидесяти километрах оттуда, на вилле Карпена в Форли, где семья Муссолини частенько отдыхала, все было спокойно. Сидя на крыльце, оба его сына — десятилетний Витторио и восьмилетний Бруно — наблюдали за тем, как коровы шли в свои хлевы на покой. Уже издали они заметили свет фар машины отца, а он, когда вся семья вышла его встречать, бледный и возбужденный, сказал:

— Смотри, Рашель, еще несколько миллиметров…

Она, ничего не ответив, взяла шарф и тунику и сразу же починила их перед тем, как повесить в платяной шкаф.

У Рашель была причина стать флегматичной. За последние двенадцать месяцев на Бенито Муссолини было совершено четырвчпокушения, и все четыре раза он отделывался лишь легкими царапинами да порванным пиджаком. Изречение дуче по этому поводу стало широко известным:

— Чьи-либо попытки покушения на меня бесполезны. Мне предсказано, что я умру необычной смертью.

За двадцать два месяца, прошедшие с тех пор, как партийные боссы совершили нашествие на его ведомство во дворце Чиги, у тысяч людей появилось желание видеть Муссолини мертвым. Опасения, одолевавшие тогда Муссолини, оправдались. Под давлением твердолобых партийцев 3 января 1925 года он взял на себя ответственность за скандал с Маттеотти, заявив на заседании палаты депутатов:

— Если фашизм — и криминален, то я все равно его вдохновитель.

С этого момента он стал реальным диктатором. Либералы и «умеренные», подобно Дино Гранди, были уволены со своих постов. Выбор в качестве нового генерального секретаря Фариначчи означал конец всем надеждам на компромисс.

В январе 1926 года одним росчерком пера Муссолини показал всем политическим партиям силу фашизма. Похитители Маттеотти, суд над которыми состоялся в небольшом городке Чиети, где их приговорили к шести годам тюремного заключения, были амнистированы. Восемь новых декретов — от отмены

паспортов до закрытия всех гражданских учреждений, кроме фашистских, быстро превратили Италию в тоталитарное государство.

Все подозрительные места встреч, включая масонские ложи, были прикрыты, неожиданные обыски и аресты без соответствующих постановлений стали в порядке вещей. Муниципальные выборы ушли в прошлое вместе с правом на забастовки и свободой прессы. При новом Муссолини фашизм превратился в национальную элиту дисциплинированных и бездушных автоматов, считавших интересы государства превыше всего.

Заявление «Все для государства, ничто вне государства и выше него» стало их лозунгом. Таким образом, тысячи людей потеряли все свои права и свободы.

Первый террорист, Тито Цанибони, бывший в свое время социалистическим депутатом и героем Первой мировой войны, не должен был промахнуться. 4 ноября 1925 года, в день объявления мира, он находился в номере 90 на пятом этаже гостиницы «Драгони», имея винтовку с оптическим прицелом. Расстояние оттуда до балкона дворца Чиги, на котором Муссолини часто появлялся, составляло не более пятидесяти метров. Однако среди конспираторов нашелся провокатор, выдавший запланированную акцию за деньги. Цанибони был схвачен, не успев сделать ни одного выстрела, и осужден на тридцать лет тюремного заключения.

И если не сработала винтовка, револьвер мог оказаться более успешным. Виолет Гибсон, шестидесятидвухлетняя аристократка ирландского происхождения, 7 апреля 1926 года поднялась по ступеням дворца Кампидоглио, окруженного толпой народа, и открыла с близкого расстояния стрельбу по окружению дуче. Надо же было случиться, что именно в этот момент Муссолини нагнулся к девочке, протянувшей ему букет цветов. Пуля все же зацепила его переносицу. Муссолини, прибывший на открытие международного конгресса хирургов, бегом направился в зал заседаний. Кровь из перебитого носа капала ему на рубашку, но он и тут не отказался от театрального жеста, заявив:

— Господа, я пришел, чтобы отдать себя в ваши профессиональные руки!

С заклеенным пластырем носом он позировал перед фотографами с широкой улыбкой, сказав репортерам, что мисс Гибсон угрожает всего лишь депортация.

Джино Лючетти понадеялся на ручные гранаты, взяв с собой сразу две, рассчитывая бросить их в боковое окно машины Муссолини, когда она направится своим обычным маршрутом по

улице Порта-Пиа к дворцу Чиги. Шофер дуче Эрколь Боратто, увидев человека, выскочившего из-за газетного киоска, попытался сначала сбить его, а затем рванул вперед, включив третью скорость. Лючетти гранаты все же бросил, но они попали на крышу «лянчи» и, срикошетировав, отлетели в сторону.

Лючетти тоже получил тридцать лет тюремного заключения, однако вскоре был принят закон, карающий смертной казнью тех, кто попытается совершить покушение на Муссолини. Личность его стала неприкосновенной, как и личность самого короля.

На улицах Рима появились надписи, увековечивавшие слова дуче, сказанные им с балкона дворца Чиги сразу же после неудачного покушения Гибсона: «Если я пойду вперед, следуйте за мной; если я отступлю, убейте меня; если же погибну, отомстите за меня!»

Тучи над страной месяц от месяца все более сгущались. Когда же сорокасемилетний префект Генуи Артуро Боччини был назначен начальником итальянской полиции, Италия окончательно превратилась в полицейское государство. Боччини был хитрым и жестоким человеком, однако годовой бюджет его ведомства, составлявший 500 000 фунтов стерлингов, и 12 000 специальных агентов говорили в его пользу.

При Боччини ни один прохожий не мог подойти ближе чем на пятьсот метров к жилищу Муссолини на улице Виа Расселла, а дороги от дома до министерства перекрывались два раза в день. Каждый метр железнодорожного полотна, когда дуче совершал какую-либо поездку, заранее обследовался переодетыми полицейскими, получившими прозвище «летучие мыши». Перед официальным открытием какого-нибудь нового здания или сооружения агенты тщательно проверяли их на наличие подрывных устройств с часовым механизмом. Если он отправлялся на купание в район Лидо, в пригороде Рима, то другие агенты под видом землекопов или дорожных рабочих проверяли каждый метр дороги.

Для обеспечения безопасности властей принимались и другие меры. Так, каждый вечер в 10 часов по всей стране раздавались телефонные звонки в полицейских участках для уточнения числа задержанных без нововведенных личных опознавательных карточек. Довольно часто только в Риме их оказывалось более трехсот человек. Специальная сеть из 680 агентов вела постоянное наблюдение за таксистами, сторожами и официантами. Организация, известная под названием OBPA (выявление и ликвидация антифашистов), вела прослушивание телефонных разговоров, регистрировала всех, получавших почту из-за границы, следила за появлением надписей в общественных

туалетах.

Все антиправительственные партии и издательства прекратили свою деятельность. Вскоре и судебная система была заменена специальными трибуналами, возглавляемыми военными судьями, которые отказывали обвиняемым в праве на защиту.

Тысяч десять человек, предвидевших такое развитие событий, в том числе и бывшие союзники Муссолини — такие, как Ненни, бежали за рубеж — во Францию, Соединенные Штаты и Англию. Те же, кому это не удалось, рано или поздно попадали в поле зрения ОВРА и высылались на жительство в бесплодные и пустынные районы Понцианских и Липарских островов.

Как ни странно, но именно у Итало Бальбо появились сомнения в окончательном исходе дел. Феррарский босс отметил, что после своего выступления о введении диктатуры Муссолини сломался, страдал рвотой и пролежал сорок дней в постели с открывшейся язвой.

— Мы принудили его стать диктатором, — сделал заключение Бальбо, — но Муссолини оказался сделанным не из того теста.

Для зарубежных же репортеров Муссолини являлся законченным тираном, о чем они говорили ему прямо в лицо. В Локарно, еще за месяц до первого покушения на него, двести журналистов, освещавших работу пятисторонней комиссии по решению пограничных споров, дружно пробойкотировали пресс-конференцию, которую собирался провести Муссолини.

— Если они будут протестовать, то у меня готова корзинка для макулатуры, — заявил он, узнав об их решении.

Не привыкший оставаться один, он направился к их лидеру, издателю «Дейли геральд» Джорджу Слокомбу, стоявшему в фойе гостиницы «Палас-отель».

Невзирая на изумленные взгляды собравшихся там, он подошел к Слокомбу и сказал, вместо приветствия:

— Ну и как обстоят дела у коммунизма? Проигнорировав протянутую руку, Слокомб ответил холодно:

— Мне это неизвестно, так как я не коммунист.

Не меняя выражения лица, Муссолини раздраженно процедил сквозь зубы:

— Тогда я, видимо, ошибся, — и резко повернулся на каблуках.

Наблюдавший за этой сценой голландский журналист проговорил:

— Такое часто случается с вами.

Это была лебединая песнь Муссолини в Европе. После этого в

течение двенадцати лет он не пересекал границы страны, навещая лишь отдельные районы Италии, где в обиходе был новый, выдвинутый фашистским режимом лозунг: «Муссолини всегда прав».

Хотя Муссолини прикрыл за собой дверь во внешний мир, государственные деятели и ученые различных стран находили к нему дорогу. Начиная с 1926 года дуче, как министр иностранных дел, подписал больше пактов и мирных или дружественных соглашений, чем кто-либо другой, — восемь за четыре коротких года. Среди его почитателей выделялся британский министр иностранных дел шестидесятитрехлетний Чемберлен, неоднократно выходивший с ним в море на яхте, чтобы разубедить в целесообразности поддержки некоторых действий Франции, направленных против Великобритании. Да и другие видели в Муссолини человека действия в мире пустословия: к 1929 году дуче провел шестьдесят тысяч аудиенций и рассмотрел около двух миллионов прошений своих граждан. Для многих он был Цезарем двадцатого века, искоренившим в своей стране большевизм и добившимся того, чтобы поезда ходили точно по расписанию. Ежегодно он получал более тридцати тысяч поздравительных открыток с пожеланиями счастливого Нового года.

Его остроумие, самоуверенность и голос, низкий и мелодичный, привлекали к нему людей. Даже Махатма Ганди посетовал:

— К сожалению, я не такой супермен, как Муссолини.

Кентерберийский архиепископ видел в нем «одну из гигантских фигур в Европе». Банкир Отто Кан заявил:

— Мир еще недостаточно благодарен ему. А Томас Эдисон открыто признавал:

— Он был одним из величайших гениев современной эпохи.

Даже Уинстон Черчилль, бывший в то время канцлером казначейства (министром финансов) Англии, посетивший Муссолини в начале 1927 года, оказался под большим впечатлением от него. Телохранитель Черчилля, криминальный инспектор Вальтер Томпсон, отмечал, что тот был весьма удивлен, когда при входе во дворец Чиги охрана предложила ему вынуть изо рта сигару. Когда он перешагнул порог кабинета Муссолини, тот продолжал сидеть за столом. Потемнев в лице, Черчилль достал из кармана золотой портсигар, вмещавший три штуки его любимых сигар марки «Ромео и Джульетта», вынул одну и не торопясь закурил. Пуская изо рта дым, он медленно подошел к дуче, который, вскочив, протянул ему руку.

После окончания встречи Черчилль сказал репортерам:

— Если бы я был итальянцем, я наверняка был бы с ним с самого начала и до конца борьбы против неимоверных аппетитов ленинизма.

Но был и такой поклонник, которому он отказал во внимании. Как раз в эти дни на стол ему попала письменная просьба Джузеппе Ренцетти, главы итальянской торговой палаты в Берлине, передать ему фотографию со своим автографом для вручения некоему Адольфу Гитлеру, тридцатисемилетнему лидеру национал-социалистической партии, насчитывавшей тогда 49 000 членов, его поклоннику.

Крупными буквами Муссолини начертал поперек текста письма: «Отказать».

Восемнадцатилетняя Розетта Манчини с нетерпением ожидала приглашения на ужин к своему дяде, когда ей, дочери младшей сестры Бенито Муссолини — Эдвиги, предоставлялась возможность надеть желтое вечернее платье, которое так нравилось дуче, встречавшему ее с комплиментами, как молодую леди. Однако в этот январский вечер 1929 года на Виа Раселла повеяло конспирацией. Поужинав, Муссолини взял скрипку и проиграл почти половину «Рамоны», когда в комнату вошла Цезира Кароччи, спокойная женщина из сельской местности, сменившая Кирилло Тамбару.

Почти шепотом она объявила:

— Эти господа пришли снова и хотят вас видеть. Подобно виновному школьнику, Муссолини приложил палец к губам, прося тишины.

— Подожди в моей туалетной комнате, — попросил он Розетту, — этот вечер может стать историческим.

Хотя Розетта и приложила ухо к двери, она не слышала ничего, кроме тихих голосов, но вот замерли и они, и хлопнула входная дверь. Когда Муссолини вошел в туалетную комнату, лицо его сияло.

Не в силах скрывать свой секрет, он поднял вверх палец, подобно школьному учителю, и спросил:

— Знаешь ли ты, в чем заключается римский вопрос? Розетта знала об этом довольно хорошо. Проблема

эта в свое время разделила нацию почти на шестьдесят лет. Когда в 1870 году Рим был освобожден от папского владычества, власть Папы Пия IX закончилась. До 1815 года суверенитет Папы распространялся на территорию шестнадцать тысяч квадратных миль — от этрусков до Адриатики, и сам Папа был подобен королю. Отказавшись от любых компенсаций и не признавая государство, Пий IX стал добровольным «пленником» ватиканского дворца. С того времени «римский вопрос»

продолжал оставаться глубокой пропастью между папством и национальным правительством вплоть до Папы Пия XI, семидесятидвухлетнего Ачилла Ратти.

Довольный утвердительным ответом своей племянницы, дуче громко рассмеялся.

— Отлично, — сказал он ей. — Я, Муссолини, почти совсем уверен, что смогу добиться успеха там, где провалились такие государственные деятели, как Нитти, Криспи и Орландо. Подумай только — теперь итальянцам не придется раздваиваться, служа католичеству и выполняя свои обязанности граждан.

Хотя в его кабинете не многие знали об этом, Муссолини занимался этой проблемой в течение шести лет. 19 января 1923 года он секретно встречался с кардиналом Пьетре Гаспарри, семидесятиоднолетним государственным секретарем Ватикана. К месту встречи они прибыли порознь и входили в разные двери. Муссолини позже признался своему заместителю Джиакомо Асербо:

— Прежде чем приступить к переговорам, они хотели удостовериться в стабильности нашего правительства.

Со своей стороны, кардинал был доволен готовностью Муссолини предоставить Папе право светского владения определенным сектором Рима без промедления, хотя в душе и опасался, что парламент может с этим решением и не согласиться.

Но в этом Муссолини серьезного препятствия не видел: парламент будет обновлен. Однако кардинал высказал сомнение: сменить палату депутатов без изменения избирательного закона трудно, так как вновь могут быть избраны прежние депутаты.

— В таком случае, — находчиво ответил Муссолини, — нам придется изменить избирательный закон.

Но Муссолини пошел дальше. У него было время — целых пять лет, чтобы доказать свою искренность по отношению к Ватикану. По подсказке своего брата Арнальдо он отдал распоряжение о восстановлении распятия Христа в государственных школах и больницах и возобновлении религиозных занятий. Мессы стали составной частью любых общественных мероприятий. Он увеличил размер жалованья духовенства из общественного фонда, привлек многих священнослужителей на должности капелланов в милицейские части, выделил три миллиона лир на восстановление разрушенных войной церквей и освободил новообращенных от военной службы.

В пользу дуче говорили и другие факторы.

Бывший одно время апостольским нунцием в Варшаве

понтифекс натерпелся страха, когда в августе 1920 года большевики подошли к стенам города. Многие дипломаты тогда бежали, он же остался. С годами его ненависть к большевикам не уменьшилась.

Пий видел в Муссолини единственную гарантию против коммунистического государственного переворота. Уже через несколько месяцев после прихода к власти дуче закрыл 53 римских публичных заведения, прекратил деятельность игорных домов, прикрыл 25 000 винных магазинов и открыл так называемые дома спасения для 5000 ребятишек. На новый, 1925 год, как бы наводя порядок в собственном доме, он узаконил свои отношения с Рашель церковным браком.

Как всегда, мотивация Муссолини была смешанной. Только Арнальдо, с которым он мог говорить открыто, дуче признался, что испытывает ностальгию по детским годам, когда мать перед сном осеняла их крестом. Старая, уже пожелтевшая молитвенная книга Розы и ее небольшая золотая цепочка с медальоном, на котором была изображена Мадонна и которую он носил на шее, были для него самыми ценными вещами. Порою ее вдумчивая, чувствительная натура брала верх над неистовством Алессандро. В отличие от многих своих иерархов он не придавал никакого значения лозунгу, выдвинутому фашистами в свой ранний период, с призывом «деватиканизации» Италии и конфискации всего церковного имущества. Он знал, что никакой режим в Италии не продержится долго у власти без папской поддержки, и, как никакой другой премьер, сделал многое для обеспечения этого.

Лишь два человека досконально обсуждали двадцать положений будущего договора и конкордата на ста пятидесяти встречах: профессор Франческо Пачелли (брат будущего папы Пия XII), законник консистенции, и государственный полномочный представитель Доменико Барон. После смерти Барона Муссолини сам стал вести переговоры с Пачелли, визиты которого зачастую длились с девяти часов вечера до часу ночи.

У Ватикана было достаточно оснований, чтобы быть довольным исходом переговоров. По Латеранскому договору — названному так в честь папской епископальной церкви Святого Джона в Латеране — государство обязывалось выплачивать Папе 10 миллионов фунтов стерлингов в год наличными и ценными бумагами. Пий получал абсолютный суверенитет над независимым ватиканским государством на территории 110 акров. Римский католицизм был признан официальной религией Италии. Ватикан же должен был дать торжественное обещание признавать итальянское королевство, Рим в качестве столицы

государства и оставаться в стороне от возможных диспутов. Все епископы должны были назначаться с одобрения фашистов и клясться в верности государству, королю и правительству.

— Отныне все тучи, — сказал в тот вечер Муссолини Розетте, — будут разогнаны.

И это произошло даже скорее, чем ожидала Розетта. Пополудни в понедельник, 11 февраля, длинный кортеж автомашин направился ко дворцу Латеран, резиденции римского епископа в течение более шести столетий. Кардинал Гаспарри после обмена приветствиями с Муссолини, одетым во фрак, и его министрами подписал соглашение толстой авторучкой с золотым пером и передал его Папе, а затем и Муссолини, которые его также подписали.

У дворца, несмотря на проливной дождь, собралась разношерстная толпа — семинаристы из местного учебного заведения и полицейские в черных рубашках. Когда Муссолини вышел из дворца, зазвонили колокола церкви Святого Джона в Латеране, а слова семинаристов «Те деум» были заглушены криками фашистов «Эйя, эйя, алала».

На следующий день, впервые после 1870 года, на всех улицах были вывешены рядом трехцветные государственные и желто-белые папские флаги. В базилике Святого Петра два часа длилось богослужение с процессией в честь седьмой годовщины коронации Пия XI, в котором участвовали бородатые, в коричневом облачении капуцины, каноники, епископы в. белых митрах и кардиналы в одеждах алого цвета.

Когда появился Пий в золотой митре, сидевший в золотом кресле, несомом двенадцатью здоровенными служками, тридцатипятитысячная толпа разразилась овациями. Папа, просивший не устраивать демонстраций, не смог сдержать своих эмоций, и по щекам его потекли слезы.

Всю ночь люди по всей Италии поздравляли друг друга, в церквах шли службы с благодарственными молебнами: наконец-то правительство установило мирные отношения со святым отцом, «возвратившим в Италию Бога, а Италию к Богу». Слова, произнесенные Бенито Муссолини, стали крылатыми:

— Провидению было угодно, чтобы мы встретились.

Они пили сухой мартини и вели неспешную беседу. За стенами «Гранд-отеля» мартовский ветер гулял по улицам. Она не дотронулась до арахиса, картофельных чипсов и оливок, соблюдая фигуру. Он же не беспокоился о своей фигуре. Все свое внимание он уделял волосам, мажа их макассаровым маслом и надевая на голову сетку не только дома, но и в учреждении. Пианист играл модную в те дни мелодию «Прощай, прекрасная

синьора».

Она — Мими Айлмер, известная тридцатилетняя актриса. Он — Джалеаццо Чиано, сын героя Первой мировой войны, который помог Муссолини прийти к власти, неудачный писатель-драматург, помощник редактора и завсегдатай богемного литературного кружка. В двадцать семь лет он стал второстепенным дипломатом, побывавшим в Рио и Буэнос-Айресе, а теперь был назначен в только что открывшееся посольство при папском престоле.

Шесть лет тому назад, находясь в туристической поездке и попав в Легхорн, его родной город, она встретилась с ним, и они полюбили друг друга.

«Ты знаешь, каким я был скептиком, — написал он ей. — Но теперь я изменился — ты научила меня познать жизнь и любовь».

В другом письме он поведал ей:

«Я более не хозяин собственной судьбы — все решаешь ты».

Она была для него «Мими кара», «Мимина», он же для нее — «Гали» и «Пупи». Она открыто говорила ему о его «ревнивости, сложности характера и эгоизме». Довольно часто у них шли разговоры о проектах Джалеаццо, его амбициях и будущем.

Однако они вскоре бурно расстались, и вот теперь, весною 1930 года, им представилась возможность встретиться в «Гранд-отеле». Он предложил немного выпить и повел разговор о бракосочетании сына короля, кронпринца Умберто, с бельгийской принцессой Марией-Джозе. Затем с улыбкой сказал ей:

— Скоро и я совершу большой шаг. Она спросила с любопытством:

— Кто-нибудь, кого я знаю?

Джалеаццо покачал головой и ответил:

— Могу сказать лишь, что моя женитьба произведет сенсацию.

Мими попыталась угадать. Вряд ли это был кто-то из ватиканских кругов. Партийные боссы — тоже навряд ли. Будучи студентом, Чиано как-то громко прокомментировал:

— Может ли кто-нибудь мне сказать, кто такие фашисты? Для меня они выглядят просто шайкой преступников.

А однажды, когда они гуляли в Боргезских садах и мимо проехал дуче, прохожие отдали ему легионерский салют, Джалеаццо же невозмутимо пошел дальше.

— Почему ты не отдаешь салют своему шефу? — спросила тогда Мими.

Но он в ответ только пожал плечами.

— Не скажешь ли ты, — пошутила она, — что собираешься жениться на королевской дочери?

— Почти что, — загадочно усмехнулся Джалеаццо и еще раз повторил: — Почти.

Гордясь своим новым, сшитым на заказ утренним костюмом, дуче сказал Витторио и Бруно:

— Парни, примиритесь с этим — когда вы соберетесь жениться, такой суеты не будет. По-моему, сегодняшней церемонии вполне достаточно.

Было около пяти часов вечера 23 апреля 1930 года. Сыновья представляли себе, как он себя чувствовал. Прошло уже около шести месяцев, как семья собралась в Риме после семилетней разлуки. Благодаря любезности принца Джиованни Торлония они поселились в его большом особняке в стиле барокко по улице Виа Номентана. Вот тогда-то до них и дошли слухи, что их двадцатилетняя сестра собирается выходить замуж за дипломата Джалеаццо Чиано. И вот теперь вечеринка, которую устраивал дуче по поводу замужества дочери, должна была быть особенной. Прежде чем начать пить шампанское, четыре тысячи гостей выстроились в очередь, чтобы преподнести подарки Эдде и ее молодому супругу. Хотя Муссолини и просил префектов не увлекаться свадебными подарками, некоторые из них были просто великолепны: бритва в малахитовой шкатулке с золотом — от Папы Пия XI, золотой браслет с драгоценными камнями — от короля, дальневосточные шелковые пижамы — от Габриэля д'Аннунцир. Самыми различными белыми цветами — гладиолусами, гелиотропами, гвоздиками — были заполнены все сорок комнат дома. Их было столь много, что Рашель на следующий день отправила четыре грузовика на римское кладбище Кампо-Верано.

Если Муссолини пытался скрыть свои эмоции, то Рашель, в черной сатиновой блузке и простой юбке, сказала Чиано:

— Она доверчива, лояльна и подвижна — это ее положительные черты. Но тебе надо знать и отрицательное — она не умеет готовить, штопать и гладить белье.

В этот ясный весенний день дуче чувствовал душевное облегчение. До переезда семьи в Рим он довольно часто навещал Милан, присматриваясь к Эдде. Он помог ей избавиться от боязни лягушек, спокойно беря их в руки, и преодолеть головокружение, забираясь на высокие деревья. Когда ей было десять лет, она почти постоянно находилась вместе с ним в редакции «Иль Пополо».

— Обидеть ее — все равно что обидеть самого себя, — признался он жене.

Когда Эдда в порядке наказания была поставлена в угол, Бенито тут же поставил будильник, чтобы малышка знала, что

оно скоро окончится.

В десять лет Эдда научилась от Кирилло Тамбары управлять появившейся тогда у них машиной и часто на ней ездила кататься. Назвав воспитательницу «старой каргой», она убежала из школы-интерната во Флоренции. После нескольких ее стычек с ровесниками Муссолини распорядился, чтобы агенты OVRA следили за каждым ее шагом.

Зимой 1929 года, зайдя в семейную ложу Чиано в оперном театре, она столкнулась нос к носу с Джалеаццо. Типичным для ее поведения был вопрос:

— Говорят, что вы очень интеллигентны — правда ли это?

Адмирал Констанцо Чиано вначале побаивался возникшей между ними дружбой, опасаясь обвинений в непотизме, но Муссолини был этим даже доволен. Если римляне сплетничали, что Эдда набегалась уже достаточно, ну и что?

— Джалеаццо, — сказал он одной своей приятельнице, — хороший, интеллигентный парень. Он найдет свою дорогу в жизни.

В тот вечер, когда Эдда и Джалеаццо отправились в свой медовый месяц на Капри, Муссолини сказал с несколько повлажневшими глазами Рашель:

— Мы стареем и скоро станем дедушкой с бабушкой.

За исключением рабочих часов, Муссолини, которому уже исполнилось сорок семь лет, вел неприхотливый образ жизни. Всеми делами в доме заправляла Рашель. Поскольку Бенито платил принцу Торлония номинальную ренту в одну лиру в год, она говорила:

— Хорошо, что здесь полно работы, а то жили бы как в музее.

В парке, на площади тридцать пять акров с пальмовыми деревьями, теннисными кортами и домиками для прислуги, она вела себя как романьольская фермерша, лично кормя кур на заднем дворе. В солнечные дни она спокойно сидела на ступенях дома и что-нибудь вязала или же готовила полные тарелки бутербродов для сыновей, игравших в футбол.

За всю свою жизнь Рашель всего два раза навещала своего мужа на работе, объясняя это своим друзьям:

— У меня всегда столько дел по дому.

И тоже только дважды побывала во дворце Квиринале.

— Если королевская семья меня не трогает, — сказала она однажды Витторио, — этим мне оказывается большая любезность.

Такое ее поведение вполне устраивало Муссолини.

— Рашель — как раз то, что мне надо, — говорил он открыто своим приятельницам. — Она хорошая мать и не пытается играть роль жены премьера.

Хотя он и чувствовал себя счастливым отцом и семьянином, Бенито оставлял за собой право на личную жизнь, ведя себя как холостяк среднего возраста. В обычной же жизни он придерживался строгих правил, наставляя, например, своего дальнего родственника Романо:

— Бери в поездах билеты третьего класса и плати за все — даже за билеты в кино.

Когда Витторио, будучи очень слабым в математике, стал приносить из школы хорошие оценки, отец отправился к его учителю и учинил тому скандал:

— С сегодняшнего дня ставьте ему те оценки, которые он заслуживает. В случае повторения этого безобразия я переведу вас на Сардинию.

Дома Рашель говорила ему неоднократно, когда он пытался вмешиваться в ее дела:

— Управляй страной, а я справлюсь сама с домашними делами.

Однажды во время отсутствия отца Витторио и Бруно, нахватавшись словечек из фашистского жаргона, попытались навести критику на поданный им обед.

— Спагетти и мясной соус — для сыновей революции? — заявили они хором. — Это — блюдо старой буржуазии.

Рашель попросила повторить сказанное, а затем воскликнула с яростью, отчего им стало стыдно:

— Это все вина вашего слабоумного отца!

Жизнь семьи Муссолини на вилле Торлония была стабильной и счастливой, как и во многих домах среднего достатка. Папа, как его называли дети, поднимался в 7 часов утра, совершал небольшую проездку на своей арабской лошади Фру-Фру, подаренной ему почитателями, и редко возвращался домой ранее часа ночи. Муссолини, вечно очень занятый, завтракал в столовой комнате на втором этаже за большим круглым столом не дольше чем три минуты, засекая время секундомером.

— Нельзя терять ни минуты, — говорил он сам себе, выпивая залпом бульон с пастой и съедая кусочек хлеба из непросеянной муки.

Хотя язва его и зажила, он никак не мог избавиться от диспепсии. Отказавшись от кофе и вина, он жил на строгой диете, состоявшей в основном из фруктов и овощей. Но даже и эта пища доставляла ему дискомфорт: довольно часто уже через десять минут после еды он испытывал боль, откидывался на спинку стула и поднимал колени, облегчая положение желудка.

Случались, однако, и веселые минуты. Иногда, постучав вилкой по бокалу, как бы давая настрой, Муссолини вместе с

любившим музыку Бруно пели дуэтом отрывки из арий Пуччини или Моцарта. В другой раз он устраивал шумную возню с сыновьями, веселясь от души, когда во время игры в футбол мяч попадал в окно. В таких случаях Рашель устанавливала штраф в тридцать лир с головы. Дикие звери увлекали его не менее, чем ребят. В домашнем зверинце у них были королевский орел, сокол, обезьянка, две газели, две черепахи и ангорский кот Пиппо. В течение двух месяцев отец с сыновьями прыгали и скакали с четырьмя львятами, жившими на веранде, пока Рашель не потеряла терпение и не сдала их в зоопарк.

Для семьи и прислуги вечерние кинофильмы стали своеобразной необходимостью, хотя Муссолини иногда и клевал носом. Но фильмы с участием Валласа Бира и Греты Гарбо он мог смотреть хоть за полночь.

— Хорошо, хорошо, — бормотал он про себя, приходя в восторг, когда кейстонские полицейские появлялись на экране.

Огоньки сигарет, видимые сквозь деревья, свидетельствовали о том, что собственные полицейские агенты исправно несли службу по охране виллы, что являлось явным признаком: семья эта не принадлежала к семьям среднего класса.

Во многих аспектах его экономность соответствовала бережливости Рашель. В 1929 году он побил рекорд Пу-Ба (персонаж в комической опере «Микадо»), заняв сразу шесть министерских постов — внутренних дел, иностранных дел, военного, флота, авиации, корпораций, — не всегда вовремя получая даже свои сорок тысяч лир как премьер-министр. Значительная часть сумм, вложенных им в правительственные ценные бумаги, — более пятисот тысяч лир — являлись его доходом еще в период «Иль Пополо», а также тысяча шестьсот долларов в месяц, получаемых им за еженедельные газетные статьи, публикуемые в хорстовской прессе.

Не считая его слабости к смене постельного белья три раза в неделю, личные его расходы не превышали тех пятнадцати лир, которые он потратил в свое время на приобретение колыбельки для Эдды.

Таким был папа в своей семье. Но во дворце Венеция, куда он перенес в сентябре 1929 года свою резиденцию, знали другого Муссолини — дуче. Там, на втором этаже дворца, он был правителем, державшим в страхе весь мир. В его кабинете, имевшем размеры более двадцати метров в длину и около пятнадцати — в ширину, было почти совсем пусто, как в покинутом храме. Человек, вызываемый туда, видел лишь «горящие глаза за столом из розового дерева». Кабинет был настолько большим, что дуче общался со своим персоналом

знаками. Так, например, широкий жест руками означал: «Принесите газеты», резкий взмах правой рукой следовало понимать: «Больше ни одного визитера».

Этим знаком он стал пользоваться довольно часто, отмахиваясь не только от просителей, но и от старых и верных товарищей. Те, кто попадал к нему, стояли у стола, подобно нашалившим ребятишкам перед строгим учителем. Сидеть разрешалось только важным посетителям. Военные, даже генералы, которым зачастую было за шестьдесят лет, четко подходили к нему, как когда-то он сам в полку. Бывший младший унтер-офицер демонстрировал, кто теперь был боссом. Курение было запрещено, большинство визитеров стояли молча, наблюдая, как дуче разбирал на своем столе стопки бумаг: чем менее важным был посетитель, тем дольше продолжалась эта процедура. Пришедший к нему Итало Бальбо, не обнаружив свободного стула, присел на край стола.

Власть и успех — вот что занимало теперь мысли Муссолини. Двумя годами ранее он вмешался в права короля Виктора Эммануила III, проведя через большой совет закон, предусматривавший обязательное одобрение палатой депутатов кандидата на престол. Это был выпад против кронпринца Умберто, настроенного антифашистски.

— Вместо ответа на этот вызов, — отреагировал король, — я предпочту отречение от престола.

Однако вслед за этим последовали новые уколы и пренебрежительное обхождение. По приказу Муссолини королевский марш теперь исполнялся после фашистского гимна. Газеты начали печатать слово «дуче» крупными буквами, тогда как упоминание короля шло обычным шрифтом.

Не ограничиваясь схватками с королем, дуче скрестил шпаги и с Папой Пием XI. Уже через три месяца после подписания Латеранского договора он подчеркнул приоритетное право фашизма на образование и воспитание итальянских детей.

«Книга и винтовка — символы настоящего фашиста» — лозунг, произнесенный им, стал основой для действий в этом направлении начиная с детских садов.

— Светская власть сейчас выше духовной, — язвительно сказал Муссолини в адрес Ватикана.

Папа Пий XI тут же отреагировал на это, назвав дуче дьяволом.

Начавшееся противостояние продолжалось три года, пока не был найден компромисс. Чтобы окончательно взять в свои руки дело воспитания молодежи, Муссолини закрыл пять тысяч католических клубов действия — молодежных организаций,

похожих на бойскаутов. Пий XI не мог сдержать своей ярости. Он вызвал к себе нового фашистского посла при своем дворе Цезаря Марию де Веччи и сказал:

— Передайте Муссолини, что его методы вызывают у меня негодование.

Де Веччи даже растерялся. Сказать такое послу было из ряда вон выходящим.

— Более того, — продолжал первосвященник, сдвинув свою белую ермолку на правое ухо, что свидетельствовало о его ярости, — скажите ему: он сам вызывает у меня отвращение, и при виде его меня тянет на рвоту.

Как всегда, исправить создавшееся положение помог Арнальдо. Именно он настоял на смещении специального уполномоченного по железным дорогам Эдоардо Тор-ре, доказав его казнокрадство, и увольнении секретаря партии Аугусто Турати, наркомана, занимавшегося самобичеванием. Преемник Турати — Джиованни Гуриати, отставной генерал, стремившийся избавить партию от «загнивших деревьев», действовавший с солдатским пренебрежением к политике, выгнал с занимаемых ими постов или крупно оштрафовал около ста двадцати тысяч взяточников и растратчиков.

Арнальдо свалил в Милане со скандалом местного партийного босса Марио Джиампаоли, бывшего в свое время разносчиком телеграмм, развлекавшегося с женщинами за счет партийной кассы и нанесшего ей урон в размере девяти тысяч лир, как показала проверка.

Арнальдо удалось уговорить брата пойти на мировую с Папой. А перед Рождеством 1931 года сорокашестилетний Арнальдо схоронил своего любимого сына, после чего с ним самим случился сердечный приступ прямо в такси.

Муссолини, присутствовавший на похоронах брата, при выходе из церкви Святого Марка сказал другу семьи Марио Феррагути:

— Теперь мне остается только помириться со всеми. В феврале 1932 года, в третью годовщину Латеранского договора, Муссолини встретился с Папой Пием XI, и не в фашистской черной рубашке, а во фраке с золотым галуном и шляпе со страусовым пером. Когда Пий сообщил ему, что молился за Арнальдо, Муссолини был этим очень тронут. Затем оба договорились о том, чтобы, учитывая жизненную важность сотрудничества Церкви с государством, вновь открыть католические клубы действия, которые будут находиться под контролем епископов.

Эдде, уехавшей в Шанхай, куда Чиано был назначен

генеральным консулом, Муссолини дал телеграмму: «На ватиканском фронте все спокойно».

Пий, веривший в добрые начала в душе Муссолини, был, однако, недоволен тем, что тот публично отказался поцеловать святыню — кольцо рыбака и только один раз помолился у апостольской гробницы, и то лишь чтобы его при этом сфотографировали. Папа воспользовался установившимися дружескими отношениями с Муссолини и просил Цезаря Марию де Веччи передать ему:

— Скажите синьору Муссолини от моего имени, что его полуобожествление самого себя мне неприятно и наносит ему же вред. Он не должен возносить себя между небом и землей… и понять, что существует лишь один Господь Бог. — И добавил многозначительно: — Рано или поздно народ сбрасывает своих идолов.

Когда смущенный де Веччи докладывал ему об этом, Муссолини выслушал внимательно, слегка улыбаясь и несколько скептически, а в заключение спросил:

— Скажи-ка, а что думаешь ты?

— То же, что и Папа, — тихо ответил тот. Неожиданно Муссолини вспылил и распорядился:

— Иди сейчас же к Папе и скажи ему, что он прав.

Покинув кабинет дуче, де Веччи вздохнул облегченно. Если Муссолини обратит внимание на слова Папы, еще не поздно для диктатора и его режима изменить курс.

24 апреля 1932 года, в воскресенье, дуче влюбился в Кларетту Петаччи.

На небольшой скорости тридцать километров в час бельгийский лимузин «империя» приближался к приморской Остии. Кларетта даже сказала было шоферу Саверио Копполе, чтобы он увеличил скорость. Однако ее слова не возымели действия: бывший кучер относился к машинам как к ландо, осторожно объезжая каждую ямку на дороге. Вообще-то Петаччи — двадцатилетняя Кларетта, ее мать Джузеппина и девятилетняя Мириам — в тот день не торопились. Вместе с женихом Кларетты, красивым лейтенантом военно-воздушных сил Риккардо Федеричи, они направлялись в Остию на воскресную увеселительную прогулку.

Вдруг сзади раздался резкий и повелительный гудок. Коппола едва успел принять вправо, как мимо них в клубах дорожной пыли как стрела промчалась двухместная «альфа-ромео», за рулем которой сидел мужчина в голубом берете. Вслед за ней следовала вторая машина с вооруженными людьми. Узнав промчавшегося человека, Кларетта вскочила на ноги с криком

«Дуче, дуче!» и стала дико размахивать руками.

К их изумлению, Муссолини начал непонятную игру. Он резко затормозил и перешел на малую скорость, но, как только Коппола поравнялся с ним, раздался, подобно кавалерийской трубе, гудок его клаксона, дуче снова резко обошел лимузин и метрах в ста опять остановился. Покрытые пылью полицейские агенты старались не упускать дуче из виду. Но вот Муссолини дал газ и тут же скрылся вдали.

Для Кларетты это был незабываемый момент в ее жизни. Дочь доктора Франческо Петаччи, бывшего уже семнадцать лет главным врачом Ватикана, она обожала Муссолини. Восьмилетней девочкой она швырнула камень в рабочего, когда тот, услышав гвалт на улице, язвительно сказал:

— Это выступает дуче.

В десять лет Кларетта громкими возгласами приветствовала войска, маршировавшие по улицам Рима, за что получила звонкий шлепок от бабушки, ярой католички. Ночью она спала с портретом Муссолини под подушкой, в школе его портрет лежал в итало-французском словаре. Она посылала свои школьные поэмы во дворец Венеция, перевязывая конверты трехцветной ленточкой, и заучивала наизусть его речи. Она писала на песке «дуче», когда отправлялась купаться, и на кексах, выпекаемых ею на занятиях по кулинарии. 28 февраля 1926 года пережила горькое разочарование, послав ему приглашение на свое четырнадцатилетие, но Муссолини тогда так и не появился на вечере.

Когда их лимузин выехал на пляж, Кларетта увидела невдалеке «альфа-ромео», рядом с которой стоял Бенито Муссолини. И она не упустила свой шанс, решив подойти к нему и представиться.

Федеричи направился вслед за ней. Дуче дал знак охране пропустить их. Острый взор Муссолини сразу же отметил ватиканский номерной знак лимузина и, когда Кларетта представилась, поинтересовался доктором Петаччи. Кларетта заговорила о своих школьных поэмах, которые она посылала ему. Хотя они ничего для него не значили, Муссолини сделал вид, что вспоминает. Девушка с коротко подстриженными вьющимися коричневатыми волосами в соломенной шляпке, с несколько сипловатым голосом и голубыми глазами заинтриговала его. Неожиданно он сказал:

— Вы дрожите, вам холодно?

— Нет, дуче, это от эмоций, — ответила Кларетта, как на исповеди.

Отдав салют, Федеричи тут же повел ее назад к своей

машине. Аудиенция длилась всего пять минут. Но в этот и последующие дни Кларетта с сияющими глазами вспоминала дорогие для нее минуты. Ее отец, сорокадевятилетний доктор Петаччи, и брат Марчелло с любопытством выслушали восторженный рассказ Кларетты о том, насколько просто он себя вел и сколь магнетичны его глаза. А как они думают, действительно ли он читал ее поэмы?

Через несколько дней после этого как-то после обеда в десятикомнатной квартире Петаччи, выходящей окнами на Тибр, раздался телефонный звонок. Мириам, взявшая трубку, услышала низкий мужской голос, попросивший «синьорину Клару». После непродолжительной паузы он добавил:

— Скажите, что это — господин из Остии.

— Это тебя, — сказала Мириам сестре. — Он назвался господином из… — И она сразу же поняла, кто это был. Паническим голосом девятилетняя малышка воскликнула: — Боже мой! Это ведь он!

Ни Кларетта, ни ее сестра не помнили подробностей того, что произошло далее. Дуче, оказывается, прочитал поэмы Кларетты и захотел ее увидеть. Ей следовало испросить разрешения матери и жениха. Матери разрешалось приехать вместе с нею.

В семь часов вечера, надев шерстяное платье песочного цвета и шляпку, украшенную цветами, Кларетта поднялась по длинной каменной лестнице в величественное здание, называемое в народе Сала-дель-Маппамондо. Муссолини неподвижно стоял у своего стола, освещенный сумеречным светом.

Во время их первой встречи он держался ровно и уважительно. Он спросил о ее увлечениях. Оказалось, что она играла на скрипке и фортепиано, предпочитая Шопена и Бетховена. Она любила спорт — верховую езду, бег на лыжах, теннис и езду на машинах. Если бы отец не возражал, она получила бы и лицензию пилота. Она по-любительски занималась живописью.

— Это правда, что вы дрожали не от холода в тот ветреный день в Остии? — неожиданно спросил он ее.

И тут же с явной неохотой признался, что не спал три ночи, думая о ней. Столь же неожиданно он отпустил ее, сказав:

— Уже поздно — вам пора идти.

В течение двенадцати месяцев Кларетта вызывалась во дворец несколько десятков раз. Каждая встреча продолжалась не более пятнадцати минут, во время которых они стояли у каменной оконной амбразуры пятнадцатого века, беседуя о книгах и музыке. Кларетта не анализировала свои чувства. Ей было вполне достаточно находиться с человеком, которого она

идеализировала с детства.

В то время миллионы итальянцев испытывали похожее чувство. Муссолини так трансформировал Италию, как этого до него никто не делал, — во всяком случае, партийная пропаганда не уставала твердить об этом. За десять лет нахождения у власти он превратился в живую легенду — против его скептиков выступали реальные успехи: 400 новых мостов, включая мост Либерта, длиной четыре с половиной километра, соединивший Венецию с материком; 8000 километров новых дорог, которые постоянно поддерживали в рабочем состоянии 6000 рабочих; гигантский акведук, принесший жизнь в засушливые районы Апулии.

Он был человеком, задавшим темп двадцатому веку: поездка из Рима в Сиракузы длилась теперь пятнадцать часов вместо прежних тридцати. От Калабрии до швейцарской границы шестьсот телефонных станций обеспечивали устойчивую телефонную связь всей страны. Он покорил океан, отправив в плавание два могучих лайнера «Конте Россо» и «Рим». В августе 1933 года новый гигант «Император» пересек Атлантический океан за четыре с половиной дня. В июле того же года он стал хозяином неба, снарядив в исторический перелет Рим — Чикаго двадцать пять самолетов, ведомых министром авиации Итало Бальбо, которому вскоре было присвоено звание маршала авиации.

Он объявил войну криминалитету и мафии, заявив:

— Пять миллионов сицилийцев не должны более быть заложниками нескольких сот бандитов.

Мафия к тому времени уже превратилась в своеобразное зловещее братство, занимавшееся всеми уголовными делами от контрабанды до заказных убийств.

Муссолини назначил префектом Палермо Цезаря Мори, который начал беспощадную борьбу с мафией, преследуя ее представителей повсюду. Под его руководством было освобождено более миллиона голов крупного рогатого скота, угнанного бандитами, конфисковано 43 000 единиц огнестрельного оружия, арестовано 400 крупнейших мафиози, в числе которых был дон Вито Касцио Ферро, наводивший в течение тридцати лет страх на всю округу. Число убийств в Палермо резко сократилось с 278 до 25 в год.

Дуче культивировал заброшенные земли, решив двухтысячелетнюю проблему, с которой пытались бороться еще Нерон и Юлий Цезарь. Так, например, южнее Рима находился заболоченный район, занимавший территорию 180 000 акров, в котором с мая по октябрь обитали только дикие утки и другие

птицы и который был рассадником малярии. Муссолини дал графу Валентино Орсолини Ценчелли, эксперту в сельскохозяйственных вопросах, три года на решение этой проблемы.

И граф выполнил свою задачу. Начав работы с 2000 тосканских рабочих, он увеличил их число до 25 000 и прорыл глубокие канавы по всей болотистой местности, обеспечив свободный сток воды. Ежедневно там в течение шести месяцев гремели до четырех тысяч взрывов, расчищавших землю от корневищ деревьев и зарослей, в которых гнездились москиты. Рабочим приходилось работать в антимоскитных масках, поскольку они носились там тучами. В ноябре 1932 года, по прошествии всего двенадцати месяцев с начала работ, на этих землях стали селиться первые фермеры, а через месяц дуче под грохот фанфар основал первый в этом районе город — Литторию.

Итог работы Ценчелли составил 400 километров дренажных канав, 600 километров новых дорог и 500 фермерских поселений. Через два года там уже насчитывалось 3000 фермерских хозяйств и два новых города — Сабаудия и Понтиния. За время работ погибло 59 человек.

«Будьте горды тем, что живете во время Муссолини», — говорилось в листовках, расклеиваемых на стенах и рассылаемых по домам.

Такое чувство и испытывала Кларетта, посещая дворец Венеция. Рядом с этим человеком она чувствовала себя как во сне, поэтому закрывала на все глаза.

Ни один итальянский правитель, утверждала пропаганда, не вникал столь глубоко в чувства и чаяния народа — от рождения людей и до самой их смерти. Кто, кроме Муссолини, обустроил 1700 летних лагерей для детей в горах и на море? Кто другой выделял ежегодно 1 600 000 фунтов стерлингов для дородовых клиник и 3 500 000 фунтов на пособия многосемейным? Кто дал итальянцам восьмичасовой рабочий день и кодифицировал страховые пособия для стариков, безработных и инвалидов? Только Муссолини, заявлявший на любых сборищах, что его целью является сильная Италия — «процветающая, великая и свободная».

Даже неудачные решения в сфере экономики выдавались партийными литературными поденщиками за последнее слово в области фашистской проницательности. Вопреки подсказкам финансовых советников, он поднял обменный курс лиры до девятнадцати лир за один доллар, что привело к росту государственного долга до 145 миллиардов лир в 1939 году. В целях установления контроля за производственными мощностями

страны он основал корпоративное государство путем создания двадцати двух торгово-промышленных корпораций, представлявших интересы как работодателей, так и рабочих и служащих. По введенному положению ни один предприниматель не имел права расширить или закрыть свой завод или фабрику без разрешения государства. В то же время профсоюзы были лишены всяких прав, рабочим не разрешалось бастовать, зарплата урезалась декретами. Таким образом, корпоративное государство стало подобием египетских пирамид, загроможденных мумиями фашистской бюрократии.

В течение восьми лет, начиная с 1925 года, Муссолини вел битву за сельскохозяйственную продукцию, увеличив производство пшеницы в два раза — до семи миллионов тонн. Фрукты, масло и вино шли хорошо, а с падением мировых цен на пшеницу она пошла на продажу за полцены.

Стараясь увеличить численность населения, он возвел семью на пьедестал. Начиная с 1927 года три миллиона холостяков Италии были обложены налогом, приносившим государству один миллион фунтов стерлингов в год. Тем самым дуче подталкивал их к алтарю. Семейные мужчины имели преимущество при устройстве на работу и получали льготы на проезд трамваем и оплату газа. Кампания эта приняла даже своеобразную цирковую окраску — был введен день матери и ребенка, а при рождении седьмого отпрыска женщины награждались специально отчеканенной медалью. Милиция получила распоряжение отдавать честь беременным женщинам.

Вскоре Муссолини-человек был заменен нелепой легендой. Пресса печатала его фотографии во всевозможных видах и позах — верхом на коне, за управлением яхтой, в военной форме и высоких сапогах с отворотами или же босиком на пшеничном поле, а также при различных занятиях — за рулем спортивной машины, выступающего с речью перед толпой, тренирующего животных, играющего на скрипке. Его портреты появились на женских атрибутах для плавания и упаковках детского питания, а продавцы стали носить фашистские фески. Некоторые люди использовали его изображение в качестве амулетов. Беременные женщины ставили его портрет на ночные прикроватные столики и тумбочки, надеясь, что их младенец приобретет его качества, а особо ретивые уезжали в родильные дома поблизости от его родной деревни.

Вознесенный между небом и землей, как его охарактеризовал Папа Пий XI, он стал объектом паломничества. Некий старец прошел пешком с тачкой семьсот километров к месту ранения Муссолини во время войны, чтобы привезти ему бочонок воды из

реки Пьяв. А двенадцатилетний паренек из Мерано прошел девятьсот километров босиком, чтобы только увидеть его. Один туринец, которого дуче обнял на какой-то церемонии, перестал умывать свое лицо. В Риччионе, где находилась его приморская вилла, истеричные женщины часами плавали в воде, чтобы только увидеть, как он входит в море.

Те, кто не мог видеть его во плоти, собирали реликвии дуче. В десятую годовщину марша на Рим толпы людей молча собирались у носилок времен Первой мировой войны, на которых, как было сказано, его выносили с поля боя. В одной из гостиниц в горах, где он однажды обедал, положили в стеклянную витрину вилку, которой он ел спагетти. Цезаре Фраккари, один из фашистских лидеров, завтракавший с ним в траттории, был изумлен исчезновением стула, на котором сидел дуче, буквально через несколько минут, как он с него встал, что проделали охотники за сувенирами.

Богатые почитатели подносили ему в качестве подарков великолепные виллы с земельными участками, чучела орлов и других животных и птиц. Будучи в хорошем расположении духа, он как-то сказал Наварре:

— Если я отойду от дел, то всегда смогу открыть ларек на «блошином базаре».

В Сан-Ремо новый выведенный сорт гвоздики был назван в его честь, а горный пик Монблан переименован в Мон-Муссолини. В Лозанне хозяйка итальянской прачечной объявила себя новой мадам Сен-Жене:

— Если она стирала белье Наполеона, то я — белье Муссолини.

Такое могло вскружить менее слабую голову, чем у дуче. В первые годы его правления успех сопутствовал ему, и он вмешивался даже в мелкие вопросы. Когда, например, римский рыботорговец пожаловался, что местные власти не продлили ему торговую лицензию, Муссолини лично поехал к нему, чтобы снять этот вопрос. В другой раз, протянув какому-то бродяге крупную денежную купюру, дуче сказал бывшему с ним Итало Бальбо в качестве объяснения своего поступка:

— Если ты сам бывал голоден, то поймешь с одного взгляда голодного человека.

В те годы он позволял себе остроты, обращаясь к толпе. Так, на массовом митинге в Палермо, когда вышел из строя усилитель звука, кто-то из толпы крикнул:

— Громче!

Муссолини тут же отреагировал на выкрик, заявив:

— Обо всем этом вы прочитаете в завтрашних газетах.

Иногда его юмор становился довольно резким.

Фатально, но дуче стал постепенно верить публикациям прессы о себе. Если культ Муссолини стал возникать спонтанно, то теперь он раздувался целеустремленно, возвеличивая низкопоклонство. Массовые митинги с участием не менее пятидесяти тысяч человек ежедневно стали чуть ли не обязательным явлением, когда дуче, уперев руки в боки, выступал перед толпой с балкона своей резиденции во дворце Венеция.

— Черни нравятся сильные люди, — говаривал он. — Чернь все равно что женщина!

Койка, которую он занимал тридцать лет тому назад в казарме в Вероне, превратилась в святое место и была украшена бронзовым бюстом. Когда он появлялся на киноэкране, все зрители были просто обязаны приветствовать его стоя. Его однодневные визиты в Турин или Болонью обходились отцам этих городов не менее чем в шесть тысяч фунтов стерлингов, которые тратились на декорации, банкеты и фейерверки.

Он построил шестнадцать тысяч начальных школ, большинство из которых стали фашистскими семинариями. В каждом классе его портрет висел слева от распятия. На утренних молитвах ученики хором повторяли: «Я верю в величие дуче, создателя чернорубашечников, и Иисуса Христа, его духовного покровителя».

Ученикам задавались задачки, подобные такой:

— Если Муссолини получал пятьдесят шесть лир в месяц, будучи учителем, то сколько приходилось на один день?

В год, когда членство в фашистской партии стало обязательным для всех, дуче провозгласил:

— Массы обязаны подчиняться. Для них непозволительно терять время в поисках истины.

В палате депутатов, получившей прозвище «палаты пучка прутьев ликтора и корпораций», Муссолини восседал на подиуме выше своих коллег. Почти все старые его товарищи, обращавшиеся к нему на «ты» в дни марша на Рим, были, мягко говоря, спущены по лестнице вниз и занимали теперь посты, где не могли оказывать существенного влияния на политику. Дино Гранди, не боявшийся говорить ему правду, был назначен послом в Лондон; Луиджи Федерцони стал президентом сената; Итало Бальбо с поста министра авиации был отправлен в Ливию в качестве ее правителя; Альберто де Стефани, сбалансировавший бюджет страны в 1924 году, ушел на покой; Леандро Арпинати, бывший некоторое время заместителем министра внутренних дел, оказался как диссидент в ссылке на острове Липари.

— Муссолини теперь не нужны никакие советы, — с горечью

говорил Арпинати в кругу своей семьи. — Ему требуются лишь аплодисменты. Да и сам дуче признавал истину этих слов. Когда его спросили, почему он отослал Гранди в Лондон, Муссолини признался:

— Он слишком хорошо меня знал.

Близкие к нему люди отмечали, что даже на заседаниях большого совета Муссолини проявлял себя как тиран, проводя их целые ночи вплоть до рассвета и делая в начале их перекличку, во время которой каждый должен был вставать, как школьник, и отвечать «Здесь!». Если кто-либо давал оценку истинного положения дел, то рисковал тут же уйти в отставку. Однажды, когда один из старых дипломатов доложил ему о ходе Женевской конференции по отравляющим веществам, дуче спросил, какой же из газов является самым смертоносным.

— Воскурение фимиама, ваше превосходительство, — ответил тот. И был отправлен на пенсию.

Как ни странно, но такие лица узнавали о своей отставке в последнюю очередь. Характерен случай с министром образования Франческо Эрколе, известным поэтом в Катании на Сицилии. Сев в спальный вагон поезда, прибывавшего на Центральный железнодорожный вокзал в Риме, он не успел еще распаковать свои вещи для ночной поездки, как был вынужден вновь их упаковать, получив телеграмму: «Я принял вашу отставку. *Муссолини*».

Не многие из его окружения были удивлены, когда в 1933 году Муссолини посчитал, что стоит выше на голову любого государственного деятеля мира. В последнюю неделю января ему была вручена телеграмма из Берлина от Джузеппе Ренцетти, ставшего итальянским генеральным консулом, в которой он сообщал о приходе к власти в Германии нацистской партии.

— Завтра же, — предсказал дуче, — новым правителем там станет Адольф Гитлер.

Агостино Ирачи, начальник секретариата министерства внутренних дел, принесший ему эту телеграмму, осторожно спросил дуче:

— В интересах ли Италии, что Германия становится сильнее?

Дело в том, что в ноябре 1923 года Муссолини расценил попытку пивного путча в Мюнхене, организованную Гитлером, как «бестолковое действо глупых ребят».

Муссолини скептически посмотрел на него. Но если какое-то сомнение и пронеслось у него в этот момент в голове, он быстро его рассеял. Выпятив нижнюю челюсть, он ударил кулаком по крышке стола и выпалил:

— Идея фашизма овладевает миром. Я подсказал Гитлеру

много хороших идей. И вот теперь он следует за мной.

Из всех вечеров в жизни Элизабет Церути, жены итальянского посла в Германии, вечер в президентском дворце в Берлине был самым запомнившимся. Тогда были соблюдены все правила дипломатического протокола, но ей было непонятно, почему она и ее муж Витторио, стоявшие всегда в самом конце протокольного списка, вдруг 7 февраля 1933 года оказались в центре внимания. Вновь избранный канцлер Адольф Гитлер лично проводил ее на ужин дипломатического корпуса.

При мерцающем свете канделябров двести гостей приветствовал президент Веймарской республики восьмидесятишестилетний фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, стоявший опираясь на трость из черного дерева. Взгляд Элизабет обежал подиум, ища своего партнера, но там его видно не было.

Вдруг в дальнем углу помещения она увидела Гитлера, стоявшего одиноко, бледного, но спокойного. Он скрестил руки на смокинге, впервые им надетом, и бесстрастно смотрел на президента. Ей показалось, что он предоставил Гинденбургу возможность покрасоваться на виду у всех, прекрасно осознавая: угол, в котором он стоял, превратился в «один из кардинальных пунктов вселенной».

Когда Гитлер нагнулся, чтобы поцеловать ей руку, она вспомнила ночь 30 января — дату рождения Третьего рейха: факельную процессию, шедшую мимо ведомства канцлера, громкий топот кованых сапог, звериный триумф песни о Хорсте Весселе, рвавшейся из тысяч глоток. Идя к своему месту за столом, она почувствовала, что ее неприязнь усилилась.

— Следи внимательно за Гитлером, — наставительно шепнул ей муж, — и не пропусти ни одного сказанного им слова.

Задача была не из легких. За ужином Гитлер, кипя от ярости к тем, кто находился в оппозиции к его приходу к власти, не раз принимался говорить, держа нож и вилку в сжатых кулаках и сверкая бледно-голубыми глазами: «Отныне Германия станет великой державой, законные требования которой мир должен будет признать». С ужасом сеньора Церутти заметила, что он даже трясся от неистовства. Голос его возвысился до истеричного крика, подобного тому, когда прачки наносят одна другой оскорбления.

Мысленно она сравнила его с Бенито Муссолини и назвала имя дуче.

Эффект оказался просто магическим. Глаза Гитлера сразу же смягчились, а голос принял более низкую и теплую окраску. Вот тут-то жена посла поняла, почему оказалась на месте для почетных гостей.

— Я слишком уважаю этого великого человека, — тихо сказал он ей, — чтобы обращаться к нему, не имея определенных позитивных результатов. Сейчас же положение изменилось, и я намерен с ним встретиться. — Невидящим взглядом он посмотрел на белую скатерть и сверкающий хрусталь и добавил: — Это будет самым счастливым днем моей жизни.

Было утро, созданное для поэтов и венецианцев. В пяти тысячах метрах под крылом «юнкерса» лагуна сверкала серебром, оттеняясь зеленью берега. Взглянув назад, личный пилот канцлера Адольфа Гитлера Ханс Бауэр отметил, что тот был взволнован прелестной картиной, открывшейся перед ними. Обратившись к своему пресс-атташе Отто Дитриху, он показывал знакомые ему по иллюстрациям исторические объекты — величественное здание храма Святой Марии, как бы выплывающее, подобно галеону, на всех парусах в большой канал, и сверкающие купола собора Святого Марка.

Бенито Муссолини, ожидавший их прилета на аэродроме Сан-Николо-ди-Лидо, был не в духе. В солнечное утро 14 июня 1934 года он впервые встречал Гитлера на итальянской земле и собирался серьезно с ним поговорить. Уже в течение нескольких месяцев нацисты в Австрии терроризировали клерикальное правительство канцлера Энгельберта Дольфуса. Стремясь к тому, чтобы Австрия оставалась независимым буферным государством, дуче не испытывал дружеских чувств по отношению к человеку, собиравшемуся аннексировать ее, — Адольфу Гитлеру, канцлеру и президенту, называвшему себя «фюрером».

Когда «юнкере» после приземления остановился, фашистские официальные лица пораскрывали рты от изумления. Черной военной форме Муссолини резко контрастировал дождевик немецкого фюрера цвета хаки с поясом, серый гражданский костюм и обычные кожаные ботинки. Стоило ему появиться в двери самолета, нервно поправляя фетровую шляпу, один из четырехсот репортеров услышал, как дуче тихо сказал хриплым голосом шефу своего пресс-бюро Джалеаццо Чиано:

— А он мне не нравится.

Это наложило своеобразный отпечаток на их двухдневную встречу. Муссолини снисходительно похлопал Гитлера по плечу, поприветствовав его по-немецки. Во время исполнения оркестром песни «Хорст Вессель» фюрер прошипел немецкому послу Ульриху фон Хасселю:

— Почему вы не посоветовали мне надеть военную форму?

Отношение Гитлера к Муссолини, высказанное им Элизабет Церутти восемнадцать месяцев тому назад, несколько изменилось. Хотя именно дуче показал ему дорогу к власти,

продемонстрировав, как следует устранить парламент и заткнуть рот прессе, накинуть узду на народ и пересажать оппонентов, наконец, создать нелегальную армию, прибегнув к патриотическим лозунгам, его коробило пренебрежительное отношение к нему Муссолини, которое тот и не скрывал.

Первая их беседа в богато меблированном салоне дворца Стра окончилась к полному неудовольствию обоих диктаторов. Невзирая на то что говорил он на ломаном немецком языке, Муссолини отказался от переводчика, и беседа проходила за закрытыми дверями. Уже скоро послышались удары кулаком по столу и повышенные голоса с хорошо различимым словом «Австрия». Когда они вышли из салона, лица обоих были красными, как бы застывшими и недовольными.

В «Гранд-отеле», где остановился Гитлер, репортеры, собравшиеся на пресс-конференцию, встретили слова Джалеаццо Чиано, что встреча Гитлера с Муссолини прошла «в атмосфере полного радушия и сердечности», непристойно весело.

Гитлер постепенно начал понимать Муссолини, а того волновал не только вопрос независимости Австрии, но и его личные отношения с пятидесятиоднолетним Дольфусом, который ему нравился. В августе 1933 года он был со своей женою АЛЬБИНОЙ у него в гостях на вилле в Риччионе. Они тогда хорошо отдохнули, катаясь на лодках, плавая и совершая прогулки на катерах.

— Я дам понять в Берлине, что Австрию следует оставить в покое, — заявил Муссолини и спонсировал два миллиона шиллингов Дольфусу на пропагандистскую деятельность.

В марте, когда Дольфус снова попытался получить поддержку в Риме, Муссолини признался своему сыну Витторио:

— Котел под бедным Дольфусом кипит, а Гитлер продолжает подбрасывать дровишки в огонь.

В это время Муссолини одолевали и личные проблемы. Через несколько дней в июне Кларетта Петаччи собиралась выйти замуж за своего лейтенанта. И дуче уже попрощался с ней, сказав:

— Ну что же, малышка, вы уходите, и я больше вас не увижу. Будьте счастливы.

Он не сожалел, что их отношения оставались платоническими, поскольку уважал ее молодость и искренность. Но признался себе, что ему будет ее не хватать, как и ощущения молодости, которое она ему давала.

Мысли его опять возвратились к Гитлеру. Он не простил тому, что фюрер не последовал его совету весной 1933 года, переданному через посла Черутти, и не внял предупреждению:

— Антисемитский вопрос повернет врагов Германии, включая

и ее собственных христиан, против Гитлера.

Вначале фюрер воспринял слова посла довольно спокойно, однако тут же взорвался, заорав:

— Разрешите мне считать, что Муссолини ничего не понимает в еврейской проблеме! Имя Гитлера будет везде произноситься с признательностью, как имя человека, стершего с лица земли еврейскую чуму.

Когда же барон Константин фон Нойрат, министр иностранных дел Германии [1], попытался тайно убедить дуче публично заклеймить точку зрения Гитлера, он ничего предпринимать не стал, не желая показывать миру, что нашелся человек, проигнорировавший его мнение.

На этот раз дуче решил показать гостю его малую значимость. В пятницу, во время парада в честь Гитлера, тот простоял в одиночестве на плацу более получаса, дожидаясь Муссолини. Когда дуче появился и оркестр заиграл, глаза у фюрера расширились от удивления — и было отчего. Мимо трибуны ряд за рядом проходили отряды фашистской милиции — шагая не в ногу, небритые, в потрепанной и неряшливой одежде (таково было распоряжение дуче).

Но это было еще не все. Муссолини приказал собрать на площади Сан-Марко беснующуюся толпу, демонстрирующую великое будущее Италии, на которую из окна смотрел Гитлер. За обедом в гольф-клубе «Лидо» в чашку с кофе Гитлера была насыпана соль. По протоколу была предусмотрена поездка на катере по каналам для показа Гитлеру достопримечательностей города, но она проведена не была. В свою очередь, цитируя собственное сочинение «Майн кампф», Гитлер заявил, что у всех средиземноморцев в жилах течет негритянская кровь.

Во время вечернего приема фюрера Муссолини, не дожидаясь конца, бесцеремонно ушел, считая, что и так выполнил свой долг. Канцлер должен возвратиться в Германию, зная мнение дуче о себе и понимая всю серьезность вопроса об Австрии.

— Это — горилла, — сказал Муссолини конфиденциально некоторым партийным боссам, — и должен получить урок.

Генералу Пьетро Бадолио, начальнику генерального штаба армии, он заявил язвительно:

— Он просто варвар… граммофон с семью пластинками.

Зная об этих высказываниях, Джалеаццо Чиано решил, что они должны дойти до Гитлера. Он считал себя политическим деятелем и пытался воспользоваться положением зятя самого дуче.

Посасывая через трубочку томатный сок — излюбленный напиток года, — он, сидя, в баре гостиницы «Даниэли», небрежно

произнес, обращаясь к любознательным репортерам:

— Гитлером овладела навязчивая идея превентивной войны в Европе. А знаете ли вы, как его называет дуче? Чингисханом нового типа.

На столе перед Витторио Муссолини стояли остатки завтрака — несколько ломтиков апельсина, кусочек сыра, недопитая чашка крепкого кофе. Сквозь прикрытые жалюзи окна виллы Риччионе до него доносились звуки Адриатики — плеск волн, шорохи ветвей пальмовых деревьев. Девятнадцатилетний сын дуче собирался пойти на пляж.

Какая-то автомашина на большой скорости подъехала к дому и резко затормозила. Вытирая салфеткой губы, Витторио поспешил к двери. Его родители уехали, и их возвращения он ожидал не ранее наступления темноты. Но тут в дверь вошла Рашель, а за ней показались широкие плечи отца. С побелевшим лицом, прижимая костяшки рук ко рту, она произнесла:

— Сегодня утром они убили Дольфуса.

Всего полторы недели тому назад жена Дольфуса Альвина с двумя детьми — Рудольфом четырех лет и Эви шести лет — поселилась в вилле по соседству, которую для них снял Муссолини. Завтра к ним должен был присоединиться сам канцлер. Бенито размышлял, как сообщить ей о случившемся.

Закрывшись в своем кабинете, дуче попытался проанализировать известные ему факты. Первый тревожный сигнал пришел от Ойгенио Морреале, начальника венского бюро «Иль Пополо д'Италиа». Ночью он услышал передачу, что Дольфус более не канцлер и что нацисты захватили радиостанцию. Утром он сразу же поспешил в итальянскую дипломатическую миссию, опасаясь, что Дольфус уже мертв. Еще накануне Морреале встречался с канцлером, и тот сообщил ему, что собирается повезти в подарок Муссолини путеводитель по Вене, изданный в восемнадцатом веке на итальянском языке. У него в ушах еще звучали слова Дольфуса:

— Моя семья находится там, у вас. Малыш уже начал говорить по-итальянски, спросив в разговоре по телефону, скоро ли я к ним приеду.

Хотя миссия и не располагала точными сведениями, оттуда позвонили в Рим заместителю министра иностранных дел Фульвио Сувичу. Было высказано предположение, что Дольфус находится в заложниках у нацистов. Будучи не в состоянии связаться с дуче, Сувич позвонил генералу Федерико Байстроччи, заместителю военного министра. Не говоря лишних слов, он сообщил ему:

— В Вене происходят трагические события. Уверен, когда мы

свяжемся с дуче, он тут же отдаст приказ о мобилизации.

Муссолини сидел с мрачным лицом. У него не было никаких иллюзий. Он слишком хорошо знал Адольфа Гитлера. Через две недели после их встречи в Венеции фюрер, проведя кровавую операцию «Ночь длинных ножей», ликвидировал руководство штурмовых отрядов, которые, по сути дела, привели его к власти. Узнав об этом, Бенито сказал Рашель:

— Он более безжалостен, чем даже Аттила, и без малейших колебаний убил своих товарищей, помогавших ему в захвате власти. Это все равно если бы я отдал приказ убить Гранди и Боттаи…

В четыре часа пополудни на Адриатике разыгрался шторм. Над морем нависла белая пелена дождя. Муссолини стоял у телефона, запрашивая последние известия. Стало уже темнеть, когда он узнал трагическое: Дольфус умирал. В час ночи нацисты, переодевшись в форму австрийской армии, ворвались в здание ведомства канцлера в Вене. Канцлер находился в большом зале, где в 1815 году на Венском конгрессе был подписан мир по окончании наполеоновских войн. Девять человек проникли туда, а когда Дольфус попытался скрыться, выстрелили, ранив его в горло.

Канцлер умирал медленно. В течение трех часов он лежал на диване в соседнем помещении, истекая кровью, но никакой помощи ему оказано не было. Совсем ослабев, он прошептал, обращаясь к своим служителям:

— Ребята, вы всегда ко мне хорошо относились… Я желал только мира. Да простит Бог заблудших.

Муссолини стал действовать быстро и решительно. Он знал, что в Баварии на границе с Австрией был сосредоточен так называемый австрийский легион, состоявший из нескольких тысяч человек, готовый оккупировать Австрию в любой момент, ожидая только одобрения Гитлера. Поэтому он отдал приказ о введении повышенной боевой готовности войск. Четыре дивизии — почти сорок тысяч человек — могли немедленно выступить на Бреннерский перевал. Всю ночь на границе с Австрией был слышен грохот танков и топот сапог итальянских войск, занимавших боевые позиции.

— Пусть попробуют сунуться, — с угрозой произнес дуче. — Мы покажем этим господам, что с Италией шутки плохи.

И этого было достаточно. К полуночи Гитлер отступил. Германская официальная пресса уже не трезвонила о падении Дольфуса, а его смерть рассматривалась как внутриавстрийская проблема. Путч оказался преждевременным, и фюреру пришлось набираться терпения и выжидать лучших времен, учитывая

твердую позицию Италии в вопросе о независимости Австрии, не говоря уже о Франции и Великобритании.

Что касается жены Дольфуса, то Бенито хотел было отложить визит к ней до утра следующего дня, но Рашель настояла, и они поехали к Альвине, несмотря на проливной дождь.

Задача Муссолини была не из легких. Альвина, устав за день, уже легла спать, но по звонку в дверь быстро спустилась по лестнице. Поскольку Рашель не знала немецкого языка, Бенито сообщил Альвине, что канцлер «серьезно ранен». Рашель же крепко ее обняла, как это обычно делают женщины.

По отрывистым фразам дуче и поведению Рашель та поняла кошмар случившегося и громко зарыдала.

Женщины тесно прижались друг к другу, Муссолини же стоял в стороне молча и, как сказал позже Сувичу, «чувствуя себя беспомощным и одиноким».

Вся семья сидела за столом молча — Рашель, Витторио, Бруно, Романо и Анна Мария. Как загипнотизированные, они смотрели, как отец, сидевший во главе длинного стола, управлялся вилкой с длинными желтого цвета макаронами. Было уже одиннадцать часов вечера, время отхода ко сну малышей давно прошло, но об этом никто не вспоминал.

Как бы почувствовав на себе взгляды семьи, дуче, поднеся вилку ко рту, задержал руку и произнес слова, которые Витторио запомнил на всю свою жизнь:

— Сейчас, как мне кажется, наступил конец мирного периода в Европе. Хорошие речи о благоразумии и спокойствии уже ничего не значат. Нужно побеспокоиться о хорошем оружии.

Было час пополудни 24 июня 1935 года. До официального обеда в «Эксцельсиор-отеле» оставалось пятнадцать минут. Молодой дипломат Марио Панза обеспокоенно сказал Муссолини:

— Мы можем опоздать, ваше превосходительство. Вы не успеете переодеться за пять минут.

На дуче были белые парусиновые брюки, рубашка с открытым воротом и теннисные туфли на босу ногу. В ответ он хрипло рассмеялся и сказал:

— Ты думаешь, я буду переодеваться из-за этого парня? И не подумаю. — Нахлобучив старенькую твидовую кепку, коротко бросил: — Пошли.

Обеспокоенный Панза последовал за ним. Он знал, что имел в виду Муссолини, и был готов отдать свою годовую зарплату, чтобы только избежать этого обеда. Если год назад дуче решился унизить Адольфа Гитлера в Венеции, то сейчас он собирался сделать это по отношению к британскому министру без портфеля

тридцативосьмилетнему элегантному Роберту Энтони Идену.

Как и большинство сотрудников министерства иностранных дел, Панза знал, что между ними были натянутые отношения. Используя ту же тактику, что и с Гитлером, дуче заставил Идена прождать около часа до их встречи.

— Я сыт по горло этими англичанами, считающими, что весь мир должен им кланяться, — заявил он тогда.

Когда же их переговоры были прерваны, и Идеи уехал, Муссолини отреагировал на это, сказав:

— Никогда не видел дурака, одетого более изящно. В свою очередь, в британском посольстве Идеи охарактеризовал его словами:

— Он не джентльмен.

На этот раз миссия британского дипломата была на первый взгляд рутинной — обмен мнениями по текущему англо-германскому морскому соглашению. Но Муссолини знал истинную причину визита Идена от агентов своей секретной службы, хорошо потрудившихся ночью в британском посольстве: удержать его от войны против последнего независимого королевства Африки — Абиссинии.

С точки зрения дуче причины для этого были вполне обоснованны. Ему надо было получить опорный пункт в Африке, сделав вызов Лиге Наций, и в то же время стереть позор битвы при Адове, произошедшей тридцать девять лет назад, когда абиссинские войска устроили побоище, разгромив восьмитысячную итальянскую армию. К тому же ему хотелось разрешить растущую проблему безработицы. Еще в январе его новый министр финансов, всегда улыбающийся граф Паоло Таон ди Ревель, перевел экономику страны на военный лад, сократив импорт, понудив держателей иностранных ценных бумаг конвертировать их в государственные облигации и боны, ограничив биржевые дивиденды шестью процентами и запретив экспорт итальянской валюты.

Муссолини уже предупредил англичан, что не потерпит их оппозиции. В качестве эмиссара он использовал в первый и последний раз свою дочь Эдду при ее поездке в Лондон.

— Если они станут противодействовать нашей политике, начнется война, — наставлял он двадцатипятилетнюю дочь.

И Эдда на обедах и званых вечерах проводила его

идею.

— Так считает мой отец, — заявила она представителю министерства иностранных дел сэру Роберту Уанзиттарту.

Даже Идеи не тешил себя иллюзиями в отношении задачи, стоявшей перед ним. Во время приема накануне его отъезда Эдда

прямо сказала ему:

— Для чего вы едете в Рим, мистер Иден? Вы же знаете, что не нравитесь моему отцу.

По дороге в «Эксцельсиор-отель» Муссолини сказал возбужденно:

— Этот болван в элегантном костюме! Хоть я и сын кузнеца, но знаю, как себя вести.

Визит Идена был для дуче очередным примером традиционного британского вероломства. Два месяца тому назад в Стрезе, на озере Маджиоре, британские, французские и итальянские государственные деятели собрались за круглым столом с главной задачей — осудить создание Германией национальной армии и военно-воздушных сил в нарушение Версальского договора. Абиссинский вопрос не стоял на повестке дня, хотя в декабре 1934 года в стычке между абиссинским и итальянским отрядами в районе Валвала погибли тридцать два итальянских солдата. Муссолини тут же потребовал компенсации в сумме двадцати тысяч фунтов стерлингов, официального извинения и отдачи салюта итальянскому флагу. Для любого здравомыслящего государственного деятеля следующие шаги были очевидны.

За несколько недель до Стрезы Муссолини решил прощупать англичан. Итальянскому послу в Лондоне Дино Гранди была направлена депеша с задачей прояснить два вопроса. Готовы ли британцы дать Муссолини зеленый свет в Абиссинии? И как они поддержат дуче в вопросе гарантии независимости Австрии при преемнике Дольфуса Курте фон Шушинге?

При ближайшей же оказии Гранди поднял эти вопросы в беседе с английским премьер-министром Рамзаем Мак-Дональдом.

— Англия, — пояснил Мак-Дональд, — подобна леди. Она любит энергичных мужчин, предпочитая, однако, чтобы дела делались благоразумно и осторожно — не публично. Проявите тактичность, и с нашей стороны никаких возражений не будет.

События в Стрезе подтвердили это. Хотя сэр Джон Симон, министр иностранных дел, и привез с собой экспертов по Абиссинии, они молчали. В ресторане под открытым небом неподалеку в тот же день между столиками прошли продавцы газет, предлагая свежий номер «Корьере делла Сера», в которой крупными буквами был набран заголовок: «Итальянские войска проследовали через Суэцкий канал!» В пути находилось более 200 000 солдат, 50 000 мулов и вьючных лошадей и 10 000 автомашин.

Однако британская делегация на это никак не отреагировала.

Муссолини полагал, что получил тем самым негласное одобрение своих действий.

Но по Австрии поддержка ему оказана не была.

— Не могу же я один совершать марши войск к Бреннерскому перевалу, — попытался он протестовать.

Мак-Дональд ответил ему на это, что Австрия — созревший плод и готова упасть в подол Германии. Французский премьер-министр Пьер Лаваль высказался в том плане, что это касается в первую очередь интересов Италии. В заключение конференции союзники заявили о необходимости сохранения мира в Европе, и дуче воспользовался последним шансом, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

— В Европе, — повторил он дважды.

Он опасался, что будет поставлен вопрос об исключении Италии из Лиги Наций. Но никто по этому поводу не сказал ни слова.

Вспоминая об этих событиях, Муссолини ехал на встречу с Иденом. Тот, одетый с иголочки, несмотря на жару, даже бровью не повел, увидев странное одеяние хозяина. На лицах ряда гостей появилось удивление. Даже сэр Эрик Друммонд, британский посол, бросил на дуче взгляд с комическим испугом.

Когда гости молчаливо заняли свои места за длинным столом, Муссолини сел на свой стул, повернувшись спиной к Идену.

От Дино Гранди дуче знал о последних событиях в Англии. Проведенный опрос населения там показал, что более десяти миллионов британцев высказались за введение экономических санкций против агрессора. Новое правительство, пришедшее к власти немногим более двух недель назад, во главе с премьер-министром Стенли Болдуином, не могло полностью проигнорировать мнение половины электората. Этим и объяснялся приезд Идена, который должен был попытаться достичь компромисса — умиротворить дуче и оставить Италию в Лиге Наций. Предполагалось передать Муссолини большую часть пустыни Огаден, примыкавшей к итальянскому Сомали, и британский порт Сойла в Аденском заливе, куда все равно можно было добраться только на верблюдах.

Муссолини, под управлением которого к тому времени находилось сто тысяч квадратных миль Сахары, сказал с возмущением:

— Я ведь не коллекционирую пустыни.

Приказав принести карту Африки, дуче показал Идену свои претензии к Абиссинии: города Адова и Аксум на севере с прилегающими землями, полосу территории, которая соединила

бы удерживаемую итальянцами Эритрею и Сомали, и роспуск абиссинской армии.

— Если я начну войну, — предупредил он Идена, — название «Абиссиния» исчезнет с карт.

Идеи колебался, полагая, что вряд ли Хайле Селассие, император Абиссинии, согласится на эти требования, и снова предложил Муссолини отказаться от своей затеи.

— Уже поздно, — раздраженно ответил дуче. — Я должен действовать.

Отобедав, Муссолини отошел в дальний угол зала и стал разговаривать с каким-то мелким чиновником, не обращая внимания на присутствие Идена. Сэр Эрик Друммонд, подойдя к Марио Панзе, попытался разрядить обстановку. Совсем некстати в одной из недавних газет была опубликована статья, посвященная Идену, в которой говорилось: «Хотя мистер Идеи и может читать Гомера в оригинале, он не понимает Муссолини даже с переводчиком».

Муссолини холодно и молчаливо выслушал подошедшего Панзу. Затем, засунув руки в карманы брюк, резко сказал:

— Расстояние между нами одинаковое. Если он хочет переговорить со мной, пусть подойдет.

Панза удалился, поскольку говорить больше было не о чем.

Всю ночь, час за часом, грузовые автомобили шли вперед, продвигаясь по основной дороге из Асмары, что в Эритрее, в глубь страны. Порывы ветра били песком в стекла кабин. Мрачные водители вели машины, закутав рот и нос носовыми платками, пытаясь защититься от коричневой, мелкой, как тальк, песочной пыли. Еще до наступления темноты все дороги были забиты колоннами войск. По обе стороны основной дороги тут и там виднелись бивуаки. Тысячи мулов и вьючных лошадей тащили свою поклажу, в промежутках между обозами шли конная артиллерия и танки.

В походе из Рима на Аддис-Абебу, начавшемся 3 октября 1935 года, принимали участие и ветераны, вспоминавшие марш на Рим, совершенный тринадцать лет назад.

В небольшой хижине, сложенной из камней, в пятнадцати километрах от границы с Абиссинией генерал Эмилио де Боно проводил совещание своего штаба. На столе были разложены карты, освещаемые скудным светом свечей. На дороге, проходившей в километре оттуда, не было видно ни огонька, хотя по ней шли тысячи людей. В шестидесяти километрах левее плато был сосредоточен 1-й армейский корпус генерала Сантини, численностью 35 000 человек. Местность там была гористой, с высотами до 3000 метров, так что солдатам приходилось

впрягаться вместе с мулами, чтобы протащить артиллерию. В центре продвигалась колонна генерала Пирцо Бироли — до 40 000 солдат и офицеров, шедшая на Энтисцию. Справа находился 2-й армейский корпус генерала Маравигны, следовавший на Адову.

Было 4.50 утра. Горизонт на востоке стал сереть, приобретая розовый оттенок. Стали видны силуэты шоколадно-коричневых гор Данакиль. Штабные офицеры в серо-зеленой форме смотрели в ту сторону, покуривая и перебрасываясь отдельными фразами вполголоса. Некоторые прикладывались к фляжкам с коньяком. В абсолютной тишине были слышны лишь щелканье телеграфных аппаратов да пение какой-то птички.

Генерал де Боно ждал этого момента уже три года. Осенью 1932 года после скандала в связи с Маттеотти он не был назначен, как это ожидалось, министром колоний, но обратил внимание Муссолини на Абиссинию.

— Если там начнется война и вы посчитаете меня достойным этого, — добавил он с пафосом, — я мог бы возглавить руководство боевыми действиями.

К радости де Боно дуче согласился. «Разве в свои шестьдесят шесть лет он был слишком стар?»

— Еще нет, — ответил Муссолини, — к тому же нельзя терять время.

И де Боно времени не терял. Весной 1933 года он вызвал в Рим подполковника Витторио Ругеро, военного атташе итальянской миссии в Аддис-Абебе. Назад тот возвратился с карманами набитыми не только лирами, но и тяжеловесными серебряными талерами Марии-Терезии. Главная задача его, как шефа вновь созданного политического бюро, заключалась в подкупе недовольных Хайле Селассие племенных вождей.

В конце 1934 года де Боно прибыл в эритрейский порт Массауа в качестве верховного комиссара по делам Восточной Африки. Истинная цель его миссии держалась в секрете. В регионе было явно недостаточно важных в военном отношении воды, продовольствия, коммуникаций и дорог. Поэтому он начал строительство стопятидесятикилометровой дороги из порта до города Асмары, находившегося на границе с Абиссинией, использовав местную рабочую силу, поскольку доставка сюда итальянских рабочих могла бы вызвать подозрение.

30 декабря 1934 года Муссолини подписал секретный приказ о подготовке к войне, отпечатанный всего в пяти экземплярах. Его план заключался в начале военных действий осенью, как только в Африке окончится сезон дождей. Предусмотрев возможность демарша англичан, которые могли закрыть Суэцкий канал, он

приказал генералу создать трехлетние запасы продовольствия и военного снаряжения. Людской контингент проблем у него не вызывал.

— Вы запрашиваете три дивизии к концу октября, — написал дуче генералу. — Я намерен послать вам десять.

Дуче собирался представить войну как волеизъявление народа, поэтому пять дивизий должны будут состоять из чернорубашечников, чтобы обеспечить триумф фашизма.

Не только де Боно, но и командующий объединенной группировкой войск генерал Родольфо Грациани убедили Муссолини начинать боевые действия без официального объявления войны. Приказом на наступление должна была послужить телеграмма от дуче со словами: «Ваш доклад получен».

29 сентября Муссолини назначил час икс на 3 октября.

Для военных корреспондентов, расположившихся на отрогах гор Коатит, все было непривычным. Истекали последние минуты до начала вторжения. В 4.55 они подготовили первый бюллетень, состоявший всего из шести слов: «В 5 часов утра итальянцы вторглись в Абиссинию».

Проснувшийся мир прочтет в газетах о начале еще одной войны. На вершинах гор засверкали гелиографы. Авиационные наводчики стали поспешно выкладывать красными и белыми полотнищами целеуказания для бомбардировщиков «капрони», готовившихся нанести удар по Адове. В движение пришли танки, колонны людей, мулов и автомашин двинулись вброд через реку Бе-леза. До наступления темноты войска должны были занять две тысячи квадратных миль абиссинской территории.

Де Боно и начальник его штаба стали медленно спускаться с плато, не говоря друг другу ни слова. В полевые бинокли им были видны серо-зеленые фигуры, преодолевавшие довольно широкую, но мелкую Белезу, держа винтовки высоко над головами. Постепенно стали слышны звуки песни, с которой ветераны совершали в свое время марш на Рим.

9 мая 1936 года Бенито Муссолини объявил о рождении второй Римской империи. За четыре дня до этого генерал Пьетро Бадолио, сменивший де Боно, вошел во главе двадцатитысячной армии в заросшую эвкалиптами столицу Абиссинии Аддис-Абебу. Император Хайле Селассие бежал, в стране царил хаос, соперничавшие вожди племен выясняли свои отношения друг с другом. Потеряв тысячу шестьсот человек убитыми, дуче войну окончил.

Вместе с сорока пятью миллионами итальянцев римляне ждали этого момента семь месяцев. Когда, наконец, поступило это известие, все высыпали на улицы, повсеместно стали

раздаваться звон колоколов церквей, гудки сирен и клаксонов автомашин. Толпы людей направились к дворцу Венеция. Скоро огромная площадь перед дворцом стала переполненной, а люди все шли.

Муссолини знал, что они за него. С того дня, когда все пятьдесят стран, входящих в Лигу Наций, за исключением Австрии и Венгрии, проголосовали за бойкот войны и введение санкций против Италии, народ сплотил свои ряды. Итальянцы понимали, что им отказывалось в месте под африканским солнцем.

По всей стране прокатилась волна солидарности с Муссолини. Крестьяне шли за триста километров, чтобы подписать петиции. Политические ссыльные возвратились по домам и тоже стали поддерживать режим. Интеллектуалы, такие, как философ Бенедетто Кроче и бывший премьер Виктор Орландо, публично предложили «патриотическую поддержку» отечеству.

Подобное наблюдалось во всех слоях общества. Владельцы ресторанов ввели два дня в неделю без мяса и повытаскивали запылившиеся рецепты приготовления пищи времен Первой мировой войны или же придумывали новые, типа «супа санкций». Джазу, иностранным духам и даже словам был объявлен бойкот. Площадь Спагна была переименована в площадь генерала де Боно, а бар Идена закрыт. В магазинах игрушек появились фигурки итальянских и абиссинских солдат. Домохозяйки, следуя примеру королевы Елены, стали сдавать в партийные штабы золотые кольца и драгоценности на нужды отечества, что дало государству 16 миллионов фунтов стерлингов.

Сам Муссолини внес в казну более двух с половиной тысяч килограммов золота из числа преподнесенных ему в различное время даров. На время войны он даже отказался от женщин.

В 10.33 вечера инстинкт дуче подсказал ему, что надо выходить на люди, и он вышел на ставший уже знаменитым балкон. На площади послышались восторженные крики, которые слились с салютом двадцати одного орудия.

Усиленный микрофоном голос его прозвучал с пафосом:

— …Чернорубашечники революции, итальянские мужчины и женщины в стране и за рубежом, слушайте меня внимательно… Италия наконец-то стала империей… фашистской империей.

Далее он заявил, что титул императора Абиссинии отныне будет принадлежать королю Виктору-Эммануилу и перейдет к его наследникам. Эту империю итальянский народ создал своей кровью.

Не многие люди, кроме самого Муссолини и генералов, знали

о тех тяготах, которые пришлось переносить войскам в этой войне. Продвигаясь на девяностокилометровом фронте, 35 000 саперов были вынуждены построить 13 мостов и уложить 600 километров новых дорог. В амуниции, весившей более 25 килограммов, они карабкались по скалам, подвергаясь атакам термитов, пехота помогала мулам при форсировании рек — при температуре выше 50 градусов по Цельсию. Труднее всего приходилось танкистам, когда броня нагревалась так, что невозможно было дотронуться до нее рукой. Войска шли по землям, где еще не ступала нога белого человека, получая в день не более одного литра воды. Однако благодаря принятым мерам профилактики только 600 человек пострадали от тропических болезней.

Против 400 итальянских самолетов Хайле Селассие мог выставить всего 13, из которых только восемь, да и то невооруженных, смогли подняться в воздух. Из его двухсотпятидесятитысячного войска только одна пятая часть была оснащена современным оружием. Действиям Бадолио, применившего на флангах даже иприт — так называемый «горчичный газ», от которого пострадали тысячи местных жителей, абиссинцы не могли противопоставить ничего.

В ночь на 9 мая Муссолини конечно же ничего об этом не говорил. В его словах звучал лишь триумф. Достигнув апогея своей речи, он выкрикнул слегка охрипшим голосом, ошеломившим всю Италию:

— Поднимите вверх знамена, вытяните вперед руки, проникнитесь пафосом момента и затяните песню в честь империи, вновь возрожденной через пятнадцать столетий на судьбоносных холмах Рима!

Затем в присущей ему манере он обратился к аудитории:

— Будете ли вы достойны этой империи?

Хор голосов подобно урагану пронесся над площадью:

— Да, да, да!

В этот момент город, казалось, сошел с ума. Тысячи людей принялись выкрикивать:

— Дуче, дуче, дуче!

Августейший правитель Рима, принц Пьер Колонна, присоединился к ликующей толпе. В автомашине, припаркованной в боковой улице, сидела Рашель, слушавшая выступление мужа по портативному радиоприемнику. В горле ее стоял комок: ее сыновья Витторио и Бруно, а также зять Джалеаццо Чиано были летчиками на этой войне. На вилле Ада, в четырех километрах от города, в своей личной резиденции, король почувствовал, как у него задрожали ноги, и был вынужден

присесть. В этот момент, став императором, он простил Муссолини все мелкие нападки и проявленное неуважение.

Настоящим триумфатором был дуче. За истекшие девять месяцев он одержал победы над всеми своими противниками, в том числе и над Энтони Иденом, поставившим в Лиге Наций вопрос о применении санкций к Италии и прекращении поставок ей оружия и столь необходимой для ведения войны нефти, а также выделения денежных средств. Но Лига, опасаясь отхода Муссолини от женевских соглашений, воздержалась от этого. Он взял верх и над Адольфом Гитлером, чьи агенты тайно поставили абиссинцам 16 000 винтовок и 600 пулеметов в надежде, что слабая Италия не сможет в дальнейшем противодействовать ему в вопросе об Австрии. Как отметил Джон Гантер, он стал «гениальным человеком современности, головорезом, который смог преодолеть сложнейшие комбинации всех ренегатов».

С лицом не выражавшим никаких эмоций он смотрел на море лиц, опершись руками на каменную балюстраду балкона, освещенный яркими огнями. Время близилось к полуночи, но толпа не отпускала своего идола, сорок два раза вызывая его снова и снова на балкон.

За спиной Муссолини стоял сорокасемилетний Ачилл Старасе, бывший уже четыре года секретарем партии, человек с полным отсутствием юмора, говоривший только «да» и занимавшийся специальными упражнениями, чтобы усилить крепость рукопожатия. Рядом с ним находился еще один иерарх, произнесший в адрес дуче:

— Он подобен Богу.

Старасе на полном серьезе, без малейших колебаний заявил:

— А он и есть Бог.

Синьоре Джузеппине Петаччи казалось, что лестнице не будет конца. Но и она уже почувствовала ауру дворца Венеция, куда даже Папа и король посылали свои указы для согласования. Помпезность самого здания, стража с серебряными и красными нашивками усиливали впечатление величия. Сегодня, будучи вызвана на аудиенцию к человеку, только что объявившему о создании империи, она испытывала трепет.

Прошло три года с того времени, когда мать Кларетты впервые увидела Муссолини. Выйдя замуж в июне 1931 года, Кларетта около года не поддерживала никаких контактов с дуче. Времени было вполне достаточно, чтобы и она, и лейтенант Федеричи стали испытывать разочарование в семейной жизни. Между ними начались частые ссоры даже в общественных местах, за которыми следовали слезы и кратковременное примирение. Попытавшись наладить отношения, она даже поехала с Федеричи

к месту его новой службы в Восточной Африке, но вскоре возвратилась в родительский дом, решившись на развод с мужем.

Приехав в Рим, она трижды побывала во дворце Венеция. Муссолини вел себя как прежде. И вот он вызвал ее мать к себе на прием.

Муссолини ожидал ее в черной форме главнокомандующего милицией, стоя неподвижно в своем кабинете. Но вдруг быстрыми шагами пошел ей навстречу, отчего сердце старой дамы забилось быстрее.

И тут она увидела, что лицо его было бледным. «Богоподобное» существо нервничало под стать молодому клерку, испрашивавшему разрешение своего босса на увеселительную поездку.

— Синьора, — сдерживая волнение, произнес дуче, — даете ли вы мне свое разрешение любить Клару?

Глава 5
«Я буду поддерживать его и в дождь, и в солнечную погоду»

Май 1936 года — июнь 1940 года

В этот теплый осенний день тридцатичетырехлетний дипломат, начальник протокольного отдела Альбрехт фон Кессель, стоя около трибуны на площади Кенигсплац в Мюнхене, не сводил глаз с Бенито Муссолини. На трибуне стояли нацистские боссы в коричневой, шитой золотом форме — фюрер Адольф Гитлер, заместитель фюрера Рудольф Гесс, министр труда Роберт Лей, министр пропаганды Йозеф Геббельс.

Пока фон Кессель был доволен развитием событий. В 3 часа пополудни 25 сентября 1937 года дуче нанес первый свой визит в Германию. С первой же минуты его прибытия все складывалось неважно, как Альбрехт и ожидал. Прокол шел за проколом, и их можно было сосчитать на пальцах. Церемониальный проезд от главного вокзала до пятикомнатных апартаментов Гитлера на площади Принца-регента прошел очень бледно. Ни одна душа не приветствовала человека, осмелившегося три года тому назад выдвинуть свои войска к австрийской границе. Часовая беседа двух диктаторов также была неуспешной. Дружба с Японией, пренебрежительное отношение к Великобритании и Франции были главными темами разговоров. Угрюмое молчание на улицах подействовало на Муссолини раздражающе. Как и в Венеции, он язвил, отбросив всякую учтивость.

На радость фон Кесселя и официальный обед прошел в том же духе. Будучи не в духе, Муссолини произнес всего несколько фраз. Гитлер, вместо овощей, грыз собственные ногти, нервно соединяя и разъединяя время от времени кисти рук. Не только фон Кессель, но и другие официальные лица в министерстве иностранных дел, включая самого министра, считали перспективу итало-германского союза после столетий неприязни и взаимного недоверия губительной для Германии. В ноябре 1936 года Муссолини, обозленный временными санкциями Лиги Наций в отношении Италии и ее неспособностью остановить Гитлера, впервые сказал о взаимоотношениях, «близких к оси», между Римом и Берлином. Фон Кессель надеялся, что эта «ось» останется фикцией.

И все же, как фон Кессель потом вспоминал, он оказался «свидетелем трагедии — рождения «оси». По площади шеренга за шеренгой прошли две тысячи штурмовиков в коричневых

рубашках и эсэсовцев — в черных, печатая шаг и горланя песню «Германия превыше всего».

«Белокурые бестии выглядели как молодые бычки, от вида которых лицо Муссолини просияло», — добавил затем фон Кессель.

Дуче, сам большой мастер блефа, отреагировал на этот марш, как и рассчитывал Гитлер. Будучи всю свою жизнь довольно слабым человеком, поклонявшимся силе, он увидел в Гитлере лицо, персонифицирующее мускулы и мощь, личность, которая может заставить трепетать весь мир, как об этом когда-то мечтал одиннадцатилетний Бенито Муссолини.

Со времени той апокалипсической ночи на балконе дворца Венеция Муссолини был внутренне подготовлен к такому развитию событий. Речи его день ото дня становились все воинственнее. А во время своей очередной поездки в Болонью он заявил:

— Оливковая роща мира проросла в лесу из восьми миллионов штыков.

Диктатор декретировал военную подготовку итальянских мальчишек начиная с шести лет и нелюбезно воспринял отказ пацифистски настроенного австрийского канцлера Курта фон Шушинга присутствовать на его военных маневрах. В интервью Джону Уайтекеру, представлявшему «Нью-Йорк геральд трибюн», Муссолини истолковал это следующим образом:

— В ближайшее время я предложу Гитлеру… сделать Австрию частью Германии. В 1934 году я мог разгромить его армию… сейчас уже нет.

— Каким вы видите будущее Италии в 1940 году, когда никакое объединение мировых держав не сможет противостоять Германии? — спросил журналист.

— К тому времени, — воскликнул Муссолини, ударив кулаком по крышке стола, — Италия станет союзницей Германии.

Когда Гитлер пригласил его посетить официально Третий рейх, это подняло у Муссолини дух собственного достоинства.

— Мы должны выглядеть в большей степени пруссаками, чем они сами, — возбужденно произнес он и тут же предложил троим портным разработать дизайн новой формы специально для приемов — мундир с высоким воротом, украшенный золотыми пуговицами. Беспристрастные наблюдатели отмечали, что дуче в последнее время чуть ли не по пять раз на дню менял свои шляпы и одежду, украшая ее одиннадцатью орденскими лентами.

За все четыре дня его пребывания в Германии Муссолини демонстрировалась голая сила. В Мекленбурге он присутствовал на осенних маневрах с участием легких танков, имевших на

вооружении только пулеметы, затем наблюдал за действиями «Люфтваффе» — вновь созданных военно-воздушных сил, использовавших в качестве бомбардировщиков транспортные самолеты «Юнкерс-52». В Свинемюнде он восхищался учебной атакой кораблей германского военно-морского флота, после чего побывал на сталелитейном заводе Круппа в Эссене.

Когда десятивагонный бронированный поезд Муссолини приближался к берлинской станции Шпандау-За-падная, откуда ни возьмись появился поезд Гитлера, шедший по параллельному пути. В течение пятнадцати минут поезда двигались бок о бок, но вдруг немцы сделали рывок, и их поезд пришел к намеченной платформе на несколько секунд раньше итальянского. Гитлер обменялся там с Муссолини крепким пожатием рук.

Будучи простаком в области статистики, дуче принимал на веру каждую публикацию нацистов. По заявлению Йозефа Геббельса, Германия на случай войны зарезервировала более шестидесяти миллионов банок консервированной говядины. Эксперт министерства иностранных дел граф Леонардо Витетти терпеливо растолковал ему, что, исходя из численности населения Германии, это составит всего по одной банке на каждого жителя.

Гитлер цинично решал все свои вопросы. Так, поставляя оружие Абиссинии, он в то же время поддерживал в своей прессе военные действия Муссолини. 3 марта 1936 года гитлеровские войска, нарушив Версальский договор, вступили в демилитаризованную Рейнскую область. Затем он стал поставлять ежегодно шесть миллионов тонн каменного угля на международный рынок в противовес девяти тысячам тонн британского угля. В глубине души Гитлер не доверял Италии, сказав как-то:

— В этом нереальном мире есть лишь одна реальная вещь — ненадежность Италии и Муссолини.

Его военный министр и главнокомандующий германскими вооруженными силами фельдмаршал Вернер фон Бломберг был даже более откровенным. Находясь в качестве гостя на летних маневрах итальянских войск в 1937 году, он наблюдал оборону дотов, что явилось, как ему объяснили, следствием сокращения численности обученного контингента. Когда немецкие журналисты стали у него допытываться, кто же будет победителем в будущей войне, Бломберг пробурчал:

— Не советовал бы ни одной стране иметь Италию в качестве союзника.

Иронией судьбы явилось то, что искренне ненавидевший Гитлера тридцатичетырехлетний Джалеаццо Чиано, по прозвищу

Дучелино, ставший министром иностранных дел в кабинете Муссолини, внес основную лепту в создание «оси Германии и Италии».

— Мы все чувствуем себя униженными тем, что Италия вынуждена осуществлять сношение с внешним миром через такого мальчишку, — охарактеризовал тогдашнее положение дел Дино Гранди, и не без основания.

Даже строгие критики Муссолини знали, что непотизм был свойствен его натуре и что только любовь к дочери могла привести его к такому решению. Однако, хотя Чиано потребовалось всего шесть лет, чтобы подняться от вице-консула до министра, не прошло и шести дней после занятия им кабинета во дворце Чиги, как во внешней политике страны стала явно ощущаться фашистская тональность.

Если для сотрудников министерства война в Абиссинии являлась лишь временным эпизодом, то Чиано считал это рождением новой эры. На дипломатических встречах отныне преобладала жесткость и пренебрежение сложившимися условностями, подобно военным столкновениям. Играя на враждебности Муссолини к западным державам, он уговорил его принять участие вместе с Гитлером в поддержке националистов в гражданской войне в Испании. В Германии он лично подписал договоренность о посылке в Испанию семидесяти тысяч фашистов. Следуя примеру Гитлера, Муссолини уже через два месяца после посещения Германии порвал с Лигой Наций.

В большей степени, чем кто-либо другой, Чиано стал осуществлять итальянскую дипломатию по новым законам. Во дворце Чиги сотрудники быстро заметили, что документы, подготовленные более чем на одной странице, откладывались в сторону. Новый министр проводил большую часть рабочего времени дома, принимая ванну, примеряя новые галстуки или взвешиваясь на весах. Большинство из затей появлялись у Чиано в фешенебельном гольф-клубе «Аквазанта», куда он наведывался частенько. С семьей он бывал редко, хотя и любил своих детей — шестилетнего Фабрицио и четырехлетнюю Раймонду: с Эддой они уже давно договорились жить каждый своей жизнью. Жизнь Эдды заключалась в постоянной смене ухажеров, сухом мартини и ночных азартных играх в карты. Ее же супруг увлекался морскими купаниями в Остии в окружении молодых киноактрис, будущих звезд экрана.

— Вы не встретите иностранных дипломатов на моих вечеринках, — похвастался он одному из итальянских послов.

До Гитлера дошли слухи, что Чиано на дипломатических приемах бессовестно щипал немок, а своему генеральному

консулу Джузеппе Ренцетти телеграфировал: «Обращай внимание на женщин». Все это, вместе взятое, да еще его напомаженные волосы дали основания фюреру назвать Чиано «омерзительным мальчишкой».

Во время сентябрьского вояжа Муссолини в Германию Чиано был его постоянной тенью, будучи само внимание, повторяя как попугай:

— Как скажете, дуче.

Громче всех он проклинал демократию. А в ночь на 28 сентября он стоял рядом с Муссолини на трибуне берлинской площади Майфельд, когда тот поставил печать на судьбе Италии, сказав тысячам немцев, собравшимся, несмотря на проливной дождь, послушать его:

— Если фашизм приобретает друга, то он идет с ним до самого конца.

В ответ он увидел тысячи рук, поднятых в римском салюте. Промокнув насквозь, но в приподнятом настроении он поспешил позвонить Кларетте Петаччи в Рим:

— Это был настоящий триумф, и мне хотелось, чтобы в этот момент ты находилась рядом со мной.

Как дуче, так и Чиано знали цену этого триумфа — насилие над Австрией. Об этом и многом другом они услышали от рейхсмаршала Германа Геринга, главнокомандующего военно-воздушными силами, который никогда не лез за словом в карман. В Каринхолле, огромном поместье Геринга, находившемся в восьмидесяти километрах от Берлина, Муссолини и сопровождавшие его лица терпеливо наблюдали, как тучный рейхсмаршал забавлялся с маленькими львятами, а затем демонстрировал им электрический массажер.

Потом, не говоря ни слова, он разложил на столе карту Европы. Увиденное шокировало даже обычно циничного Муссолини. 32 000 квадратных миль территории Австрии на ней были уже закрашены, как и Германия, кроваво-красным цветом. Подняв удивленно брови, дуче произнес:

— Это немного преждевременно, не так ли? Геринг посмотрел на него простодушно своими голубыми глазами, и лицо его расплылось в улыбке.

— Это точно, на карте представлено лишь то, что произойдет в ближайшем будущем, а я не столь богат, чтобы покупать каждый раз новые карты.

Колизей горел. Языки пламени поднимались к небу, отражаясь в темных водах Тибра. Раздавался тревожный звон колоколов более четырехсот церквей. С каждого из семи холмов наблюдателю представлялась картина, имевшая место

восемнадцать веков назад, когда освещаемый пламенем пожарища на улицах Рима бесился император Нерон.

В этот момент, а было 8 часов вечера 3 мая 1938 года, истинный виновник происходящего сидел на заднем сиденье своей черной «лянчи», ухмыляясь, как театральный режиссер после прошедшей с триумфом новой постановки. Перед машиной Бенито Муссолини цокал копытами экипаж, запряженный шестеркой лошадей, в котором восседал король Виктор-Эммануил со своим почетным гостем Адольфом Гитлером, сопровождаемый эскортом кирасир в шлемах с перьями, направляясь во дворец Квиринале. За Муссолини растянулся кортеж автомашин фашистских сановников и лиц, сопровождавших Гитлера.

Дуче был горд маленьким чудом. Еще в ноябре он стал — как прирожденный импресарио — планировать ответный визит Гитлера. И за эти месяцы между двумя столицами произошел обмен более чем сотней телеграмм протокольного характера. Сегодняшний вечер в истинно вагнеровском духе произвел-таки впечатление на Гитлера.

«Пожар» Колизея имитировался горевшей магнезией и мощной подсветкой. На это была истрачена только часть из миллиона фунтов стерлингов, выделенных на это мероприятие. Был обновлен фасад железнодорожной станции Остиенсе, приведена в порядок площадь, названная «площадью Адольфа Гитлера», проложено двести километров электрического кабеля для освещения фонтанов Бернини. Вдоль всего шестикилометрового пути до дворца Квиринале от железнодорожной станции сто тысяч солдат образовали сплошной коридор по улицам, со стен домов которых свисали свастика и золотые пучки прутьев ликтора. Кругом виднелись надписи: «Да здравствует фюрер!»

Полиция обеих стран также была задействована. Перед поездкой Гитлера в Рим туда было послано пятьсот агентов службы безопасности под видом туристов, которые прогуливались по улицам по трое. Итальянская ОВРА привлекла шесть тысяч граждан, лояльность которых была безупречна, для предотвращения возможных беспорядков. В качестве наставления один из этих активистов придумал условный знак:

— Если кто увидит немцев, сделайте вид, что поправляете брюки.

Во дворце Квиринале, где остановился Гитлер, нацистские официальные лица, на которых большое впечатление произвели студенты, совершавшие построения в форме свастики, осыпали дуче комплиментами.

В тот же вечер Муссолини выкроил время, чтобы позвонить в Милан издателю «Иль Пополо» Джиорджио Пини, и выпалил:

— Пини, знаешь ли ты, о чем меня только что спросил Геббельс? Он поинтересовался, что это за люди — молодые офицеры, обеспечивавшие порядок по маршруту их следования. И даже не поверил, что это были молодые приверженцы нашей партии, назвав все действо «отличным спектаклем».

Этой ночью, да и всю последовавшую неделю дуче был слишком ослеплен, чтобы заметить подводные течения ненависти, которые через пять лет сметут его и его режим. Для него было важно, чтобы Гитлер, назвавший его «последним римлянином», оставался у него в долгу.

За семь недель до этого, 13 марта, во дворец Венеция поступила дипломатическая депеша из гостиницы «Вайнцингер» в Линце, родном городе фюрера: «Муссолини, этого я никогда не забуду. *Гитлер».*

А своему эмиссару, принцу Филиппу Гессенскому, который за два дня до этого встречался с Муссолини, Гитлер сказал взволнованно:

— Если Муссолини будет нужна помощь или он окажется в опасности, пусть знает, что я буду поддерживать его и в дождь, и в солнечную погоду — пусть даже против него поднимется весь мир…

Чтобы не навредить такому излиянию в преданности, Муссолини не стал предпринимать ничего против вторжения Гитлера в Австрию. Ни одна итальянская дивизия не была брошена по тревоге к Бреннерскому перевалу, а на телефонный звонок австрийского канцлера дуче не ответил.

Несмотря на это, Гитлер уже через час после прибытия в Рим кипел от негодования. Ему, кого Муссолини произвел в почетные капралы фашистской милиции, пришлось ехать в допотопной карете с человеком, называемым им язвительно «король — щипцы для орехов». («Лет через пятьдесят, — утешил его Муссолини, — при дворе, возможно, появится двигатель внутреннего сгорания».) В качестве гостя дуче фюрер должен был остановиться в «Гранд-отеле» вместе с Геббельсом и Гессом, а вот как гость короля — во дворце Квиринале.

— В этом грязном старом музее, — с недоброй усмешкой поведал он эсэсовскому шефу Генриху Гиммлеру, — чувствуешь себя как в катакомбах.

Что же касается короля, то этот мизантропический монарх с большим неудовольствием заявил Муссолини, что не одобряет крепнущие связи между Италией и Германией.

— Эти немцы подобны священникам и женщинам, —

проворчал он. — Дай им палец, и они оттяпают всю руку.

Король был недоволен и тем, что бывший ефрейтор, приглашенный на официальный банкет, настоял на том, чтобы его личный фотограф, Генрих Хофман, был в числе почетных гостей.

К его огорчению, Гитлер в течение всего, ужина много говорил. И в частности, заявил;

— Муссолини не только мой друг, он мой учитель и шеф. Он поселил мечты не только в моей душе, но и в душах миллионов немцев.

Этим самым он затронул больное место короля, так как за пять недель до того дуче протащил закон о введении должностей двух первых маршалов империи, ставя себя на один уровень с королем. Несколько дней король не подписывал этот декрет, но потом сдался, как обычно.

— В другое время, но не в период кризиса, я скорее отрекся бы от престола, чем согласился на маршальскую мишуру, — проговорил он.

Задетый за живое экстравагантной фразой Гитлера, он принялся за свое любимое кушанье — картофельные клецки с маслом, к которым большинство гостей даже не притронулись. Как только король отложил свою вилку в сторону, официанты, следуя этикету, тут же заменили у всех тарелки.

Подобное настроение владело и всей королевской семьей. Кронпринц Умберто был недоволен тем, что для размещения фюрера были выбраны именно его апартаменты, как наиболее подходящие для высокого гостя. Более того, немецкий церемониймейстер потребовал положить на кровать парчовое покрывало с немецким орлом, естественно за счет Умберто.

— Сожгите эту чертовщину, — приказал кронпринц сразу же после отъезда Гитлера. — Не хочу ее даже видеть.

Статная королева Елена, спускаясь по главной лестнице, была шокирована, увидев, как личная эсэсовская охрана Гитлера в черной форме, прятавшаяся за колоннами, хваталась за пистолеты при виде ее.

— Полиция в моем доме? — произнесла она с возмущением. — Проследите, чтобы они убрались отсюда немедленно!

Даже Геббельс королю не понравился. Стиснув зубы, проходя по тронному залу, он произнес критически:

— Разрешаю располагаться в этом здании, отделанном золотом и бархатом. Но только чтобы это был дуче, тот же парень еще не дорос до этого.

Во всех этих проявлениях были определенные опасные

признаки, которые дуче, однако, не заметил.

Муссолини в это время занимала лишь одна мысль — как наилучшим образом осуществить программу шестидневного пребывания в Италии Гитлера, чтобы она во всем превзошла все то, что ему было показано в Германии. И вот во время маневров в Центочелле пятьдесят тысяч итальянских солдат произвели одновременный залп из своих винтовок… В Неаполе Гитлер, стоя вместе с королем на адмиральском мостике «Кавора», наблюдал за прохождением в девяти кильватерных колоннах девяноста черных подводных лодок, как вдруг за семьдесят пять секунд они исчезли из виду, уйдя под воду, а затем через пять минут вновь появились все в тех же построениях, с палубными орудиями в полной боевой готовности. С наступлением темноты на склонах высот вокруг Неаполя появилась световая надпись: «Да здравствует Гитлер!», стоившая дуче всего-навсего 85 000 фунтов стерлингов.

Венцом программы было подписание договора о союзе Италии с Германией.

— Союз с Муссолини нас вполне устраивает, — сказал Гитлер своему послу в Риме Хансу Георгу фон Маккензену. — Теперь у него свободные руки в Средиземноморье, а у нас — на северо-востоке.

Перед подписанием договора Гитлер трижды за шесть дней ставил вопрос об этом, но Муссолини все время уклонялся от прямого ответа. Новый гитлеровский министр иностранных дел сорокапятилетний Иоахим фон Риббентроп все эти дни обрабатывал Джалеаццо Чиано, который заметил с улыбкой:

— Оси дружбы делают договор о союзе излишним.

Недовольство Гитлера возрастало. Театральные действия итальянского флота в Неаполе не произвели на него того впечатления, на которое рассчитывал Муссолини: немецкие специалисты доложили фюреру, что три четверти итальянского флота устарели, а на подводных лодках из-за нехватки офицеров командование осуществляют унтер-офицеры.

Муссолини показал еще один спектакль. Неподалеку от аэродрома Фурбара был специально выстроен макетный картонный город, на который совершили налет итальянские бомбардировщики… Итальянские солдаты наступали, следуя за огневым валом артиллерии при переносе ею огня… Дуче старался продемонстрировать военную мощь, которой на самом деле не было.

Среди моря света и красок темным островом за Тибром оставалось папское государство. Раздраженный тем, что не получил гарантий безопасности Церкви в Австрии, Папа Пий XI

покинул город, закрыл ватиканский музей, который Гитлер намеревался посетить, и не разрешил немцам нанести визит в Ватикан. Остановившись в своей летней резиденции в замке Гандольфо, Папа заявил публично:

— Воздухом в Риме стало невозможно дышать.

А в день Святого Креста, на следующий день после прибытия в Рим Гитлера, он провозгласил:

— Там, у них, происходят ужасные вещи… не укладывающиеся в воображении… и не ко времени поднятие креста, не являющегося Христовым…

Гитлер, подобно многим нежелательным гостям, скоро ощутил враждебное к себе отношение итальянского общества. По Риму поползли различные слухи, в частности история, рассказанная королем. В час ночи Гитлер поднял на ноги всех во дворце, громко вопя, что не ляжет в постель, пока на его глазах ее не опробует кто-либо из женщин. И действительно не успокоился, пока из ближайшей гостиницы не была вызвана горничная… После прослушивания оперы «Аида» в неапольском театре «Сан-Карло» у Гитлера не осталось времени на переодевание, и ему пришлось пройти перед почетным караулом в плохо на нем сидевшем сюртуке и шелковой шляпе, сползавшей ему на уши, тогда как король был в полной военной форме.

— Вы соображаете, что вы сделали, — набросился Гитлер на своего шефа протокола фон Бюлова-Шванте. — Вы вынудили меня проследовать по Неаполю подобно председателю французского муниципального совета.

Угрюмая апатичность толп народа раздражала фюрера. Во Флоренции, куда они направились в картинную галерею Уффици, Муссолини попытался приободрить толпу зевак. Когда же оттуда раздались крики: «Дуче, дуче», он обратился к окружавшим с укором, что, мол, надо приветствовать «его», то есть Гитлера, но потом махнул на все рукой.

Государственному секретарю, барону Эрнсту фон Вайцзеккеру, Гитлер признался со вздохом:

— Вы не представляете себе, как я счастлив, что мы возвращаемся наконец-то в Германию.

Бенито Муссолини прислушался, но все в доме еще спали. Набросив на плечи халат, он в трусах спустился по лестнице своей семейной виллы Риччионе и пошел к морю.

За ним было последовали охранники, но он махнул им рукой, чтобы они оставались.

Кларетта ждала его, как и всегда, у причала рыбачьих лодок. На ней были белый купальник и белая соломенная шляпка с голубой лентой, которые ему очень нравились.

Было раннее утро. Они прошлись немного по пляжу, разговаривая, затем Муссолини бросился в воду и поплыл, Кларетта последовала за ним.

В послеобеденное время, когда дуче выходил плавать «официально» и десятки женщин различного возраста и сословий плескались в море, чтобы только его увидеть, Кларетта находилась в пятнадцати километрах отсюда, в Римини. В гребной лодке с Мириам на веслах она выходила в море на расстояние тысячи метров от берега. Когда дуче, искупавшись, садился в моторный катер, то отправлялся в открытое море и спешил на рандеву. Встретившись, они разговаривали и плавали, пока солнце не начинало спускаться за горизонт.

Шел 1938 год. Однажды во время их утренней встречи Муссолини, сбросив халат, обратился к морю и поднимавшемуся солнцу:

— Я люблю эту девушку, я обожаю ее. Я не стыжусь этого, пусть знает море. Я обожаю ее — она моя юность, моя весна, самое лучшее, что есть в моей жизни… Клянусь в этом морем и солнцем…

Кларетта слушала полуиспуганно, полувосторженно.

Порой она стояла часами, попивая маленькими глотками минеральную воду, на пляже «Гранд-отеля» в Римини, где вся их семья проводила лето, ожидая его звонка. Иногда они совершали вечерние поездки на машине по пыльным романским дорогам, во время которых он вспоминал свое детство, а затем возвращались к восьми часам на семейный ужин: дуче — на виллу свою, Кларетта — в «Гранд-отель». Довольно часто день ее заканчивался семейными ссорами. Синьора Петаччи с подобострастием взирала на могущественного покровителя дочери, муж же ее, неразговорчивый и рассеянный человек, относился к этому неодобрительно.

Двадцатишестилетняя Кларетта испытывала любовь к мужчине в возрасте пятидесяти пяти лет — он даже запретил газетам печатать статьи, посвященные его дню рождения. Это чувство зародилось у нее еще во время ее первого визита во дворец Венеция, когда Муссолини, держа ее руки в своих, продекламировал один из сонетов Петрарки:

Блажен тот день, месяц, час и год, Когда мои глаза смотрят в ее…

С того момента жизнь их и встречи определялись временами года. Летом они встречались в рассветные часы и при закате солнца в Риччиони или же на берегу Тибра у замка Порциано, вблизи Рима, который был подарен ему королем. Они кушали бутерброды, как на пикниках, играли в медицинский мяч, прежде

чем дуче просматривал газеты. Чтобы исключить сплетни среди полицейских агентов, на их встречах всегда присутствовала Мириам. Зимою они совершали лыжные прогулки в Терминилло — севернее Рима. Не менее десятка раз за сезон дуче падал, но продолжал кататься до семи часов кряду.

Обычно жизнь Кларетты протекала в четырех стенах трехкомнатных апартаментов на самом верхнем этаже дворца Венеция, куда можно было попасть только на лифте. Ежедневно с трех часов пополудни она находилась в зодиакальной комнате, названной так из-за голубого потолка с золотыми звездами, ожидая, пока Муссолини освободится и присоединится к ней. В жизни ей ничего более и не требовалось — только чтение поэзии вместе с ним, игра дуэтом на скрипках, прослушивание новых записей Шопена или выслушивание его грандиозных планов построения будущей Италии.

Она каждый день чем-нибудь напоминала ему о своем существовании. Это были то цветной деревянный орнамент, который стоял потом на его письменном столе в резиденции, то простенькое изображение сердца с надписью: «Это сердце — ваш дом», то ваза с цветами — розы, фиалки, ветки цветущего персика, — поставленная ею перед портретом матери. Дважды в день она писала ему письма на специальной бумаге, украшенной белым орлом и черной голубкой, с изречениями типа: «Я — это ты, а ты — это я» или «Я не могу жить с тобой, но и без тебя — тоже».

Случались и такие дни, когда «Бен», занятый государственными делами или временно уставший от ее общества, не навещал Кларетту. Тогда она читала, пила чай, приносимый симпатичным Квинто Наваррой, примеряла одно из пятнадцати шелковых платьев с бархатными воротничками, подаренных ей дуче, или экспериментировала с новыми духами. А то наводила порядок в комнатах, кое-что переставляла или заменяла по своему вкусу, слушала радио и граммофонные записи. Зная, что он не любил табак, воздерживалась от курения. В восемь часов вечера она спускалась вниз на лифте, садилась в свою машину и ехала домой.

Но и дома после 1936 года она чувствовала себя как в тюрьме. Вначале она проживала вместе с родителями, а с декабря 1938 года — в собственном десятикомнатном парадном доме — Камилуччии — на вершине холма Монте-Марко, из окон которого открывался вид на Рим. Такой дом ее мать хотела раньше иметь постоянно (с резными окнами и громадным холлом).

По утрам в своей спальне, расположенной на первом этаже, украшенной фотографией Муссолини в полный рост, играющего

на скрипке, она ожидала его звонка по телефону. И он звонил довольно часто. Ее бледно-розового цвета телефонный аппарат имел столь длинный шнур, что она могла передвигаться из комнаты в комнату. Семейный адвокат как-то прокомментировал это так:

— Не пожелал бы и заклятому врагу жить такою жизнью.

Дуче вообще-то ее не баловал. Обеспечивая ее гардероб, он и не помышлял о дорогих подарках или финансовой поддержке. Кларетта знала, что он очень уважал Рашель, мать своих детей. Когда его семилетняя дочь Анна Мария заболела полиомиелитом, Муссолини даже обратился к Богу. За подаренную журналистами Анне Марии куклу он не смог их поблагодарить и прошептал сквозь слезы своему пресс-секретарю Дино Алфиери:

— Я не могу говорить. Скажите им что-нибудь. Дуче жил по двойному стандарту. Позже Мириам скажет:

— Он признавал за Клареттой право быть ревнивой, оставляя за собой свободу действий.

Муссолини порвал с Маргеритой Заффарти. Из старых его приятельниц, однако, оставалась блондинка Анджела Курти-Куччиати и еще несколько женщин, да к ним прибавились еще и новые — Корнелиа Танци, любящая посплетничать брюнетка, и Магда Фонтанье, экстравагантная французская журналистка.

— Он наставляет мне рога, — призналась Кларетта одной из своих подруг. — У него одновременно штук семь различных женщин.

Неожиданный инцидент, подобный тому, когда он заявил морю о любви к ней, убедил ее, что он, несмотря ни на что, нуждается в ней. Однажды один из его самых доверенных слуг Камилло Ридольфи, который был одновременно его учителем фехтования и наставником в верховой езде, устроил ему личную охоту в лесах замка Порциано. Кларетта вместе с Мириам присутствовала как раз на этой охоте: хотя дуче и стрелял дуплетом, в летящих птиц он не попадал.

— Ваше превосходительство, мы ведь пришли сюда, чтобы настрелять птиц, — упрекнул его Ридольфи.

В ответ Муссолини только пожал плечами, усмехаясь:

— Пусть оружейный мастер посмотрит эту штуковину. Кларетта знала: считая себя хорошим стрелком, он

никогда не признается, что мазал на охоте. Она предложила закончить охоту, но Муссолини продолжал стрелять. Тогда она неожиданным движением руки наклонила стволы ружья к земле. К ужасу дуче в этот момент самопроизвольно произошел выстрел и пуля проскочила в нескольких дюймах от ноги Кларетты.

Бросив ружье в сторону, Бенито обнял ее, нервно бормоча:

— Я мог убить тебя, малышка, я мог убить тебя… Он был так расстроен этим, что Кларетта, преодолев

собственный испуг, произнесла успокоительно:

— У меня толстая кожа. Да и судьбою мне уготована не такая смерть. — Улыбнувшись сквозь слезы, она добавила: — В конце концов, ты же знаешь, что я готова умереть за тебя.

Без лишних церемоний маршал Итало Бальбо, правитель Ливии, бывший интимный друг Муссолини, открыл дверь ресторана ударом ноги. Внутрь «Ристоранте Италиа», излюбленного места горожан, первым прошел его гость. Бальбо, сверкая голубыми глазами, дружески положил руку на плечо своего спутника на виду всего обслуживающего персонала.

Еще несколько лет тому назад, увидев мужчину, севшего за столик напротив Бальбо, официанты с самим метрдотелем во главе бросились бы услужливо к гостю. Теперь же, после подписания Муссолини 14 июля 1938 года антисемитского арийского манифеста, что было сделано явно под влиянием Гитлера, мэр Феррари, симпатичный Ренцо Равенна, как один из 57 000 итальянских евреев, стал нежелательной особой.

Когда Бальбо с шумом занял свое место за столиком, официанты переглянулись многозначительно. Следовательно, слухи, просочившиеся из Рима в Феррари, были правдой: многие из бывших сотоварищей дуче, среди которых были генерал де Боно, Джиакомо Асербо, Луиджи Федерцони и Цезарь Мария де Веччи, создали вместе с Бальбо оппозицию Муссолини. Маршал, проделавший из Триполи в Рим путь в тысячу триста километров, прилетел в свой родной город не только для того, чтобы выразить протест дуче за его последние деяния, но и переговорил по телефону со всеми именитыми евреями, после чего пригласил Равенну, чтобы разделить, как говорится, с ним хлеб.

А ведь именно Муссолини всегда с теплотой относился к евреям и даже предупреждал Гитлера на первых шагах того к власти о нецелесообразности антисемитской пропаганды. Тогда евреи бежали из Польши, Венгрии и прежде всего из самой Германии, устраиваясь на работу в итальянских университетах за половину положенных окладов, а то и без всякой оплаты. Называя действия Гитлера «глупыми, варварскими и недостойными европейской нации», Муссолини заявлял: «Есть две вещи, на которые истинный политик не должен поднимать руку: на женскую моду и религиозные взгляды людей».

И вот теперь он ожесточил свое сердце, подобно фараону, против детей Израилевых. С этого времени ни один еврей не мог жениться на итальянке или занимать должности в армии и государственных школах, а также быть избранным в парламент.

Евреи не имели права создавать резиденции, открывать новые магазины и иметь предприятия с числом работающих более ста человек.

Благодаря природной доброте итальянцев законы эти, однако, воспринимались в большей степени как угроза, нежели как реальность. Тем не менее более 35 000 человек были сразу же уволены с работы. Американский посол Уильям Филипс содействовал трем тысячам семей итальянских беженцев найти прибежище в своей стране. Некоторые евреи, среди которых был физик Бруно Понтекорво, покинули Италию, другие, например доктор Джиорджо дель Веччи, ректор Римского университета, нашли поддержку в лице Папы Пия XI и осели в Ватикане.

Банальная биологическая пропаганда дуче о необходимости «очищения» итальянской расы никого не убедила. Миллионы людей видели в этом то, что и было на самом деле, — явное выслуживание перед Адольфом Гитлером, и многие говорили об этом открыто. Король раздраженно предупреждал Муссолини:

— Премьер, еврейская раса подобна улью — не суйте свою руку в него.

А Папа Пий XI, разочаровавшийся в Муссолини, заявил группе паломников:

— В духовном плане мы все — евреи.

Более того, в ватиканской газете «Л'Оссерваторе Романо», имевшей антифашистскую направленность, он опубликовал статью, в которой, подобно школьному учителю, назидательно сказал:

— Десять из десяти.

В личном же послании Муссолини, стремившемуся узаконить свою политику, Пий написал: «Вам должно быть стыдно учиться у Гитлера».

На Генуэзской конференции фашистов дуче в оправдание своих действий произнес:

— Тот, кто проявляет нерешительность, проигрывает. Папа немедленно откликнулся на его слова из своей летней резиденции в замке Гандольфо:

— Тот, кто подвергает нападкам Папу, умрет!

Сарказм Итало Бальбо достиг своего апогея. Открывая дверь в кабинет Муссолини в его резиденции, он сыронизировал:

— Не слишком ли это помешает основателю империи, если я зайду к нему на пару слов.

Говоря с дуче об антисемитском декрете, Бальбо произнес слова, едва не вызвавшие у Муссолини апоплексический удар:

— Ты, кажется, готов лизать германские сапоги. Дрожа от ярости после подобных выпадов, дуче как-то проговорил:

— Я не гарантирую будущее этого человека.

Были и другие действия, из-за которых Муссолини оказался, как говорится, на ножах с бывшими товарищами. Через несколько недель после своего возвращения из Берлина он ввел так называемый романский шаг, являвшийся упрощенной версией немецкого гусиного шага, что вызвало недовольство в армии. Эмилио де Боно, ставший маршалом после абиссинской кампании, выразил свой протест от лица армии, заявив:

— Средний рост наших солдат — 160–165 сантиметров… И вы хотите устраивать парады карликов с одеревенелыми шеями.

В свое оправдание Муссолини заявил королю:

— Это — шаг, который никогда не сможет освоить человек, ведущий сидячий образ жизни, с пивным брюхом и слабоумный. Поэтому-то он нам и нравится.

Поощряемый секретарем партии Ачиллом Старасе, дуче старался довести фашистский режим до абсурдности. Вместо рукопожатия, было введено приветствие «Салют дуче», произносимое с рявканьем (по аналогии с «Хайль Гитлер»). На партийных слетах фашисты среднего возраста совершали вслед за Старасе прыжки в длину и высоту или сквозь горящее кольцо. Всем членам партии было запрещено пить чай, носить шелковые шляпы, посещать ночные клубы, а вместо автомашин рекомендовалось ездить на велосипедах. Муссолини стремился превратить практичных, живых и непоседливых итальянцев в нацию автоматов с мрачными лицами.

Многими ветеранами марша на Рим мероприятия Муссолини не одобрялись. За отдельными деревьями он не замечал леса. На парадах, в которых участвовало более ста человек, войска должны были проходить шеренгами по шесть человек, а перед каждой тысячью шел оркестр, исполнявший другую мелодию. Дуче часами мог наблюдать за тамбурмажорами, определяя, кто из них выдавал более звонкую барабанную дробь.

— Для управления итальянцами нужны две вещи, — говаривал он своему слуге Квинто Наварре, — полиция и музыка на площадях.

Наварра, который служил четырем министрам, не мог вспомнить ни одного премьера, лично выбиравшего оркестровую музыку или определявшего день, когда дорожная полиция должна надевать белую форму.

Шофер дуче Эрколе Боратто отмечал: если раньше Муссолини, бросив взгляд на какую-либо новостройку, предоставлял ее оценку экспертам, то теперь, сидя в машине и положив на колени блокнот, что-то быстро записывал для последующего внушения министру общественных работ, а то в

дождь высовывался из автомобиля для поощрения дорожных рабочих. В машине же у него часто возникали различные идеи, которые он к следующему утру забывал. Однажды он позвонил маркшейдеру и сказал к удивлению того:

— Тибр в городе делает слишком много поворотов, подготовьте план спрямления его русла.

Даже его жена не могла более воздействовать на него. В течение шести лет она занималась реставрацией сорокакомнатного особняка Рокка-делле-Каминате, подаренного дуче жителями Форли. Работы то шли, то останавливались в зависимости от ее бюджета, но она не теряла надежды, что Бенито станет там жить после выхода в отставку.

Но Муссолини и не собирался оставлять свое кресло. Будучи человеком чувствующим постоянно какую-то угрозу, он позволял себе немного расслабиться, когда жизненные неурядицы исчезали из его поля зрения, и он начинал считать себя всемогущим, как Гитлер.

— Итальянцы могут обойтись без Ватикана, — пришла ему как-то в голову странная идея. — Достаточно одного лишь моего знака, чтобы разжечь антиклерикализм в народе…

Постригшись подобно Цезарю, он считал себя стоящим выше Папы, заявляя:

— Если люди сейчас ходят в церковь, то лишь потому, что знают: дуче требует этого.

Дважды в неделю, по понедельникам и четвергам, надев котелок, черную куртку и брюки в полоску, он собирался к королю, выезжая из своей частной резиденции, подготовив декреты на подпись монарху. Это продолжалось шестнадцать лет и вошло уже в обычай.

Комфортно расположившись на диване рядом с королем, он как-то сообщил тому по секрету:

— В Италии насчитывается порядка двадцати тысяч бесхарактерных людей, находящихся под исключительным влиянием евреев.

Король никогда не отмалчивался, будучи в чем-либо с ним несогласным, вот и на этот раз сказал как отрезал:

— Да, дуче, и я — один из них.

Дуче не обращал по-прежнему внимания на признаки подвигавшейся беды. Другие же были более прозорливыми. Одним из них являлся Джалеаццо Чиано, проводивший свое время в увеселениях. Однажды летом он устроил гала-вечеринку в Церколо-дель-Маре в Легхорне. Среди сосен в парке к небу поднимались фейерверки в цветах национального флага — красные, белые и зеленые.

Все присутствовавшие считали, что он находился в великолепной форме. Его пародии на Гитлера, Риббентропа и даже на Старасе вызывали взрывы смеха. Никто не мог отрицать, что Джалеаццо преуспевал. Его жилище, выстроенное для него отцом, в новом фешенебельном районе Рима — Париоли, а также имение в глубине страны — в Понте-а-Мориано — были тому свидетельством. К тому же он пользовался всеми благами, предоставляемыми ему режимом. Так кто же будет думать, что Муссолини станет относиться к его излишествам слишком серьезно?

Внезапно смех затих. Стоя в дальнем конце террасы, Чиано прислонился спиной к стене и неожиданно вскрикнул, затем распорядился:

— Пошли в помещение. Я не могу прикоснуться к стене без чувства озноба.

Лицо его побледнело. Среди гостей послышалось глухое бормотание.

Как бы в шутку он продолжил:

— Всякий раз, когда я подхожу к стене, у меня возникает ощущение, будто бы экзекуционный взвод берет меня на мушку.

На террасе послышался громогласный хохот, заглушая взрывы петард. Все посчитали сказанное Джалеаццо за лучшую шутку года.

В 8.30 вечера 29 сентября двойная стеклянная дверь салона на первом этаже резиденции фюрера на Кенигсплац резко открылась. В этот исторический день осени 1938 года делегаты Мюнхенской конференции собрались на ужин. Среди своих коллег-журналистов находился и Асверо Гравелли, представлявший римскую «Иль Маттино».

Более шести часов Гравелли вместе с другими наблюдал сквозь звуконепроницаемые двери пантомиму решения вопроса судьбы Европы. Им было видно, как переводчик германского министра иностранных дел Пауль Шмидт настойчиво требовал, чтобы его не прерывали, подобно школьному учителю, призывавшему свой класс к порядку. Им был виден и Гитлер, сидевший нога на ногу, скрестив руки и поглядывавший на ручные часы, как судья во время баскетбольного матча. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен, забыв о своей «упрямости и выносливости», постоянно зевал. Французский премьер Эдуард Даладье также казался удрученным и часто выходил в соседнюю комнату, чтобы сделать затяжку своих любимых сигарет «Перно».

Только Бенито Муссолини, вошедший в зал заседаний держа руки в карманах, сидел скучая и мало прислушиваясь к спорам,

как бы зная заранее о том решении, которое будет принято.

Когда Муссолини появился в дверях, Гравелли, давно состоявший в политическом совете фашистской партии, поспешил ему навстречу. Помогая ему надеть плащ, он нетерпеливо спросил:

— Чем все закончилось, дуче?

С оттенком великодушия человека, оказавшего услугу потомкам, Муссолини ответил:

— Не так уж и плохо. Уверен, что мне удалось спасти Европу.

Шофер дуче по прибытии на главный железнодорожный вокзал Мюнхена утром обратил внимание на то, что личная эсэсовская охрана фюрера была одета не в прежнюю черную форму, а в серо-зеленую. Знакомый унтер-офицер объяснил ему:

— Так это же военная форма одежды. Мы готовы к маршу, и никакая конференция нас не остановит!

Когда Муссолини с Чиано и другими сопровождавшими лицами выехал в шесть часов вечера 28 сентября с Центрального вокзала Рима в сторону пограничного Куфштайна, над городом висела тишина. Казалось, ничто уже не остановит вооруженное столкновение в Европе. В качестве предлога для занятия и ликвидации Чехословацкой Республики, созданной после Первой мировой войны по мирному договору, Адольф Гитлер инициировал восстание трех с четвертью миллионов су-детских немцев, оказавшихся там в меньшинстве, которое было прекращено только в результате объявления в стране чрезвычайного положения.

В результате присоединения Австрии немецкие войска могли теперь окружить Чехословакию с трех сторон. Гитлер заявил о намерении «стереть с карты мира Чехословакию». 14 сентября по настоянию Даладье, имевшего обязательство оказать Чехословакии военную помощь в случае нападения на нее, Чемберлен вылетел в Берхтесгаден, горную резиденцию Гитлера в Оберзальцбурге, чтобы попытаться найти мирное решение проблемы.

Уже тогда Чиано отмечал, что дуче предвидел развитие событий, заявив:

— Войны не будет, но престиж Англии будет подорван.

В тот самый вечер, когда Чемберлен сидел с Гитлером в Берхтесгадене, Муссолини передал в Милан по телефону издателю газеты «Иль Пополо» редакционную статью. Хотя Чехословакия его, фактически, не интересовала, Муссолини понимал, что война Италии не нужна, зная об истощении ее ресурсов после военных действий в Абиссинии и участия в гражданской войне в Испании. Он видел возможности, благодаря

которым Гитлер мог получить то, что желал, и без войны.

В «Открытом письме лорду Ранчимену», советнику Чемберлена по судетскому вопросу, дуче показывал фюреру шаги для достижения «наиболее простой модификации карты Европы» — в частности, путем проведения плебисцита по вопросу разделения Чехословакии на зоны.

«Вы можете предложить проведение плебисцита, — писал Муссолини лорду, — и не только по Судетам, то есть по немецкому вопросу, но и по проблемам, затрагивающим интересы других наций, проживающих в Чехословакии. Разве она откажется от этого? Тем самым вы дадите им понять, что Англия примеряет семь раз, прежде чем отрезать, а значит, и вступить в войну для сохранения «сосисочного государства». Если мир будет знать, что Лондон не сделает резких движений, никто другой также не сделает этого. Игра, как говорится, не стоит свеч…»

Далее он поддержал ключевую позицию Германии.

«Если Гитлер аннексирует территорию с тремя с половиною миллионами чехов, то Европа по праву выступит и будет действовать против этого. Фюрер же обеспокоен судьбой трех с половиной миллионов немцев, и только их…»

Как показали события, Муссолини оказался прав. За показным противодействием Британии и Франции скрывалось их желание избежать войны любыми средствами. Уже в Берхтесгадене Чемберлен согласился в принципе на отделение от Чехословакии Судетской области. То, что произошло затем в Мюнхене, лишь подтвердило предсказание Муссолини.

Многие делегаты конференции никогда раньше не видели обоих диктаторов вместе, но все обратили внимание на то, что Гитлер, казалось, был целиком в руках Муссолини. Даже в моменты наиболее острых разногласий, вызванных выступлениями французского посла в Германии Андре-Франсуа Понсе, мнение Муссолини играло для Гитлера решающую роль. Он почти не отрывал своего взгляда от лица дуче, и, когда тот отрицательно или согласно кивал, фюрер поступал именно таким образом.

Хотя мало кто разбирался в деталях их отношений, Муссолини еще раз показал, кто из них был учителем, а кто учеником.

Статья дуче, опубликованная в «Иль Пополо» 15 сентября, привела Гитлера в неприятно растерянное состояние. Он намеревался осуществить марш своих войск на Прагу, но рассуждения дуче о пронацистском плебисците прозвучали для него диссонансом. Поэтому 27 сентября Гитлер был в нерешительности.

Франция проводила мобилизацию, и через шесть дней на границе Германии будут стоять шестьдесят пять дивизий против десятка немецких. 28 сентября британский флот будет также отмобилизован. Румыния и Югославия — как сообщали итальянские послы в Бухаресте и Белграде — предупредили Венгрию, что выступят против нее, если она вторгнется в Чехословакию.

То, что произошло дальше, было смесью фарса и трагедии. В 10.30 вечера того же дня Гитлер, понимая, что его обошли более искусным маневрированием, срочно позвонил Чемберлену в Лондон, предлагая встретиться для завершающего разговора. Когда британский премьер выразил согласие на встречу, ситуация складывалась так, что Муссолини мог потерять свой контроль над ней.

— Этот старый дурак Чемберлен может все испортить, — сказал он Чиано. — Да и Гитлер намерен совершить головотяпство. Они думают, что обойдутся без меня!

Хотя Муссолини и не собирался ни обмануть Гитлера, ни бороться за Чехословакию, он не хотел терять липа в глазах мировой общественности. К тому же он намеревался показать Гитлеру, что Третий рейх должен обязательно консультироваться о своих шагах с партнером по «оси».

В полдень 28 сентября — за два часа до объявления Гитлером ультиматума чехам — итальянский посол Бернардо Аттолико ворвался в имперскую канцелярию. Получив указание дуче, он даже взял такси, чтобы не терять времени. Увидев выходящего из своего кабинета в сопровождении переводчика Пауля Шмидта фюрера, Аттолико бесцеремонно воскликнул:

— У меня для вас срочное сообщение от дуче, фюрер.

Шмидт тут же перевел текст: британское правительство через своего посла в Риме, лорда Перча, передало о своем согласии принять посредничество Муссолини по судетскому вопросу. Дуче полагает благоразумным встретиться с англичанами, но просит Гитлера воздержаться от мобилизации. После секундного раздумья Гитлер ответил:

— Передайте дуче, что я согласен.

Муссолини принял все меры для восстановления своего доминирующего положения. Четыре раза за три послеполуденных часа в тот критический день Аттолико навещал Гитлера с новыми предложениями дуче, в результате которых 29 сентября в 12.45 состоялась конференция четырех держав в мюнхенской резиденции фюрера.

Вплоть до начала конференции Муссолини набирал дипломатические очки. В пограничном городке Куфштайне, где

его встретил прибывший на своем поезде Гитлер, он даже ни разу не улыбнулся, «держась подобно Будде», как потом отметил Филиппе Анфузо, один из помощников Чиано. На приветствие Гитлера: «Я закончил строительство линии Зигфрида, дуче» — он даже не ответил. Договоренности, которых они в конце концов достигли, основывались на меморандуме трех — Германа Геринга, барона Константина фон Нойрата и государственного секретаря Эрнста фон Вайцзеккера, — и это было то решение, о котором было сказано еще две недели тому назад в его статье в «Иль Пополо».

В послеобеденное время, в перерыве между заседаниями, когда официальные советники, секретари и помощники вышли из конференц-зала, окружив своих премьеров, Муссолини разыграл еще одну козырную карту. Хорошо разбираясь в проблемах Германии, Франции и Англии, он переходил от делегата к делегату, разъясняя тот или иной вопрос и давая свои рекомендации в роли главного посредника.

Вопиющим недостатком конференции было то, что на ней отсутствовал Эдуард Бенеш, президент Чехословакии, которого Гитлер отказался принять. По подписанному соглашению к Германии отходила чешская территория в 11 000 квадратных миль с семьюдесятью процентами тяжелой индустрии, восемьюдесятью шестью процентами химической промышленности и всеми фортификационными сооружениями, но ни один чешский представитель даже не смог высказаться по этим вопросам [2].

За ужином, когда конференция еще не была закончена, в частных апартаментах Гитлера Муссолини ел и пил необычно много, чуть ли не соревнуясь с Герингом. С довольным смехом он раскрыл секрет находящемуся в дурном настроении Гитлеру: если бы Англии удалось ввести санкции против него в период войны с Абиссинией, то без нефти кампания продлилась бы не более недели.

После часа ночи 30 сентября, когда четыре державы подписали Мюнхенское соглашение, Муссолини был абсолютно уверен, что именно он «спас Европу» и воспрепятствовал вторжению немцев в Чехословакию. Дикие крики толп народа, запрудивших улицы города даже в два часа ночи, возбудили дуче настолько, что он по ошибке сел в автомашину Чемберлена. «Спасителя мира» приехал приветствовать во Флоренцию сам король. Дуче был удивлен тем, насколько восторженно встретил итальянский народ известие о мире: крестьяне вставали на колени при виде его приближавшегося поезда. По пути от Центральной железнодорожной станции до дворца Венеция он

ехал молча, стиснув зубы.

В 6.30 вечера 1 октября он выступил с балкона дворца Венеция перед собравшейся толпой народа (у многих на глазах были слезы), на этот раз, однако, без иллюзий:

— Я принес вам мир. Но тот ли это мир, который вам нужен?

Наступал рассвет. В верхних покоях Сан-Доминго, сердца Ватикана, слабый голубоватый свет лампад освещал фрески Рафаэля. Была пятница 10 февраля 1939 года. Но Папа Пий XI рассвета уже не увидел. За час до своего обычного подъема, в 5.20 утра, он умер.

На следующий день была десятая годовщина подписания Латеранского договора. Семь лет он провел в переговорах, надеясь на окончательное решение римского вопроса и целого ряда других проблем. Восьмидесятидвухлетний Ачилл Ратти, избравший имя Пий как символ мира, вел с фашистами долголетнюю борьбу за этот самый мир. Хотя он и перенес три инфаркта, последний в ноябре прошлого года, Папа отказался уйти на покой. Сидя в кресле, первосвященник святой римской Церкви, викарий Христа на земле, поучал кардиналов:

— Папа должен быть Папой, а не лежать в постели.

Перед самой смертью врач, находившийся у его ложа, услышал, как Папа тихо произнес со вздохом:

— Сколько еще осталось нерешенных дел.

Опочивальню усопшего наполнили псалмы и заупокойная служба. Кардинал Ойгенио Пачелли, шестидесятидвухлетний государственный секретарь Ватикана, опустился на колени на подушечку фиолетового цвета в стороне от остальных. Через двадцать дней конклав кардиналов сделал свой выбор, и через площадь Святого Петра двенадцать громкоговорителей разнесли весть о том, что Пачелли стал Папой Пием XII.

Но это было уже позже, а в то утро Пачелли, подойдя к Пию с двумя ассистирующими кардиналами, ударил его легонько три раза по лбу серебряным молоточком.

Так было положено по старинному ритуалу, и Пачелли вопросил:

— Ратти, живы ли вы или мертвы?

Поскольку ответа не последовало, Пачелли провозгласил:

— Папа воистину мертв.

Тогда-то все присутствовавшие в помещении упали на колени.

Самый большой колокол собора Святого Петра разнес звон по всему городу. В Трастевере, рабочей части Рима, расположенной южнее Ватикана, женщины, услышав звон, встали на колени перед зажженными свечами. В узких улочках по ту сторону Тибра

железные жалюзи магазинов были опущены, а среди прохожих послышались крики скорби…

Резкий звонок телефона раздался в тишине виллы Торлония. Бенито Муссолини уже встал и находился в библиотеке. Нехотя он взял трубку. Удивленный Бруно, уткнувшийся в книгу, недоумевал, кто бы это мог быть в такую рань.

Выслушав сообщение, Муссолини улыбнулся и произнес хриплым голосом:

— Наконец-то его нет. Этот упрямый старик мертв.

Джалеаццо Чиано снял трубку телефона, стоявшего около его кровати. Судя по голосу, Муссолини, звонивший из Рима, был не в духе.

— Действуй без промедления. Надо добиться военного соглашения. Что произойдет, не важно.

Чиано беспокоило сумасбродное поведение дуче. На ночном столике номера лучшей гостиницы Милана, где остановился Чиано, часы показывали полночь. Время самое неподходящее для принятия решения, которое может перевернуть Европу.

Джалеаццо, облачившись в свою любимую шелковую пижаму, только что собирался ложиться спать, с удовольствием вспоминая банкет в гостинице «Континенталь», данный в честь Иоахима фон Риббентропа.

Серые глаза его немецкого коллеги были «доброжелательно-холодными», да и весь вечер прошел спокойно. Консоме, форель с озера Комо, жаркое с чесноком, клубника, вежливый обмен мнениями, щелканье каблуками, звон бокалов с шампанским, тосты. Но от разговора о военном союзе Чиано был далек, зная, что волновало Муссолини.

За шестнадцать дней до этого, 20 апреля, дуче вместе с Чиано выслушали сообщение посла в Германии Бернардо Аттолико о «надвигающейся угрозе» выступления немцев против Польши. На встречу с Риббентропом в Милан Чиано ехал, имея распоряжение Муссолини дать понять союзникам, что Италия будет готова к войне не ранее чем через три года. Риббентроп успокоил его, сказав, что Гитлер ничего не планирует по крайней мере пять лет.

И вот во взглядах Муссолини происходит резкая перемена — требование добиться военного союза с немцами.

Уставившись в потолок, Чиано пытался разгадать загадку. Разве дуче столь быстро забыл собственное унижение 15 марта, когда Гитлер вопреки решениям в Мюнхене вторгся на территорию Чехословакии? Муссолини тогда запретил публиковать эти новости в прессе.

— Итальянцы будут надо мной смеяться, — с горечью констатировал он в тот день. — Всякий раз, когда Гитлер

оккупирует какую-либо страну, он просто сообщает мне об этом.

Чиано знал горькую истину, о которой никто не помышлял и думать: Гитлер и не собирался ставить дуче в известность о своем «тотальном решении вопроса» с Чехословакией. Итальянский генеральный консул Джузеппе Ренцетти случайно узнал об этом за ужином у Геринга и настоял, чтобы о намеченных действиях было сообщено Муссолини.

— Даже камни станут против союза с немцами, — вынужден он был признаться.

Именно Чиано предложил ему выход из положения, чтобы сохранить свое лицо в глазах народа: неспровоцированное вторжение в горное королевство Албанию. За несколько часов в Страстную пятницу 1939 года четыре итальянские колонны оккупировали эту небольшую территорию почти без единого выстрела, что обеспечило Италии свободу коммуникаций в Адриатике на случай войны. Вначале, правда, Муссолини колебался, зная, что король будет против таких действий.

— К чему захватывать еще четыре скалы? — недовольно произнес король. Затем добавил: — Между прочим, я слышал, что в определенных кругах Германии вас называют «гауляйтером Италии».

— Если бы Гитлеру пришлось иметь дело с бесхарактерным королем, он никогда бы не смог присоединить Австрию и Чехословакию, — отрезал Муссолини, имея в виду Албанию.

— Вообще-то будет достаточно одного манифеста, — заявил он позже, кипя от ярости, — чтобы ликвидировать у нас монархию.

Как обычно, циничный молодой министр иностранных дел посчитал, что правильно истолковал инструкции шефа. Отправляясь на встречу с Риббентропом, он небрежно сказал журналистам:

— Мы не намерены класть свои животы за Польшу.

Надо же было случиться такому, что буквально через девять часов дуче велел ему провести пресс-конференцию и объявить о предстоящем военном союзе с Германией.

Идея о военном пакте не была новой, но даже Чиано, который старался сблизить обоих диктаторов, не был к этому полностью готов. Германия находилась непосредственно в самом сердце Европы, и эту реальность Италия не могла игнорировать, однако далее политического сотрудничества Чиано не пошел бы. Во время турне Гитлера по Италии он старался изо всех своих сил повлиять на тактику Муссолини.

Итальянский посол Аттолико, убежденный пацифист, ненавидевший Гитлера, предложил, однако, установить такой

союз, полагая, что договор неминуемо улучшил бы положение Германии. Начальник управления внешних связей граф Леонардо Витетти, возражая против этого, аргументировал:

— Такой договор будет явной предпосылкой установления между нами моральной связи, чего мы не желаем.

Но Муссолини не видел этой опасности, заявляя:

— Сейчас Германия не может принимать решений, противоречащих нашим интересам.

У него снова сработал старый вирус собственного достоинства.

В палате общин, оценивая итальянское вторжение в Албанию, Уинстон Черчилль сказал:

— Я еще не убежден, приняла ли решение Италия, и в частности итальянская нация, на чьей стороне ей выступить в ожесточенной борьбе Великобритании с Францией.

Важнейшим фактором для дуче было поэтому заставить уверовать мир, что он и Италия — одно целое.

Чиано не знал, что побудило дуче пойти на этот шаг. Не знал он этого и на следующий день, когда поставил перед Риббентропом вопрос о военном союзе, и даже 22 мая при подписании в Берлине «стального пакта».

Лишь через три месяца, сидя с Риббентропом на залитой солнцем террасе виллы в Австрийских Альпах, он осознал значение тогдашнего ночного звонка, ввергшего Италию в погибель. Риббентроп тогда сказал ему:

— Мы хотим войны!

— Он не только идиот, — взорвался Чиано, — но и упрямый невежда. Он не смог даже ничего возразить на те доводы, которые я привел ему в соответствии с вашими инструкциями.

Чиано, ставший после недавней смерти своего отца графом, понимал, как никогда ранее, неизбежность катастрофы. Окружавшая его действительность лишь усиливала его раздражение. В этот жаркий августовский полдень он находился на римском аэродроме Литторио, где воздух дрожал от рева авиационых моторов. Стоя в телефонной будке и вдыхая запах лака, он едва держал телефонную трубку в руке, распухшей от резкого удара по столу во время заседания с Риббентропом и Адольфом Гитлером, когда пытался убедить их, что Италия не готова к войне.

Дуче постигал сказанное им очень медленно.

— Но, — наконец, сказал он, — в коммюнике германского информационного агентства говорится о стопроцентной согласованности по всем пунктам.

— Это ложь, — воскликнул Чиано, — ложь! Чиано знал, что

этот их разговор, как и любой другой при фашистском режиме, записывался специалистам! министерства внутренних дел. В разговоре по обычно! линии он должен был выражаться осторожно, давая Муссолини, находившемуся в Риччионе, только те детали своей встречи, которые тому надо было знать срочно. Он хотел дать понять диктатору, что его двухдневные переговоры с немцами были по всем аспектам безуспешными и что его подозрения о двойной игре Гитлера подтвердились.

— И что ты обо всем этом думаешь? — недоуменно спросил Муссолини. — А как насчет истории, о которой говорит пресса?

Чиано в ответ горько рассмеялся. Ни одно агентство мира, не говоря уже о гитлеровском информационном агентстве, не осмелится освещать ее подоплеку. Уже в замке Фушль, летней резиденции Риббентропа в двадцати пяти километрах от Зальцбурга, на предобеденном совещании стало ясно, что настала очередь Польши, которую Германия намеревалась поглотить, использовав в качестве предлога для вторжения 400 000 немцев, проживавших в свободном городе Данциге.

Когда был сделан перерыв на обед, Чиано мрачно пошутил:

— Ну вот мы и подошли к вопросу о драке. Чиано снова и снова вспоминал третью статью

«стального пакта», который он подписал в имперской канцелярии: «Если одна из договаривающихся сторон будет втянута в конфликт с какой-либо державой, то другая должна немедленно выступить на ее стороне в качестве союзника, поддерживая всей своей военной мощью»…

Муссолини наивно полагал, что обе стороны будут исходить при этом из обговоренного в Милане Чиано и Риббентропом промежутка времени в три года.

— Гитлер никогда не солжет мне, — успокаивал он сам себя.

30 мая, через восемь дней после подписания пакта, дуче направил ему памятную записку, в которой говорилось, что Италии потребуется не менее трех лет на военную и экономическую подготовку.

11 августа на террасе замка Фушль Чиано открыто спросил Риббентропа, имеет ли Германия в виду Данциг или весь польский коридор. Ответ Риббентропа прозвучал как удар кинжалом:

— Не только это. Нам нужна война.

Чиано попытался аргументировать тем, что этот конфликт неминуемо вовлечет в него Англию и Францию.

Риббентроп в ответ предложил пари, что союзники останутся нейтральными, — коллекцию старинного оружия против картины какого-либо из великих итальянских мастеров. (За проигранное

пари он, однако, платить и не думал.) Той ночью Чиано встретился с послом Аттолико, графом Леонардо Витетти и графом Массимо Магистрати в ванной комнате своего номера в зальцбургской гостинице «Остеррайхишер Хоф». Боясь подслушивающих устройств, они вели разговор, пустив в ванне воду. Чиано был настроен решительно, чтобы ни одна немецкая газета не связала Италию с военными приготовлениями Германии. По прибытии в аэропорт Литторио Чиано, однако, узнал, что Гитлер совершил очередной финт.

— Это обычная ложь, — заверил он дуче по телефону.

Поскольку он не называл имен, Муссолини спросил осторожно:

— А как другой? Как повел себя другой?

— В общем-то он согласился с нашими аргументами, — ответил Чиано. — И заверил меня, что не будет просить нашей помощи.

Так оно и было на самом деле, но встреча с Гитлером в Берхтесгадене проходила весьма бурно. Чиано решил показать свое нерасположение духа, пошутил по поводу подборки цветов и подверг критике приправу к салату. За чаем он, слушая жалобы Гитлера о неуважительном отношении поляков к немцам, подумал: «А ведь кажется, что этот человек действительно верит в придуманные им же самим истории». В завершение беседы он снова повторил, что Италия не сможет вслед за Германией ввязываться в новые авантюры. Вставая из-за стола, Гитлер лишь спросил:

— Это почему же?

— Почему? — повторил его слова Чиано. — Потому что англичане и французы будут воевать.

Как потом вспоминал Чиано, разразилась настоящая буря. Гитлер напрочь отклонил такую возможность как фикцию. А роль Италии в их союзе он определил как затычку. Германия вела переговоры с Советским Союзом о заключении экономического соглашения. Польша же будет ликвидирована за несколько недель. Так что помощь Италии не потребуется.

Чтобы подчеркнуть опасность того, что должно произойти, Чиано сказал Муссолини:

— Он — человек одержимый и собирается воспользоваться коридором как предлогом, имея в виду освободить всю квартиру. Может быть, и силой.

— Но это же уголовщина, — слабо запротестовал дуче.

— Может быть, аппетит и не возрастет во время еды. Возможно, он захочет провести летний отпуск неподалеку от Сан-Джулиа, — ответил Чиано.

Он полагал, что дуче правильно поймет его намек: вторжение в Югославию.

— А это, — проворчал Муссолини с оптимизмом, которого у него на самом деле не было, — может привести его к нарушению пищеварения.

Все, что ему оставалось, было ждать и молиться. Он проснулся на час ранее обычного — в 6.30 утра. Пий сразу же вспомнил, что наступило 1 сентября 1939 года и что этот день значил. Встав с простого травяного матраса, он поспешил к груше звонка, украшенной двойной эмблемой — тиарой и скрещенными ключами.

Его служка, Джиованни Стефанори, был очень удивлен, так как Папа Пий XII звонил ему на второй этаж весьма редко. Ойгенио Пачелли обычно одевался сам и брился американской электрической бритвой. Но сегодня был необычный день. Глаза Папы за очками в золотой оправе выражали озабоченность.

— Ничего нового от кардинала Орсениго?

— Ничего, ваше святейшество.

Папа ожидал от своего нунция в Берлине известия, начал ли Гитлер битву нервов из-за Польши.

Из окна папской опочивальни были видны окрестности Рима, которые он любил: пожелтевшие поля, фруктовые сады, оливковые плантации. Эту картину описал две тысячи лет назад Вергилий — мирную картину, далекую от ужасов войны.

Сутки назад Папа послал обращение к пяти странам — Германии, Польше, Англии, Франции и Италии. Он умолял Германию и Польшу установить пятнадцатидневное перемирие для проведения международной конференции пяти держав с наблюдателями из Бельгии, Швейцарии, Голландии, Соединенных Штатов и Ватикана. Целью этой конференции была ревизия Версальского договора и заключение пакта, установившего бы мир в Европе на все времена.

С неделю тому назад Папа предупреждал мировое сообщество:

— В условиях мира ничто не потеряно, но в условиях войны может быть потеряно все.

Этим обращением он сделал все, что было в его человеческих силах.

За годы своей службы в должности государственного секретаря Ватикана он возненавидел нацизм и в качестве своего преемника назвал неаполитанского кардинала Луиджи Маглионе, бывшего папским нунцием в Париже и слывшим франкофилом.

11 марта он утвердил его назначение, вызвав в Ватикан.

И именно Маглионе позвонил ему из ватиканской

канцелярии и сообщил то, что Папа опасался услышать. Кардинал Орсениго доложил из Берлина: в 5.45 утра первые танковые дивизии немцев перешли границу Польши, а с неба по всей стране стала сеяться смерть.

В этот момент в мозгу Пия прозвучали слова святого Матфея: «На лик земли упала темень».

Пий направился в свою личную часовню, идя по коридору в потрясении. Как только он добрался до полированной скамеечки из орехового дерева, рыдания потрясли его тело, по щекам потекли слезы.

Этой осенью римляне, спешившие по утрам на работу, видели в окнах дворца Венеция свет, свидетельствовавший, что диктатор Бенито Муссолини был на месте. Он уже давно не обращался к ним со своего балкона, зато в магазинах и на досках объявлений на заводах появились отпечатанные сообщения: «Пилоту в сложных условиях полета мешать не следует… Если я обращусь к вам с балкона, то для объявления чего-то очень важного».

Многим казалось, что одно из последних высказываний Муссолини, сделанное им еще до того, как Европу охватил огонь, оказалось пустым звуком: «Лучше прожить один день львом, чем сто лет овцой».

Умение быстро ориентироваться в обстановке и тут же принимать решение ему на этот раз отказало.

В 10 часов утра 26 августа молодой граф Джалеаццо Чиано, войдя в приемную дуче, увидел собравшихся там военных — авиационного генерала Франческо Приколо, министра военной промышленности генерала Карло Фавагросса, адмирала флота Доменико Кавагнари. Дуче только что предупредил Гитлера, что Италия сможет начать боевые действия только в том случае, если Германия обеспечит ее оружием и стратегическими материалами. Военных же он собрал для того, чтобы услышать их оценку обстановки и положения дел.

Прежде чем войти в кабинет дуче, Чиано посоветовал каждому из вызванных на совещание:

— Удваивайте данные, которые вам дали в ваших управлениях и ведомствах.

Это была мастерская тактика увертки. Уже после полудня Чиано позвонил послу Аттолико в Берлин и зачитал ему список, который «свалил бы с ног и быка, если бы тот мог его сам прочитать». Для ведения войны только в течение двенадцати месяцев Италии потребуются: семь миллионов тонн нефти, шесть миллионов тонн угля, два миллиона тонн стали и миллион тонн лесоматериалов, не говоря уже о меди, каучуке и другом сырье, а также 150 зенитных батарей для прикрытия индустриальных

городов. Посол еще больше усугубил этот вопрос.

Когда Риббентроп спросил его, к какому времени это все понадобится, он ответил, следуя осенившей его идее:

— Да сразу же, еще до начала боевых действий.

В связи с требованием поставки почти семнадцати миллионов тонн различных материалов, для чего было необходимо задействовать семнадцать тысяч товарных вагонов и платформ в течение всего года, Гитлер был вынужден отказаться от помощи своего союзника. Не в силах выполнить требования дуче, он попросил его усилить военные демонстрации и пропаганду деятельности «оси».

А Муссолини обуял стыд унижения: ведь он показал слабину, «недостойную личности исторической величины». Выступая и в дальнейшем против войны, он вновь предлагал свое посредничество, надеясь на повторение мюнхенского триумфа. В то же время те, кто ополчался против Германии, сталкивались с его глубоким возмущением. Первым это почувствовал Дино Гранди.

Гранди, отозванный из Лондона по требованию Гитлера, был назначен министром юстиции. Будучи послом, он неоднократно ссорился с Риббентропом, а на совещании кабинета министров 1 сентября заявил: «Декларации Италии, что она не является воюющей стороной, недостаточно». Он считал, что Италия должна не только заявить о нейтралитете, но и официально денонсировать «стальной пакт».

Дуче в ярости оборвал его и закрыл совещание. В тот же день он передал ему через Чиано:

— Вы должны помнить, что являетесь теперь министром юстиции и стоите в стороне от вопросов внешней политики.

Чиано открыто добавил со своей стороны:

— Муссолини недоволен вашим утренним выступлением.

В эти дни Муссолини занимали собственные проблемы, связанные с его былым величием. И он решил быть вместе с Гитлером, несмотря ни на что, о чем сообщил Чиано. Получив телеграмму дуче, Чиано пришел в ужас.

— Это конец, — поделился он со своим помощником графом Леонардо Витетти.

Но тот считал, что не все еще потеряно.

— Пойдем пообедаем, — предложил он. — В конце концов, сначала надо ее зашифровать.

Пообедав, оба возвратились в кабинет Чиано. Во время его отсутствия Муссолини дважды звонил из дворца Венеция: «Как обстоят дела с посланием фюреру?» Чиано ответил, что оно передано в шифровальный отдел.

— Тогда и не посылай его, — распорядился дуче слегка застенчиво.

Через несколько недель под надуманным предлогом использования в личных целях одного из сотрудников милиции для тренировки своей собаки дуче сместил настроенного пронемецки секретаря фашистской партии Ачилла Старасе.

В этот период времени не только простые римляне, но и дипломаты не видели и не встречались с дуче. Будучи не в состоянии сформулировать свою твердую политическую линию, он оставался за закрытыми дверями. Посланнику Папы, желавшему выяснить истинные намерения Муссолини, было рекомендовано встретиться с министром иностранных дел. Новый французский посол в Риме Андре-Франсуа Понсе считал, что дуче действовал в интересах Берлина. На одной из их встреч бесцеремонный француз охарактеризовал фюрера как «сына Жанны д'Арк и Чарли Чаплина».

Осень перешла в зиму, опавшие листья покрыли дорожки виллы Боргезе. По-прежнему рано утром и поздно вечером в окнах дворца Венеция горел свет, но стеклянные двери, выходящие на балкон, оставались плотно закрытыми.

Король Виктор-Эммануил отдыхал в своем рыбачьем домике в Сант-Анна-ди-Валдиери, в ста двадцати километрах от Турина.

В полотняном костюме, спортивной рубашке и мягкой коричневой шляпе он выглядел как обычный сельский житель, далекий от политики. После окончания сезона он намеревался перебраться на свою ферму в Сан-Россоре, чтобы только быть вдали от беспорядков, воцарившихся в Европе.

Когда его невестка, принцесса Мария-Джозе, пригласила было свою мать, королеву Бельгии Елизавету, погостить в Квиринале, король пустился на хитрость.

— У меня сейчас сильный кашель, что может продлиться месяца три, — сказал он королеве по телефону, — так что нам лучше теперь не встречаться.

С американским послом Уильямом Филипсом, который приехал в Сант-Анну, он обошелся не лучшим образом. В ответ на просьбу президента Рузвельта использовать свое влияние для предотвращения войны король, как и во времена Маттеотти, сослался на конституцию. Единственное, что он мог сделать, так это направить свое послание правительству.

Посол поинтересовался, скоро ли король возвратится в Рим.

— В ближайшее время вряд ли, — объяснил Виктор-Эммануил. — Я поймал всего семьсот форелей, тогда как мой ежегодный улов составляет тысячу. Так что надо еще порыбачить.

И что являлось типичным для короля, ему был нужен

человек, который бы представлял его интересы в Риме. Таким человеком оказался сорокачетырехлетний министр юстиции Дино Гранди.

После декларации о создании империи король признался своим близким:

— Я иду с Муссолини, прав он или нет, потому что дуче счастливый.

Его, однако, удивляли действия, связанные с провозглашением «оси». В августе, наблюдая маневры моторизованной дивизии вблизи Турина, он язвительно заметил Гранди:

— И с этими помощниками приходских священников и нотариусами Муссолини собирается воевать?

Король обратился к Гранди, зная, что тот был патриотом, негативно настроенным к «оси», озлобленным крайностями фашизма. Виктор-Эммануил понимал, что страну ждут тяжелые времена и ему, пожалуй, придется вернуться к конституции. И он попросил Гранди, как патриота и монархиста, не оставлять его одного.

Гранди старался выиграть время. Если бы не настоятельная просьба короля, он отказался бы от поста министра юстиции и возвратился к своей частной практике. Он видел, что ему придется не раз столкнуться с Муссолини по принципиальным вопросам права.

Холодные и тусклые глаза короля не отрывались от его лица.

— Муссолини, — сказал он, — подобен моим верблюдам в Сан-Россоре. Нёбо у них столь толстое, что они едят колючки, невзирая на шипы. Видоизмените и смягчите декреты, и он этого даже не заметит. — Почти шепотом добавил: — Не забывайте о том, что надо сохранить остатки конституции. Вы мне нужны, и очень скоро я пошлю за вами.

Глубоко взволнованный, Гранди изменил свое первоначальное намерение и решил предоставить себя в распоряжение короля.

— Этот человек, — напомнил ему король, и Гранди тут же понял, о ком идет речь, — думает, что он разрушил конституцию. Но нет, он только подверг ее коррозии.

Единственным слышимым звуком в комнате был скрип пера Джалеаццо. За стенами дворца Чиги выпавший снег превратился в грязный лед на тротуарах, и на улицах было мало прохожих. В новогоднюю ночь 1940 года большинство римлян сидели по домам вместе со своими семьями.

Чиано собирался отправиться в путь, но куда — еще не решил: пригласительных карточек было много. Не знал он и того,

в чьих объятиях проведет ночь. С тех пор как они с Эддой вели раздельный образ жизни, женщин у него перебывало много, но все его фаворитки ему быстро надоедали, становясь «вдовами Джалеаццо». Но прежде чем уйти, ему надо было еще что-то сделать — внести записи в свой дневник.

Вот уже три года, как он стал вести дневник, отражая в нем двурушничество, повороты и обман фашистской и нацистской внешней политики. Записи он вел в двух тетрадях — с красной и синей кожаными обложками, которые держал в сейфе своего кабинета. Особое внимание он обращал на слепое увлечение Муссолини «осью».

Дневник являлся ключом к загадке Бенито Муссолини и решениям, которые он принимал и формулировал. Хотя за последние месяцы четкая линия стала расплывчатой. Никто не мог сейчас сказать, что Муссолини сделает в ближайшие дни. Быстрая смена его действий и решений напоминала скорее психограмму, нежели четкий политический курс.

4 сентября 1939 года Чиано записал: «Временами кажется, что дуче вынашивает идею нейтралитета… чтобы восстановить экономическую и военную мощь… но почти сразу же он отказался от этой идеи. Теперь его заняла мысль присоединиться к немцам».

25 сентября: «Дуче убежден, что Гитлер скоро станет раскаиваться в том, что допустил русских в сердце Европы».

9 декабря: «Он все еще в фаворе у немцев».

26 декабря: «Он все более и более разочаровывается в немцах. Впервые он стал желать им поражения».

Но в еще большей степени такое желание испытывал сам Чиано.

— Передайте его святейшеству, — попросил он как-то Франческо Боргонджини Дучи, апостольского нунция в Италии, — что после Зальцбурга я ничего другого не делаю, как веду борьбу за мир.

К этому времени Чиано, однако, уже достаточно хорошо знал Муссолини, чтобы выступать открыто против «оси». Вместе с тем у него было достаточно мужества, чтобы заверить нового британского посла, сэра Перси Лориана, в том, что Италия никогда не будет воевать против Англии и Франции.

Случилось так, что по тайным каналам эта новость достигла Берлина почти одновременно с Лондоном, добавив недовольства фон Риббентропу.

Чиано по своей натуре был циничным фаталистом. В период данцигских событий он сказал Андре-Франсуа Понсе:

— Это все равно что бросить камень во льва, пожирающего

человека. Человек так или иначе будет съеден.

— Не забывайте, — шокированно возразил ему французский посол, — что Данциг — это символ свободы в Европе.

Вот и сегодня Чиано овладел фатализм. Что ожидало Италию в 1940 году? Вывод напрашивался сам собой: маятник в своем качании совершил полный цикл.

В дневнике появилась запись 1 января: «В дуче вновь оживают прогерманские симпатии…»

Судя поверхностно, между маршалами Итало Бальбо и Пьетро Бадолио было мало общего. В душе Бальбо оставался все тем же импульсивным солдатом фортуны, помогшим дуче организовать в свое время марш на Рим. Хотя он и провел пять лет правителем Ливии в качестве наказания за свою откровенность, он все равно говорил Муссолини правду, иногда даже прилетая из Триполи для этого. Обозленный своей «ссылкой» и осознанием того, что его имя появлялось в газетах не чаще одного раза в месяц, Бальбо все же был хорошим правителем. Благодаря своему неуемному характеру, сделавшему его самым энергичным министром авиации, он постоянно занимался вопросами колонизации Ливии, иногда влезая в такие мелочи, как обеспечение спичками каждого нового поселенца.

Временами на него нападала черная апатия. Из вечера в вечер он устраивал тогда ставшие легендарными званые ужины, длившиеся порой до самого утра. На пальмовых деревьях, окружавших его дворец, горели светильники, беспрерывно играл невидимый оркестр, у стен из белого мрамора неподвижно стояли сипаи, одетые во все красное. За бокалами с шампанским, изысканными сигарами и с прекрасными женщинами Бальбо забывал свое одиночество.

Шестидесятивосьмилетний маршал Пьетро Бадолио жил строго по расписанию и плану. Умный и бывалый человек, покоритель Аддис-Абебы, он был одержим своей идеей: даже в условиях пустыни ежедневно проводил после полудня получасовые совещания и разборы хода кампании, каждый вечер играл в бридж и укладывался спать в 10 часов вечера.

Он никогда не забывал обид и любил говаривать:

— Я постепенно душу своих противников бархатными перчатками.

Заядлый курильщик с холодными голубыми глазами, он не упускал любую возможность для улучшения собственного положения. Так, после окончания абиссинской войны он добился получения земель, титула герцога и специального содержания, так что его годовой доход превысил два миллиона лир. Его девизом было:

— Я нападаю как сокол.

26 мая 1940 года Бадолио и Бальбо объединило одно общее дело. Они стояли в кабинете Муссолини, потеряв дар речи от услышанного. Как только дуче вызвал их из комнаты ожидания, они поняли, что предстоит что-то важное. Уперев руки в бока, он стоял за своим письменным столом, глядя на них молча целую минуту. Даже флегматичному Бадолио стало трудно дышать. Но тут Муссолини прервал молчание:

— Я хочу сообщить вам, что вчера послал нарочного к Гитлеру со своей письменной декларацией, что не намерен и далее стоять в стороне, держа руки в карманах. После 5 июня я готов объявить войну Англии.

Изумленный молчанием обоих, Муссолини широко раскрыл глаза, ожидая их реакции на свои слова. Первым заговорил Бадолио, выпалив:

— Вы, ваше превосходительство, прекрасно знаете, что мы абсолютно к этому не готовы. Вы же получали наши недельные донесения.

В подтверждение своих слов он привел последние данные: двадцать армейских дивизий укомплектованы вооружением и техникой всего на семьдесят процентов, другие двадцать — не более как на пятьдесят.

— У нас даже не хватает обмундирования для войск, — добавил Бадолио. — Как же можно объявлять войну? Это просто самоубийство.

В такой оценке положения дел Бадолио не было ничего удивительного. Бенито Муссолини сам знал не хуже его, что Италия не могла вести войну в полном смысле этого слова. В течение ряда месяцев эксперты всех департаментов и управлений составляли досье и представляли статистические данные, говорящие об этом. Из каждого доклада следовало: даже исходя из потребностей Первой мировой войны, итальянским войскам не хватит ни оружия, ни снаряжения, не говоря уже о снабжении боеприпасами и продовольствием.

Не далее как в феврале министр экономики Рафаэлло Риккарди на одном из совещаний доложил, что импорт продовольствия составил двадцать пять миллионов тонн за истекший год, и предупредил о его нехватке в случае войны. Риккарди напомнил:

— Ключи от Средиземноморья — в руках английского Адмиралтейства.

Хотя Муссолини тогда сразу же закончил совещание, он не мог заткнуть свои уши от предупреждающих об опасности такого шага голосов. Военно-воздушные силы обеспечены горючим

только на сорок боевых вылетов каждого самолета. Армейских резервов не хватит даже на оснащение семи дивизий.

Подобное положение было и на всех потенциальных театрах военных действий. Из Триполитании маршал де Боно докладывал: военное снаряжение подобно груде хлама. Все пулеметы — с водяным охлаждением, артиллерия — времен Первой мировой войны, ходовая часть танков такова, что их пришлось бы транспортировать на поле боя. Из Ливии Бальбо сообщил об орудиях еще гарибальдийского периода.

Министр военной промышленности генерал Карло Фавагросса нарисовал более красочную картину. Если даже военные заводы будут работать круглосуточно, Италия сможет вступить в войну лет так через девять, то есть в 1949 году.

Для Муссолини, мечтавшего о славе, это означало бы признать несостоятельность не только страны, но и себя самого.

— Нам следует, подобно Швейцарии, помножить все на десять, — был его пугающий всех вывод.

В течение ряда месяцев он находился под постоянным давлением — как в вопросе сохранения нейтралитета, так и активизации своих действий. 26 февраля малоразговорчивый заместитель госсекретаря США Самнер Уэллс встретился с «человеком, выглядевшим лет на пятнадцать старше своих пятидесяти шести», двигавшимся подобно слону, с белой как лунь головой и отвислым, морщинистым лицом. Он предложил Муссолини встретиться с президентом Рузвельтом на Азорах для обсуждения проблемы нейтралитета. Не прошло и двенадцати дней после отъезда Уэллса, как в Риме появился Иоахим фон Риббентроп, сообщивший дуче о необходимости срочной встречи с фюрером.

18 марта 1940 года Муссолини в четвертый раз встретился с Гитлером на заснеженном Бреннерском перевале, в трехстах метрах от новой германской границы. Встреча эта проходила в личном поезде дуче. Как позже отметил немецкий переводчик Пауль Шмидт, диктаторы находились уже не в равных условиях. Исходя из победных результатов польской кампании, Гитлер хвастался в разговоре численностью своих войск и резервами, Муссолини же всему удивлялся, «как ребенок новой игрушке».

— Скорее на вулкане Этна уляжется снег, чем мне удастся превратить итальянцев в расу воинов, — признался с неудовольствием дуче штандартенфюреру СС Ойгену Дольману, личному представителю Гиммлера в Риме.

Шмидт отметил также, что Гитлер даже не упомянул о намечавшемся через три недели, 9 апреля, вторжении немецких войск в Норвегию и Данию, о чем сам он знал из источников в

министерстве иностранных дел. На дуче Гитлер полагался полностью, но не доверял королевской семье и итальянскому генеральному штабу — этой «аристократической мафии». С этого момента Муссолини, ставший младшим партнером, был в курсе лишь того, о чем фюрер считал необходимым или возможным ему сообщить.

Гитлер сам определял и время для этого. Так, 10 мая в пятом часу утра Муссолини был разбужен телефонным звонком на вилле Торлония. Это был Джалеаццо Чиано, предупредивший его, что в течение ближайшего часа будет звонить германский посол Ханс Георг фон Маккензен для сообщения личного послания Гитлера. И лишь в 5.35 утра дуче узнал о пересечении немецкими войсками границ Бельгии и Голландии.

Муссолини с горечью вспомнил о своем недавнем заверении, данном им итальянскому послу в Брюсселе Марчезе Пауличчи ди Калболи на вопрос того, «стоит ли им рассматривать себя туристами или же надо срочно упаковывать чемоданы»:

— Сидите спокойно в посольстве: немцы никогда не нападут на Бельгию.

Еще до своего заявления маршалу Бадолио дуче передавал через Дино Алфиери, своего нового посла в Ватикане, Пию XII: постоянные выступления Церкви о мире действуют на него подобно терниям, рвущим его, Муссолини, плоть. На это Папа отвечал без колебаний:

— Мы ничего не боимся, даже угрозы попасть в концентрационный лагерь.

Дино Гранди не забыл своего визита во дворец Венеция 17 мая, когда застал Муссолини стоявшим перед огромной настенной картой Франции, испещренной разноцветными флажками, изучая дислокацию войск.

— Посмотри сюда, — сказал дуче, тыкая пальцем на изгиб Сены, где продвижение немцев было остановлено. — Немцы не войдут в Париж, хотя и считают, что уже разгромили Францию. Неминуемо должно состояться новое марнское сражение. Проклятые боши снова сломают свои шеи, и вся Европа станет свободной.

Гранди в тот момент почувствовал облегчение, считая, что человек, убежденный в поражении Германии, вряд ли станет выступать на ее стороне.

Однако через несколько дней Муссолини убедился в беспочвенности своего оптимизма: немцы сломили сопротивление Франции. Впервые в современной истории немецкая угроза Италии возникала не с севера или востока, а с запада.

«Если Италия изменит свою позицию и выступит на стороне Англии и Франции, ей одной придется вести войну против Германии», — заявил Муссолини в своем секретном меморандуме.

После встречи с Гитлером на Бреннерском перевале ему на ум пришло изречение Никколо Макиавелли: «Существуют две возможности защитить себя от врага: надо либо убить его, либо обнять».

Когда до него дошли слухи, что в связи с войной оживились дела у меховщиков и ювелиров на севере страны, дуче прокомментировал их так:

— Миланцам следует знать, что лучше торговать с немцами, чем видеть их в городе.

Однако 26 мая к изумлению Бадолио и Бальбо он заявил, что не боится Гитлера.

— У вас не хватает хладнокровия, маршал, — обратился он покровительственно к Бадолио. — Могу сказать вполне определенно, что к сентябрю все будет закончено. И мне потребуется всего несколько тысяч убитых, чтобы сидеть за столом конференции как воюющая держава.

Но во дворце Чиги и другие, кроме Чиано, видели и понимали, что немцам достаточно было сделать предупреждение, чтобы заставить его засуетиться. 27 мая, на следующий день после встречи дуче с Бадолио, один из ведущих сотрудников МИДа граф Луча Пиетромарчи получил из дворца Венеция строгое замечание. Вплоть до этого дня он вел довольно успешно переговоры с англичанами, в результате которых сэр Уилфред Грин, хранитель судебного архива, сделал заявление в Лондоне, что Британия намерена ослабить свой контроль за контрабандными перевозками в Средиземноморье в отношении Италии. Это известие вызвало в Берлине острую реакцию со стороны Германа Геринга.

— Вам необходимо аннулировать любое соглашение с англичанами и французами, — было передано Пиетромарчи. — Дуче сказал, что он не бандит с большой дороги, делающий свои дела с пистолетом в одной руке и Библией в другой.

С этого времени Муссолини видел свою жизнь как в разбитом зеркале — с одной стороны реальность, которую он осознавал, с другой — представление о самом себе, созданное им за предыдущие годы.

Вместе с тем вокруг него хватало еще подхалимов и льстецов, которые убеждали его, что все обстоит хорошо. Даже Бадолио, бывший начальником генерального штаба, старался не потерять свой доход в два миллиона лир. Генерал Убальдо Содду,

заместитель военного министра, для демонстрации военной мощи увеличил на бумаге численность дивизий с сорока до семидесяти трех, засчитав полки в качестве дивизий. Он знал, что Муссолини не догадается о наличии в составе артиллерии орудий еще четырнадцатого века, отлитых из меди, а также о включении в число армейских бронемашин полицейских, лишь окрашенных в цвет хаки.

Людей, подобных генералу Джиакомо Карбони, начальнику военной разведки, Муссолини слушал с неохотой, предпочитая общение с теми, кто говорил ему то, что он желал слышать. За время четырехдневной поездки в Германию в январе Карбони установил, что разрекламированная Гитлером военная мощь является блефом: для нужд армии не хватало продовольствия и сырья, подвижной состав был сильно изношен, настроение армейского командования весьма пессимистично. Муссолини расценил его доклад как «доклад человека, не любящего немцев». Чтобы доказать ошибочность взглядов Карбони, дуче послал в Германию некоего полковника, представителя итальянской молодежной организации. И через четыре дня понятливый офицер доложил о наличии у Гитлера двухсот отлично экипированных и боеспособных дивизий.

В 6 часов вечера 10 июня впервые за девять месяцев стеклянная дверь балкона во дворце Венеция открылась, и на нем появился дуче, объявивший себя двенадцать дней тому назад верховным главнокомандующим вооруженными силами. В течение пятнадцати минут необычно высоким голосом, произнося каждое слово подобно удару ножом, он толковал о будущем Италии собравшейся толпе, выдрессированной новым секретарем фашистской партии Этторе Мути.

Уинстон Черчилль отметил по этому поводу, что «один человек поднял итальянский народ на смертельную схватку с Британской империей, лишив Италию симпатий и поддержки Соединенных Штатов».

И действительно, дуче ничего не согласовывал ни с кабинетом министров, ни с большим советом, зная, что старая гвардия — Бальбо, де Боно, де Веччи, Гранди, Джузеппе Боттаи, да и Чиано были настроены оппозиционно по отношению к «оси». Один только отправленный в отставку Ачилл Старасе заявил:

— Для меня война все равно что поглощение блюда макарон.

Большинство итальянцев почувствовали ужас, услышав слова дуче, транслировавшиеся по всей Италии. В Генуе и Турине толпы народа слушали его выступление молча, без воодушевления и аплодисментов. На кафедральной площади в Милане люди плакали, как во времена Маттеотти.

— Настал час, определенный самой судьбой, — возвещал Муссолини. — Час принятия необратимого решения. Декларации о войне уже вручены послам Великобритании и Франции.

В заключение, воздав должное фюреру — вождю великого итальянского союзника Германии, дуче выкрикнул:

— Итальянский народ, берись за оружие и покажи свою твердость воли, свою храбрость и доблесть!

Когда толпа разошлась в тягостном молчании, фашистские молодчики стали расклеивать объявления, что с этой ночи в стране вводится затемнение, и дорожные рабочие начали закрашивать уличные фонари в синий цвет.

За час до этого на вилле Камилуччия в Монте-Марио, где проживала семья Петаччи, раздался телефонный звонок. Мириам, взявшая трубку, услышала голос Муссолини, приглушенный, звучавший как-то нереально. Девушка спросила испуганно, не произошло ли чего.

— Через час я объявляю о начале войны, — ответил дуче. — Обстоятельства вынуждают меня сделать это.

— Но она будет продолжаться недолго, дуче?

— Нет, — развеял он тут же ее иллюзии, — она будет длиться долго, не менее пяти лет.

От слов Муссолини кровь в ее жилах заледенела, когда она представила, что ожидает всех их в ближайшее время.

— Дерево Гитлера, — добавил дуче, — растет высоко, достигая самого неба, но обречено на погибель.

Глава 6
«Достаточно, остановитесь! мы — на вашей стороне!»

10 июня 1940 года — 24 июля 1943 года

— Как он может так поступать? — с яростью спросил Гитлер. — Это же безумие.

Риббентроп обменялся взглядами с фельдмаршалом Кейтелем, начальником штаба гитлеровского верховного командования. Никто не мог найти подходящих слов. Дело в том, что хмурым утром 28 октября 1940 года их союзник Бенито Муссолини предпринял нечто, представлявшее прямую угрозу интересам «оси».

В 9 часов утра фюрер прибыл на своем бронированном поезде, состоявшем из девяти вагонов, на центральный вокзал Болоньи. Он направлялся во Флоренцию и позвонил туда по железнодорожному телеграфу. Оказалось, что он опоздал на два часа, не успев остановить Муссолини, вторгшегося со своими войсками в Грецию.

Как вспоминал потом Пауль Шмидт, Гитлер был в бешенстве. Он только что провел девятичасовую встречу с генералом Франциско Франко в Хендее, на франко-испанской границе, пытаясь склонить того к вступлению в войну или же добиться его разрешения немецким войскам ступить на испанскую территорию, но Франко отклонил и то и другое.

— Я лучше позволю вырвать себе три, а то и четыре зуба, чем провести еще раз подобные переговоры, — бушевал Гитлер.

В нескольких часах езды до Берлина ему сообщили о катастрофическом намерении дуче.

Шмидт вспомнил фразу, вычитанную им в какой-то детективной книге: «Полиция поспешила к месту происшествия».

Прошлым вечером за ужином Риббентроп так оценил складывающуюся обстановку:

— Итальянцы ничего не смогут сделать с греками в период осенних дождей и зимнего снега. Поэтому фюрер намерен во что бы то ни стало предотвратить эту дурацкую затею.

Муссолини сбил с толку Гитлера на целых четыре месяца. Он полагал, что дуче объявил войну 10 июня для того, чтобы нанести скрытно подготовленные удары по Корсике или Тунису, но тот не предпринимал ничего в течение одиннадцати дней. Боевые действия не вели ни флот, ни авиация, поскольку Муссолини дал указание Бадолио:

— Я не намерен предпринимать что-либо новое.

И только 21 июня, на следующий день после установления перемирия между Германией и Францией, итальянские войска перешли французскую границу на участке от Монблана до моря, имея указание не открывать огонь первыми.

Войска, в летней форме одежды, несли потери, однако не от французских пуль и снарядов, а от суровых климатических условий Французских Альп. За эту двухдневную кампанию Муссолини заплатил довольно дорого: 800 солдат погибли и 3200 были госпитализированы.

О своем намерении напасть на Грецию на встрече обоих диктаторов на Бреннерском перевале 4 октября Муссолини не сказал ни слова.

— Если он намеревается начать боевые действия против бедной маленькой Греции, — задал Гитлер Кейтелю риторический вопрос, — то почему бы ему не атаковать Мальту или Крит? По крайней мере, в этом был бы какой-то смысл в плане войны против Англии в Средиземноморье. Никто из них не мог объяснить психологическую причину такого поступка Муссолини, которая заключалась в мании преследования, сложившейся у дуче к тому времени.

На их бреннерской встрече Гитлер даже не упомянул о запланированном им через три дня вторжении в Румынию. А ведь еще в середине августа фюрер предупредил его против любых боевых действий на Балканах. Известие об оккупации немцами Румынии привело Муссолини в ярость.

— Гитлер всегда ставит меня перед совершившимся фактом! — с гневом произнес он Чиано 12 октября. — На этот раз я заплачу ему той же монетой. Из газет он узнает, что я оккупировал Грецию. Таким путем будет восстановлено равновесие.

Хотя дуче и преследовал важные стратегические цели — порты Греции были необходимым звеном для совершения нападений на британские конвои в Египет, — мальчишеский импульс взял в нем верх над всеми другими факторами.

Глупое недомыслие усматривали в этом походе и другие люди, среди которых был Пьетро Бадолио. Он понимал, что четыре итальянские дивизии, действуя против пятнадцати греческих, ничего не могут добиться: для обеспечения успеха требовалось не менее двадцати полнокровных дивизий. Муссолини рассчитывал, что этот недостаток будет восполнен действиями итальянской пятой колонны. Бадолио, высказавшийся вначале отрицательно по поводу намечавшегося вторжения, затем уже на своем мнении не настаивал, хотя и не был убежден

доводами дуче. И кампания, спланированная за одну ночь бывшим младшим унтер-офицером Бени-то Муссолини, началась.

Когда Бадолио попытался напомнить, что, согласно союзническим обязательствам, надо бы сообщить об этом немцам, Муссолини вспылил:

— А сообщили ли они нам о Норвегии? Сказано ли что было о Западном фронте? Они поступают с нами, как если бы нас вообще не было.

— Я не буду считать себя итальянцем, — заявил далее дуче, — если войска станут испытывать трудности, ведя боевые действия против греков.

Он рассчитывал, что вся кампания продлится не более двух недель. Когда же ему сообщили, что Греция имеет под ружьем 250 000 человек, он прислушался к тем, кто утверждал: боеспособны там не более 30 000. Исходя из планов Гитлера в отношении Балкан, Муссолини демобилизовал из армии 300 000 человек.

Ни малейшего следа сомнений не было видно на лице дуче, когда он 28 октября появился на платформе железнодорожной станции Флоренции, чтобы встретить Гитлера. Только 22 октября он написал фюреру, сообщая о намечавшейся акции, не называя, однако, точной ее даты. По иронии судьбы дата приезда Гитлера во Флоренцию совпадала с датой начала его вторжения в Грецию.

Когда поезд фюрера, громыхая на стыках рельсов, подошел к платформе, Муссолини дал знак оркестру карабинеров, состоявшему из шестидесяти человек, и тот заиграл итальянский королевский марш, забыв, кого встречали.

Резко повернувшись на каблуках, Муссолини замахал руками, и оркестр перешел на германский национальный гимн. В окне вагона показался фюрер с натянутой улыбкой, и Муссолини по красной ковровой дорожке пошел ему навстречу. В духе фашистских военных сводок дуче приветствовал Гитлера:

— Фюрер, мы — на марше! Победоносные итальянские войска пересекли сегодня на рассвете греко-албанскую границу!

Когда диктаторы пожали друг другу руки и направились на предварительную беседу в специально подготовленное неподалеку помещение, фюреру стали очевидны недостатки Бенито Муссолини как союзника. Первыми его словами, обращенными к дуче, как он потом рассказывал Кейтелю, были:

— Результатом может быть лишь военная катастрофа.

Но ни тот, ни другой не могли предвидеть, что этим безрассудным поступком Бенито Муссолини обрек на гибель не только Третий рейх, но и собственный фашистский режим.

В течение нескольких недель слабо оснащенные войска дуче

отступали и оказались прижатыми к морю в портах Дуррес и Влера. Чтобы помочь им и сохранить свое господствующее положение на Балканах, Гитлер бросил против Греции 680-тысячную армию, прошедшую по территориям государств-марионеток Румынии и Болгарии. Однако отважные югославы не смирились с ролью вассалов, отведенной им по Тройственному пакту, оказав сопротивление, в результате чего Гитлер принял решение разгромить их и сменить заодно приоритеты. План «Барбаросса» предусматривал цель поставить русского партнера на колени [3]. Начиная русскую кампанию, Гитлер рассчитывал, что после 22 июня ему вполне хватит времени, чтобы закончить все до наступления кошмарной русской зимы с ее морозами.

Итальянцы понесли в Греции значительные потери: 20 000 погибших, 40 000 раненых, 18 000 обмороженных и 26 000 пленных.

Тысячи итальянцев, тайно настраивавших свои приемники на лондонские радиопередачи, услышали новый куплет популярной в довоенное время песенки о падающей Пизанской башне, посвященный их лидеру:

Какой сюрприз для дуче, дети, Преподнесли недавно греки. Ведь он остался без спагетти — Не помогли моря и реки.

Рашель нежно, но настойчиво потрясла своего мужа за плечо. В 3 часа ночи раздался ужасно громкий телефонный звонок. Звонил взволнованный принц Отто фон Бисмарк, полномочный министр, прямо из немецкого посольства в Риме. Бенито, кряхтя и ворча, поднялся, посмотрев на свет прикроватной лампы.

Немецкое руководство настояло на том, чтобы разбудить его среди ночи и проинформировать: Гитлер объявил войну России [4].

Какой-то момент Муссолини смотрел на жену невидящим взглядом. Затем без каких-либо эмоций тихо произнес:

— Дорогая Рашель, это значит, что мы проиграли войну.

Когда он стал быстро одеваться и поспешил к телефону, она не удивилась. Казалось, что в этот день, 22 июня 1941 года, Бенито готовился отразить удары, которые ему могла нанести судьба. Он стал забывать про бритье. Завтракал очень поздно, когда все домашние уже расходились по своим делам, почти каждую ночь проводил беспокойно, вставая утром разбитым и садясь в любое кресло, даже не прогоняя кота Пи по со своего любимого места.

Вся Италия, кроме Рашель, знала истинные причины этого. В течение всех двенадцати месяцев после объявления войны удар следовал за ударом. Неудачные события в Греции привели в декабре к отставке маршала Бадолио. Маршал Родольфо

Грациани, сменивший Бальбо, погибшего в сбитом по ошибке самолете, принятом за английский бомбардировщик, смог продержаться в Ливии против наступавшей из Западной пустыни 36-тысячной армии генерала Ричарда О'Коннора только пятьдесят семь дней, хотя и имел в своем распоряжении около 150 000 солдат, но плохо вооруженных и измотанных постоянными маршами. Обещанных 1000 танков он так и не получил. Перед началом отступления он послал телеграмму святой покровительнице артиллерии: «Святая Барбара, защити нас».

Во второй раз дуче оказался должником Адольфа Гитлера. Назначенный командующим объединенными итало-немецкими войсками решительный генерал Эрвин Роммель в течение всего двенадцати дней восстановил положение, вновь заняв Ливию, овладел важнейшим средиземноморским портом Тобруком и двинулся к границе с Египтом.

Новости, приходившие из районов Средиземного и Эгейского морей, были неутешительными. Из-за отсутствия радаров и эффективной авиационной поддержки итальянский флот ощущал мощные удары со стороны английского средиземноморского флота под командованием адмирала Эндрю Каннингхема. Это были не только проигранное сражение у мыса Спада, но и ночная атака военно-морской базы в Таранто в ноябре 1940 года, когда британские торпедоносцы «Сводфиш», взлетевшие с авианосца «Иллюстриус» на удалении 350 километров от базы, потопили дредноут «Кавур» и нанесли серьезные повреждения линкорам «Литторио» и «Дуилио». А через четыре месяца, 29 марта 1941 года, у мыса Матапан в результате неожиданного трехминутного артиллерийского удара английской эскадры, когда итальянцы не успели даже открыть ответный огонь, погибло 3000 итальянских моряков.

Поняв, наконец, что только авианосцы смогут обеспечить действенную поддержку флота, Муссолини распорядился о переоборудовании трансатлантических лайнеров «Рим» и «Августус» в авианосцы, но было уже поздно, так как в активных операциях они так и не смогли участвовать…

Хотя Рашель ничего об этом не знала, у Муссолини были неприятности личного плана. В июле 1940 года Кларетта объявила ему, что ждет от него ребенка, но через шесть недель, 18 августа, с ней случился коллапс. Поспешив на виллу Камилуччия, Муссолини узнал от доктора, что жизнь ее была в опасности и что он предлагал сделать срочную операцию по прерыванию беременности.

— Пожалуйста, спасите ее для меня, — с мольбой обратился дуче к профессору Петаччи.

Задача была не из легких. До 4 часов утра 1 сентября тот вместе с известным римским гинекологом профессором Ноккиоли боролись за ее жизнь. Три часа Муссолини сидел неподвижно в соседней комнате, ожидая услышать худшее.

— Боже, не дай ей умереть, не дай мне потерять ее, — стал он горячо молиться во второй раз в своей жизни.

Но вот доктора сообщили ему: Кларетта жива, но кризис еще не миновал. В результате операции она, однако, рожать более уже не сможет. Муссолини только обнял их по очереди, бормоча слова благодарности.

Затем впервые за долгие годы он признал существование Кларетты в своей жизни как само собой разумеющееся явление. Он приезжал на виллу Камилуччия в самое различное время, прощупывал ее пульс, гладил по голове. Если дела задерживали его во дворце Венеция, он посылал ей записочки. Его шофер Боратто вспоминал, что возил Муссолини по два-три раза на день на виллу ее родителей, иногда часа в два ночи с лекарствами, приобретенными в дежурных аптеках…

На рассвете 22 июня 1941 года злоключения Муссолини только начались по-настоящему. Месяц за месяцем несчастья обрушивались на него, словно удары по телу, — не только с театров военных действий, но и в личной жизни. 7 августа 1941 года, когда он около 11 часов вечера собирался войти в лифт, как он рассказывал позже Кларетте, один из служащих дворца Венеция подбежал к нему запыхавшись.

— В Пизе произошла катастрофа, — сообщил он. — Ваш сын Бруно ранен и находится в тяжелом состоянии.

Оба сына дуче в звании капитанов служили в 274-й эскадрилье военно-воздушных сил в Пизе. Их сестра Эдда, бросив сухое мартини и ночные карточные игры, работала сестрой милосердия Красного Креста в Албании. Бруно был любимым сыном дуче. Закрыв глаза и прислонясь к стене лифта, он только спросил:

— Он мертв?

Впоследствии этот служащий конфиденциально рассказал свои знакомым:

— Мне показалось, что в этот момент внутри Муссолини что-то погасло.

Через несколько часов в аэропорту Сан-Джусто в Пизе Муссолини узнал от Витторио подробности происшедшего. Двигатель бомбардировщика «П-108», который Бруно испытывал, отказал на высоте около 300 метров над землей. Попытавшись спланировать при посадке, он зацепил крылом за поверхность и от удара был выброшен из кабины. Два других члена экипажа

остались целы. Последними его словами, как передал Витторио, были:

— Папа — поле.

С этого времени никто не мог определить настроение дуче. Иногда он выглядел абсолютно спокойным, но однажды сказал генералу Франческо Приколо, заместителю министра авиации:

— Вы видите меня внешне спокойным, каким я и должен быть, но внутри меня терзает горе.

Когда же полковник Гори Кастеллани, командир эскадрильи, в которой служил Бруно, попытался выразить ему соболезнование, Муссолини подпрыгнул, как загнанный в угол тигр.

— Я знаю, зачем вы здесь, — сердито накричал он на изумленного полковника. — Я знаю, что вы, да и все остальные рады моей потере. И не хочу ничего от вас слышать. Можете идти!

Он говорил то, в чем был убежден, хотя речь и шла о жизни людей.

— У него не осталось здравого смысла при рассмотрении того или иного вопроса, — вспоминал Приколо. — Он выслушивал любые предложения, заранее имея по ним собственное мнение.

Но никто ему, однако, не посоветовал предложить Гитлеру четыре итальянские дивизии — три пехотные и одну кавалерийскую — для участия в боях в России, да еще девять самолетов, не оснащенных системами антифриза.

В летней форме одежды и обуви, в которых они участвовали во французской кампании, эти войска были обречены при морозах минус 36 градусов по Цельсию [5].

Самомнение Муссолини было сильно задето тем, что солдаты Роммеля быстро восстановили положение в Ливии, а преемник Бадолио, генерал Уго Каваллеро был слишком слабым, чтобы хоть в чем-то возражать тому.

Доказывая свое единение с вермахтом Муссолини провел смотр своего «русского экспедиционного корпуса» в Вероне, на котором кроме него присутствовал только генерал Энно фон Ринтелен, немецкий военный атташе в Риме. Когда дуче отдавал войскам салют, объезжая их на автомобиле, немец на заднем сиденье испытывал жалость к проходившим маршем людям в потрепанной форме, которые громыхали стоптанными сапогами по булыжникам под барабанный бой.

Но вот последнее подразделение под звуки фанфар направилось к эшелону, стоявшему на железнодорожной станции. Дуче повернулся к фон Ринтелену с затуманенными слезами

глазами и напыщенно произнес:

— Это — самые лучшие в мире войска.

Через десять месяцев, когда судьба Третьего рейха была решена в снегах под Сталинградом, Муссолини направил Гитлеру еще шесть дивизий.

Эдда, отправившаяся по линии Красного Креста в Россию, написала ему чистосердечно: «Наши дела здесь очень плохи, дорогой Бенито».

Отец же ответил ей следующими словами: «Если бы у Микеланджело было сливочное масло на столе, он вряд ли оказался способен на свои великие свершения».

Как и в прошлом, Муссолини чувствовал себя комфортно только в обществе Клареттy, никогда его не критиковавшей. За исключением очень короткой поездки в Будапешт для оформления развода с мужем в феврале 1942 года, она всегда была, как говорится, у него под рукой. Война положила конец их лыжным вылазкам и поездкам верхом на лошадях, так что ее жизнь в еще большей степени была связана с четырьмя стенами в апартаментах дворца Венеция. По ночам она спала у телефона, ожидая его звонка.

— У меня большие новости, — сказал он ей загадочно вечером 27 июня 1942 года. Видя, что его слова произвели соответствующее впечатление, добавил драматично: — Я еду в Африку.

Кларетта была напугана. Умоляя его подумать об опасности, она сказала, что его жизнь священна. В ответ Муссолини подчеркнул особую важность этой поездки — ему надо было «гальванизировать войска», а также лично поприсутствовать на победной церемонии, когда африканский корпус Роммеля, стоящий сейчас под Эль-Аламейном, в ста тридцати километрах от Нила, вступит в Каир и Александрию. В Дерне, на ливийском побережье, его ожидает белый конь, на котором он в белоснежной форме маршала империи въедет в Александрию. Знаменитый «исламский меч», подаренный ему когда-то Бальбо, тогдашним правителем Ливии, находился в его багаже. Назначенный им правитель Египта будет следовать со свитой.

— В вас заключено духовное начало всех великих дел, — похвалила его Кларетта. — Но вы не должны забывать, как я буду за вас волноваться.

Муссолини заверил ее, что возвратится через десять дней, если все пойдет хорошо.

Однако прошло три недели, прежде чем Кларетта услышала его голос — голос больного, разочарованного во всем человека, видевшего, что все, к чему он ни прикасался, превращается в прах

и мусор. «Исламский меч» так и остался в ножнах, белый конь победы не был даже выведен из конюшни. В качестве главнокомандующего вооруженными силами Муссолини произвел инспекцию войск и лагеря для военнопленных в Бардии, отстоявшей от линии фронта на тысячу километров. Оказавшись без подкреплений вследствие осложнения положения на русском фронте, Роммель не смог продвинуться дальше, а разозлившись на Муссолини за его нетерпеливые указания, отказался даже терять время на его сопровождение в Бардию [6].

Из-за расстройства желудка вследствие неудачной поездки в Африку Муссолини потерял более двадцати килограммов веса. Часто, лежа в постели под присмотром личного врача, доктора Арнальдо Поцци, верховный главнокомандующий и маршал империи читал сводки о новых военных неудачах: генерал-лейтенант Бернар Монтгомери нанес поражение немецко-итальянским войскам под Эль-Аламейном, англо-американцы высадились в Марокко и Алжире.

— Кто же он, в конце концов? — иронически произнес оставшийся неизвестным политик. — Просто неудавшийся журналист с язвой желудка.

Рашель с беспокойством видела, как он иногда катался по полу, ударяя кулаком в живот, Диагноз своей болезни он поставил сам:

— Я страдаю от нападений на конвои кораблей.

И действительно, к январю 1943 года потери в Средиземноморье выросли до одной трети личного состава и транспортов.

Он давно утратил склонность к юмору, присущему ему когда-то. В первые годы своего прихода к власти он дважды в неделю посылал за маникюршей в салон «Аттилио». Хорошенькая маникюрша всегда рассказывала ему последние антифашистские анекдоты и истории, выслушав которые он часто смеялся. Вскоре после посылки войск в Россию он поинтересовался у нее новыми анекдотами антирежимного характера. Слышал ли он о миланских антифашистах, приехавших в Рим, чтобы совершить террористический акт против него, спросила она невинно. Когда он отрицательно покачал головой, она продолжила рассказ. Оказывается, они дошли только до площади Венеция и. там отказались от задуманного, решив встать в хвост очереди в продовольственный магазин.

Дуче рассерженно отдернул руки и выгнал ее. Больше во дворце она не появлялась.

Муссолини понимал с гордостью и в то же время с горечью, что кухонные анекдоты отражают мышление и настроения людей.

Переломным моментом послужило 11 декабря 1941 года, когда дуче вслед за Гитлером объявил войну Соединенным Штатам сразу же после нападения японцев на Перл-Харбор. Обратившись к апатично слушавшей его толпе, он произнес речь, длившуюся на этот раз всего пять минут. Он стал столь часто выступать с балкона дворца Венеция, что получил прозвище Джульетта. Когда он появлялся на экранах кинотеатров на коне, провожая колонны марширующих солдат, зрители вставали молча. А после событий под Эль-Аламейном люди бросились в банки снимать деньги, так что «Банк д'Италйа» был вынужден срочно напечатать сорок миллиардов лир для обеспечения выплат сбережений.

Тем не менее Муссолини продолжал считать, что воплощает волю народа. Один из прежних его коллег, Джиоваччино Форцано, попытался было развеять его иллюзии, но получил такую отповедь, что не мог долгое время ее забыть.

— Любовь народа к своим лидерам, — сказал ему Форцано, — длится до тех пор, пока все идет хорошо. — Затем добавил: — Если король пошлет хотя бы четырех карабинеров во дворец Венеция, никто не пошевелит и пальцем, чтобы помочь вам.

Никогда до этого он не видел, чтобы Муссолини реагировал столь возбужденно. Дуче вскочил со стула и сильно ударил кулаком по крышке полированного стола, разразившись потоком слов.

— Я уверен в любви и преданности мне итальянцев, вполне уверен, говорю вам, вполне уверен…

Его охватило неистовство, на уголках губ появилась пена, черные глаза метали молнии. Форцано был буквально шокирован и стоял неподвижно.

Бенито Муссолини, казалось, уверовал, что говорит языком сорока миллионов итальянцев.

Меморандум верховного командования армии, вышедший в свет весной 1943 года, на первый взгляд не отличался от сотни других. Напечатан он был на трех страницах. Однако у него все же были три отличия: на титульном листе не было армейского креста, не указан адресат и не было никакой подписи.

Меморандум этот в кабинете помощника начальника главного штаба армии, пятидесятилетнего генерала Джузеппе Кастеллано, внимательно читал Чиано. В документе говорилось о тайном заговоре против фашистского режима и его лидера, Бенито Муссолини.

Содержание документа Кастеллано знал почти наизусть. По первому пункту они неоднократно беседовали с его новым начальником, генералом Витторио Амброзио, сменившим в

феврале 1943 года генерала Каваллеро. Он предусматривал арест Муссолини во время маневров на артиллерийском полигоне Неттуно, отстоявшем почти на сто километров от Рима.

Во втором пункте рассматривался менее осуществимый план захвата дуче непосредственно во дворце Венеция. Оба генерала были намерены избежать гражданской войны. Кастеллано, ежедневно докладывавший Муссолини военные сводки, знал, что дворец хорошо охраняется преданными диктатору фашистами.

Третий пункт представлялся им более реальным — арест с последующим заточением дуче в тюрьму в момент, когда он будет покидать дворец Квиринале после аудиенции у короля, на которые он приезжал два раза в неделю.

— Этим самым, — сказал Кастеллано своему гостю, отложившему в сторону прочитанный документ, — я целиком вверяю себя вам.

— Ваш секрет останется со мной, — ответил Чиано, недавно назначенный послом в Ватикан, пожимая плечами и проводя рукой по своим напомаженным волосам.

И намекнул, что некоторые из фашистских вожаков тоже пытаются нащупать пути к подобному же решению.

Кастеллано представил себе, о ком шла речь. 5 февраля 1943 года Муссолини объявил о «смене караула» и создании такого кабинета министров, на заседаниях которого он мог бы высказывать свое недовольство, не признавая, что большинство ошибок были его собственными. Среди тех, кто был заменен, хотя и продолжал занимать свое место в большом фашистском совете, были такие выдающиеся личности, как министр юстиции Дино Гранди, министр образования Джузеппе Боттаи и министр иностранных дел Чиано. Муссолини не хотел даже, чтобы тот попал к его святейшеству. Чиано же записал в своем дневнике: «Эта позиция может предоставить большие возможности». Поэтому-то Кастеллано и позвонил графу в первую очередь.

В это мартовское утро Кастеллано раскрыл перед Чиано свои карты. У него и генерала Амброзио была одна цель: порвать соглашение с немцами об «оси» и начать сепаратные переговоры о мире с союзниками.

Кастеллано не был даже удивлен тем, что Чиано холодно воспринял заговор против своего тестя. Мирные планы генерала позволили ему завязать контакты со многими представителями дворца Чиги, среди которых были такие крупные дипломаты, как граф Леонардо Витетти и граф Луча Пиетромарчи. Чиано, будучи еще министром иностранных дел, открыто высказывался о необходимости выхода из войны. Опрометчиво он даже сказал как-то министру культуры, человеку дуче, Гаэтано Полверелли:

— Главным препятствием является Муссолини — если он согласится на выход из войны, мы смогли бы установить соответствующие контакты с Черчиллем и Рузвельтом.

Некоторым другим он говорил:

— В один прекрасный день мы наберемся мужества и скажем Муссолини то слово, которое со времен Маттеотти никто не осмеливался произносить, — «довольно»!

Даже в гольф-клубе «Аквазанта» он отзывался о Муссолини как о «придурковатом человеке». Вместе с Эддой он посетил свой родной Легхорн, когда союзники ночью в первый раз бомбили город. При первых звуках сирены по лицу его скользнула горькая усмешка.

— Вечный путаник, твой отец, не хочет понять, что мы проиграем эту войну, — зло бросил он и шагнул к воронке от бомбы.

Не будучи сам фашистом, генерал Кастеллано понимал, что непомерные амбиции Чиано играли на руку Муссолини. Но теперь он намеревался найти отправную точку, которая привела бы к миру. И у кого были для этого лучшие возможности, как не у нового посла Ватикана, ибо ключи к нужным каналам были в руках Папы Пия XII.

Только в одном аспекте, как открыто сказал Кастеллано Чиано, взгляды его и начальника расходились. Корректный Амброзио настаивал на том, чтобы Муссолини сам отошел от Германии, Кастеллано же считал, что у дуче на это не хватит мужества. Амброзио даже попытался оскорбить Муссолини, чтобы заставить его действовать, сказав ему однажды:

— Вы одиноки, за вами уже давно нет даже ни одного фашиста.

Но Муссолини не сделал ничего, чтобы установить контакт с Гитлером и вывести Италию из войны.

Во время своих еженедельных визитов в Квиринале Амброзио пытался подтолкнуть короля к вмешательству, но тот, хотя и слушал внимательно, ничего не говорил. Только встречи с герцогом Акваронским Пьетро, бывшим кавалерийским офицером, служившим у короля в качестве инспектора, вселяли в него хоть какую-то надежду. Король, понимая правильность их предложений, все же стремился «найти конституционное решение».

План ареста Муссолини герцог считал преждевременным и непродуманным.

С мнением герцога Чиано не согласился и с энтузиазмом сказал Кастеллано:

— Считаю это отличной идеей. Необходимо только ввести

войска в Рим, чтобы предотвратить вооруженное сопротивление фашистов. Муссолини надо арестовать!

Сидя в своем кабинете во дворце Ведекинд, напротив колонны Марка Аврелия, Карло Скорца медленно покачал головой. Изучая доклады с мест, вновь избранный секретарь фашистской партии видел, что народ недоволен положением дел в стране.

За три года войны сменились три секретаря партии. В субботу 17 апреля 1943 года сорокашестилетний Карло Скорца стал четвертым. Назначая его на этот пост, Муссолини надеялся прекратить процесс гниения и распада.

И Скорца был готов идти сквозь огонь и воду. Тасканский фашист, возглавлявший в свое время одно из подразделений, шедших маршем на Рим, он как-то постригся под дуче. Свою новую работу голубоглазый блондин начал с того, что выгнал четверых крупных партийных деятелей и двадцать провинциальных секретарей партии.

— Если мы должны умереть, — заявил он на партийной конференции, — то давайте поклянемся, что умрем с достоинством и блеском. Однако доклады, лежавшие перед ним на столе, говорили, что все потеряно.

Шесть недель тому назад широкая волна забастовок, организованных по инициативе коммунистов, прокатилась по всей Северной Италии. Доведенные до отчаяния многомесячными ночными бомбардировками союзников, постоянным ростом цен и замороженной зарплатой, рабочие таких важнейших военных заводов, как «Капрони», «Фиат» и «Вестингзауз», прекратили работу. В Милане на шинном заводе «Пирелли» солдаты, посланные туда в качестве штрейкбрехеров, побросали оружие и стали брататься с рабочими. Хуже всего, один из главных мировых посредником, Туллио Чианетти, член фашистского большого совета, был забросан камнями и изгнан как собака с завода.

3 апреля, после целого месяца хаоса, Муссолини пошел на попятную, пообещав значительное повышение зарплаты и выдачу премий. Для такого реалиста, как Скорца, исход был очевиден.

— У меня такое чувство, — сказал он посыльному, принесшему донесения, — будто бы меня позвали к кровати умирающего.

— А вы не преувеличиваете? — спросил тот.

— Вы, пожалуй, правы, — согласился Скорца спокойным, отеческим голосом. — Я действительно преувеличиваю. Мне надо было сказать «умершего человека».

В этот майский день пополудни по длинным коридорам

дворца Квиринале разносились звуки пианино фирмы «Бехштайн». Но они оборвались, как и начались, внезапно. Дежурный посыльный воспринял это как своеобразный сигнал: принцесса Мария-Джозе была готова принять очередного посетителя, которые часто к ней приходили.

Голубоглазая тридцатишестилетняя бельгийская принцесса с вздернутым носиком и приятной улыбкой пользовалась уважением и популярностью у обслуживающего персонала дворца. Нежная и преданная мать четверых малышей — восьмилетней Марии-Пиа, шестилетнего Виктора-Эммануила, трехлетней Марии-Габриэллы и трехмесячной Марии-Беатриче, — она жила отдалившись от мужа, кронпринца Умберто, и тестя, короля Виктора-Эммануила, который даже ни разу не навестил ее за два года. Прислуга с пониманием относилась к ее потребности в человеческих контактах.

Но никто из них даже не подозревал, что Мария-Джо-зе являлась поляризующей силой антифашистского движения Сопротивления и что в ее четырех комнатах на антресолях, которые она называла «апартаментами одинокой женщины», принцесса принимала эмиссаров подпольных политических партий и движений, которые росли как грибы после дождя, а также представителей Ватикана.

Три года тому назад, 10 мая 1940 года, когда немецкие танки ворвались в ее родную Бельгию, Мария-Джо-зе объявила личную войну Бенито Муссолини, которого она называла «большой сыр». В тот день, полный отчаяния, она сказала своей лучшей подруге, разговорчивой и прямой Марчезе Джулиане Бенцони:

— Если они объявят войну, я выйду из дворца и пойду по улицам с криками: «Да здравствует мир!»

Джулиана была более благоразумной, заявив, что наверняка найдутся пути и способы ведения борьбы с Муссолини, кроме кухонных разговоров с выражением к нему ненависти. И вот через три года после того разговора, 26 мая 1943 года, Мария-Джозе ожидала как раз Марчезу Джулиану, которая должна была принести сведения о политическом пакте, только что принятом фашистами.

Единственным человеком, который мог предпринять решительные шаги против этого, был король, но он, как всегда, медлил.

Мария-Джозе вела активную работу в Красном Кресте в качестве главного инспектора. Вместе с тем она совершала частые поездки на мотоцикле без всякого сопровождения, заходя инкогнито в трактиры и закусочные, где обычно обедали водители трамваев. Ее поклонники говорили:

— Мария-Джозе — единственный мужчина в савойском доме.

Изо дня в день она передавала сведения о деятельности заговорщиков против Муссолини единственному человеку во дворце, испытывавшему к ней глубокую, но безнадежную страсть, — Пьетро, герцогу Акваронскому, который своим финансовым колдовством в вопросах регулирования королевских расходов добился полного расположения и доверия дуче.

Сбросив туфли и забравшись с ногами на диван, Мария-Джозе закуривала черную тонкую сигару, столь не любимую королем, и рассказывала герцогу новости.

Многие видные политики и ученые доверяли ей. Среди них можно было назвать шестидесятидевятилетнего Бономи, бывшего премьера Италии, христианского демократа Ал сиде де Гаспери (позже ставшего премьером), профессора Фердинандо Арену, дворцового врача, и доктора Карло Антони, ее опекуна.

Уверенная в том, что эти люди будут готовы войти в новое правительство после свержения фашизма, Джулиана как-то привела к ней Гуидо Гонеллу, носящего очки дипломатического корреспондента ватиканской газеты «Л'Оссерваторе Романо».

Вскоре через него была установлена связь с еще очень важным звеном в цепи — Джулиана стала чуть ли не каждый день навещать Джиованни Батисту Монтини (ставшего позже Папой Павлом VI), бывшего в то время заместителем госсекретаря Ватикана.

Однако общаться с ним ей было нелегко. Часто, когда Джулиана заводила разговор о новых контактах и планах, Монтини молчал, подперев рукой подбородок. Однажды она, совсем растерявшись, назвала его вместо «ваше высокопреосвященство» сыном:

— Сын мой, если вы ничего не скажете, я сойду с ума.

Широко раскинув руки и обратив взор к небесам, будущий Папа ответил ей тактично:

— Матушка, Господь Бог не дал мне вашей живости. И прежде, чем что-то сказать, я должен подумать.

Но именно Монтини после встречи с Марией-Джозе довел до сведения Гарольда Титмена, представителя Рузвельта в Ватикане, и сэра Френсиса д'Арси Годольфина Осборна, британского министра при папском престоле, имена лояльных итальянских политиков. Вопрос заключался только в том, будут ли они приняты в Вашингтоне и Лондоне, когда Италия выйдет из войны.

Подобно генералу Кастеллано, Мария-Джозе устанавливала самые широкие контакты. В августе 1942 года по своей личной инициативе она встретилась на лесной поляне под Пьемонтом с человеком, который ненавидел Муссолини, — маршалом Пьетро

Бадолио. И маршал заявил о своей готовности возглавить армию, когда придет время, хотя и сказал:

— Если Германия победит, нам никогда не удастся избавиться от фашизма.

Уже скоро принцесса поняла, что для успешного государственного переворота недостаточно лишь молчаливой поддержки Папы Пия XII и короля. Это стало очевидно после волны забастовок, прокатившейся по стране. Нравилось им это или нет, но конспираторы нуждались в помощи коммунистов.

Через Карло Антони, опекуна принцессы, Джулиана установила контакт с Кончетто Марчези, профессором латыни в Падуанском университете, имевшим большой авторитет среди коммунистов. Она спросила его напрямую, сможет ли он связаться с коммунистом номер один — пятидесятилетним Пальмиро Тольятти, представлявшим Италию в Коминтерне?

В 4 часа пополудни 26 мая Джулиана буквально ворвалась к Марии-Джозе в сильном волнении. Тольятти ответил профессору Марчези из Москвы утвердительно, что коммунисты будут «сотрудничать вполне лояльно» с королем Виктором-Эммануилом в случае восстания против Муссолини.

Коммунисты выдвигают лишь одно условие: должность министра без портфеля в будущем правительстве. В качестве доказательства своих серьезных намерений они по установленному сигналу остановят все заводы Италии.

А от себя Марчези даже добавил:

— Против фашизма в Италии поднимутся четыреста тысяч человек.

В жилой комнате своей роскошной виллы в римском районе Виа Брюсселес маршал Пьетро Бадолио, подобно животному в клетке, тупо смотрел на блестящий паркет. Прошло уже девять месяцев со времени его встречи с принцессой Марией-Джозе, но до сих пор никаких звонков из дворца Квиринале не было, Бадолио был вне себя. Он не понимал, что принцесса вышла на него по собственной инициативе. Переживая свою отставку после греческих неудач, он считал, что у него есть шанс возвратиться к активной деятельности с помощью короля.

Хотя Муссолини с большой неохотой удовлетворил просьбу Бадолио освободить его от налога на доход, получаемый им после абиссинской войны, дав указание министру финансов графу Паоло Таон ди Ревелю переводить эти деньги на особый счет, маршал продолжал ненавидеть дуче. Ненависть эта зародилась в нем еще в период фашистского марша на Рим, а после событий в Греции еще более усилилась.

— Если мне будет предоставлена такая возможность, я

поставлю эти полторы сотни выскочек к стенке, — неоднократно говорил он своим сыновьям. — Коли король не решится на проведение государственного переворота, я осуществлю его сам с согласия кронпринца Умберто.

Вдруг размышления маршала были нарушены. Слуга доложил о приходе доктора Фердинандо Арены.

Придворные короля и Бадолио пользовались услугами того же врача. Его приход мог быть связан с вызовом во дворец, которого он ждал.

— Вы с посланием? — вопросил Бадолио с сияющими глазами, протягивая доктору руку. — Вас послал король?

— Да нет, маршал, — с удивлением ответил врач. — Я пришел измерить ваше давление.

Такси, на котором ехала Кларетта Петаччи, остановилось у служебного входа дворца Венеция на улице Виа дегли Асталли, которым она пользовалась вот уже семь лет. Бесцеремонно агент в гражданской одежде просунул голову в окно дверцы автомобиля.

— Вход запрещен, синьора, — сухо произнес он.

— Это почему же? — изумилась Кларетта. — Что это должно значить?

Но мужчина лишь бесстрастно повторил:

— Уезжайте. Это приказ дуче. Большего я сказать не могу.

В смятении она распорядилась отвезти ее к дому Квинто Наварры, что напротив церкви Святого Марка. Старый слуга дуче, давний ее знакомый, будет наверняка знать, что произошло. Но сконфуженный Наварра не смог ничего ей объяснить. Хотя он и слышал о распоряжении Муссолини, он не знает, чем оно вызвано. Кларетте ничего не оставалось, как возвратиться домой.

Двадцатилетняя Мириам посоветовала сестре:

— Да брось ты его и забудь о нем! Не бегай за ним, раз он так поступил! Он этого не заслуживает!

Но Кларетта была не в состоянии последовать ее совету. Вечером же она написала Муссолини письмо с просьбой объяснения, а на следующий день — еще два. Когда ответа не последовало, она попыталась позвонить по телефону. Абонент номер 51 дворца Венеция не отвечал.

Если Муссолини нашел другую женщину, у него должно хватить мужества сказать ей об этом. Но что происходило в его не знающем отдыха, мятежном мозгу?

Подобный вопрос задавали себе и многие другие в эти душные майские дни 1943 года. Многим казалось, что Муссолини потерял логическое мышление, тщетно пытаясь найти выход из создавшегося положения, видя, что все его грандиозные планы

привели страну на край гибели.

Наконец, после пяти дней молчания, он сам позвонил Кларетте. Голосом твердым и холодным он произнес:

— Я решил больше не видеть тебя. Для этого у меня есть причины.

Пытаясь смягчить его, Кларетта взмолилась:

— Но даже человеку, приговоренному к смерти, объясняют причину приговора.

Когда же она вновь приехала во дворец Венеция, то поняла, что у него не было никакого разумного объяснения.

Войдя в зодиакальную комнату, она даже вскрикнула: это была совершенно другая комната — радиоприемник, книги, ваза с цветами — все исчезло.

— Я распорядился все это убрать, поскольку решил более не видеть тебя, — сказал Муссолини, будто бы этим объяснялось то, что произошло.

— А моя фотография?

— Я изорвал ее, — ответил он в том же духе, — когда разгневался.

В действительности Муссолини, заваленный бесчисленными проблемами, попытался найти ключ к их решению: Кларетта. Ее ежедневное присутствие во дворце стало предметом сплетен во всех римских салонах, и только Рашель, никуда не выходящая из дома, ничего не знала об этой связи.

И дуче решил бежать от всех проблем и спрятаться. 13 мая, когда войска «оси» в Африке были разгромлены, он укрылся в Рокка-делле-Каминате, своей летней резиденции неподалеку от Форли, где проводил время, просматривая газетные статьи и подчеркивая нужные места красным и синим карандашами.

Люди близкие к Муссолини восприняли его душевный хаос по-разному. Квинто Наварра обратил внимание на появившуюся у него неряшливость: если раньше его стол был образцом чистоты, то теперь он был завален полуоткрытыми книгами, фашистскими значками и медалями, пучками пшеницы, перевязанными трехцветными лентами. Генералу Антонио Сорисе, заместителю военного министра, странной показалась нерешительность Муссолини в решении насущных вопросов. Будучи человеком дела, дуче прежде решал возникавшие проблемы сразу, теперь же откладывал их на неделю-другую, отчего они теряли свою актуальность. И все же, когда Сорисе настоял на срочном рассмотрении двух давно отложенных памятных записок, Муссолини возвратил их ему через час.

Трагические для Италии события Муссолини еще не считал катастрофой. Этим летом группа миланских промышленников

была собрана во дворце Венеция на совещание по экономическим проблемам. Когда они расходились после его окончания, один из них, подняв руку в салюте, заявил с надеждой:

— Мы победим!

К его удивлению дуче воскликнул с яростью:

— Нам не нужна победа! Мы уже победили! Мы победили морально!

Однако фон Ринтелен, немецкий военный атташе, застал его в подавленном настроении. Еще за несколько лет до начала Второй мировой войны фашистская пропаганда объявила остров Пантеллерия, к юго-западу от Сицилии, неприступной крепостью — «анти-Мальтой Муссолини». Там были подземные ангары с десятками самолетов, сорок артиллерийских батарей и гарнизон численностью 12 000 человек. В начале июня, несмотря на непрекращающиеся бомбежки союзников, его комендант, адмирал Джино Павези, дважды отказался капитулировать.

И вот теперь, 11 июня, когда фон Ринтелен прибыл во дворец Венеция, он застал Муссолини за телефонным разговором. Павези докладывал о нехватке воды. К удивлению немца дуче сказал адмиралу:

— Радируйте на Мальту, что из-за отсутствия воды вы прекращаете дальнейшее сопротивление.

Фон Ринтелен не мог в это поверить. Ведь совсем недавно Муссолини настаивал на защите Пантеллерии до последнего человека. И вот союзники захватывают остров, даже не высадившись на него.

Девять месяцев назад Джузеппе Боттаи сказал про дуче слова, которые могли быть взяты в его эпитафию:

— Самоучка и никудышный ученик, у которого к тому же был плохой учитель.

Муссолини угнетало более всего сознание того, что большинство итальянцев потеряли волю к борьбе. Его доктор пытался ежедневно облегчить его желудочные страдания беллафолиной и алкоголем, но военные сводки и апатия людей сводили все эти усилия на нет. В донесении с югославского фронта сообщалось, что в одной из крепостей артиллеристы отказались открыть огонь по противнику. Полковником, комендантом крепости, было сказано:

— Чтобы освободиться от фашизма, нам надо проиграть войну.

Из Тобрука доложили, что эскадрилья бомбардировщиков, запросившая запасные части к самолетам, получила вместо них с базы 75 килограммов старых газет.

— Когда я пытаюсь найти виновных, — пожаловался

Муссолини одной знакомой женщине, — то натыкаюсь на глухую и непреодолимую стену.

А давнему коллеге он признался, что стал считать итальянцев распущенными и необузданными.

— Каждый старается извлечь из всего пользу для себя лично, — добавил он. — Нет даже никакого смысла выплачивать достаточно высокое жалованье, чтобы остановить взяточничество и получение незаконных доходов.

Один из фашистских деятелей, Джиованни Балелла, вспоминал об одном из заседаний в июне 1943 года. Несколько десятков делегатов молча слушали объяснения министра сельского хозяйства Карло Пареши о снижении урожайности. Внезапно Муссолини поднял руку, привлекая к себе внимание, и спросил почти шепотом:

— Знаете ли вы, что сейчас делают птицы?

Когда присутствовавшие недоуменно пожали плечами, дуче продолжил:

— Несколько дней тому назад я был в сельской местности и видел, как птицы садятся на полные колосья, которые под их тяжестью прогибаются. А когда их становится не видно со стороны, они начинают клевать зерно. — Затем с маниакальной жестокостью приказал: — Уничтожайте птиц, уничтожайте их всех!

Через несколько минут в странном молчании заседание закончилось. Пока люди не отошли на безопасное расстояние, никто не проронил ни слова.

— Да ведь он сошел с ума, — обобщил их чувства президент конфедерации промышленников Балелла.

До слуха участников необычной конференции из сада виллы донесся громкий крик павлина. Крик этот походил на голос самого хозяина, Адольфа Гитлера, то поднимаясь высоко, то падая. Дино Алфиери, итальянский посол в Берлине, с десятью другими приглашенными сидели уже целый час, подобно пленным, в вилле Гаггия, постройки семнадцатого века, в тридцати километрах от городка Венето, слушая разглагольствования фюрера о том, как теперь будет вестись Вторая мировая война. Обращаясь к Бенито Муссолини, он вещал: — Если мы сможем обеспечить контроль над всеми регионами, располагающими сырьем, необходимым для ведения военных действий, война может вестись неограниченно долго. Нужна лишь сила воли. А поскольку мы хотим уберечь свои народы от погибели, то не должны бояться никаких тяжелых испытаний.

Джузеппе Бастиани, заместитель министра иностранных дел,

думал о том, слышал ли Муссолини хоть слово из всего того, что говорил Гитлер. В 8.30 утра, когда он прибыл на личном самолете в аэропорт Тревизо, дуче выглядел очень больным. Солнцезащитные его очки выглядели как очки слепого на бледном лице. Тем не менее на аэродроме в Риччионе он взорвался, когда фанфарист взял не ту ноту, а по дороге туда высовывался из окна машины, чтобы отчитать нескольких прохожих, не отдавших римского салюта.

Теперь же он сидел в глубоком кожаном кресле, положив свою левую руку на область своей кишечной язвы, без выражения каких-либо эмоций на лице.

К неудовольствию Муссолини Гитлер лично предложил провести это совещание 19 июля в Альпах, сказав об этом всего за двадцать четыре часа. Хотя ему не сообщили ни о причине встречи, ни о повестке дня совещания, дуче тем не менее согласился, выехав тут же из Рима в Риччионе, чтобы ни Бастиани, ни генерал Амброзио не успели согласовать с ним вопросы общей политики на период его отсутствия.

Члены итальянской делегации не спускали глаз с лица Муссолини. Все знали, что кризис настал. За девять дней до этого, в час ночи 10 июля, в военном бюллетене номер 1141 сообщалось самое худшее: войска союзников численностью 160 000 человек высадились на Сицилии. Перед дуче открывались только две возможности: либо просить у Гитлера оружие, танки и самолеты, чтобы сбросить в море вторгшихся союзников, либо объявить официально, что Италия более не в состоянии продолжать войну.

Генерал Амброзио нанес первый удар. Находясь с фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем в поезде по пути из аэропорта Тревизо в Фелтре, он утром задал тому прямой вопрос:

— Что планирует Германия для отражения высадки союзников? Сколько танков, горючего, самолетов она может для этого выделить?

Но Кейтель дал уклончивый ответ, считая, что в ближайшие два месяца вряд ли можно рассчитывать на сильные подкрепления, добавив:

— Оба лидера будут сегодня обсуждать и эти проблемы.

Однако он на самом деле знал, что прошлой ночью в Берхтесгадене Гитлер пришел к выводу о необходимости взять в руки немецкого командования решение всех вопросов на Средиземноморском фронте при полном контроле над итальянской армией и авиацией.

— Всю власть в руки дуче — вот лозунг сегодняшнего дня, — приветствовал Кейтель генерала Ринтелена, когда военный

атташе встретил его утром.

Ринтелен ответил с удивлением:

— Но он и так обладает всей полнотой власти, хотя уже давно не в состоянии держать в своих руках поводья.

Только сейчас военный атташе осознал, что Гитлер настоял на срочной встрече с дуче, чтобы попытаться сохранить его лицо, заявив о его авторитете и весе, беря в то же время под свой контроль итальянскую армию.

Но это не ввело в заблуждение итальянцев. Дино Алфиери с неудовольствием наблюдал за тем, как немецкие генералы «кивали подобно марионеткам», выслушивая разглагольствования Гитлера:

— Только буржуазно настроенные люди в Германии полагают, что пришло время кончать войну и переложить решение вопроса о победе на Востоке на будущие поколения. Они здорово ошибаются! Германия в ближайшие триста лет не захочет иметь другого лидера, кроме меня.

«Почему Муссолини ничего не говорит? — подумал Джузеппе Бастиани в отчаянии. — Ведь как раз сейчас у него есть шанс разъяснить немцам, что Италия уже давно не располагает ресурсами для ведения войны. Разве он не понимает, что это его последний шанс?»

Внезапно Гитлер сменил тему разговора, предложив итальянцам заняться производством танков:

— Поскольку война не прекращена, Германия будет вынуждена продолжать массовый выпуск танков типов 1, II и III. Однако наши эксперты считают, что эти танки в нынешних условиях абсолютно непригодны…

Раздраженно Гитлер прервал свою речь, так как в этот момент в комнату с листом бумаги в руке поспешно вошел личный секретарь Муссолини — Николо де Цезаре. Он подошел к дуче и стал что-то шептать ему на ухо. Пальцы фюрера нервно выбивали дробь неудовольствия.

И тут Муссолини впервые за все утро заговорил. Голос его дрожал от возбуждения (говорил он на ломаном немецком языке).

— Фюрер… господа… в этот момент противник подвергает сильнейшей бомбардировке Рим…

В одиннадцать часов Клара Амброзини в последний раз посмотрела на себя в зеркало во весь рост. Затем длинное белое подвенечное платье соскользнуло с ее плеч на пол спальни. С внутренним удовлетворением она напомнила сама себе, что является отныне синьорой ди Паскуале и что они собираются отправиться в путешествие в свой медовый месяц вместе с мужем, младшим унтер-офицером итальянских военно-воздушных сил

Альфредо ди Паскуале.

Шесть взятых напрокат ландо стояли у дома ее матери на улице Виа дегли Экуи в восточном районе Рима — Сан-Лоренцо, где в основном проживали семьи рабочих. В гостиной Альфредо вместе с ее матерью и двумя десятками гостей пили кофе и вели разговор о свадебных подарках, ожидая, пока смуглая и красивая двадцатипятилетняя Клара переоденется в дорожный костюм.

Примеряя серьги с бриллиантами, Клара припомнила, что они с Альфредо ожидали этого дня в течение нескольких месяцев. Пока все шло по плану: венчание в церкви Чистого Зачатия, торжественное пиршество в ресторане «Тор Карбоне». Теперь их ожидало двухнедельное турне во Флоренцию — дни, которые останутся в памяти на всю жизнь.

Для не многих римлян этот июльский понедельник, тысяча сто тридцать четвертый день после начала войны, был столь праздничным. Многие надеялись на скорое ее окончание. Термометр показывал около сорока градусов по Цельсию в тени, и женщины торопились завершить свои рыночные дела, отстаивая длинные очереди за продуктами. Оливковое масло стоило сто лир за литр, картофель — десять лир за килограмм, и спагетти — двадцать лир. Кофе, вино и яйца можно было приобрести только на черном рынке. Хозяева кошек зорко следили за своими питомцами, ставшими деликатесом и стоившими фунт стерлингов за штуку.

В пять минут двенадцатого сотни глаз были устремлены на небо: в северной части города послышались звуки разрывов бомб. В тот же миг взвыли сирены воздушной тревоги.

Сорокаоднолетний Альфредо ди Паскуале отреагировал на происходившее быстрее всех. Будучи ветераном боев за Бенгази, он сразу же оценил опасность момента. Мягко, но настойчиво он заявил родственникам Клары:

— Оставьте кофе на более позднее время и поторопитесь в убежище.

Тридцативосьмилетняя голубоглазая Анджела Фиораванти тут же вспомнила горевший месяц назад Рим, похожий на кладбище. Схватив за руки шестилетних близнецов Альберто и Иоланду, она поспешила к выходу, крикнув мужу Менотти следовать за ней. Символом неприкосновенности Рима оставался лишь Ватикан.

Никто из 50 000 жителей Сан-Лоренцо не придал никакого значения тому факту, что через их район проходили железнодорожные пути сообщения с югом, куда шло оружие и подкрепления для Сицилии. В двадцати километрах от них, севернее Монтерози, 500 американских бомбардировщиков

вершили свое черное дело.

Но вот рев моторов стал приближаться, и на Сан-Лоренцо начали падать первые бомбы — подобно «золотым слезкам». Затем на территорию района посыпались тысячи тонн смертоносного груза. Многие строения были сровнены с землей. Из охваченного огнем поезда с боеприпасами словно маленькие ракеты вылетали снаряды и патроны. В небо взлетали обломки вагонов и локомотива, деревья и стальные конструкции, рвавшие при падении на землю трамвайные электропровода и пробивавшие крыши жилых домов. На возникшие ослепительные языки пламени нельзя было смотреть. Все пять строений фабрики по производству спагетти «Пантанелла» были охвачены огнем. Отклонявшиеся от цели бомбы падали на жилые кварталы, сея смерть и ужас. Анджела Фиораванти, достигнув укрытия, увидела, как был разметан свадебный кортеж. Сквозь клубящийся черный дым в стороны испуганно разлетались птицы — ласточки, голуби, воробьи.

Клара ди Паскуале оцепенела. Все ландо были разбиты вдребезги, и трупы лошадей лежали вперемежку с телами людей. Здание, стоявшее напротив, развалилось как карточный домик. Черный костюм Альфредо, настоявшего всего за несколько минут до случившегося, чтобы люди укрылись в убежище, стал от пыли белым, как халат художника.

Неожиданно Клара истерично рассмеялась. Мечущиеся фигурки людей напомнили ей сцену из комедии Мака Сеннетта. Ее отец Франческо, словно радиокомментатор, говорил не переставая:

— Они опять заходят… Они выстраиваются цепочкой… Дом номер 26 взлетел на воздух…

Эксперт по вопросам телекоммуникаций Никола Джиордано ехал в то утро на работу пригородным поездом из Джидонии. Он не стал брать льготный билет и уселся в вагон третьего класса, стараясь не помять свой белый костюм. На последней остановке перед Римом Пренестине бомбой были разбиты два первых вагона. Джиордано, стоявший у окна, был сбит с ног взрывной волной.

Когда несколько позже один из спасателей протер ему лицо от пыли и грязи, он произнес:

— Если мы пережили такое, то следует установить раку Мадонне прямо на этом месте.

Многие возносили хвалы святому Антонию. А на кладбище Кампо-Верано люди, приходя на могилы своих родственников, просили усопших оказать им помощь из потустороннего мира.

В час пополудни налет самолетов союзников все еще

продолжался. Но настроение жителей Сан-Лоренцо стало меняться. Если вначале они воспринимали все пассивно, уповая на Бога, то теперь стали приходить в ярость, а то и в отчаяние.

Владелец траттории «Рампончини» Витторио схватил белую скатерть со стола и, выбежав на середину двора, стал ею размахивать, как флагом перемирия.

Сквозь гул самолетов Клара услышала его возгласы:

— Пошли ко дворцу Венеция с белыми флагами. Надо кричать: «Достаточно, остановитесь! Мы — на вашей стороне! Мы — мирные люди, добрые люди! Мы оцениваем происходящее, как и вы!»

Ни один мускул не дрогнул на лице Адольфа Гитлера. Он пристально смотрел в одну точку, даже не взглянув на Муссолини, с застывшей улыбкой на губах, как человек, обладающий терпением и напрочь лишенный латинского темперамента.

Муссолини возбужденно потребовал детального доклада, и секретарь де Цезаре сообщил, что на всех дорогах, ведущих в Рим, создались заторы, а связь прервана.

— Потребуйте немедленного соединения, — недовольно воскликнул дуче.

Де Цезаре исчез. В течение длительного времени оба диктатора молча смотрели друг на друга не двигаясь. Вдруг, как бы обращаясь к толпе на стадионе, Гитлер провозгласил:

— Германии потребуется пятьдесят лет для возрождения. Рим же не возродился. Об этом свидетельствует история.

Затем, несколько успокоившись, подвел итог:

— Производство танков, как я уже сказал, будет нужным и полезным делом…

Три человека, подобно членам трибунала, стояли у двери, намереваясь остановить Муссолини, когда он станет выходить из помещения. На какой-то момент дуче задержался в проеме двери, сказав:

— Я весьма расстроен тем, что оказался вдали от столицы в такое время. Мне хотелось бы, чтобы римляне полагали…

Дино Алфиери с трудом сдерживал себя. Все утро, вплоть до известия о налете авиации союзников на Рим, Муссолини позволял Гитлеру верховодить. Дино полагал: римляне посчитают, что дуче специально удрал из города.

В час дня, когда гитлеровский шеф протокола объявил о перерыве на обед, посол возбужденно сказал Бастиани:

— Так далее продолжаться не может.

Бастиани, ветеран марша на Рим, согласно кивнул. Они тут же попросили разыскать генерала Амброзио.

— Муссолини следовало бы, по крайней мере, прервать Гитлера, — были первые слова, произнесенные им, как только он появился.

У Амброзио были веские причины для недовольства. В течение целого часа после появления де Цезаре Муссолини сидел молча, слушая, как Гитлер на повышенных тонах распекал итальянцев, оборонявших Сицилию, называя всех — от генералов до рядовых — некомпетентными людьми и трусами.

— Если 400 итальянских самолетов были уничтожены на аэродромах, стало быть, аэродромная служба была организована из рук вон плохо, — кричал он. — Тех же, кто покидал артиллерийские позиции, когда у орудий оставался хоть один снаряд, следовало расстреливать на месте.

То, что произошло на Сицилии, не должно более повториться, — бушевал он.

Поскольку Муссолини не произнес ни одного слова в защиту собственных войск, все трое смотрели на него осуждающе.

— Никто в Риме не подумает, что вы специально сбежали, — заверил его Алфиери, — но римляне, да и все итальянцы ожидают, что эта встреча принесет ощутимые результаты. Обвинения фюрера грубы и несправедливы. Вы, дуче, должны взять инициативу в свои руки и перейти в контрнаступление.

Алфиери подчеркнул, что у Муссолини не будет более подходящего случая, чтобы прояснить обстановку. Сколь еще долго Италия должна оставаться бастионом Третьего рейха? К тому же он слышал, что армия не в состоянии оказывать эффективное сопротивление противнику более одного месяца.

— Я согласен с этим высказыванием, — поддержал его Амброзио, — и говорил уже об этом дуче.

Затем Алфиери добавил: ситуация трагична, и это следует понимать. Самым лучшим выходом из положения было бы заключение сепаратного мира, чтобы сохранить государство. Генерал Амброзио был даже более резок, заявив, что у дуче имеется в распоряжении не более пятнадцати дней, чтобы вывести Италию из войны.

Муссолини жестом предложил им сесть. Голос его дрожал от эмоций. Эта проблема занимает его уже долгое время, сказал он троице, но решение ее непростое.

— В один прекрасный день мы передадим свое обращение к противнику. Каков, однако, будет результат?

И сам ответил на свой вопрос: «Италии будет предложена капитуляция». Потом задал вопрос:

— Говорить о сепаратном мире легко и просто. Но какова будет реакция Гитлера? Не думаете ли вы, что он разрешит нам

просто так действовать самостоятельно?

В этот момент вновь появился де Цезаре, сообщивший, что фюрер ожидает Муссолини в своей обеденной комнате.

Когда дуче поднялся, Алфиери сказал напоследок: — Только вы можете найти решение этого вопроса! Только вы найдете выход из создавшегося положения. Но при этом надо исходить из того, чтобы Италию не постигли новые бедствия.

В два часа пополудни, когда пыль после бомбежки немного улеглась, в Сан-Лоренцо появился сам Папа Пий XII. Впервые после июня 1940 года его черный «мерседес» с ватиканским желто-белым флажком появился в городе.

Хотя об этом ничего не было сказано, люди знали, что Папа направлялся в церковь без стен с колокольней, возведенной в тринадцатом веке. Во всем районе возвышалось лишь несколько колонн и полуразвалившихся построек. Пий с трудом пробирался сквозь нагромождение камней и битого стекла.

На ступенях базилики он остановился, озирая Сан-Лоренцо. До него доносилась вонь горевших дерева, пластика и резины. На улицах и во дворах лежали трупы более семисот, по другим данным — тысячи двухсот погибших. Число раненых превышало 1200 человек. Женщины копошились в руинах, мужчины пытались разобрать завалы. Священники склонялись над умирающими. Спасатели с носилками подбирали трупы и раненых. Когда Папа стал читать молитву и благословлять быстро собравшуюся толпу, многие встали на колени, чтобы поцеловать края его одежды. Некоторые из них потом вспоминали, что она была запятнана кровью умирающих.

В толпе послышались крики: «Да здравствует Папа!», «Да здравствует мир!».

В этот момент в Сан-Лоренцо появился король Виктор Эммануил III.

Несмотря на глубоко надвинутую фуражку и серо-зеленую форму маршала империи, люди узнали его. В свои семьдесят шесть лет король выглядел старше — лицо все в морщинах, белые как снег усы, дрожавшая челюсть. За три года войны он почти стал чужим для народа, ведя уединенную жизнь в своем поместье.

Все утро король стоял у окна виллы Ада, прислушиваясь к звукам далеких разрывов бомб, сжимая и разжимая кулак левой руки. События подталкивали его к принятию решения, которого он до того времени избегал. Две недели тому назад, возвратившись в Рим, он встретился с генералом Амброзио. Разговор с ним, да и секретная информация, переданная Марией-Джозе герцогу Акваронскому, принесли свои плоды. Помощник короля генерал Паоло Пунтони впервые отметил, что король

заговорил о необходимости смещения Муссолини и введении военной диктатуры во главе с Бадолио. Однако высадка союзников на Сицилии привела его к мысли: если дуче выедет на фронт и будет убит или взят в плен, никакого решения ему принимать не придется.

А может быть, дуче, находящийся в Фелтре, удивит, их всех разрывом с Гитлером? Или же он пронюхает про заговор против себя и совместно с Гитлером лишит его трона? Покинув виллу, чтобы осмотреть последствия бомбардировки, король не пришел еще ни к какому выводу. Но вот теперь жители Сан-Лоренцо подвели его к этому.

Одной из первых его узнала Анджела Фиораванти. Выбравшись из укрытия после того, как самолеты улетели, она увидела, что ее квартира разрушена полностью. Сквозь клубы дыма и пыли за ней следовали близнецы, муж Менотти и тринадцатилетняя Мария вместе с одиннадцатилетней Эльдой. Пробираясь по развалинам, она заметила всего в нескольких метрах от себя короля «с трясущимися руками и отвислой челюстью» от увиденного.

Вскрикнув, подобно фурии, с пятнами крови на своей одежде, она подбежала к нему.

— Посмотрите на него, — крикнула она людям. — Он приехал посмотреть на эту бойню как на представление. — Обратившись к нему, добавила: — Убирайся отсюда и наложи на себя руки!

Хотя охранник короля пытался заткнуть ей рот, она продолжала кричать:

— Вы ввергли нас в эту войну вместе с немцами. И что же имеют наши дети от грязной войны?

Когда король, следуя примеру Папы, попытался разбрасывать деньги, некоторые люди рвали банкноты на кусочки с криками:

— Нам не нужны ваши грязные деньги, нам нужен мир!

Когда машина тронулась в обратный путь, король сидел бледный и дрожащий, не говоря ни слова. Ему, Виктору-Эммануилу III, нанесено оскорбление, подобно уличному торговцу. Его тысячелетняя династия оказалась в опасности благодаря Муссолини. И он прошептал:

— Такое не может больше продолжаться. Режим во что бы то ни стало должен быть сменен.

В 9 часов вечера 20 июля дуче отложил в сторону бумаги и выключил настольную лампу. Дворец был освещен скупо. Через двадцать четыре часа после его возвращения из Фелтре руины Сан-Лоренцо напоминали о растущем в народе недовольстве.

За прошедшие сутки произошло много неприятного. Обед с

Гитлером в Фелтре не дал ничего, кроме разглагольствований. Фюрер все время говорил с полным ртом, уминая свой излюбленный рис с соусом бешамель. Дуче же съел совсем немного. Гитлер возвестил о новых репрессалиях: его воздушный флот сотрет через несколько недель Лондон с лица земли, к тому же наступит новый этап подводной войны. В запрошенных Муссолини 2000 самолетов ему было отказано: русский фронт оставался приоритетным.

Диктаторы не расставались до 6 часов вечера, но Муссолини не мог вспомнить ничего существенного. Налет авиации союзников на Рим сильно его обеспокоил. Прежде чем ответить на предложение Гитлера о военной реорганизации Южной Италии и передаче итальянской 7-й армии под контроль немцев, дуче необходимо было внимательно изучить стенографический отчет.

В этот же день дуче признался генералу Амброзио, что о выходе Италии из войны речь пока не идет. Вместо этого он пообещал написать письмо Гитлеру с просьбой освободить его от союзнических обязательств. Амброзио с горькой иронией прокомментировал это намерение словами:

— Письмо это непременно окажется в корзине для бумаг. Выход из «оси» следовало оговорить устно — в Фелтре.

Нерешительность и нежелание Муссолини осложнять свои отношения с фюрером означали для Амброзио и его заместителя генерала Джузеппе Кастеллано лишь одно: необходимость действовать самим.

Биограф Муссолини, выпустивший восьмитомник о жизни и деятельности дуче, тридцатичетырехлетний Ивое де Бегнак отметил в тот день: «Лицо вождя было небритым и имело землистый цвет. За шесть недель он потерял около двадцати килограммов в весе, и его форма висела на нем как мешок». Далее он записал: «Деятельность ваша продолжается десять лет. Вы были еще молодым парнем, когда впервые появились здесь», — произнес дуче. Когда же я ничего не ответил, он пробормотал как бы про себя: «Жизнь уже закончилась, но борьба продолжается».

Едва экспресс затормозил при въезде в столицу, в ноздри Дино Гранди ударил едкий раздражающий запах: Рим горел. В полдень 21 июля он понял, что его миссия в этом городе может оказаться самой важной в его жизни.

Утром этого дня Гранди был полон решимости. Прошло почти четыре года с момента его встречи с королем в сосновом бору — годы, в течение которых, не будучи в состоянии действовать, он наблюдал разрушение страны. Теперь, в июле

1943 года, Италия оказалась почти беззащитной перед сильным противником: только семь пехотных дивизий без бронированной техники могли оборонять полуостров. Лишь три из шести линейных кораблей да шестнадцать устаревших крейсеров и эсминцев могли вести боевые действия, к тому же они были разбросаны от Таранто до Специи. С ноября военно-воздушные силы потеряли 2190 самолетов, так что в воздушных боях над Сицилией смогли принять участие лишь семьдесят истребителей.

Людские ресурсы тоже стали проблематичными. Цвет почти десяти дивизий погиб в снегах России. Греческая кампания обошлась в сто тысяч человек. Сомали, Эритрея и Абиссиния были потеряны вместе с 250 000 солдат, попавшими в плен.

Хотя кабинет министров и освободил его в феврале 1943 года с поста министра юстиции, Гранди остался президентом палаты корпораций, в качестве которого имел возможность встречаться с королем дважды в неделю. Теперь, когда союзники высадились на Сицилии, время разговоров прошло. Надо было побудить короля к действию.

Будучи убежденным монархистом, Гранди тем не менее презирал короля. В должности майора Альпийского полка он в течение шести месяцев принимал участие в греческой кампании вместе с некоторыми фашистскими лидерами, среди которых выделялся хладнокровный, амбициозный Джузеппе Боттаи, бывший в свое время министром образования. Оба они пришли к выводу, что Италия должна выйти из войны, и как можно скорее. На встречах в офицерском клубе в Тиране в Албании ими был составлен проект предложений, которые Гранди представил королю еще в мае 1941 года.

В них рассматривались два варианта развития событий. Либо Муссолини должен согласиться с восстановлением роли палаты депутатов и большого совета с соблюдением всех конституционных прав, либо передать королю командование вооруженными силами и право «выдвижения инициатив и принятия решений как глава государства».

К разочарованию Гранди король, просивший его в 1939 году оставаться верным короне, сказал, слегка улыбнувшись:

— Дорогой Гранди, сейчас я пока не предъявлю это требование вашему шефу: время для этого еще не пришло, но оно обязательно придет.

Садясь в такси на Центральном вокзале, Гранди был в предельном напряжении. В его нагрудном кармане лежало письмо, которое он собирался вручить королю лично, с призывом возвратить Италии «свободу, единство и независимость».

Направляясь к дворцу Монтечиторио, месту нахождения

палаты депутатов, Гранди вспоминал, что же произошло за последние дни. Неделю тому назад секретарь партии Карло Скорца пригласил тринадцать фашистских лидеров на региональное совещание, посвященное вопросу поднятия духа населения к отпору неприятелю. Гранди отказался ехать на это совещание. Вскоре неповиновение проявили и другие лидеры. Джузеппе Боттаи, в частности, заявил Скорце:

— Муссолини пообещал в свое время, что нога неприятеля никогда не ступит на итальянскую землю. А ведь память у народа хорошая…

А за три дня до поездки дуче в Фелтре инициативная группа, в составе которой были Боттаи, маршал Эмилио де Боно, Цезарь Мария де Веччи и кремонский забияка Роберто Фариначчи, отправилась во дворец Венеция, где встретилась с Муссолини и Скорцей. Как потом отмечал секретарь партии, большой совет собрался впервые за четыре года.

Двадцать восемь его членов, среди которых были восемь представителей кабинета министров, лидеры палаты депутатов и сената, президенты корпораций, в различное время лишенные Муссолини своего положения и статуса, с которыми дуче даже не согласовал вопрос вступления в войну.

При попытке некоторых из них высказать свое мнение Муссолини перед роспуском совета заявил:

— Вы хотите иметь большой совет. Он у вас будет! Но, поскольку у дуче много работы, совет будет собираться, когда у него будет время.

Едва Дино Гранди открыл дверь комнаты заседаний, ему в глаза бросился большой конверт, лежавший на полированном столе в холле.

В нем находились приглашения, подготовленные Карло Скорцей, членам совета на заседание, которое должно было состояться в пять часов вечера 24 июля. Таково было решение дуче, принятое им в связи со складывающейся обстановкой.

В голове Дино появилась мысль: «К чему идти сейчас к этому ублюдку королю? Он наверняка скажет, что время еще не наступило». А вслух произнес:

— Вот он — наш шанс, и реальный шанс!

Глава 7
«Конец всей этой чертовщины»

24–25 июля 1943 года

Квинто Наварра еще раз осмотрел помещение — все было в полном порядке. Подготовка к заседанию большого совета шла как к одному из знаменательных дней. На полированных столах лежали двадцать восемь эбонитовых ручек и блокнотов и сверкали двадцать восемь хрустальных чернильниц. На равном удалении были установлены шесть настольных ламп. Стены задрапированы голубым бархатом.

Было уже 4.45 пополудни — суббота, 24 июля 1943 года. Прошло пять дней после встречи Муссолини с Гитлером в Фелтре.

Наварра услышал, как прибывающие члены совета приветствовали друг друга во дворе дворца. До него донеслись и слова удивления, когда они направились в комнату заседаний, проходя мимо кустов олеандра и статуй Купидона и других античных божеств. Впервые за все время не было видно личной охраны дуче. Многие из них были заняты на раскопках руин в Сан-Лоренцо. В качестве стражи были задействованы представители корпуса специальной полиции. Не развевались, как обычно, фашистские флаги, оставленные в партийных штаб-квартирах. Карло Скорца сказал утром генералу Энцо Галбиати, командующему фашистской милицией:

— Дуче хочет провести это заседание по возможности скромнее.

Многие из прибывших были одеты в черную униформу с сапогами. Это были новички, избранные в состав совета в течение четырех лет после его последнего заседания. Лучиано Готтарди, президент конфедерации промышленных рабочих, переходил от делегата к делегату, представляясь: «Готтарди — очень приятно». Сорокапятилетний Карло Пареши, министр сельского хозяйства, поднимаясь по лестнице вместе с Альфредо де Марсико, новым министром юстиции, спросил почтительно:

— Что надо делать на заседании совета? И как вообще оно проходит?

А тот шел сюда как на погребение. Учитывая опыт своего предшественника Дино Гранди, Марсико даже отпустил своего шофера, полагая, что к концу заседания уже не будет министром.

Не многие чувствовали себя столь уверенно, как Роберто Фариначчи, который, например, считал, что судьба, сделавшая

его двадцать лет тому назад партийным боссом Кремоны, и на этот раз восстановит равновесие. Садясь в машину у дверей «Гранд-отеля», убежденный в неизбежности перемен, он сказал управляющему:

— Завтра я буду править Италией.

Большинство делегатов были озабочены происходящими событиями. Джиованни Балелле, главе конфедерации промышленников, позвонил Джузеппе Боттаи и сказал:

— Этой ночью возможны определенные осложнения. Оставайся лучше дома, сказавшись больным.

Но Балелла решил все же прибыть на заседание: а вдруг потребуется принятие какого-либо решения. Даже Джалеаццо Чиано, как всегда шумный и веселый, посчитал число 17 несчастливым и, надевая униформу, перекрестился перед ликом Мадонны.

В числе дюжины других членов совета Чиано был в курсе предстоящих событий. 21 июля он был приглашен к Боттаи, дом которого находился на улице Виа Мангили, где встретился с Дино Гранди. Тот вначале возражал против привлечения к акции Чиано, поскольку тот состоял в дружеских отношениях с генералом Кастеллано, да и дело-то касалось его тестя. Но Боттаи посчитал, что им нужен любой человек, которого они могли привлечь. Для Чиано было достаточно бегло прочитать пять машинописных страниц, подготовленных Гранди, и он сказал:

— Если бы мой отец был жив, он был бы с вами. Почему вы не разрешаете мне делать то, что я могу сделать во имя его?

Вечером того же дня за ужином с друзьями он поднял бокал с пенящимся шампанским и провозгласил тост:

— Выпьем за ниспровержение старика.

В течение трех дней Дино Гранди действовал активно. Во-первых, подготовил три десятка копий проекта своей резолюции, исходя из предложений, которые он в 1941 году вручил королю. Затем послал своего друга Аннио Бигнарди, секретаря конфедерации сельскохозяйственных рабочих, собрать предварительные мнения, а по возможности и подписи/Одним из первых он сконтактировался с маршалом де Боно.

— Пожалуй, я подпишу документ, — сказал тот со вздохом. — Это то, что требуется стране. Для кого-то, правда, наступит конец.

Партийный секретарь Карло Скорца, взглянув на представленный ему меморандум, побежал тут же с ним к Муссолини. Дуче расценил инициативу Гранди как «низкую и неприемлемую», но согласился принять его 22 июля. Не желая, чтобы его инициатива была расценена как секретный заговор,

Гранди пошел на аудиенцию к Муссолини в надежде убедить того отойти от общественной жизни. По мнению Гранди, у короля в этом случае были бы развязаны руки, и он мог бы обратиться к союзникам и даже объявить войну Германии.

Встреча продолжалась девяносто минут и была на удивление спокойной. Дуче слушал внимательно и терпеливо, затем сказал:

— Вы были бы правы, если бы война была проиграна. Немцы готовятся применить секретное оружие, которое восстановит баланс.

Муссолини позже пожаловался, что Гранди ничего не сказал о том, что намечалось, хотя и должен был бы догадаться об этом.

Но вот делегаты собрались в большом холле, негромко переговариваясь и бросая взгляды по сторонам. Каждый про себя думал, осмелится ли Гранди сделать официальное заявление и как на это отреагирует Муссолини, который не раз в прошлом успешно выходил из подобных положений.

Одним из последних появился генерал Энцо Галбиати, командующий фашистской милицией, с озабоченным выражением лица. Будучи солдатом, действующим только по уставу, он был не в состоянии производить глубокий анализ, но на этот раз все постулаты оказались нереальными. Указания дуче не привлекать к несению охраны милицию, отсутствие партийных знамен явились необычными факторами. Когда Муссолини вошел в холл, то почувствовал тайный сговор, как крестьянин чувствует приближение дождя. Гранди в этот момент показывал какие-то бумаги Боттаи, бывшему министру финансов Альберто де Стефани, министру иностранных дел Бастиани и послу Алфиери.

Не успел Галбиати сделать несколько шагов, как к нему обратился Гранди:

— Галбиати, а вы не подпишетесь?

Тот спросил удивленно:

— Подписывать, а что? Что все это значит?

На ответ ему уже не было времени. Карло Скорца, стоявший в конце холла, крикнул громогласно: «Салют дуче!» Из открывшейся двери задней комнаты вышел Квинто Наварра, несший портфель дуче, за которым показался сам Муссолини в черной рубашке и серо-зеленой форме почетного капрала милиции. Все присутствовавшие механически повторили приветствие Скорцы и подняли руки в римском салюте.

Когда делегаты расселись по местам, Скорца стал их вызывать по списку. Отвечали они по-разному: старички — с безразличием, новички — вскакивая на ноги с криком: «Присутствует!» Гаэтано Полверелли, министр культуры, потом вспоминал, что после переклички в зале наступила гнетущая

тишина.

Сидя по правую руку от дуче, Дино Гранди глубоко вздохнул. Ему была понятна причина созыва совета. Ему и его последователям удалось переговорить лишь с четырнадцатью членами большого совета. Двенадцать из них были согласны с предъявлением требований, но только десять поставили свои подписи под меморандумом.

Гранди решил быть готовым ко всему. В первой половине дня он выбрал время для посещения своего коттеджа в пригороде Рима в Фраскати вместе со старым другом генералом Агостини.

Теперь в его кармане лежала окрашенная в серый цвет ручная граната Бреда, которую он в свое время оставил в качестве реликвии на память о службе в Албании. Если Бенито Муссолини вызовет милицию для его ареста, живым они его не возьмут. Дино Гранди, граф Мордано, был готов отправиться на небеса.

Казалось, что на город напала чума. Улицы были пусты. Жара не спадала, даже в семь часов вечера температура была за тридцать градусов по Цельсию. Лишь в немногих фонтанах чуть-чуть струилась вода. Асфальт дорог отдавал накопленное за день тепло. Южнее Рима на многие километры простирались степи, покрытые пожелтевшей высохшей травой.

Мириам Петаччи нервничала. Только ее преклонение перед Клареттой заставило ее оказаться в центре города в эти часы. Сама Кларетта была на вилле Ками-луччия и направила ее к Муссолини с посланием.

Мириам должна была встретиться с Квинто Наваррой, которому Кларетта позвонила заранее, но тот немного опаздывал.

Кларетта довольно часто предупреждала дуче о врагах, точивших на него кинжалы, с которыми он расправлялся вовремя. Престарелый маршал Бадолио был большим любителем игры в кегли. Кларетта же предупреждала Муссолини, что тот с удовольствием использовал бы вместо кеглей голову дуче. Теперь, воспользовавшись своими контактами в римском обществе, она писала о готовящемся заговоре: «Только трое или четверо — на твоей стороне. Все остальные — против. Если дело дойдет до голосования, они тебя прокатят. Коли ты выпустишь их из дворца, все будет кончено. Можешь довериться Галбиати. Прикажи ему арестовать всех, и ты спасен!»

Внезапно перед Мириам появился Наварра. Обычно розовое его лицо было бледным. Руки заметно тряслись, так что он с трудом взял переданный ею конверт.

— Как идут дела? — спросила девушка просто для проформы.

— Плохо, очень плохо, — только и мог вымолвить он. Сунув конверт в карман, Наварра поспешно удалился.

Он был полным и грузным человеком в возрасте шестидесяти пяти лет. Видимо, во дворце происходило что-то необычное, так как Наварра припустился чуть ли не бегом, будто бы опасаясь за собственную жизнь.

Он с презрением смотрел на сидевших за длинным столом — своих министров, наймитов и участников марша на Рим. Справа от него, но значительно ниже сидели ветераны того марша — маршал де Боно и напыщенный Цезарь Мария де Веччи. Слева восседал лысый и с яйцевидной головой Карло Скорца. Далее по обе стороны стола находились остальные двадцать пять человек, с которыми он в разное время обошелся в соответствии с собственным настроением, — учтивый Гранди; косоглазый, злобный Джиованни Маринелли, потребовавший в свое время смерти Маттеотти, сейчас, в возрасте шестидесяти шести лет, глухой как пень, постоянно прикладывающий к уху ладонь; Боттаи — саркастично настроенный интеллектуал; Луиджи Федерцони с бычьей глоткой; Фариначчи — буян и хулиган; его зять — нахальный, самоуверенный и аморальный Чиано.

В течение уже нескольких месяцев доброжелатели, подхалимы и полицейские агенты предупреждали его о заговоре, который готовили эти люди, но он отмахивался от этих предупреждений. Два дня тому назад начальник полиции Ренцо Чириси, представивший ему досье с материалами о встречах Гранди, Боттаи и Федерцони, сказал своим коллегам по возвращении от дуче:

— Он не хочет верить в это.

Даже дома его не оставляли в покое.

— Надо всех их арестовать! — говорила ему Рашель, как бы подтверждая слова Кларетты, когда он собрался идти на заседание.

Сыну Витторио Муссолини сказал шутя:

— По мнению твоей матери, меня окружают предатели, шпионы, саботажники и слабонервные.

Характерными для мышления дуче в то время были слова, сказанные им Чириси:

— Эти люди существуют, поскольку существую я. Они живут в отражении моей славы. Мне стоит лишь произнести речь, и они встанут на свои места.

И вот он стал выступать по вопросу своей оценки войны — слегка монотонно, склонив голову над листом бумаги при ярком свете настольной лампы: «Я никогда не собирался брать на себя командование вооруженными силами: инициатива исходила от Бадолио. После болезни в октябре 1942 года у меня появилась мысль отказаться от этого, но какой командир покидает

командный мостик во время бури?»

Затем Муссолини перечислял длинный список неудач и поражений: Аламейн…»промахи и просчеты» Роммеля в Африке… Пантеллерия… и, наконец, Сицилия.

«Могла ли Германия оказать нам более существенную помощь? Думаю, что нет».

С пафосом он стал перечислять, будто бы это исправляло положение, объем сырья, импортированного из Германии после 1940 года.

Партийные боссы переглянулись скептически, почувствовав себя вдруг людьми, оказавшимися у постели больного, оторвавшегося от реалий жизни. Периодические спазмы, появлявшиеся на его лице, говорили о том, что болезнь была неизлечимой. Аннио Бигнарди, слушая лепет Муссолини, подумал: «А ведь Пантеллерия могла бы стать Сталинградом Средиземноморья. Но видимо, только Сталин и микадо могли отдать приказы стоять до последнего человека». Даже Гаэтано Полверелли, убежденный сторонник дуче, посчитал его статистику несерьезной и запутанной. Единственное, что произвело хоть какое-то впечатление, было сообщение: военные заводы за тридцать один месяц войны произвели 5000 орудий против 3700 за такой же период в Первую мировую войну. Ну и что?

Все сидевшие за столом не осмеливались смотреть в глаза друг другу. Неоспоримым фактом было то, что сухопутные войска имели всего две боеспособные дивизии, в военно-воздушных силах оставалось 200 самолетов, корабли военно-морского флота не могли выйти в открытое море.

Муссолини вновь возвратился к Эль-Аламейну.

— Я предсказал дату наступления союзников, — заявил он скептически настроенным делегатам, — 23 октября 1942 года, а почему? Это ведь была двадцатая годовщина марша на Рим.

Сидевший справа от Гранди Джиакомо Асербо, первый помощник дуче, моргал глазами, ничего не понимая в монологе Муссолини. Вдруг Гранди подсунул ему свой меморандум, и Асербо прочитал: «Большой совет объявляет, что для достижения единения итальянского народа необходимо немедленно восстановить все функции государства, принадлежавшие короне, большому совету, правительству, парламенту и корпорациям в области их задач и ответственности в соответствии с конституцией…

Главе правительства обратиться к его величеству королю… чтобы в целях безопасности государства и восстановления уважения к нему он взял бы на себя командование вооруженными

силами страны на земле, на море и в воздухе в соответствии со статьей 5 статута королевства и вместе с тем вопросы выдвижения инициатив и принятия решений…»

— Но ведь это означает?.. — прошептал Асербо ошеломленно.

Гранди лишь кивнул.

— А как король? — спросил Асербо.

— Пока не знаю, — ответил Гранди, — но он должен согласиться. А вы не возражаете?

Не говоря ни слова далее, Асербо подписал меморандум и возвратил его назад.

«Таким образом, уже одиннадцать подписей, — подумал Гранди. — Остаются семнадцать человек».

Как бы почувствовав настроение зала, Муссолини стал говорить об инициативе Гранди. Все стали слушать его с большим вниманием. Речь в ней идет о короне, и обращена она не столько к правительству, сколько к королю. В таком случае у короля есть выбор: либо просить Муссолини оставаться у власти, либо ликвидировать фашизм. Играя на страхе каждого из присутствовавших потерять свое положение, он предупредил:

— Господа, подумайте! Инициатива Гранди представляет большую опасность для режима.

Гранди с напряжением ожидал этого момента. Маршал де Боно, как старший по возрасту, выступил в защиту армии на Сицилии. С безжалостной логикой Альберто де Стефани заявил дуче:

— Исходя из вашего доклада, у меня сложилось впечатление, как, видимо, и у других, что война проиграна.

Сидевший в центре стола Фариначчи вскочил на ноги. Он возложил вину за неудачи на итальянских генералов и потребовал, чтобы Амброзио, начальник генерального штаба, отчитался перед советом.

«Сейчас или никогда», — подумал Гранди и поднялся. Первые его слова были обращены к колеблющимся:

— Муссолини должен знать всю правду, и об этом необходимо поговорить. Я говорю это не для дуче, с которым встречался позавчера и высказал ему все, что теперь скажу вам… — отвернувшись от Муссолини, обратился он к своим коллегам.

Украдкой следил за выражением их лиц, зачитывая меморандум. Для многих это было чем-то новым. Твердым модулированным голосом он затем пояснил:

— Не слабость армии, а диктатура ответственна за тяжелое положение Италии. Итальянский народ был обманут Муссолини в

тот день, когда он приступил к онемечиванию страны. Этот человек бросил нас в объятия Гитлера. Он вверг нас в войну, противоречащую достоинству, интересам и чувствам итальянского народа.

В зале было тихо, как на кладбище. Муссолини сидел на возвышении, вяло откинувшись на спинку стула, прикрыв ладонью глаза от яркого света лампы. Правое колено подрагивало ритмично, что являлось явным признаком возбуждения его язвы. Каждый из присутствовавших видел, что он чувствовал себя дискомфортно. Занавеси из голубого бархата мешали проникновению свежего воздуха с улицы, а вентиляторов не было. Спертым воздухом стало трудно дышать. Черная рубашка генерала Энцо Галбиати была пропитана потом. Джиованни Балелла запомнил это заседание большого совета лишь тем, что новые сапоги нестерпимо жали ему ноги. Вдруг, вскрикнув глухо, Карло Пареши упал в обморок. Сидевшие рядом с ним вынесли его в соседнюю комнату. Другие, внимательно слушавшие выступление Гранди, даже не обратили на это внимания.

Теперь Гранди повернулся к Муссолини, указывая на него пальцем. Оба будто бы оказались в изоляции, смотря друг другу в глаза.

— Вы считаете, что народ вам предан, — сказал Гранди с горькой иронией, — но эту преданность вы потеряли в тот день, когда привязали Италию к Германии. Под мантией исторически аморальной диктатуры вы удушили в каждом из нас личность. Могу сказать, что Италия проиграла все в тот день, когда вы нацепили маршальский золотой галун на свою фуражку. — Со смешанным чувством сострадания и гнева крикнул в лицо дуче: — Сбросьте эти смехотворные украшения, плюмаж и перья! Станьте снова Муссолини периода баррикад — нашим Муссолини!

— Народ все же со мной, — возразил недовольно дуче, впервые открыв рот.

Эти слова причинили боль Гранди, отметившему, что в Первую мировую войну более шестисот тысяч итальянских матерей потеряли своих сыновей, зная: они погибли за короля и страну.

— В эту же войну, — продолжил он, чеканя каждое слово, — у нас уже сто тысяч погибших, и сто тысяч матерей с плачем причитают: «Это Муссолини убил моего сына!»

— Это неправда, — крикнул Муссолини возбужденно. — Этот человек лжет!

Гранди, садясь на свое место, напомнил Муссолини о событиях 1924 года, когда тот еще сотрудничал с социалистами:

— К черту все интриги и фракционность, включая фашизм, если можно спасти нацию!

Страсти разгорелись. Следующим выступил Боттаи, саркастично растягивая слова, что так не любил дуче.

— Ваш доклад нанес сильнейший удар по нашим последним надеждам и иллюзиям, — заявил он Муссолини.

Сторонники дуче ожидали, что он предъявит ему и другие обвинения, но он не стал продолжать.

Затем поднялся Чиано, спокойно и логично охарактеризовавший «стальной пакт» и его тяжелые последствия.

— Мы не столько обманщики, сколько обманутые, — подвел он итог.

Муссолини ледяным взглядом посмотрел на своего зятя.

— Я знаю, где находятся предатели, — произнес он, вложив в свои слова угрозу.

Вскочивший Фариначчи выступил резко и грубо. Защищая принципы диктатуры, внес в заключение собственное предложение: «Полное выполнение решения в Фелтре в отношении передачи итальянских войск под немецкое командование».

Лишь Джиованни Маринелли, хотя и прикладывал постоянно ладонь к уху, так ничего и не понял.

Для генерала Галбиати дело зашло слишком далеко. Да и Муссолини достиг предела своих сил. Он кивнул Скорце, и тот, написав несколько слов, передал ему свою записку.

— Из-за позднего времени, — провозгласил Муссолини, — некоторые товарищи предлагают перенести продолжение заседания на завтра.

Гранди был е этим не согласен. Предчувствуя ловушку, он вскочил и заявил:

— Ну уж нет. В прошлом вы держали нас здесь до рассвета, обсуждая менее важные проблемы. Сегодня мы не разойдемся, пока не обсудим и не проголосуем за предложенный мною меморандум.

— Очень хорошо, — утомленно махнул рукой Муссолини, — давайте продолжим.

Он выслушал выступления Федерцони и Бигнарди, поддержавших Гранди, затем вдруг объявил пятнадцатиминутный перерыв и ушел к себе в кабинет.

Через два квартала от дворца, на площади Колонна, раздались телефонные звонки в штаб-квартире фашистской партии.

Было уже половина первого ночи, и члены большого совета торопливо допивали в небольшой комнате рядом с залом

заседаний апельсиновый напиток: перерыв уже заканчивался. Аннио Бигнарди не верил своим глазам. Еще семь часов тому назад предложения Гранди поддерживало всего десять человек. Во время же перерыва абсолютное большинство поставили свои подписи под меморандумом. Даже новичок Карло Пареши более не сомневался, хотя еще два дня назад, когда Бигнарди попытался его убедить, министр сельского хозяйства сказал ему честно:

— Политические вопросы выходят из круга интересов технического характера, так что подписывать я не буду.

Сейчас же бывший протеже Бальбо подписал меморандум, находясь под впечатлением беспомощности Муссолини, заявив при этом Бигнарди:

— Можете передать Бальбо, что я подписываюсь вслед за ним.

Последним поставил свою подпись посол Дино Алфиери. Еще до начала заседания большого совета дуче пригласил его к себе. Попивая подслащенное молоко при свете лампы для чтения, он спросил Алфиери:

— Что сейчас происходит в Германии?

Еще раз Алфиери высказал мнение, к которому он вместе с генералом Амброзио пришел в Фелтре: дуче должен сделать последнюю попытку, чтобы убедить Гитлера в невозможности дальнейшего ведения войны Италией.

— И это — мнение итальянского посла в Берлине? — холодно произнес Муссолини, отпуская его.

Потеряв всякое терпение, Алфиери покинул кабинет дуче, куда тут же вошел Скорца. И вот теперь, без дальнейших колебаний, он подошел к Гранди и подписал меморандум. Его подпись была двадцать первой и последней.

Генерал Галбиати почувствовал опасность. В течение всего перерыва он торопливо переходил из одной комнаты дворца в другую в сопровождении адъютанта. Ему почти никто не попадался. Лишь позже он узнал, что охрана дворца в этот вечер была возложена на специальную полицию. Одному из должностных лиц, шедшему ему навстречу, он сказал:

— Они просто заперли здесь сами себя.

Когда все снова заняли свои места, Гранди и его сторонники задавали себе вопрос: как поведет себя Муссолини? Маршал де Боно был уверен, что он во время перерыва звонил в милицию. Одно было несомненно: он использует все свое умение и актерские способности, чтобы восстановить прежнее влияние.

Говоря медленно и монотонно, Муссолини произнес с пафосом:

— Как мне представляется, здесь собрались люди, которые хотели бы избавиться от меня.

Учитывая свою ответственность за войну, он стал говорить о своей работе за истекшие двадцать лет, признав впервые, что ему уже шестьдесят лет, и заявив:

— В сложившихся обстоятельствах я даже готов положить конец этим прекрасным делам.

Многие делегаты в этот момент почувствовали к нему сочувствие. Для Луиджи Федерцони дуче был подобен «старому великому актеру, впервые в своей жизни плохо знавшему свою роль». Аннио Бигнарди испытывал горечь и досаду: ему казалось, что происходившее напоминало встречу семьи, собравшейся, чтобы «обсудить промахи отца, который был уже не в состоянии оказывать им поддержку». Гуидо Буффарини-Гуиди, входивший в состав фракции дуче, подумал, будто бы Цезарь, принимая удары кинжалов заговорщиков, воспринимал их как «удары, наносимые другому человеку».

Постепенно, однако, в словах Муссолини стала звучать угроза. Тыкая синим карандашом то в одного, то в другого, подобно школьному учителю, он задал вопрос:

— Если между партией и итальянским народом возникла трещина, не произошло ли это из-за того, что многие партийные боссы обогатились за счет народа?

В зале тут же возникло возбуждение. Если дуче может назвать конкретные имена и проступки, почему же он не сделал этого ранее? Последние его слова напомнили поведение ребенка, задающего загадку:

— В голове моей имеется ключ, которым можно поправить наше военное положение. Но я не скажу, что это такое.

Гранди видел, что Муссолини постепенно восстанавливал к себе былое доверие. Наконец, он заявил:

— Я не собираюсь уходить. Король и народ — на моей стороне.

Дуче хорошо знал, что Гранди не станет компрометировать монархию. Поскольку никто его не прервал, Муссолини продолжил:

— Когда я завтра расскажу королю о нынешнем заседании, он скажет мне: «Некоторые из ваших людей покинули вас, но я, король, остаюсь с вами».

Гранди подумал: «Они колеблются». И дуче понимал это. Играя на их чувствах, он добавил:

— У меня никогда не было друзей, но король — со мной. Удивляюсь, что станет завтра с теми, кто нынче встал мне в оппозицию.

И он странно улыбнулся, зная, что никто ему не ответит. На какой-то миг Гранди показалось, что перед ним прежний дуче, и в

смятении посмотрел на своих коллег. На их лицах читалось смирение.

— Дуче шантажирует нас, — воскликнул Гранди. — Он пытается поставить нас перед выбором между прежней лояльностью к своей личности и нашей преданностью Италии. Господа, мы не можем колебаться в данный момент. Речь идет об Италии.

Тут же на ноги вскочил Карло Скорца и, следуя инструкции Муссолини, зачитал третью резолюцию. В ней предлагалось передать полный контроль над генеральным штабом армии, да и всю полноту власти, включая право объявления военного положения в стране, фашистской партии.

Поднявшийся, качаясь, президент сената, законченный алкоголик Джиакомо Суардо, дрожащим и слезливым голосом отказался от подписи, сделанной им в перерыве под меморандумом Гранди. Гаэтано Полверелли, новообращенный, стал следующим отступником, заявив:

— Я родился приверженцем Муссолини, так и умру им.

Гранди теперь мог опереться на девятнадцать подписей — но сколько из этих подписавшихся могут смалодушничать, когда полетели щепки? И подумал с горечью: «Мы проиграли».

Несколько человек предложили компромиссное решение, которое вполне устроило бы дуче.

Гранди вновь поднялся, настаивая на каждом своем предложении, затем передал меморандум диктатору.

Муссолини просмотрел текст, как потом вспоминал Алфиери, «индифферентно». Хотя число подписей, видимо, удивило его, на лице у него ничего не отразилось.

Затем хриплым голосом провозгласил:

— Дебаты продолжались долго, и все вопросы рассмотрены основательно. Представлено три проекта резолюции. Первым было предложение Гранди, поэтому я ставлю его на голосование. Скорца, называйте присутствующих поименно.

Упершись локтями в стол, он подался вперед, сверля взглядом лица делегатов.

Было 2.40 ночи. Хотя по возрасту первым был должен идти маршал де Боно, секретарь партии сделал психологический демарш, назвав Муссолини, и тот твердым голосом произнес: «Нет!»

Следующим был назвал де Боно.

— Да, — ответил он старческим голосом при абсолютной тишине зала.

Голосование продолжилось. Скорца отмечал «да» или «нет» против называемых фамилий. Суардо воздержался. Фариначчи

проголосовал за собственное предложение. Новички Готтарди и Пареши, в которых Гранди было засомневался, проголосовали «да». И вдруг Скорца назвал фамилию Чиано. Муссолини, прищурившись, холодно посмотрел на своего зятя. Оба обменялись долгими проницательными взглядами. И все же Чиано ответил «да» к полному изумлению дуче. Происходило невероятное: сторонники Гранди побеждали.

«О чем думал Муссолини в этот момент? — удивлялся Гранди. Граната в его кармане напомнила ему об утренних размышлениях: — А ведь дуче прикажет всех нас арестовать, если они победят. Но может быть, он намеревался поставить Гитлера перед случившимся фактом — о решении вывести Италию из войны». Ни дуче, ни сам Гранди ничего не знали о ведущемся параллельно заговоре, готовящемся генералом Амброзио и принцессой Марией-Джозе. Поэтому Муссолини, по-видимому, воспринимал происходившее как бунт собственных марионеток.

Скорца в полной тишине занялся подсчетом голосов. Наконец он объявил:

— Результат голосования: девятнадцать — «за», восемь — «против» и один воздержался.

Муссолини приподнялся и, собирая свои бумаги, произнес:

— Таким образом, приняты предложения Гранди. Заседание закрыто.

С нескрываемой ненавистью посмотрел на человека, оказавшегося инициатором происшедшего, и сказал:

— Вы спровоцировали кризис режима.

Как потом вспоминал Гранди, Муссолини затем выразился даже более резко:

— Вы убили фашизм.

Когда Муссолини поднялся, Скорца крикнул по установленному ритуалу:

— Салют дуче!

Даже Алфиери механически воскликнул:

— Мы салютуем ему!

Муссолини же сделал жест, как бы отбрасывая что-то в сторону, произнеся при этом:

— Нет, нет. Я освобождаю вас от этого!

В наступившей после его ухода тишине раздался голос глухого Маринелли:

— Что он сказал? И что происходит? Принято ли предложение Гранди?

Кларетта Петаччи была разбужена резким звонком телефона. Было почти четыре часа утра. Муссолини звонил из своего кабинета во дворце Венеция. Как и всегда за прошедшие семь лет,

их разговор был записан оператором Г-21 ОВРА Уго Гуспиги. Как он потом вспоминал, дуче вначале был скрытным и сдержанным. Кларетта даже воскликнула:

— Ты меня пугаешь!

— Ничего особенного не произошло, — ответил Муссолини глухо. — Мы подошли к эпилогу — самому большому поворотному пункту в истории.

После долгих секунд молчания Муссолини добавил как бы про себя:

— Звезда померкла.

— Не мучь меня, — попросила его Кларетта.

— Все окончено, — ответил он ей. — Тебе следует подыскать себе убежище. Не думай обо мне — поторопись!

Кларетта попыталась как-то развеселить и утешить его:

— Это твоя новая выдумка.

— К сожалению, это все не так, — невыразительным тоном отреагировал дуче.

После этого наступило ожидание, особенно им запомнившееся. Часы проходили за часами в жаркий день воскресенья 25 июля. Главным участникам драмы каждый час казался вечностью. Они ждали, какую же карту выбросит им судьба до исхода дня.

В девять часов утра маршал Бадолио сидел у телефона на своей вилле, зевая, как рыба, выброшенная на берег. На нем была серо-зеленая маршальская форма, как его проинструктировали генерал Амброзио и герцог Акваронский, позвонившие час тому назад и сказавшие, что государственный переворот должен произойти в течение дня. Решения, принятые большим советом, ускорили события: король, опасавшийся контрвыступления милиции, не должен ожидать обычной аудиенции в понедельник, чтобы сместить Муссолини. Бадолио должен был находиться в готовности, но за три года праздной жизни форма стала столь тесной, что он едва мог дышать. Приказав поставить одну из 500 бутылок шампанского «Вдова Клико» из собственного погреба на лед, он сидел, потея и полный страха, ожидая вызова короля.

В этот же час генерал Энцо Галбиати находился в своем управлении на площади Романия. Он еще раз просмотрел меморандум, подготовленный им за время, прошедшее после окончания заседания большого совета. Он ожидал звонка дуче, но, если вызова не последует, он отправится во дворец Венеция самостоятельно, чтобы вручить Муссолини этот меморандум. В нем предлагался немедленный арест всех членов большого совета, проголосовавших за предложения Гранди прошедшей ночью, и выражалась просьба разрешить ему убыть по срочным

делам. В целях более тесной координации действий итальянских служб безопасности со службами Третьего рейха Галбиати намеревался выехать в Берлин для встречи с Генрихом Гиммлером.

Опасаясь подобных действий, Джалеаццо Чиано тем не менее находился в своей элегантной квартирке в доме номер 9 по улице Виа Анджело Сеччи. Граф был один и не ожидал никаких визитеров, за исключением разве агентов OBPA в традиционных плоских шляпах. С девяти часов до полудня он дважды позвонил по телефону. Первый звонок он сделал Эдде, которая находилась вместе с детьми в Понте-а-Мориано, и попросил ее срочно приехать в Рим.

— К чему такая поспешность? — спросила его Эдда апатично. — Не произошла ли новая высадка?

— Мы тронули с места камень, и теперь в результате этого произошел оползень, — раздраженно ответил Чиано.

Следующий звонок был графу Леонардо Витетти, сотруднику министерства иностранных дел, который был также осведомлен о плане Амброзио.

— Скройся пока отсюда, — предупредил он того. — Меня могут арестовать каждую минуту, но не беспокойся: меня освободят, как только Муссолини будет смещен.

Дино Гранди ничего не знал об армейском плане. Через час после окончания заседания большого совета он впервые встретился с герцогом Акваронским в доме их общих друзей. В результате их встречи герцог и позвонил Бадолио в восемь часов утра.

— Сообщите королю, что мы передали в его руки конституционные средства для действий в качестве главы государства, — настойчиво сказал ему Гранди. — Армия должна быть реорганизована, ее следует подготовить к боевым действиям против немцев. Каждый час просрочки приблизит их к нам.

В полдень на квартиру Гранди позвонил начальник секретариата дуче и передал, что Муссолини хочет видеть его немедленно, но не сказал, по какому вопросу. Гранди тут же позвонил герцогу Акваронскому и посоветовался: надо ли ему слушаться Муссолини?

— Король считает, что вам не следует идти к Муссолини, — ответил герцог.

Надев спортивную рубашку, Гранди задумался: «Какую игру начнет король теперь, когда следовало ожидать реакции Германии?»

На вилле Волконского, где размещалось германское посольство, ни о каком нарушении праздности не было и речи.

Дежурный, двадцатидевятилетний генерал Герхард Гумперт, обливаясь потом во флигеле основного здания, думал не столько о Муссолини, сколько о пляже в Остии. Гумперт, как и другие официальные лица посольства, знал о заседании большого совета, но для него это было вопросом внутренней политики Италии, не влияющим на ход войны. Такого же мнения придерживался и сам посол Ханс Георг фон Маккензен.

Фон Маккензена не удивляло и то, что маршал Бадолио несколько раз за это утро пытался сконтактироваться с ним. Занимаясь дипломатической почтой и телеграммами, он приказал ни с кем его не соединять.

В 2.30 пополудни Маккензен вызвал к себе Гумперта и распорядился срочно послать телекс Риббентропу, находившемуся в замке Фушль. Когда Гумперт стал знакомиться с текстом, он едва не присвистнул от удивления. Посол, настоящий пруссак девятнадцатого века, не принял во внимание предупреждения своего политатташе Херберта Капплера и на запрос Риббентропа о ситуации в Италии ответил:

— Позиция дуче, как никогда, крепка.

В 4.45 пополудни Бенито Муссолини почувствовал себя вновь в безопасности. Приближенные отметили, что он быстро восстановил свои душевные и физические силы, как в былые времена. Он даже отправил назад своего лечащего врача доктора Арнальдо Поцци, когда тот навестил его на вилле Торлония в десять часов утра. Дуче еще лежал в кровати.

— Пусть сегодня так и будет, — сказал он Поцци, отказавшись даже от обычного укола содиумом бенцоата. — Я почти не спал и слишком возбужден.

Появившись затем во дворце Венеция, он почувствовал некую уверенность. Для него было важно услышать, что король вновь подтвердил свое к нему доверие. В 12.15 секретарь Муссолини Николо де Цезаре позвонил королю, испрашивая аудиенцию на тот же день.

И вот, откинувшись на мягкое сиденье черной «астурии», Муссолини мчался по пустынным улицам города в сторону виллы Ада.

На руинах Сан-Лоренцо еще до этой поездки он заверил генерала Галбиати:

— Король чувствует себя уверенно за моей спиной.

К изумлению Галбиати дуче отказался санкционировать проведение арестов диссидентов большого совета. Стоя на позициях конституции, он считал необходимым согласовать с королем увольнение министров и их заместителей. К тому же Гранди и Чиано, будучи награжденными, как и он сам,

«Ожерельем Благовещения», могли обращаться к королю как к «кузену».

Более того, один из проголосовавших за предложения Гранди — министр корпораций Туллио Джианетти — утром прибежал во дворец Венеция, чтобы отказаться от своего голоса, поскольку-де посчитал, что «было бы неправильным ослабить политический престиж Муссолини перед угрозой надвигающегося поражения». Дуче был убежден, что и другие последуют его примеру. С высокомерием он сказал Галбиати:

— Эти слабонервные не понимают, что, если бы с ними не было человека, их возвысившего, они оказались бы в сточной канаве вместе с чернью.

А заместителю министра внутренних дел Умберто Альбини, также поддержавшему Гранди, он изложил свое мнение еще более жестко:

— Ваш голос, да и голоса ваших друзей не имеют никакого значения. Большой совет был созван лишь для того, чтобы выслушать мнение делегатов. Я еще раз просмотрел законы, и король подтвердит, что я имею право проигнорировать результаты голосования.

Де Цезаре вез в своем портфеле предложения дуче о военной реформе. При этом предусматривалась замена семи действующих военачальников. Только жаркие дискуссии прошлой ночью удержали его от объявления новых назначений. Более того, он продумал план прекращения войны. Утром он попросил японского посла барона Хидаку срочно связаться с президентом Хидеки Тойо, который должен был оказать давление на Гитлера, чтобы тот прекратил войну с Россией и начал мирные переговоры.

На размышления и планирование ушли многие часы. В 3.30 пополудни он поспешил на виллу Торлония, чтобы скушать чашку бульона. К его удивлению, Рашель не одобрила его намерение отправиться к королю на аудиенцию.

— Тебе нечего у него делать. Король есть король: если ему будет нужно, он выбросит тебя за борт.

— Король, — сухо возразил Муссолини, — мой лучший друг, может быть, даже единственный друг в настоящее время.

Чтобы ее успокоить, он пообещал арестовать всех «предателей» из числа членов большого совета, если король даст ему на это полномочия.

К его удивлению, из дворца раза три звонили, чтобы он прибыл на аудиенцию не в военной форме, а в штатском платье. Он только пожал плечами. Со времени марша на Рим он был у короля не менее двух тысяч раз, и всегда во фраке. Но

распоряжение короля следовало выполнить.

В 4.55, когда его автомобиль въехал на аллею виллы Ада, Муссолини был одет в голубой костюм неярких тонов, на голове — котелок и в левой руке — серые перчатки. Снижая скорость, шофер Боратто дал обычный сигнал привратнику — два коротких гудка.

Сопровождавшие дуче две автомашины с личной охраной нажали на тормоза. Следуя этикету, они припаркуются за воротами.

Примерно в полукилометре от виллы, с северной ее стороны, скрытый от посторонних взглядов за густыми деревьями капитан карабинеров Паоло Вигнери, услышав сигнал автомашины дуче, насторожился. Этот сигнал он ждал уже более часа. Отряд из пятидесяти карабинеров держался наготове. Когда они выезжали из казармы Пастренго, все думали, что будут ловить англо-американских парашютистов. Когда же они оказались на территории виллы Ада и к ним присоединились три одетых в гражданскую одежду агента, прибывшие на автомашине Красного Креста, карабинеры поняли свою задачу.

Всего десять минут тому назад Вигнери разъяснил им характер предстоявших действий, поскольку и сам до того точно не знал, что им надлежало делать. В первой половине дня его вместе с капитаном Рафаэлле Авверсой вызвали к вновь назначенному главнокомандующему карабинеров генералу Анджело Чернее. Тот сам только в 12.25 пополудни получил распоряжение генерала Амброзио и герцога Акваронского и вот в 14.00 поставил удивленному Вигнери задачу:

— В соответствии с приказом его величества короля Виктора-Эммануила III вы должны через некоторое время арестовать Муссолини на вилле Ада.

Входя в салон первого этажа виллы короля, своего «кузена», Бенито Муссолини был спокоен. Все должно пройти, как говорится, без сучка и задоринки, как и до того. И вот в двери салона показался король, одетый на сей раз в серо-зеленую форму маршала с широкими красными лампасами на брюках. Он улыбнулся и протянул дуче руку, чего ранее не делал. Де Цезаре остался в приемной. Когда дверь салона закрылась за королем, Муссолини произнес:

— Вы, видимо, уже слышали, ваше величество, об этой детской ночной выходке…

Король перебил его:

— Это не было детской выходкой!

Муссолини удивленно отметил про себя, что король на этот раз не пригласил его сесть. Да и сам он возбужденно ходил по

комнате, заложив руки за спину.

Муссолини хотел было передать ему свои бумаги, но король сказал:

— В этом нет необходимости, я знаю обо всем. Едва он сделал небольшую паузу, дуче попытался вновь заговорить:

— Ваше величество, голосование большого совета не имеет никакого значения…

Король снова прервал его.

— К сожалению, — пробормотал он, — не разделяю вашу точку зрения. Большой совет является государственным органом, вы сами его создали. И образование его было одобрено палатой депутатов и сенатом. Тогда я вас предупреждал, что совет может оказаться палкой о двух концах. Однако его решения носили жизненно важный характер для государства. Мой дорогой дуче, — продолжал король торопливо и нервно, — дела в Италии идут уже давно не так, как следовало бы. Мораль в армии низка, солдаты не хотят больше воевать. — Уставившись на красный турецкий ковер на полу, он стал кусать ногти, затем добавил: — В Альпийской бригаде распевают песни, что она не будет воевать за вас. — На пьемонтском диалекте король нараспев процитировал: — «Долой Муссолини, истребляющего альпийцев…»

За неплотно закрытой дверью стоял военный помощник короля генерал Паоло Пунтони и внимательно прислушивался. Опасаясь возможных осложнений, король приказал ему быть неподалеку. Как он понял, король пытался довести до Муссолини реалии жизни. Еще три дня тому назад он пытался убедить дуче, что тот является основным препятствием на пути к миру. Как потом рассказывал сам Виктор-Эммануил:

— Либо он не понимает, либо не хочет понять. Я говорил все равно что на ветер.

Теперь двадцатилетняя молчаливая борьба этих двоих людей подходила к концу, и король уже не мог скрыть своей затаенной вражды.

— Что касается всех этих оборванцев типа Фариначчи и Буффарини, — услышал Пунтони довольно громко сказанное королем, — они, еще не зная, подпишу ли я декрет о назначении вас главнокомандующим вооруженными силами, заявили: — «Он должен подписать декрет, иначе мы отпихнем его в сторону».

Муссолини промолчал.

— Результат голосования большого совета просто потрясающий, — терпеливо пояснил король. — Девятнадцать человек проголосовали за предложения Гранди! У вас не должно быть иллюзий. Не считайте, что эти голоса не отражают

истинного мнения о вас в стране. Ныне вы человек, которого в Италии ненавидят более всего. Вы уже не можете рассчитывать на друзей, кроме меня.

Муссолини пытался найти логический выход из создавшейся ситуации и произнес с трудом:

— Если ваше высочество правы, то я должен подать в отставку.

— Могу сказать вам, — ответил король, чтобы не попасться в ловушку, — что я непременно приму ее.

Как потом вспоминал король, Муссолини вдруг вздрогнул, как от близкого разрыва 305-миллиметрового снаряда, и прошептал с болью, опускаясь без приглашения в стоявшее поблизости кресло:

— Стало быть, это конец…

Сидя в салоне автомашины, его шофер Боратто стал просматривать воскресные газеты. Неожиданно шеф полиции королевского двора Джузеппе Моранцини просунул голову в дверцу автомобиля и сказал:

— Поторопитесь, Эрколе, вас вызывают к телефону. Я пойду с вами, так как мне тоже надо позвонить.

Боратто посмотрел на часы. Было 17.10 пополудни — видимо, Рашель звонит с виллы Торлония, чтобы узнать, когда ей ждать дуче. Он и прежде неоднократно ходил звонить в дом привратника, расположенный шагах в пятидесяти от виллы Ада. Моранцини шел следом за ним. Не дойдя до домика привратника, Боратто вдруг с ужасом почувствовал, как на него сзади навалились двое неизвестных вместе с Моранцини. Ему прижали руки и отобрали пистолет. Шеф полиции произнес ему на ухо, шипя:

— Слушайте внимательно! Никакого дуче больше нет. Бадолио назначен новым главой правительства…

В салоне короля Муссолини услышал примерно то же самое.

— Я пришел к выводу, — сказал король, — что единственным человеком, который сможет осуществлять контроль в сложившейся ситуации, является маршал Бадолио. Он сформирует новое правительство из офицеров и продолжит войну. Бадолио пользуется авторитетом не только в армии, но и в полиции.

— И в полиции, — повторил Муссолини тупо, глядя в потолок.

Капитан Вигнери в это время садился в санитарную машину вместе с капитаном Авверсой, тремя агентами и тремя унтер-офицерами в повседневной форме одежды. Пятьдесят карабинеров оставались в кустах. «Санитарка» медленно

тронулась к восточной стороне виллы Ада и остановилась в семи шагах от главного входа. Шофер осторожно сдал ее назад так, чтобы задняя ее дверка оказалась напротив лестницы.

Как потом вспоминал Вигнери, шума никакого не было, слышны были только гул пчел да тихое звяканье фарфоровой посуды на кухне.

На верхней ступеньке лестницы неподвижно стоял королевский лакей Витторио Пикколи в черной куртке и голубых с красными кантами брюках — ливрее савойского дома. Вигнери не спускал глаз с лица лакея. Реакция Пикколи должна была показать момент начала его, Вигнери, действий, чтобы избежать кровавого вмешательства личной охраны Муссолини.

Вигнери знал, что король был против ареста дуче на территории его имения.

— Пока я дышу, — сказал он герцогу Акваронскому, — я не отдам подобного распоряжения.

Но арест за пределами виллы, пытался убедить его герцог, вызовет вмешательство личной охраны дуче и приведет к кровавому столкновению, а возможно, и к фашистским контрмерам и даже гражданской войне. Самым верным было бы арестовать дуче — вопреки общеизвестным канонам гостеприимства, — пока он еще был гостем короля, и отправить в санитарной машине в казарму карабинеров.

Король в типичном для него духе не сказал ни «да», ни «нет», а лишь развел руками. Герцог же распорядился об аресте Муссолини от имени короля.

В салоне король пытался наложить, как говорится, бинты на раны.

— Мне очень жаль, очень жаль, — Пунтони ясно слышал сквозь двери слова короля, — но решение не может быть другим.

Муссолини потом сказал, что король взял обе его руки в свои, как надежный друг, и заверил его:

— Не беспокойтесь о личной безопасности. Я отдам распоряжение о вашей защите.

Дуче предупредил короля:

— Кризис этот будет расценен как победа Черчилля и Сталина.

Когда король провожал его до двери, Муссолини не сказал более ни слова. Посмотрев на часы, уточнил: было 17.20. Коль скоро это затронуло его интересы, королю потребовалось всего двадцать минут, чтобы положить конец двадцатилетию фашизма.

Но вот Вигнери увидел, как лакей слегка кивнул и в тот же момент исчез из виду. Когда капитан быстрыми шагами поднялся по лестнице, ни короля, ни его помощника видно не было.

Муссолини тяжело спускался вниз, за ним шел де Цезаре. Тут же перед секретарем возник Авверса. Агенты, стоявшие внизу лестницы, сразу же скрылись за автомашиной Муссолини.

— Дуче, — произнес Вигнери, становясь на пути Муссолини, — по приказу его величества короля мы просим вас следовать за нами, чтобы защитить от возможных оскорбительных действий против вас черни.

Муссолини непонимающе посмотрел на него, затем сказал слабым голосом:

— В этом нет необходимости, — и направился к «астурии».

— Дуче, — настоятельно молвил Вигнери, — я обязан выполнять приказ, — и заступил ему дорогу. — Вы должны пройти в мою автомашину, — продолжил капитан и подтолкнул дуче в сторону санитарной автомашины.

Когда ее задняя дверца открылась, Муссолини отпрянул. Мягко, но настойчиво Вигнери взял Муссолини за левый локоть и подтолкнул внутрь. За ним последовал де Цезаре. Агенты и унтер-офицеры сразу же вскочили в «санитарку».

— А к чему эти люди, — запротестовал Муссолини.

— Выходите, парни, да побыстрее, — приказал капитан, сделав выразительный жест рукой.

С верхней ступеньки лестницы лакей Пикколи наблюдал за происходившим. Последняя и нелепая сцена падения дуче навсегда' останется в его памяти: Муссолини поднял обе руки к голове, удерживая котелок, агенты повыпрыгивали из «санитарки», бряцая оружием, затем железная дверка закрылась, и машина тронулась.

Подполковник Санто Линфоцци не жаловался на окружающий мир. Этот июльский воскресный вечер в римской казарме карабинеров Подгора, где он был комендантом, ничем не отличался от ему подобных: на парадной площадке виднелись группки родственников, нагруженных сумками с продовольствием, солнце пробивалось сквозь ветви пальм.

Затягиваясь сигаретой, подполковник гадал, когда к ним прибудет генерал Анджело Чериса. Еще днем он получил об этом извещение.

Вдруг он вздрогнул. В широкие железные ворота казармы въехала санитарная машина, притормозив у двери, у которой он стоял. Из задней двери выпрыгнули два офицера, затем вышли восемь каких-то человек в гражданском. Недокуренная сигарета выпала у него изо рта, так как в одном из них он узнал самого главу правительства.

— Дуче, — произнес Линфоцци с бессмысленной улыбкой на лице, подходя к нему, — это большая честь для нас!

Муссолини лишь посмотрел на него.

— Подполковник, — сухо произнес Вигнери, отдавая честь, — дуче — наш гость. Пожалуйста, откройте офицерский клуб, чтобы он немного освоился.

Подполковник направился к клубу. Когда он открыл дверь, Вигнери отодвинул его в сторону и прошел с Муссолини по коридору в небольшую комнату, обставленную мебелью в имперском стиле и выходящую окнами в опрятный сад. Муссолини по-прежнему молчал, но де Цезаре подошел к капитану и спросил:

— А если дуче захочет отсюда уйти?

— Он не сможет этого сделать, — нетерпеливо ответил тот.

— А если ему надо будет позвонить? — настойчиво продолжил де Цезаре, показывая рукой на телефонный аппарат, стоявший на столике.

— Он не должен звонить, — покачал Вигнери головой.

— Тогда как вы объясните все это? — с раздражением спросил де Цезаре.

— Господа, я лишь выполняю приказы, — ответил Вигнери холодно. — И это не моя компетенция — давать объяснения.

Не глядя на столик с телефоном, Муссолини нервно похлопывал пальцем нижнюю губу. Вигнери же подошел к столику и тремя движениями перочинного ножа отрезал провод.

В 7.30 вечера рядовой Николо Моначи сел в трамвай. Когда он платил за проезд, то понял: по-видимому, что-то произошло. В вагоне царило холодное молчание, а люди, завидев его милицейскую форму, отстранялись от него как от прокаженного.

У Моначи было неплохое настроение. Двадцатидевятилетний Николо был одним из восьмисот человек личной охраны дуче. Он возвращался в казарму после раскопок в Сан-Лоренцо, побывав в послеобеденное время на площади Аргентина, где заглянул в стрелковый тир и комнату ужасов.

Едва войдя в казарму, он понял, почему люди вели себя столь странно. К тому же унтер-офицер его роты, увидев его, сказал:

— Муссолини пал. Есть ли у тебя гражданская одежда? Самое время отсюда сматываться.

Хотя официальное объявление было сделано лишь через три часа, слухи о падении Муссолини распространились по Риму с необычной быстротой.

Некоторые использовали для этого коды. Леопольдо Пиккарди, либерал и член подпольной организации, например, подняв после звонка телефонную трубку, услышал, как Марчеза Бенцони, приятельница Марии-Джозе, сказала:

— Король засунул большой сыр в шкаф.

Энцо Сторони, адвокат королевской семьи, позвонил своему тестю и пригласил его к себе:

— Приходи сегодня вечером, будут сигары и кофе. Дело в том, что двадцать лет назад старик заявил, что не сделает ни одной затяжки до тех пор, пока не рухнет фашистский режим.

За столом на вилле Ада королева Елена выговаривала мужу:

— Нельзя так обходиться с гостями. Ведь тем самым нарушены правила королевского гостеприимства. Его следовало арестовать где угодно, но не в нашем доме.

Побелев от ярости, король вытер салфеткой губы и встал из-за стола. Принцесса Мария-Джозе также испытывала стыд. За ужином у друзей она ударилась головой в зеркало, воскликнув:

— Нельзя было так делать, нельзя! Раздраженный неоднократными попытками Бадолио

дозвониться до него, посол фон Маккензен послал своего первого секретаря Ульриха Дёртенбаха на виллу к маршалу, чтобы узнать, что тому было нужно. Возвратившись, Дёртенбах с бледным лицом доложил послу, плававшему в бассейне:

— Бадолио хотел сообщить об отставке Муссолини и своем назначении премьер-министром.

Выбравшись из бассейна, фон Маккензен выкрикнул в ярости:

— Этот Бадолио — свинья!

В апартаменты принца Отто фон Бисмарка новость принес лакей, подававший в белых перчатках кофе и напитки:

— Прошу прощения, но должен сообщить, что его величество отправил Муссолини в отставку.

Жена принца Анна-Мария прокомментировала это сообщение словами:

— Как неблагодарно с его стороны так поступить с дорогим дуче!

Помощник военного атташе Фридрих Карл фон Плеве узнал новость от своей кухарки Марии, которая, танцуя, вошла в его комнату и пропела:

— Теперь они прикончат этого вонючку!

На вилле Торлония Рашель Муссолини, обеспокоенная тем, что Бенито еще не возвратился, услышала историю о заседании большого совета от верного приспешника дуче — толстого Гуидо Буффарини-Гуиди. В это время зазвонил телефон, и испуганный голос шепотом произнес:

— Они только что арестовали дуче!

Сразу же, не назвав себя, неизвестный повесил трубку.

Рашель была настолько расстроена этим сообщением, что горничная Ирма Морелли, чтобы как-то отвлечь ее, брякнула:

— Вообще-то дуче не заслуживает такой преданности и

отчаяния — ведь у него уже семь лет как имеется любовница по имени Кларетта Петаччи.

Для Рашель, ведшей замкнутый образ жизни, эта новость оказалась сильнейшим ударом. Она знала, что у Бенито было много легких флиртов — но связь, длившаяся семь лет, это — что-то серьезное.

— Почему ты это все время скрывала? — укоризненно спросила она Ирму. — Почему ты сказала об этом только сейчас?

Кларетта тоже совсем обезумела. В послеобеденное время она провела более часа в зодиакальной комнате, пила чай и болтала с Квинто Наваррай, который полагал, что дуче должен появиться с минуты на минуту. Наварра поначалу не ожидал никаких осложнений, услышав, что Муссолини отправился на виллу Ада, Кларетта же была встревожена.

— Я ведь говорила ему не ездить туда и не встречаться с этим человеком, — вскрикнула она, вскакивая на ноги. — Он не хочет меня слушать.

Она тут же возвратилась на виллу и всю ночь провела у телефона.

Как Кларетта, так и Рашель были убеждены, что только один человек мог найти дуче и возвратить ему власть — лояльно к нему относившийся командующий милицией генерал Энцо Галбиати.

Однако Галбиати, находившийся в своем кабинете на площади Романия, не был столь уверен. В семь часов вечера он уже два часа ждал звонка Муссолини, но тот не позвонил. Тогда генерал сам набрал номер коммутатора дворца Венеция, но там не ответили. Связной, посланный на виллу Ада, доложил, что «астурия» дуче уехала оттуда полчаса назад. Оказалось, что в ней на заднем сиденье находился маршал Бадолио, возвращавшийся с аудиенции у короля, но Галбиати об этом не знал.

Генерал попытался разобраться с проблемой, выслав в город не менее десятка патрулей на мотоциклах в поисках дуче. У него под рукой почти не было людей, так как большинство находились в увольнении. В здании его штаб-квартиры было не более пятидесяти человек, включая гражданских служащих и клерков.

В 19.30 в его кабинет ворвался генерал Джузеппе Контичелли, помощник начальника штаба, которому заместитель министра внутренних дел Умберто Альбини сообщил об отставке Муссолини. Один из офицеров поведал о слухе, что дуче сразу же будто бы уехал в свое имение Рокка-делле-Каминате специальным поездом. Позвонив на виллу Торлония, Галбиати долго и обстоятельно разговаривал с Буффарини-Гуиди, который оставался там, чтобы поддержать Рашель. Буффарини подозревал,

что дуче похитили и где-то спрятали, но никаких доказательств этого не имел, если не считать анонимного звонка Рашель.

Каждый звонок по телефону вносил только сумятицу. В кабинете Галбиати набилось много людей, и ему приходилось буквально кричать в трубку, чтобы его поняли. Из окраинных районов города приходили сообщения, что на милиционеров совершаются нападения и с них срываются черные рубашки. Галбиати несколько раз попытался связаться с милицейским командованием в Болонье и Сеттевене, но каждый раз ему говорили, что связь не работает.

В восемь часов вечера Галбиати был в отчаянии. Некоторые офицеры предлагали применить силу — но непонятно против кого. Еще совсем недавно генерал Амброзио переподчинил целый ряд милицейских подразделений армейскому командованию. Причина этого была теперь понятна. Ближайшая милицейская часть находилась на удалении порядка сорока пяти километров и занималась изучением и освоением нового немецкого оружия. А если дуче подал в отставку по собственной воле, можно ли вообще было что-либо предпринимать?

Галбиати не знал, что генерал Чериса отдал карабинерам приказ, касающийся не только личности Муссолини. Теперь они выдвигались, чтобы занять радиостанцию «Радио Италии», почту, телефонные узлы связи и здание министерства внутренних дел.

В 8.30 вечера его адъютант, майор Джузеппе Маринелли, внезапно вскрикнул, заметив в наступающей темноте три танка из состава дивизии Ариэте, приблизившиеся к их зданию на сорок метров. Галбиати был в это время занят телефонным разговором.

— Куда направлены их орудия? — только и спросил он.

Маринелли, застывший у окна, ответил:

— Прямо на нас.

Некоторые римляне ждали этой ночи всю свою жизнь. В 10.45 вечера в залитом лунным светом городе знали: свершилось. В тысячах радиоприемников раздались слова маршала Пьетро Бадолио:

— Итальянцы! По приказу его величества короля и императора я взял на себя задачу формирования военного правительства страны с полными полномочиями. Война продолжается. Италия… сдержит свое слово…

По улицам на всех семи холмах Рима новость эта пронеслась подобно вихрю. Город, видевший триумф Цезаря и Домитиана, переживал новый взрыв эмоций. Те, кто слышал передачу по радио, звонили своим родственникам и знакомым на тот случай, если те ее не слышали, или же громко скандировали, стоя у открытых окон. Люди выскакивали на улицу кто в чем был — в

пижамах и ночных рубашках, в домашних шлепанцах и босиком. Они обнимали друг друга, смеясь и плача.

В эту ночь можно было делать все, что никто не осмеливался делать за истекшие двадцать лет. В задней комнате кафе «Арагио» на улице Корсо-Умберто, где обычно собирались литераторы, один из посетителей, схватив стул, обрушил его на голову офицера милиции, сидевшего за соседним столиком, — совсем «как это показывают в кино». Толпы народа ворвались в помещения ежедневной римской газеты «Иль Мессаггера» на улице Виа дель Тритона, чтобы прихватить «свободное здание» и начать крушить все, что попадалось под руку, — картины, пишущие машинки, мебель. Из расположенного рядом отеля «Маджестик» поклонники вынесли на руках популярную актрису, одетую в шелковую пижаму, и понесли по улицам. Выкрики «Да здравствует король!» и «Да здравствует Папа!» слышались всю ночь. На улице Виа Венето один из демонстрантов объяснял всем прохожим:

— Теперь я могу кричать «Кровавый Муссолини», и никто меня за это не арестует!

Какой-то циник ответил ему:

— Попробуй крикнуть «Кровавый Бадолио», тогда посмотришь, что произойдет.

За воротами виллы Торлония бушевала толпа полуодетых римлян, возглавляемая каким-то мужчиной, играющим на тромбоне. Перепуганная Рашель скрылась в глубине дома. Однако в толпе никто и не думал о жене дуче. Для голодавших в течение трех лет людей заманчивыми были куры и свиньи Рашель. В конце концов карабинеры разогнали толпу.

Это была ночь глумления над властями, причем всеми и всякими. Некоторые прыгали в проезжавшие трамваи, подобно проказившим ребятишкам — в дверь с надписью «Выход». Другие рвали свои продовольственные карточки и разбрасывали их, как конфетти. Никто не воспринимал всерьез слова, сказанные Бадолио, что война будет продолжена. Вооруженные охотничьими ружьями и топорами люди врывались в помещения фашистской партии и крушили столы, стулья, сжигая портреты Муссолини на кострах. На фасаде дворца Венеция появилась надпись огромными белыми буквами: «Да здравствует Маттеотти!» На входных лестницах разбивались каменные пучки прутьев ликтора, служившие в течение долгих лет символом порабощения.

Для многих, однако, эта свобода казалась призрачной. Вот на улице Корсо раздались испуганные голоса: «Осторожно, появился дуче». И люди тут же разбежались в стороны. Оказалось, что это некие шутники тащили его бронзовый бюст в сторону площади

Колонна, где он и был брошен на асфальт с грохотом, подобным орудийному гулу.

На афишах театра «Элисео» на улице Виа Национале были сделаны наклейки, отчетливо видимые при ярком свете фонарей: «Прощай, прошлое».

Для многих римлян, не ведавших, что вслед за этими событиями последует девятимесячная оккупация Италии немцами, это была ночь конца войны. На зенитной батарее по дороге на Анцио один солдат на радостях выпил два литра коньяка и упал замертво. На Кампо-дей-Фиори молодая мать показывала прохожим своего новорожденного малыша, громко крича:

— Я хочу, чтобы он дышал свежим воздухом.

Для немногих неожиданная смена правительства оказалась острием бритвы, от поворота которой зависела жизнь или смерть. В тюрьме Регина Коэли, расположенной на северном берегу Тибра, Оттавио Джалеаццо, девятнадцатилетний студент-медик, услышал, как в двери его камеры загремел ключ, и приготовился к худшему. Он уже около года находился здесь в карцере, обвиненный в антифашистской конспиративной деятельности, за которую полагалась смертная казнь. На лице тюремщика, как ни странно, сияла улыбка, и он сообщил своему заключенному, что фашистская партия сгинула, а само «пугало» полетело вверх тормашками.

Студент понял, что смерть ему больше не угрожает.

Охранник плюнул и заявил:

— Знаете ли, я никогда не был фашистом. Казалось, что за ночь фашистов в городе вообще не

осталось. Черные рубашки стали столь же редки, как августовские морозы. Улица Виа Номентана была как ковром покрыта фашистскими значками. В желтых водах Тибра плавали сотни униформ, влекомые течением реки в море. Только один человек во всей Италии — Манлио Моргани, президент агентства новости «Стефани», — решил отметить смещение Муссолини по-своему.

«Моя жизнь принадлежала вам, — написал он в своей предсмертной записке, запершись в спальне. — Я умираю с вашим именем на устах».

И он размозжил себе голову.

Для миллионов людей наступил праздник. В Болонье коммунисты установили громадный портрет короля Виктора-Эммануила к подножию памятника Гарибальди, укрепив над ним красный флаг. В Милане заводские рабочие объявили этот день праздничным и на работу не выходили. В Неаполе базарные

торговки отплясывали тарантеллу при лунном свете.

В офицерской столовой штаба карабинеров двадцатичетырехлетний сотрудник политического отдела Этио Берти, зашедший туда перекусить, с изумлением наблюдал, как какой-то офицер в полной парадной форме бросал помидоры в портреты короля и Муссолини. Его реакцией, как и пятидесяти миллионов итальянцев, голодных, потерявших всяческие иллюзии и уставших от войны, были слова:

— А ведь два помидора составляют дневной рацион!

Одиннадцатилетний Фабрицио, девятилетняя Раймонда и пятилетний Марцио в тот вечер отправились спать в обычное время. Но 25 июля Эдда Чиано рассказала детям необычную историю на сон грядущий. В течение всего дня после звонка Джалеаццо она откладывала этот разговор и вот решила, что дети должны все знать.

Для своевольной дочери дуче известие о заседании большого совета не было чем-то необычным. Здраво рассуждая, она понимала, что рано или поздно «двадцатилетний дурацкий период», как она называла отцовский режим, должен окончиться. Совсем недавно, во время партии в бридж, продолжавшейся всю ночь, она предсказала:

— Года через два нас всех повесят перед дворцом Венеция.

А теперь пришло время, когда дети должны увидеть все в реальном свете.

В девять часов вечера она позвала их в гостиную. Джалеаццо дома не было, и он казался заброшенным. Запах сигар еще не рассеялся в бильярдной комнате. За окнами лунный свет серебрил листву вишневых деревьев.

Эдда заметила, как широко раскрылись глаза детей, когда они услышали о событиях, произошедших в Риме. А Фабрицио даже спросил:

— Как ты думаешь, что должно произойти с нами? Нас убьют?

Решительная и современная мать, всегда настаивавшая, чтобы дети называли ее христианским именем, Эдда Чиано не пугалась фактов. Она не верила в неизбежность смерти, не считала, что они должны быть готовы ко всему. Хорошо, если Джалеаццо потеряет работу и будущее, но более вероятными были тюрьма или ссылка.

Глаза детей все более округлялись, и Эдда решила дать им возможность прочувствовать реалии жизни.

. — Над нашей страной нависла смертельная опасность, — сказала она. — Но главное — чтобы она существовала. Поэтому люди, подобные нам, должны быть готовы стойко встретить

невзгоды, когда настанет время, с бесстрастными лицами.

И она реально в это верила.

«Мы все обречены, — размышляла дочь дуче. — Крысы — в ловушке, но и в их смерти может быть что-то прекрасное».

Вдруг, вскочив, она принялась крутить ручку граммофона.

— Давайте послушаем музыку, — предложила она. — Это наша последняя ночь.

Пластинка стала медленно крутиться. Дети сидели молча, прижавшись друг к другу. Сквозь широко открытые окна на ночную улицу полились чарующие звуки «Итальянского каприччио» Чайковского.

На террасе виллы, прозванной «Белым домом», американцы, нанесшие первый сокрушительный удар по режиму Муссолини, заканчивали завтрак. Утром этого понедельника в Тунисе все предвещало благополучный исход дел. На другой стороне Тунисского залива вырисовывались контуры мыса Бон. Картофель, печеные бобы и крепкий кофе доставляли всем большое удовольствие, особенно когда они услышали последние новости. Утром, около восьми часов, в штабе главнокомандующего войсками союзников в Северной Африке генерала Дуайта Эйзенхауэра было получено известие о падении Муссолини.

Будучи солдатом, ненавидевшим войну, Эйзенхауэр был доволен. В первой половине дня он должен был принять участие в совещании старшего командного состава союзников в штаб-квартире в Амилкаре. На нем должен был быть рассмотрен вопрос о высадке войск на территорию самой Италии. Эйзенхауэр считал, что теперь Италии лучше всего выйти из войны «быстро и с честью».

Генерал поделился своим мнением с двумя своими собеседниками. Новый режим Бадолио будет, вне всяких сомнений, антинацистским. Поэтому политика его правительства окажет большое влияние не только на сицилийскую кампанию, длившуюся уже семнадцать дней, но и на всю войну в Европе. Эйзенхауэр предполагал репатриировать в Италию ПО 000 плененных на Сицилии итальянцев при условии, что они примут участие в сломе сопротивления итальянских фашистов и немцев на территории Италии. Ему не хватало связующего звена — передачи королевскому правительству предложения о высылке эмиссаров для ведения переговоров о мире.

Его компаньоны, оба — гражданские лица, покачали с сомнением головой. Будучи дипломатами, как Роберт Мерфи, представитель Франклина Делано Рузвельта в Северной Африке, так и Гарольд Макмиллан, человек с изысканными манерами,

представлявший Уинстона Черчилля, были единодушны: штаб союзников не обладал полномочиями на проведение политических маневров и инициатив. Поэтому до передачи подобного сообщения Эйзенхауэр должен был получить согласие объединенных начальников штабов в Лондоне и Вашингтоне.

— В прежние времена, когда не было быстродействующих средств связи, — вздохнул Эйзенхауэр, — генералы имели право поступать так, как считали необходимым.

Оба дипломата уважали генерала за его человечность, но не разделяли его мнения, что конец войны уже виден.

Макмиллан, слышавший об отставке Муссолини в последних известиях, переданных радиостанцией Би-би-си еще ночью, посчитал целесообразным разбудить генерала Гарольда Александера, командующего британской 15-й армейской группой. За столом у него разговоры о военных действиях не велись. Это вообще считалось проявлением плохих манер.

Мерфи тоже не проявлял большого оптимизма, исходя из перспективы ведения ожесточенных боевых действий на территории континентальной Италии.

Оперативники, проведя необходимые расчеты, доложили Эйзенхауэру, что вследствие недостатка переправочных средств и авиационной поддержки высадку на материк можно осуществить только после 7 сентября. Сама же операция будет, по их мнению, носить долгосрочный и рискованный характер с привлечением десятков тысяч войск, зарезервированных для вторжения в Северную Францию.

Что касается итальянцев, то две трети их армии были рассредоточены за пределами королевства, к тому же неизвестно, как быстро немцы смогут перебросить свои войска на угрожаемое направление.

— Итальянцы, по-видимому, запросят мира, — произнес Макмиллан, — но проблематично, как они его получат.

Эйзенхауэр решил, что не следует даром терять время, и попросил Макмиллана срочно телеграфировать в Лондон и Вашингтон для согласования проекта обращения к итальянскому народу плюс десяток простейших условий, которые можно было бы предложить Бадолио для достижения перемирия. Оттяжка решения и потеря времени могут привести к возникновению гражданской войны между фашистами и антифашистскими силами или же к боям между итальянцами и немцами. Необходимо предпринять любые усилия, чтобы убедить итальянцев в том, что решения Касабланкской конференции 1943 года, которые сам Эйзенхауэр считал «очень сложными и глупыми», — о безоговорочной капитуляции — не означают

позорного мира.

Будучи оптимистом и лидером, Эйзенхауэр, возвращаясь к вопросу о падении Муссолини, сказал с просветлевшим лицом, обращаясь к собеседникам:

— Боб и Гарольд, поверьте мне. Это означает конец всей этой чертовщины.

Глава 8
«Сохраните кровь дуче»

25 июля — 12 сентября 1943 года

Разве можно было назвать ужином то, что стояло на столе фельдмаршала: чашка бульона, салями, корнишоны и кружка пенящегося пива? Фельдмаршала Кессельринга, главнокомандующего вермахтом и шефа южного командования, обслуживал — отметил про себя штандартенфюрер Ойген Дольман — как и положено, один из офицеров в белых шерстяных перчатках. Еда мало беспокоила Кессельринга, ему вполне достаточно было полевой кухни. Прежде чем направиться в штаб-квартиру фельдмаршала в Фраскати — в ста километрах от Рима, — Дольман, личный представитель Гиммлера в Италии, крепко предварительно пообедал в Риме.

Расправившись с салями, Кессельринг отодвинул стул и перешел в комнату для отдыха на чашку кофе вместе со своим начальником штаба генерал-майором Зигфридом Вестфалем и гостем — генералом Куртом Штудентом, командиром 11-го авиакорпуса, ветераном Роттердама и Крита.

В обеденной комнате виллы девятнадцатого столетия Дольман оказался вместе с оберштурмбаннфюрером Хербертом Капплером, полицейским атташе посольства, и Отто Скорцени, долговязым австрийцем, прибывшим с генералом Штудентом. Странно, но в этот душный вечер 27 июля на Скорцени была летная куртка, отороченная мехом, со знаками отличия капитана военно-воздушных сил.

Обращаясь к обоим, Скорцени произнес:

— От имени фюрера должен просить вас поклясться, что все, что бы ни произошло далее, будет сохранено в строжайшем секрете.

У Дольмана и Капплера такое начало вызвало повышенный интерес. В 1943 году не многие молодые офицеры попадали в окружение Гитлера, а тем более удостаивались его беседы. За день до этого Скорцени получил специальное задание. Этот блондин, настоящий гигант, со шрамом на щеке со времен студенческой дуэли, должен был отыскать Муссолини.

В девять часов вечера 26 июля тридцатипятилетний Скорцени, гауптштурмфюрер войск СС, стоял перед Гитлером в его штаб-квартире в сосновом бору под Растенбургом в Восточной Пруссии впервые в своей жизни. В течение прошедших трех месяцев он был начальником секретной тренировочной школы VI

управления Главного управления имперской безопасности. Перемены, происходившие в Италии, его мало интересовали. В его задачу входила подготовка будущих агентов — от вопросов самообороны до осуществления саботажа.

— Муссолини, мой друг и добрый товарищ, — сказал ему Гитлер эмоционально, — обманут королем и арестован собственными земляками. Я не могу и не хочу оставить одного из великих сынов Италии в беде. Я хочу сохранить верность старому моему союзнику и дорогому другу — его необходимо срочно отыскать и выручить, или же он будет выдан союзникам.

Но это было лишь одним из пунктов задачи, которая привела Штудента и Скорцени в Италию, причем столь срочно, что из багажа у них были лишь зубные щетки, а из одежды — то, что было на них.

Хотя Бадолио и заверил немцев, что «война будет продолжена», Гитлер был уверен в отступничестве Италии. 25 июля в Италии находилось всего восемь немецких полнокровных дивизий, а уже 26 июля еще три дивизии спешно преодолевали Бреннерский, Тарвисский и Малый Сен-Бернарский перевалы. Операция под кодовым названием «Аларик», предусматривавшая массовое разоружение итальянской армии парашютистами Штудента, должна была в скором времени стать суровой реальностью.

— Проинформированы ли об этом фельдмаршал и Маккензен? — спросил Дольман у Скорцени.

Но тот лишь покачал головой. Гитлер подчеркнул, что ни армейское командование, ни посол не должны ничего знать о его миссии.

— У них в корне неправильное представление о ситуации, — проворчал фюрер, — и они сделают все не так.

Кроме присутствовавших в комнате, еще два человека во всей Италии будут знать о задаче Скорцени — генерал Штудент и оберштурмфюрер Карл Радль, помощник Скорцени.

Подкрепления были уже в пути. В течение сорока восьми часов на римском аэродроме Пратика-ди-Маре должны были приземлиться 10 000 десантников из состава корпуса Штудента. Скорцени тоже не терял время. Карл Радль, остававшийся в Берлине, собирал необходимые материалы, постоянно получая из штаб-квартиры фюрера телетайпные сообщения и телефонные звонки с кодовой фразой «Макароны подгорают».

Скорцени распорядился выслать ему два десятка отборных инструкторов из школы, говорящих по-итальянски, тропическое обмундирование, гражданские костюмы, оружие и глушители, веселящий газ, слезоточивый газ, аппаратуру, создающую

задымление, тридцать килограммов пластиковой взрывчатки, мешок фальшивых британских фунтов стерлингов и два комплекта одежды иезуитских священников. В назначенное время Радль с людьми и затребованным имуществом садился на борт транспортного самолета «Ю-52» на берлинском аэродроме Штаакен.

Капплер тут же задействовал свою агентурную сеть. До февраля 1943 года в Италии не было никакой немецкой секретной службы, поскольку Гитлер запретил ведение разведывательной работы против своего друга и союзника дуче. Но в феврале начальник VI управления Вальтер Шелленберг в нарушение приказа фюрера послал в Рим двадцативосьмилетнего австрийского профессора истории оберштурмбаннфюрера Вильгельма Хёттля в помощь Капплеру. В офисе Капплера они установили секретную радиостанцию, имевшую прямую связь с Берлином, о чем Маккензен не имел ни малейшего представления. Еще пять месяцев тому назад они предупредили свое руководство о неминуемом крахе Италии.

В аппарате Капплера было всего четыре человека, тем не менее он укреплял свои контакты ежедневно. И все же разыскать, где был упрятан Муссолини, было нелегкой задачей.

Скорцени передал ему слова фюрера: «Дуче необходимо разыскать, прежде чем его захватят союзники». Если его держали в какой-нибудь крепостной тюрьме, надо было разработать план ее штурма.

— Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы выполнить приказ, — завершил Скорцени свой инструктаж.

Еще в мае Капплер послал в Берлин донесение, к которому его непосредственный босс Эрнст Кальтенбруннер, шеф службы безопасности, и барон Адольф фон Штеенграхт, заместитель министра иностранных дел, отнеслись скептически. А он писал: «Фашизм подобен прекрасному дворцу с захватывающим дух фасадом, проеденным, однако, термитами. Достаточно легкого удара молотком, и он рассыплется в пыль».

Через три месяца, видя, что его предсказания становятся реальностью, Капплер разработал собственную концепцию, как поступить с Бенито Муссолини. Если он поможет найти того и освободить, это обеспечит ему замок на Рейне, золотую клетку, окруженную низкопоклонниками, но не даст власти.

Поскольку задача Скорцени заключалась в том, чтобы вновь посадить дуче в седло, Херберт Капплер решил, что никто в мире не найдет Муссолини. Когда они прошли мимо доков, никто не обратил на моряков особого внимания. В последнюю неделю августа 1943 года пребывание моряков германского военно-

морского флота в заспанной морской базе на острове Маддалена, расположенном к северу от Сардинии, стало обычным явлением. Оживленно разговаривая и неся узел грязных рубашек, завернутый в травяной мат, они направлялись, по всей видимости, в коттедж, находившийся на холме на окраине порта.

Одного из них местные жители знали как адъютанта и переводчика капитана Хунойса, немецкого коменданта порта. Он не пропустил ни одной таверны, в которых пил много и шумно. Гигант, шагавший рядом с ним, был здесь новым человеком, вероятно, из состава флотилии катеров, базирующейся в порте Анцио, на материке, в 350 километрах отсюда.

Лишь сотрудники VI управления, расквартированные вместе с десантниками Штудента на аэродроме Пратика-ди-Маре, смогли бы опознать в этих моряках оберштурмфюрера Роберта Варгера, бывшего тирольского альпиниста и непоколебимого трезвенника, и его начальника Отто Скорцени.

— Почему вы не доложили, что в виллу Вебер идут несколько телефонных линий? — сердито произнес Скорцени. — Подобные упущения могут привести к срыву всей операции.

У Скорцени были причины для недовольства. Дополнительная телефонная линия, которая не была учтена, была одной из типичных проблем, его занимавших. Он со своими людьми разыскивал Муссолини вот уже двадцать девять дней, но пока безрезультатно. Время от времени они вроде бы выходили на след, но он оказывался ложным. 10 августа капитан Хунойс с Маддалены доложил о неожиданном усилении гарнизона. Более того, телефонисты получили распоряжение от адмирала, начальника базы, чтобы из его офиса была установлена прямая телефонная связь с виллой Вебер, независимая от центрального коммутатора. По слухам, на этой вилле в 3.30 ночи 7 августа появился дуче, доставленный на остров на эсминце «Пантера». Вилла охраняется 150 карабинерами.

Теперь, если все пойдет хорошо, день «икс» будет назначен на 6 часов утра 28 августа. Накануне в порт прибудут шесть катеров с официальным визитом и станут на якорь у мола. Одновременно флотилия тральщиков и минных катеров, посадив на борт добровольцев Корсиканской бригады СС, будет ожидать сигнала к отплытию в Палау. С ними будет находиться Карл Радль.

На рассвете обе флотилии выйдут в море на учения. По сигналу катера откроют заградительный огонь, а диверсионно-десантный отряд с тральщиков начнет штурм виллы Вебер.

План, доложенный Гитлеру и одобренный им, требовал полнейшей синхронизации по времени. Итальянские зенитные батареи на холмах вокруг гавани должны быть в случае

необходимости подавлены огнем корабельной артиллерии. В портовых казармах размещались 200 морских курсантов, проходящих на острове учебную практику. Следовательно, необходимо было предусмотреть обеспечение и этого фланга. Как только Муссолини окажется на борту катера, специальная команда должна быстро установить заграждение на выходе из порта.

В присутствии дуче на вилле Вебер сомнений у них не было. Вначале Варгер противился распоряжению Скорцени отказаться в интересах дела от своих давних привычек. Тогда Карл Радль сказал ему:

— Видел ли кто-нибудь когда-либо трезвого моряка? Запасясь вином и коньяком, оба принудили его к послушанию.

— Дорогой друг, — стали они втолковывать Варгеру после первой рюмки, — все не так плохо, как ты думал.

Под их руководством он быстро вошел в роль. Через два дня после прибытия на Маддалену он даже предложил пари на бутылку коньяка, что дуче мертв.

Тогда его привели в дом, расположенный по соседству с виллой Вебер, и, не говоря ни слова, ткнули пальцем. На узкой террасе виллы, в западном ее крыле, на деревянном стуле сидел Бенито Муссолини, смотря на море.

Для проведения операции надо было решить еще целый ряд тактических проблем. С борта тральщика, когда тот сделал разворот в гавани, Скорцени сделал скрытно несколько снимков виллы. С внешней ее стороны был задействован подвижный патруль и рядом установлен пулемет. Однако высокие стены забора не позволяли видеть происходящего во дворе. Для этой цели и было придумано посещение прачечной, расположенной выше виллы, с узлом грязных капитанских рубашек.

Пока Варгер выкладывал белье на стол, Скорцени напросился в туалет.

— Наверное, я схватил дизентерию, — пояснил он, корча гримасу как от боли. — В желудке творится что-то невероятное.

Женщина стыдливо извинилась за свой бедный дом. Тогда в разговор вмешался Варгер, сказавший своему компаньону:

— Метрах в пятидесяти от дороги я видел каменную расщелину. Иди туда, а я подожду здесь.

Припадая к скалам и приспустив для достоверности брюки, Скорцени внимательно рассматривал виллу Вебер. Стены ее были украшены терракотовыми львами и орлами. Муссолини видно не было, вероятно, у него был полуденный отдых, но на террасе находилось не менее двух десятков человек охраны. Скорцени задумался: «Может быть, дуче не разрешается находиться на

террасе?»

Даже теперь ему не верилось, что он находится столь близко от Муссолини. Вот уже три недели он следует за передвижениями дуче, каждый раз немного опаздывая. Вначале в офис Капплера на улице Виа Тассо пришло сообщение, что Муссолини совершил самоубийство. Чтобы разобраться во всем, Скорцени, Радлю, Капплеру и Дольману потребовалось около восьми часов за кофе и сигаретами. Во втором сообщении говорилось, что Муссолини находится в одной из клиник и смертельно болен. Были и слухи о том, что он якобы находился в Испании в качестве почетного гостя генерала Франко, а также — что он отправлен рядовым на сицилийский фронт.

Отмечая шестидесятилетие со дня рождения Муссолини — 29 июля, — Гитлер прислал собрание сочинений Ницше в обложках из голубой марокканской кожи. — Вы должны лично проследить за тем, — передал Штудент Кессельрингу слова фюрера, — чтобы дуче получил подарок.

Кессельринг обратился к королю и Бадолио, но те ответили лишь, что «Муссолини жив и здоров и находится под личной защитой короля». Бадолио обещал, что передаст подарок фюрера адресату.

4 августа информатор из штаба карабинеров сообщил Капплеру, что Муссолини находится всего в часе езды от казармы Подгора. На санитарной автомашине он доставлен оттуда в казарму карабинеров Легнано и помещен в комнату ожидания командира части.

А в одном из римских ресторанов Карл Радль разговорился с неким поставщиком продовольствия на побережье в район Гаэты, в 170 километрах к югу от Рима. Так вот он слышал от немецкого унтер-офицера, крутящего любовь с местной девушкой, что «весьма высокопоставленный заключенный» направлен на днях в тюрьму на остров Понца — в сорока километрах от побережья.

Буквально через несколько часов этот унтер-офицер был доставлен к генералу Штуденту, затем отправлен в ставку Гитлера «Волчье логово». Там он рассказал фюреру то, чему был свидетелем. В полночь 27 июля по пустынным из-за воздушного налета союзников улицам Гаэты к порту подъехал кортеж из шести автомашин. Из закрытой машины в сопровождении полицейских агентов вышел дуче и ступил на борт корвета «Перзефоне». В это же время источник, близкий к Рашель, находящейся под домашним арестом на вилле Рокка-делле-Каминате, сообщил, что она передала два чемодана с одеждой дуче некоему рыбаку, плававшему между островом Понца и материком.

Однако Гитлер, внимательно изучивший карту, пришел к выводу, что скорее всего речь идет о соседнем острове Вентотене, почти недосягаемом, когда дует сирокко из Африки.

— Никаких хороших вестей из этой проклятой Италии, — в сердцах чертыхнулся фюрер.

Ежедневно досье в голубой обложке с надписью «Документы государственной важности», хранившееся в сейфе Капплера, пополнялось новыми бумагами. От Генриха Гиммлера из Берлина пришло сообщение, что дуче покинул Понцу и на борту линейного корабля «Италия» доставлен на остров Специя, находящийся почти в шестистах километрах от Понцы. Скорцени знал, что Хайни, как они звали своего шефа, собрал лучших астрологов, угостив их шампанским и русской семгой, чтобы они определили местонахождение дуче.

— Подшей эту бумагу и забудь о ней, — сказал Скорцени Капплеру, — вместе с сообщениями, что Муссолини находился одновременно на острове Капрера, западнее Сардинии, и в больнице монастыря Святой Марии.

И вот пришло сообщение с Маддалены.

Поспешив назад, Скорцени увидел, что Варгер мирно беседовал с каким-то карабинером из охраны. Поговорив о фруктах, девушках и вине, он как бы между прочим сказал, что по немецкому радио утром было передано сообщение о смерти дуче от лихорадки. Карабинер ответил, что это — самые настоящие враки.

— Мне известны подробности его болезни, — вмешался Скорцени. — Мне их рассказывал знакомый врач.

— Нет, нет, синьор, — возразил карабинер, — это не так. Сегодня утром я лично сопровождал дуче и видел его собственными глазами. Мы посадили его в белый самолет с красными крестами, и он улетел.

Выйдя из прачечной, Скорцени внимательно осмотрелся. Слова солдата подтверждались. Под их ногами виднелась гавань, ярко освещенная солнцем. Но гидросамолета, стоявшего там у причала всю последнюю неделю, видно не было. А с исчезновением самолета исчезла и надежда на освобождение Бенито Муссолини.

Почти в тысяче километров к северу от Маддалены два человека сидели на берегу озера Штарнберг под Мюнхеном, смотря на рябь на его водной поверхности.

— Скажите мне честно, — вдруг спросил Чиано своего компаньона. — Обещаю, что не обижусь. Кто я — ваш пленник или гость?

Оберштурмбаннфюрер Вильгельм Хёттль раздумывал, как

ему ответить. Вот уже несколько дней чета Чиано с детьми находилась на вилле Штарнберг на берегу одноименного озера. Проблема заключалась в том, что австриец и сам толком не знал, был ли он тюремщиком, следователем или добрым и гостеприимным хозяином для них. По прошествии четырех дней он ожидал прибытия Генриха Гиммлера, который расставит все по своим местам.

В девять часов утра 27 августа, когда семья Чиано садилась в транспортный самолет «Ю-52» на римском аэродроме Чиампино, Хёттль, по крайней мере, знал свою задачу. По прямому указанию Гитлера он являлся сопровождавшим лицом, выполнявшим указание «сберечь кровь дуче в венах его внуков».

Правительство Бадолио содержало Джалеаццо Чиано под домашним арестом, но для опытных Хёттля, Капплера и Дольмана это не представляло слишком большого препятствия. В 8.15 утра Эдда с детьми, обладавшие свободой передвижения, вышли из дома на прогулку, якобы решив покататься на лодке по Тибру. За ближайшим же углом их поджидала автомашина Хёттля. Сам Чиано впрыгнул в спортивную автомашину, притормозившую у тротуара на соседней улице.

В инструкциях Хёттля ничего не говорилось о Чиано. Эдду же следовало беречь как зеницу ока.

Пять часов полета были чистейшим кошмаром. На высоте около 9000 метров над Альпами было очень холодно, и ребятишки буквально посинели. Хёттль осушил две бутылки коньяка, врученные ему Скорцени. На Чиано и его жену, однако, холод не оказывал почти никакого воздействия. Перед самым отлетом молодой граф достал из карманов золотые браслет и кольца и надел их на руки, переложив при этом золотой портсигар. Эдда стала копаться в рюкзачке дочери, проверяя свои табакерки, шпильки, брошки и драгоценности.

Приземлившись в Мюнхене, Хёттль вздохнул с облегчением, считая, что его миссия на этом окончена. Но это оказалось4не так. По прибытии на виллу Штарнберг, где их ожидали повар и горничная, ему было вручено письменное предписание Гиммлера оставаться на вилле и ждать дальнейших инструкций.

И вот теперь Чиано задал ему вопрос, следует ли им считать себя пленниками или гостями.

Гиммлер не давал указаний относиться к ним как к пленникам. Дочь Муссолини, естественно, могла передвигаться свободно, но как быть с ее мужем? Инстинктивно Хёттль относился к нему радушно и спокойно. Заручившись разрешением шефа службы безопасности Эрнста Кальтенбруннера и получив бонус министерства экономики, Хёттль повез семью в

Мюнхен в меховой магазин Шобера. Там же, пока Эдда дебатировала о достоинствах каракуля и белки, Чиано вдруг исчез.

Хёттля охватила паника, и он стал спешно обходить отделы салона, пока не обнаружил «беглеца» в примерочной кабине.

Эсэсовец резко сказал Чиано:

— Ради Бога, поднимите воротник вашего плаща и наденьте черные очки — ведь никто не знает, что вы находитесь в Германии.

В тот же вечер Чиано, недовольный пищей, приготовленной поваром, надел фартук и приготовил ужин сам, затем отправился спать.

И вот Хёттль случайно узнал о существовании знаменитого дневника Чиано. Во время одного из вечерних разговоров между Эддой и Чиано, в которых они обменивались почти ничего не значащими словами, не затрагивая последствий союза Италии с Германией, Эдда сказала:

— А ведь в течение долгих лет мы вели подробный дневник, записывая все, представлявшее какой-либо интерес. И целый ряд событий имеет несомненную историческую ценность.

Услышав ее слова, Хёттль забеспокоился. Если графиня говорит правду, то в дневнике Чиано должны быть записи о недомыслии и безрассудстве Иоахима фон Риббентропа, о чем сам Хёттль и его шеф Кальтенбруннер давно догадывались.

Хёттлю и Кальтенбруннеру было ясно, что военные действия союзников будут развиваться в северном направлении — Италия, а затем и Альпы. В результате этого Третий рейх окажется между молотом и наковальней. Муссолини можно спокойно оставить союзникам, к тому же его трудно обнаружить. Пока Риббентроп возглавляет министерство иностранных дел, каши, как говорится, не сваришь. И Хёттль увидел реальную возможность дискредитировать его в глазах фюрера с помощью дневниковых записей Чиано.

Когда он попытался прощупать этот вопрос через Эдду, Чиано проявил осторожность.

— Думаю, что не стоит беспокоить полковника нашими личными делами, дорогая, — резко оборвал он супругу.

Видя, однако, что Хёттль пытается выяснить кое-какие подробности, Чиано понял, что ему представляется шанс заключить своеобразное соглашение. За оказанную услугу дневники будут депозитированы в одном из швейцарских банков. Под услугой Чиано подразумевал получение паспорта для себя и семьи для выезда в Аргентину или Испанию.

Кальтенбруннер одобрил сделку, и паспорта были готовы. Но

вот Эдда стала настаивать на поездке в Растенбург, чтобы встретиться со старым другом и союзником отца. Гитлер уже знал, что Чиано находится на озере Штарнберг: мюнхенское гестапо опознало его в парикмахерской города и доложило своему руководству. Гитлер откладывал встречу до тех пор, пока генерал Штудент не обнаружит дуче. Да и Хёттль опасался, что визит Эдды прольет свет на их задумку.

Она совсем забыла, что 1 сентября было днем ее рождения, но Адольф Гитлер вспомнил об этом. На ее полированном столике из орехового дерева в салоне гитлеровского поезда лежали два огромных букета ярко-красных роз. Поезд находился на стоянке, имеющей кодовое название Гёрлиц, в трех минутах езды по лесу от бункера фюрера, где размещались жилые помещения и комната для работы с картами.

Гитлер, что было для него не совсем обычно, вел разговор односложно. 28 июля к нему прилетел Витторио Муссолини с просьбой помочь отыскать отца. Поэтому беседу поддерживали Эдда и Риббентроп.

За несколько минут до этого Витторио встретился с сестрой около поезда и сильно расстроился.

— Ты, видимо, сошла с ума, что приехала сюда! — сказал он, вместо приветствия. — Ты не могла сделать более неудачного выбора.

Четыре недели, проведенные в Германии в обществе представителей старой гвардии фашистов, бежавших из Италии после 25 июля, таких, как Гуидо Буффарини-Гуиди и Роберто Фариначчи, показали ему, что Джалеаццо Чиано вызывал у них нескрываемую ненависть и презрение.

К своему ужасу Витторио услышал, как сестра конфиденциально заговорила о предстоящей поездке в Испанию, будто бы Гитлер был ее транспортным агентом. Вполне возможно, что там они будут жить раздельно: граф собирался заняться написанием мемуаров. Она даже сделала деловое предложение: если фюрер обменяет шесть миллионов лир на песеты, Третий рейх сможет заработать на разнице курсов.

Риббентроп сделал вид, что не понимает ее. Разве Чиано недоволен своим размещением?

— Жилье графа — одно из лучших и соответствует его положению, — произнес он холодно. — Для чего ехать в Испанию? В Германии ему будет обеспечена полная безопасность, и он спокойно сможет ожидать нашу верную и неизбежную победу.

Риббентроп вполне отчетливо представлял, какой материал может быть опубликован в мемуарах Чиано, поэтому настаивал,

чтобы граф не покидал территорию, контролируемую немцами. Не догадываясь, что Кальтенбруннер его ненавидит, он признался шефу службы безопасности: если Чиано окажется за границей, то «непременно учинит какое-нибудь свинство против него, Риббентропа». Риббентропа поддержал Йозеф Геббельс.

— Не пройдет и месяца, как этот грязный скандалист начнет что-нибудь писать против нас, — предупредил он.

Витторио, протянув руку к сигаретнице, стоявшей на столике, заметил, что Эдда занервничала. Вспылив, она сказала, что им должны разрешить выехать в Испанию. Гитлер ничего не ответил. Но Риббентроп решительно покачал головой, бросив:

— Об этом не может быть и речи.

— Стало быть, мы — пленники, — крикнула Эдда, адресуясь к Гитлеру. — Что с вами со всеми происходит? Война уже проиграна, разве вы этого не понимаете? Давно пора начать переговоры с Россией о мире.

Вдруг щека Гитлера стала нервно подергиваться.

— Разве можно смешивать огонь и воду? — хрипло произнес он. — Нет, никогда! Мы будем сражаться в степях России, в городах России до последнего патрона и последнего человека — против коммунизма!

Когда он поднялся, показывая этим, что беседа закончена, Витторио украдкой посмотрел на часы. Прошло пятнадцать минут, которые показались ему часом.

Лес был темным, в нем было жарко и пахло смолой, несмотря на свежий ветерок с Балтики. Казалось, что за каждым деревом скрывались охранники. Не говоря ни слова, Эдда и Витторио мяли в руках сигареты. Теперь они знали правду: Чиано оказался в западне.

Виски называлось «Джонни Уокер» с черной меткой. Подобно огненной жидкости, виски обожгло горло итальянского генерала, никогда ранее не пившего ничего подобного. Рукопожатия были долгими и крепкими. В 5.15 вечера в пятницу 3 сентября генерал Джузеппе Кастеллано подписал по поручению маршала Бадолио соглашение о перемирии, выводящем Италию из войны. Сам генерал Эйзенхауэр с теплотой потряс его руку.

У Эйзенхауэра было достаточно причин быть довольным. Для него эта война была «большим крестовым походом» по освобождению Европы раз и навсегда от жестоких уз стран «оси». Сидя в пыльной палатке, расположенной в оливковой роще в Кассибиле, неподалеку от Сиракуз, освещенной единственной электрической лампочкой, получавшей ток от генератора, он был свидетелем триумфального окончания одного из этапов вышеназванного похода. Одетый в голубой гражданский костюм

Кастеллано присел за обыкновенный походный стол, накрытый войлочным покрывалом, чтобы подписать отпечатанный на пишущей машинке меморандум из двенадцати пунктов, которые он знал почти наизусть. Сидевший напротив за столом генерал Уолтер Беделл Смит, отличный начальник штаба Эйзенхауэра, поправил очки в тяжелой роговой оправе, прежде чем поставил свою подпись.

В результате подписанного соглашения итальянский военно-морской флот и авиация плюс 45 000 добровольцев из армейских подразделений должны были через несколько недель перейти на сторону союзников, а 13 октября Бадолио намеревался объявить войну Германии.

В течение трех недель до подписания меморандума Кастеллано под именем «командира Раймонди» несколько раз выезжал из Рима в Лиссабон для ведения переговоров с представителями союзников. И это беспокоило Эйзенхауэра. Беделл Смит, представлявший его в Лиссабоне, и бригадный генерал Кеннет Стронг, начальник британской разведки, сняли по его предложению требование о капитуляции итальянцев как слишком жесткое. Для Италии выход из состояния войны был более приемлемым.

Действуя по инструкциям Черчилля и Рузвельта, Эйзенхауэр должен был добиться от итальянцев не только подписания «временного перемирия», но и «длительного мирного договора» с сорока четырьмя пунктами, которые надо было еще подработать. Стремясь взять под контроль союзников политические, экономические и финансовые аспекты деятельности Италии, политики опасались, что Бадолио может отказаться от поддержки их планов — а его поддержка была жизненно важной для проведения высадки союзнических войск на континент, — когда узнает, что скрывалось за ними в действительности. С солдатским пренебрежением к политике Эйзенхауэр заклеймил такие попытки как «нечестную сделку». По этой причине он прибыл в Кассибиле. Не желая, однако, подписывать документ и предоставив это право своему начальнику штаба, он тем не менее сердечно пожал руку итальянцу, «попытавшемуся выйти из создавшейся ситуации по-мужски».

Желая избежать последнего акта драмы, Эйзенхауэр, нагнувшись, вышел из палатки и вдруг сорвал свисавшую над входом оливковую ветвь. Через двадцать столетий она вновь стала символом мира.

Оставшись в палатке, Беделл Смит молча протянул Кастеллано папку с мирными условиями, подготовленными госдепартаментом и министерством иностранных дел. Генерал,

видимо, ожидал, что должно было произойти еще нечто. В статье 12 «временного перемирия» было сказано: «Другие условия политического, экономического и финансового характера, которым Италия будет обязана следовать, должны быть вручены несколько позже».

Но ничего подобного он не ожидал. Прочитав жесткие условия мира, он даже пошатнулся.

В статье 29, например, черным по белому было написано: «Бенито Муссолини… должен быть арестован и передан в руки союзников…»

Под его ногами в четырех километрах от Адриатического побережья Ортоны стоял на якоре корвет «Байонетта» (642 тонны водоизмещением), слегка покачиваясь на легкой зыби. Прямо перед ним, как он надеялся, находилось надежное убежище в таком безопасном уголке Италии, куда не дойдут немецкие распоряжения. Он просил разрешения направиться в Тунис или на Сицилию, но король ему это запретил. За ним лежала в хаосе его страна — генералы не получали точных распоряжений, столица не защищена, армия подвергнута дезинтеграции, солдаты дезертировали, направляясь по домам на попутных грузовиках и поездах.

Но сам маршал Пьетро Бадолио, герцог Аддис-Абебский, был в полной безопасности — в сером гражданском костюме и мягкой шляпе. В полночь 9 сентября он оказался здесь после девятнадцатичасового переезда из Рима. Последним человеком, о котором он подумал, был Бенито Муссолини. Его отъезд был столь стремительным, что он не оставил никакого письменного распоряжения, касающегося судьбы дуче.

В 6.30 вечера 8 сентября он был напуган радиосообщением Эйзенхауэра из Алжира, что перемирие вступило в силу. В соответствии с договоренностью оставалось шесть часов до начала высадки войск союзников численностью 169 000 человек в районе Салерно, в шестидесяти пяти километрах южнее Неаполя. Эйзенхауэр подал сигнал, напоминавший, что Бадолио, в свою очередь, должен был выйти в эфир. И хотя он дрожащим голосом произнес что-то не совсем членораздельное, ему было ясно: расчет его на 12 сентября не оправдался. Перед отдачей приказа армии на вступление в боевые действия ему было точно известно о предстоящей высадке пятнадцати дивизий союзников на участке от Легхорна до Анконы. Для Бадолио и короля оставался единственный выход: бежать, предоставив Рим его судьбе.

Начиналась жалкая глава в истории Италии. Рано утром в 5.10 9 сентября от дворца Видони, где размещалось военное министерство, отъехал кортеж из семи автомашин. В передней, с

синим флажком и с пятью золотыми звездами на капоте — символом савойского дома, ехали король, одетый в длинный военный плащ, доходивший ему до пят, с простым фибровым кейсом в руках, королева Елена и два адъютанта. За ними следовали машины с Бадолио, герцогом Акваронским и группой генералов и офицеров. Был среди них и кронпринц Умберто, уверенный, что его жена принцесса Мария-Джозе уехала с детьми в Швейцарию, и постоянно повторявший: «Какое позорное бегство».

Конечно, Умберто, как солдат, подчинялся приказу короля, но его и других шокировал неприкрытый ужас Бадолио. Не успели они тронуться, как автомашина Бадолио сломалась, и он пересел к Умберто. Маршал буквально дрожал от утреннего холода. Умберто снял с себя генеральскую шинель и передал Бадолио. Как потом вспоминал Умберто, маршал поднял воротник, чтобы не было видно знаков различия.

— Немцы поснимают со всех нас головы, — произнес он несколько раз, проводя пальцем поперек горла.

Хотя Бадолио и не знал об этом, риск был минимальным. В хаосе, последовавшем за объявлением перемирия и высадкой войск союзников, немецкие патрули даже не обратили на них внимание, а фельдмаршал Кессельринг предусмотрительно не отдал распоряжений о их задержании. Однако и король и генералы нервничали весь день, будучи убежденными, что немцы следуют за ними по пятам. В Креччио, в трехстах километрах от Рима, Умберто решил сделать остановку, рассчитывая на убежище в замке старых друзей — герцога и герцогини Бовио, Проехав тридцать километров, в Пескаре в машину короля пересел герцог Акваронский, указывая дорогу.

В ближайшем аэропорту находилось до сотни самолетов, но ни один из них не был готов к вылету. Адмирал Рафаэле де Коуртен, командующий флотом, доложил, что в шестидесяти километрах от Пескары под Ортоной на якоре стоит корвет «Байонетта», на который король решил погрузиться ночью. Пока же королевское семейство остановилось в замке Бовио, где за обедом и ужином было съедено двадцать восемь цыплят.

Маршал Бадолио с ними не поехал, оставшись в баре аэропорта, где сидел, куря сигарету за сигаретой и выпив множество чашек кофе. В восемь вечера де Коуртен, оставшийся для поддержания радиосвязи с корветом, доложил ему, что «Байонетта» готова к отплытию. Это был шанс, которого маршал ожидал. В полночь — в назначенное время встречи под Ортоной — Бадолио уже три часа находился на корвете.

В порту царил полнейший хаос. Более семидесяти автомашин

были припаркованы у пирса. Около 250 человек — офицеры, водители, ординарцы, из которых вообще не более четверти могли рассчитывать сесть на корвет, — толпились в темноте, освобождаясь от формы и лишнего груза. Для переправы на корабль были поданы два четырехтонных катера, сквозь перестук моторов которых слышались голоса:

— Давай, пошли, да поскорей, и не навлекайте на нас бесчестие.

Не получив никаких известий от Бадолио, король к 12.40 ночи потерял терпение и приказал добираться до корвета на рыбачьем катере «Литторио», водоизмещением всего шесть тонн.

Всю ночь «Байонетта» шла курсом на юг. Король и королева спали на палубе в креслах. Крейсер «Сципионе» составил им эскорт. Корабельное радио принесло известие, что немцы ввели в действие операцию «Аларик», и от Рима до Милана итальянские войсковые подразделения одно за другим капитулировали.

— Это все выдумки, которым я не верю, — заявил Бадолио, вновь обретя хорошее настроение.

В 4 часа утра 10 сентября «Байонетта» подошла к Бриндизи, в пятистах километрах южнее Ортоны. Де Коуртен связался с начальником порта адмиралом Рубартелли и договорился о принятии корвета, умолчав о пятидесяти семи весьма важных пассажирах.

Когда адмирал Рубартелли взобрался на борт корабля, он был изумлен, увидя перед собой короля Италии. Виктор-Эмманиул, вместо приветствия, спросил его:

— Есть ли немцы в Бриндизи? А англичане?

— Ни тех, ни других нет, ваше величество.

— Очень хорошо, тогда пошли, — промолвил король.

Герберт Капплер был очень расстроен. Операция «Аларик» стала свершившимся фактом, итальянские войска в основном разоружены, король и его министры сбежали, большинство членов большого совета находились в бегах. Капплера осенила отличная, как он думал, идея: ведь Гитлер не станет восстанавливать Муссолини у власти. В 3 часа утра 11 сентября, проезжая по пустынным римским улицам на своем «фольксвагене», он был почти уверен, что знает, где скрывался дуче. Но этого «почти» было явно мало для генерала Курта Штудента.

Рядом с Капплером в машине сидел Карл Радль — Скорцени номер два. Он, как бы догадавшись, о чем думает Капплер, сказал:

— Штудент не рискнет начать акцию, пока мы не будем уверены.

Молча они оба обдумывали имеющиеся у них сведения. По сути дела, сам Штудент дал им последнее связующее звено — толчок к размышлениям после неудачной попытки Скорцени на Маддалене. Чтобы разобраться, куда же вылетел этот таинственный гидросамолет с красными крестами, он навестил эскадрилью морских самолетов «Ю-52», дислоцирующуюся на озере Браччиано в шестидесяти пяти километрах севернее Рима. За чашкой кофе командир эскадрильи рассказал, что еще до полудня 27 августа спасательный итальянский самолет приводнился в одном из заливов озера. Из него вылез Муссолини, тут же севший в санитарную автомашину, которая направилась в сторону Рима.

В который раз дуче, подобно героям детективов, исчез в клубах дорожной пыли.

И тут Капплеру повезло. Будучи страстным фотолюбителем, он ранним утром часто выезжал на старую Аппиеву дорогу, чтобы пополнить свою коллекцию слайдов и заодно встретиться с информатором из министерства внутренних дел. 1 сентября тот передал ему копию радиограммы, в которой говорилось: «Меры безопасности в Гран-Сассо приняты».

Капплер и Скорцени запросили карты. В ста сорока километрах восточнее озера Браччиано начинались склоны гор Монте-Корно, высочайшей вершиной которых была Гран-Сассо, покрытая снегом и достигающая высоты 3000 метров над уровнем моря, — высочайшая вершина Итальянских Апеннин. У ее подножия располагалось плато высотою 2150 метров, простиравшееся на двадцать пять километров на юго-запад, называемое Кампо-Императоре и являвшееся излюбленным местом горнолыжников. К единственной гостинице от деревни Ассерджи был проложен фуникулер длиною немногим более 1000 метров.

События после этого разворачивались довольно быстро. Агенты Капплера докладывали, что в Ассерджи размещено на постой много карабинеров. На всех дорогах, ведущих в деревню, установлены контрольные посты. Местные жители пожаловались, что обслуживающий персонал гостиницы «Кампо-Императоре» был выгнан без предупреждения, чтобы освободить место для дуче. Капплер разослал по всем туристским агентствам своих людей для приобретения проспектов гостиниц и туристических карт. Но как ни странно, вся такая литература исчезла с прилавков.

Штудент, в свою очередь, предпринял некоторые шаги, поставив перед лейтенантом Лео Крутофф задачу подыскать подходящие места для размещения больных малярией.

— На Гран-Сассо имеется гостиница, — сказал Штудент. — Независимо от обстоятельств вы должны лично ее обследовать. И не допустите, чтобы вас оттуда выставили.

Когда он намекнул, что там может находиться некое высокопоставленное лицо, Крутофф понял, как ему следует действовать.

На станции фуникулера в долине Ассерджи Крутофф встретил холодный прием карабинеров. На просьбу подняться наверх ему ответили:

— Это невозможно!

Назвав себя и цель своей миссии, медик стал настаивать наличной встрече с офицером, отвечающим за гостиницу. Тогда унтер-офицер снял трубку старомодного настенного телефона и стал в нее кричать. Положив резким движением трубку на рычаг, он сказал лейтенанту:

— Синьор, если вы немедленно отсюда не уберетесь, я буду вынужден вас арестовать.

Возвратившись в Рим, он доложил обо всем Штуденту. Тот задумчиво кивнул, затем улыбнулся и отпустил медика. Вне всякого сомнения, дуче держали в заключении в этом горном лесном массиве. Но ведь его опять могут куда-либо перевести. Никаких планов по спасению дуче пока не было, но имелось ли у него достаточно оснований для того, чтобы дать, как говорится, зеленый свет?

Когда «фольксваген» подъезжал к площади Виминале, такой же вопрос стоял и перед Радлем и Капплером. В этот момент они заметили группу офицеров перед зданием министерства внутренних дел. В их окружении находился мужчина средних лет со щеткой усиков над верхней губой, в гражданской одежде.

— Это же ведь генерал Солети, один из начальников карабинеров, — узнал его Капплер.

— А почему бы его не спросить, где находится Муссолини, — подал мысль Радль.

И Капплер решил пойти на блеф. Остановив машину около Солети, он дерзко спросил того:

— А где сейчас Муссолини?

— Я не знаю, — ответил Солети.

На губах Капплера появилась скептическая улыбка, и он сказал, не спуская глаз с генерала:

— Вы лжете.

Наступила небольшая неловкая пауза, и Солети через несколько мгновений произнес:

— Хорошо. Я знаю, где он был вчера, поскольку посылал продукты в гостиницу «Императоре».

Не сказав ни слова, Капплер сел в автомашину. Как только они немного отъехали, Радль промолвил:

— Я бы взял этого генерала в Гран-Сассо, но только в форме.

Было уже поздно, когда лейтенант Элимар Майер-Венер вошел в комнату для инструктажа. В воскресенье 12 сентября с опозданием почти на пять часов — в одиннадцать вечера — в Пратика-ди-Маре приземлились первые буксируемые планеры «Хе-126», затребованные из Марселя. Установив на стоянке свой планер, молодой пилот поспешил на инструктаж к генералу Штуденту. Сев молча на свободное место, Венер услышал к великому своему удивлению слова генерала:

— Еще раз подчеркиваю, что мы вынуждены проводить эту операцию на основе не проверенных точно данных. Последняя информация о Гран-Сассо имеет полунедельную давность…

В комнате находилось тридцать шесть человек — пилоты самолетов-буксировщиков, пилоты планеров, десантники, — слушавших генерала молча. С возрастающим волнением Венер вникал в то, что говорил Штудент:

— Совсем неясно, там ли находится Муссолини в настоящее время…

«Каким же образом Муссолини попал в такое положение?» — думал Венер. А ведь их первый парашютно-десантный полк должен был быть направлен в Салерно для участия в боях с американцами. Несколько уточнений шепотом, и только что прибывший летчик был в курсе дел. Им предстояло участие в одной из рискованных операций войны. В 12.30 пополудни двенадцать планеров «Хе-126» будут отбуксированы самолетами «ДФС-230». На каждом планере должны находиться десять десантников и эсэсовцев Скорцени. Через час полета на высоте 1200 метров над Гран-Сассо планеры опорожнятся, и 108 человек будут предоставлены сами себе. Как-то их встретят суровые горы и охрана Муссолини?

Голос Штудента звучал хотя и на высоких нотах, но по-отечески.

— Не нервничайте понапрасну — эта операция будет протекать, как маневры мирного времени… Все будет столь неожиданно, что итальянцы, скорее всего, даже не успеют выстрелить. Вам следует только сконцентрироваться, чтобы благополучно приземлиться в нужном месте…

Стоя у настенной карты, генерал наблюдал, как пилоты обменялись взглядами. Сам бывший планерист, потерпевший аварию в 1920 году, он знал, что они сейчас чувствовали. Перед ним стояла дилемма. Нападение на станцию фуникулера в долине отпадало, так как карабинеры тут же вывели бы из строя

подвесную дорогу. Авиационная разведка показала, что и о десантировании не могло быть и речи, так как воздушные потоки отнесли бы большинство парашютистов в ужасные горные расщелины. Погодные условия ограничивали и применение планеров: технические эксперты предсказывали до восьмидесяти процентов потерь.

Слово взял офицер разведки Штудента — капитан Герхард Ланггут. В соответствии с запретом Гитлера на ведение разведки в Италии, до 8 сентября, дня вступления в силу перемирия, не было сделано никаких аэрофотосъемок района Гран-Сассо. В последующие же дни Ланггут и Скорцени провели два облета местности на «Хе-111». Во время первого угол съемки оказался неудачным, да и высота была довольно большой — около 1500 метров. Результаты второго погибли вместе с лабораторией во время бомбардировки союзниками штаб-квартиры Кессельринга в Фраскати. Экспертам, однако, удалось изготовить несколько грязный отпечаток размерами 20 х 20 сантиметров, который и был показан пилотам.

Приглядевшись повнимательнее, Венер понял, что местность там весьма сложная. В левом углу — грязное пятно, по всей видимости, гостиница, белая железобетонная терраса которой, выходящая на юг, оканчивается фуникулером. Все остальное представляло собой лунный ландшафт с нерезкими контурами, прорезаемый белыми потоками воды, текущей в самых разных направлениях. Только к западу просматривался небольшой участок предположительно гудронированной дороги, на которую и можно было бы совершить посадку.

Отто Скорцени методично разбирал детали операции с лейтенантом Отто фон Берлепшем, командиром семидесяти пяти десантников. Ланггут, видевший объект хоть и издали, полетит в навигационной кабине первого планера. На первом и втором планерах должны находиться десантники Берлепша, на третьем и четвертом — эсэсовцы в форме офицеров военно-воздушных сил во главе со Скорцени и Радлем соответственно. В их задачу входили штурм и овладение гостиницей, а также разоружение карабинеров. Одновременно десантники во главе с майором Отто Харальдом Морсом должны будут захватить станцию фуникулера в Ассерджи. Если дуче будет обнаружен, ответственность за его безопасность Штудент возложил на Скорцени.

Никто не должен был произвести ни одного выстрела до сигнала красной ракетой. В случае срыва плана операции оставшиеся в живых десантники должны были оттеснить итальянцев вниз, применив мортиры и пулеметы. В нужный момент свою роль сыграет генерал Фердинандо Солети, хорошо

известный карабинерам, который полетит в планере Скорцени.

Карлу Радлю, сидевшему рядом с Солети на инструктаже, казалось, что тот был самым спокойным человеком из всех присутствовавших. Он с готовностью согласился поехать в Пратику на встречу со Штудентом, зная, что немецкие парашютисты разоружили его карабинеров. Пообещав, что оружие впоследствии будет возвращено, Штудент сказал:

— Но прежде чем обсуждать детали этого вопроса, мы намерены освободить Муссолини. Полагаю, что вы будете рады увидеть его и пожать ему руку?

Солети согласился охотно, считая, что они поедут на автомашине.

Внезапно взвыли сирены воздушной тревоги. Зенитные орудия открыли огонь. Волна за волной самолеты британских военно-воздушных сил заходили на аэродром. Бросившись на пол, Радль заметил рядом с собою Скорцени. Набрав в легкие воздуха, он произнес парольные слова, подобранные эсэсовцами для этой операции: «Будь спокоен!» Скорцени в ответ только усмехнулся. Когда был дан отбой, оказалось, что некоторые планеры получили небольшие повреждения. Штудент потребовал привести все в порядок за полчаса.

Находившийся в замке Гандольфо, в шестидесяти километрах от аэродрома, капитан Генрих Герлах посмотрел на часы. Являясь личным пилотом Штудента, он должен был сыграть большую роль в освобождении Муссолини. В 12.30, когда планеры покинут Пратику, он обязан был взлететь на своем спортивном «шторьхе» и оказаться над целью одновременно с планерами.

Не считая вертолетов, «шторьх» был единственным самолетом, способным садиться на ограниченное пространство и взлетать без большого разбега. Если все пройдет хорошо, его пассажиром на обратном пути будет Бенито Муссолини.

Итак, в 12.30 он был в кабине своего самолета, а через час должен оказаться над Гран-Сассо… В результате налета союзной авиации связь была нарушена, и сообщить Герлаху о переносе начала операции на полчаса не было никакой возможности.

Подобно капризному ребенку, Муссолини смахнул рукой со стола, покрытого зеленым сукном, пасьянсные карты. Волосы его были взъерошены, лицо небритое, черные глаза блестели. Накинувшись на овцевода Альфонсо Низи, он визгливо воскликнул:

— К черту вас и ваши ложные пророчества! Вы пытаетесь меня дурачить.

В однокомнатном апартаменте дуче с низким потолком в гостинице «Кампо-Императоре» было не очень-то уютно. Старый

фермер посмотрел на Муссолини с огорчением. Четыре дня тому назад, поднявшись со своим стадом на летнее пастбище, он впервые встретился с дуче. Тогда же лейтенант Альберто Файола, начальник охраны Муссолини, насчитывавшей семнадцать человек, предложил ему время от времени составлять компанию дуче. Низи согласился. Когда Муссолини узнал, что тот гадает, то попросил его погадать ему на картах о будущем.

Чтобы его немного успокоить — Муссолини отказался от обеда, — Низи разложил карты и сказал:

— Вас освободят при довольно романтических обстоятельствах.

Как мы уже отметили, реакция дуче на эти слова была довольно истеричной.

Человек, сидевший напротив Низи, давно уже разуверился в освобождении. Он был подобен сломленному невзгодами крестьянину, боявшемуся своего будущего. Прошедшей ночью он услышал по радио заявление Бадолио, намеревавшегося передать его союзникам, и попытался неумело вскрыть себе бритвенным лезвием вену на левой руке. Вызванный Файола тут же смазал ему ранку йодом и наложил повязку. Дуче был уже не тем пленником, который в казарме Легнано спросил одного из карабинеров:

— Почему оркестр не играет более «Джиовинеццу»?

Отбросил он свою гордость и в Понце, когда монахиня сказала оркестру школьников, попытавшихся его приветствовать:

— Ребятки, мы этого более не делаем.

Генрих Герлах в это время, как одинокая птица, находился на высоте более трех тысяч метров над отдаленной грядой Монте-Корно, прикрываясь ее вершиной от взоров охраны гостиницы. Он держался в этом районе уже полчаса, и горючее было израсходовано наполовину. Полетное время «шторьха» ограничивалось тремя с половиною часами, а планеров все еще не было видно.

Наконец, планируя на порывах бокового ветра, чтобы экономить горючее, Герлах увидел их. Два планера. «Боже мой, — подумал он, — всего два — остальных разбомбило, что ли? Справятся ли с задачей восемнадцать десантников?» Герлах решил к ним присоединиться.

Отто Скорцени был очень недоволен: все шло не так. По непонятным причинам через несколько минут после начала полета первый планер, летевший на буксире, в котором находился Ланггут, вдруг сделал левый разворот над Тиволи и исчез из виду. Планер Скорцени стал ведущим. И хотя он шел на тросе длиною около двадцати метров, планер неожиданно резко

пошел вниз. Люди не слышали ничего, кроме свиста ветра.

Пилот планера Майер-Венер сверил снимок и карту. Темное пятно стало принимать четкие очертания здания подковообразной формы. Между его концами было не менее 150 метров. Маленькие фигурки людей посыпались из дверей главного входа. В этот момент Венер увидел то, что летчики принимали за «участок гудронированной дороги». Это была основная лыжная трасса.

Земля приближалась — земля, покрытая кустарником, жухлой травой и валунами. Скорость составляла около ста километров в час. И Венер принял решение. Отцепившись от троса, он направил планер к дому и сел в десяти метрах от террасы гостиницы, прямо на скалу.

Находившийся в здании генерал-инспектор Джузеппе Гуэли, в свою очередь, принял мгновенное решение. Письменное распоряжение начальника штаба карабинеров гласило: в случае попытки освобождения Муссолини его следовало пристрелить. Однако в связи с бегством Бадолио и верховодством немцев положение изменилось. Штаб-квартира полиции в Риме к тому же призвала к «благоразумию и осторожности». Гуэли, раздевшись, отдыхал в своей комнате на третьем этаже, когда туда стремительно, ворвался лейтенант Файола.

— Что нам делать? — спросил лейтенант.

— Не оказывать никакого сопротивления! — приказал Гуэли.

— Не стреляйте, не стреляйте! — стали кричать оба из окна, когда десантники из приземлившегося планера бросились к гостинице.

С головным отрядом шел и. генерал Солети, белый как мел после совершения самого ужасного в своей жизни полета, и выкрикивал то же самое. В окне второго этажа показалась лысая голова Муссолини, который вскрикнул:

— Не проливайте кровь!

И тут начался кромешный ад. На маленькое плато один за другим садились планеры. От склонов гор отражался рев самолетов-буксировщиков. На ступенях гостиницы грохотали сапоги десантников, в будках неистово лаяли сторожевые собаки. Оберштурмфюрер Карл Менцель, увидев Муссолини, рявкнул:

— Хайль дуче!

В правой его ноге отдалась нестерпимая боль: неудачно приземлившись в кустах, он сломал лодыжку.

Отто Скорцени и следовавший за ним унтер-офицер Отто Швердт устремились к главному входу в здание. Сквозь открытую дверь они увидели итальянского солдата, склонившегося над радиопередатчиком. От удара сапога Швердта аппарат полетел на

пол, а когда Скорцени выпустил автоматную очередь, бывшие в комнате люди разбежались кто куда. Внешний мир остался без сообщения о дерзком налете. Поскольку из этой комнаты не было выхода в основное здание, унтер-офицер нагнулся, и Скорцени вскарабкался по его спине на террасу. За ним полезли другие. С этого момента не раздалось более ни одного выстрела.

Проскочив бегом по террасе, Скорцени достиг главного входа. Группка карабинеров попыталась перегородить ему путь. Тогда он снова дал автоматную очередь поверх их голов, а Швердт крикнул:

— Руки вверх!

Справа вверх вела лестница. Перепрыгивая через три ступени, Скорцени взлетел наверх. За ним по-прежнему следовал Швердт, ведь и ему предстояла честь освободить Муссолини. На втором этаже Скорцени инстинктивно открыл дверь под номером 201. Небольшая прихожая со стоячей вешалкой для шляп и платяной шкаф, дверь в ванную, двуспальная кровать, кожаное кресло и на столе портрет Бруно Муссолини в траурной рамке. В центре комнаты — трое мужчин: Гуэли, Файола и Муссолини. Да, это был Муссолини, которого Скорцени видел на балконе дворца Венеция в 1934 году, когда был в Италии в качестве туриста. Правда, в этом «старом, сломленном пленнике» сейчас было трудно узнать фашистского дуче.

Скорцени почти инстинктивно представился:

— Дуче, меня прислал фюрер! Вы свободны! Муссолини бросился к нему и стал целовать, воскликнув:

— Я знал, мой друг Адольф Гитлер не оставит меня в беде!

Скорцени же подумал, уцелел ли его планер от удара об землю.

Восторженные крики раздались с площадки, когда десантники поняли, что задание выполнено. Серьезно пострадал только восьмой планер. Согнанные в большую столовую комнату карабинеры были разоружены без сопротивления. Белая простыня, вывешенная в окне, означала их капитуляцию. Другая простыня была разложена на площадке у дома, чтобы обозначить место приземления Герлаха на своем «шторьхе». Когда Скорцени спускался по лестнице, один из карабинеров протянул ему бокал красного вина, сказав по-рыцарски:

— Победителю!

На станции фуникулера в Ассерджи раздался звонок телефона. Трубку взял майор Морс.

— Операция прошла успешно. Дуче жив.

Отто фон Берлепш поспешил сообщить об этом вниз.

Морс посмотрел на часы. Было всего 2.17 пополудни.

Поскольку Скорцени ушел решать вопрос об эвакуации дуче, с ним остался Карл Радль. Поболтав несколько минут о том о сем, Муссолини вдруг спросил:

— А чем занимаются мои римляне?

— Грабежами, дуче, — ответил откровенно Радль. Муссолини раздраженно махнул рукой:

— Я имел в виду не грабителей, а настоящих фашистов.

— Таковых мы не нашли, дуче, — произнес Радль и подумал: «А ведь Муссолини выглядит старым и усталым человеком».

Подошло время отправляться в путь. Было три часа пополудни. Дуче пришлось взять себя в руки и успокоиться. Десантники и эсэсовцы тоже покидали гостиницу, но более простым путем — по четыре человека на фуникулере каждый раз в сопровождении итальянского солдата, служившего заложником. Последний из спустившихся эсэсовцев вывел из строя аппаратуру включения фуникулера.

Проехать двести километров по незнакомой территории на автомашине было для Муссолини слишком рискованно. Оставалось воспользоваться «шторьхом» Герлаха, налетавшего 17 000 часов, хотя и это было небезопасно.

За несколько минут до этого из долины поступили тревожные сведения. Как и было обусловлено, второй «шторьх» должен был сесть у нижней станции фуникулера. И вот теперь его пилот сообщил по радио, что у него повреждено колесо шасси. Таким образом, отправить оттуда Скорцени в Пратика-ди-Маре было невозможно, а оттуда они вместе с дуче должны были лететь на аэродром Асперн в Вену.

К ужасу Герлаха Скорцени принял решение лететь вместе с дуче на его самолете. Но ведь «шторьх» был двухместным. Как же в нем могли разместиться пилот, пассажир и громадина Скорцени? Герлах возражал категорически. Гигант австриец нашел убедительную аргументацию:

— Вы будете в воздухе одни. И лететь предстоит довольно долго. А вдруг вас убьют? Тогда дуче останется одинешенек. Если же он погибнет, я не выполню приказания фюрера. И мне останется только одно: приставить пистолет к виску.

Карабинеры и десантники расчистили Герлаху примитивную взлетную полосу длиною около семидесяти метров, убрав большие валуны и камни. Небо над Монте-Корно было осенним. Взлетать приходилось не против ветра, а по ветру, дав двигателю полные обороты. Если повезет, «шторьх» оторвется от земли в последний момент.

Имея же Скорцени на борту, шансов взлететь почти не было. И Герлах еще раз попытался ему это объяснить.

Но Скорцени настаивал на своем. Гитлер никогда не простит ему такой конец операции. Что бы ни случилось с дуче, он должен быть рядом, В конце концов Герлах сдался:

— Хорошо, полетим с Божьей помощью, но если что-то случится при взлете, то ответственность-то ляжет на меня.

Скорцени забрался в кабину самолета и ухитрился разместиться за креслом пассажира, сложившись вдвое. Муссолини, одетый в потертый голубой плащ, с мягкой шляпой на голове, последовал за ним. Двигатели «шторьха» взревели, заглушая крики «Хайль».

— Держитесь за стойки! — предупредил Герлах своих пассажиров.

Когда самолет тронулся, десантники отдали римский салют.

Взяв под свою охрану чемоданы дуче, которые он должен был лично доставить в Рокка-делле-Камина-те, Карл Радль наблюдал за взлетом.

Набрав скорость двести километров в час, Герлах попытался поднять машину в воздух на самом краю «взлетной полосы». Неожиданно правое колесо зацепилось за скалу, тогда как левое повисло над бездной. В следующее мгновение «шторьх» полетел вниз, подобно лифту, потерявшему управление.

Скорцени громко вскрикнул, Муссолини же молчал. Герлах добавил газу, чтобы увеличить скорость самолета, и попытался его выровнять. Метрах в сорока над домами и виноградниками самолет попал во встречный поток воздуха и прекратил падение. Герлах взял курс на Рим. Неожиданно, к удивлению Скорцени, Муссолини стал комментировать полет, подобно экскурсоводу.

— Под нами Аквила, где я выступал перед большой толпой двадцать лет тому назад…

В 5.30 вечера колеса самолета коснулись посадочной полосы аэродрома Пратика-ди-Маре, сев на две точки. Горючее было на исходе.

Пожимая руку Герлаха, Муссолини произнес по-немецки:

— Благодарю вас за мою спасенную жизнь.

Если бы не поломка ее автомашины, она вряд ли услышали бы это выступление.

Было 9.30 вечера 18 сентября. В высоком ангаре аэропорта неподалеку от Бергамо, северо-восточнее Милана, немецкие механики занимались ремонтом автомашины Петаччи. Более месяца тому назад все они — профессор, его жена, Кларетта и Мириам — были помещены по приказу правительства Бадолио в крохотную и мрачную камеру тюрьмы Новара. Но как только немцы установили контроль над Италией, брат Кларетты, тридцатитрехлетний Марселло, ставший лейтенантом флота,

позаботился об их освобождении. И они находились на пути к его дому в Мерано в Адиджской долине, когда автомашина внезапно сломалась, и их немецкий эскорт доставил всех на этот аэродром.

Мириам не обратила внимания на слова диктора, но услышанный сразу же после этого голос заставил ее вздрогнуть. Это был мужской голос — безжизненный и сухой:

— Чернорубашечники, мужчины и женщины Италии. После долгого молчания вы снова слышите мой голос, который, как я надеюсь, узнаете…

Приглушенно вскрикнув, Кларетта выбежала из ангара и побежала в комнату отдыха, где находился радиоприемник. Там она упала перед ним на колени, обхватив приемник обеими руками, словно ребенка. Говорила радиостанция Мюнхена. Муссолини обратился ко всем итальянцам с призывом вновь объединиться в рядах республиканской фашистской партии под его предводительством. И тут стены комнаты поплыли перед ее глазами.

Мириам едва успела подхватить ее, когда она стала падать, потеряв сознание.

Глава 9
«Вам придется испить чашу горечи»

12 сентября 1943 года — 23 января 1944 года

В два часа пополудни 14 сентября, после поездки вместе со Скорцени сначала в Вену, а затем в Мюнхен (где его ожидала Рашель с детьми, которых туда из Рокка-делле-Каминате доставила эсэсовская команда), дуче встретился с Гитлером в его штаб-квартире в Растенбурге.

На первый взгляд встреча двух диктаторов там прошла радушно и сердечно, как это и должно было быть. Генерал Карл Вольф, недавно назначенный командующим войсками СС и полицией в Италии, вспоминал «опустошенный взгляд дуче на осунувшемся лице и слезы, струившиеся из его глаз», когда он появился на трапе прилетевшего в Растенбург самолета.

— Фюрер, как я могу отблагодарить вас за все, что вы сделали? — были первые слова Муссолини. — Отныне я буду делать все, что в моих силах, чтобы исправить допущенные ошибки.

Гитлер казался взволнованным и сделал импульсивный шаг навстречу дуче, чтобы крепко пожать ему руку.

Как старые друзья, они направились в жилую комнату Гитлера, обставленную мебелью светлых тонов с пастельными занавесями на окнах. Низкий круглый стол с простыми, но удобными креслами стоял у зажженного камина.

Муссолини испытывал боли в желудке, опасаясь, не рак ли это, и, фактически, был не в состоянии обсуждать ситуацию в Италии. Он попросил дать ему немного времени, чтобы отдохнуть и прийти в себя. После его встречи с семьей и приближенными Гитлер уже не давал ему передышки. Италия была нужна фюреру по стратегическим соображениям: промышленный потенциал ее северных районов был весьма внушительным, а расформированная армия представляла собой богатый источник рабской рабочей силы. К тому же оборонительные возможности Монте-Кассино и так называемой «Готской линии», проходящей от Пизы до Римини, предоставляли Германии возможность продолжать вести битву за Европу. Как Венгрия и другие страны-марионетки, Италия нуждалась в марионеточном правителе — Бенито Муссолини.

Вскоре дуче был буквально засыпан упреками. Капитуляция Бадолио значительно ослабила военную мощь Германии. Гитлер с иронией спрашивал его:

— Что это за фашизм, который тает, подобно снегу под лучами солнца?

Муссолини слушал молча, надеясь, что этому все же будет конец.

Через несколько дней Гитлер был необычно краток и сказал:

— Мы не может больше терять ни одного дня. Необходимо, чтобы завтра вечером вы выступили по радио с заявлением о ликвидации монархии и о том, что власть в стране — новом итальянском фашистском государстве — вновь берете вы. Вместе с тем вы гарантируете полную действенность германо-итальянского союза.

Муссолини в ответ заявил, что ему потребуется несколько дней для подготовки и обдумывания всех связанных с этим вопросов. На повышенных тонах Гитлер резко осадил его:

— Я уже все обдумал — и достаточно. Объявите себя снова дуче. И так же, как и я, станете главою государства и правительства. Это следует оформить в течение одной недели.

Фюрер безжалостно поставил свои условия и по целому ряду других вопросов. Большинству «предателей из состава большого совета» удалось бежать из Италии. Дино Гранди вместе с семьей обосновался в Лиссабоне по фальшивому паспорту, выданному ему королем. Аль-берто де Стефани, старый друг Чан Кайши, скрывался в китайском посольстве в Ватикане. Умберто Альбини тоже нашел прибежище в Ватикане. Джузеппе Боттаи исчез — позже он оказался под вымышленным именем в составе французского Иностранного легиона. Поэтому одной из первых задач нового правительства будет наложить лапу на всех оставшихся, прежде всего — на графа Джалеаццо Чиано, «четырежды предателя».

— Если бы я был на вашем месте, меня, скорее всего, ничто бы не остановило расправиться с ним собственными руками, — говорил Гитлер своему младшему партнеру. — Ноя возвращу его вам, поскольку смертный приговор графу желательно вынести в Италии.

Муссолини попытался возражать. В мюнхенском правительственном доме для гостей он встретился с зятем по настоятельной просьбе Эдды. Разговор у них был таким бесцветным, что даже Скорцени, присутствовавший при этом, был поражен.

— Я не желаю его видеть, — возмущенно крикнула Рашель. — Я плюну ему в лицо, если он окажется рядом со мной, — и выбежала из комнаты.

Муссолини же остался и выслушал в ледяном молчании многословное объяснение Джалеаццо, что тот действовал лишь

как патриот. Требование Гитлера лишить Чиано жизни, как он сам потом рассказывал Йозефу Геббельсу, вызвало у Муссолини шоковую реакцию.

— Ведь он муж моей дочери, которую я обожаю, отец моих внуков.

Гитлер же непримиримо настаивал на своем:

— Чиано заслуживает наказания не только за предательство своей страны, но и своей семьи. — С оттенком сожаления затем добавил: — Дуче, вы слишком добры и никогда не сможете стать настоящим диктатором.

Поскольку ситуация вышла из-под его контроля, Муссолини по своему обыкновению постарался уйти от действительности, заявив фюреру, что у него уже давно нет никаких личных амбиций. Фашизм переживает предсмертную агонию. Он не может взять на себя ответственность за развязывание гражданской войны. Во время беседы у него сложилось впечатление, что Гитлер его даже не слушал.

— Должен внести ясность, — сказал, наконец, фюрер. — Если западные союзники сумеют воспользоваться этим, предательство Италии может привести Германию к краху. Считаю необходимым преподнести урок неотвратимого наказания, чтобы припугнуть других наших союзников.

На такой ноте Гитлер прервал разговор. У Муссолини появилось тяжелое предчувствие того, что должно произойти. Витторио, разделивший поздний ужин с отцом, вспоминал потом, что дуче подавленно опустился в глубокое кресло и неожиданно произнес:

— Они, вероятно, думают, что мы будем стоять у окна, спокойно наблюдая, как поджигается дом.

В 11 часов утра 15 сентября Муссолини направился в чайный домик фюрера. Там, говоря отрывисто и возбужденно, Гитлер изложил ему, какое будущее ожидает Северную Италию, если он не согласится с его предложением. Напомнив о репрессалиях по отношению к Лондону, о которых он говорил за ужином в Фелтре, имея в виду свои военно-воздушные силы — «руки дьявола», фюрер медленно сжал правую руку в кулак, а затем быстро растопырил пальцы, символизируя неотвратимость террора.

— От вас зависит, — обратился он к Муссолини, — будет ли это оружие… использовано против Лондона или же его придется вначале применить против Милана, Генуи или Турина.

Гитлер не оставил дуче, фактически, никакого выбора.

— Северную Италию ожидает судьба Польши, если вы не поддержите наш союз, — пригрозил фюрер. — Да и Чиано в этом случае не будет передан вам, а повешен здесь, в Германии.

Может быть, Гитлер блефовал? Этого Муссолини не знал. Он был слишком уставшим и разочарованным, чтобы четко оценить ситуацию. Не знал он и того, что в случае провала плана Штудента по его освобождению у немцев были два кандидата из числа руководства Итальянской фашистской партии на пост гауляйтера Северной Италии — бывший министр сельского хозяйства Джузеппе Тассинаре и Роберто Фариначчи. Правда, после получасовой беседы с Тассинаре Гитлер назвал его «типичным профессором и теоретиком», а когда Фариначчи стал резко высказываться против своего бывшего шефа, фюрер вскочил и заорал:

— Я запрещаю вам говорить подобное о Муссолини! После сорокатрехдневного пребывания в качестве пленника Бадолио Муссолини пришлось свыкаться с непростой ролью марионеточного правителя, которую открыто предлагал ему Гитлер. Незадолго до полудня 15 сентября он заявил тому:

— Я возьму в свои руки управление делами Италии в той части страны, которая еще не подверглась вторжению союзников.

Йозеф Геббельс отмечал в те дни, что Гитлер стал постепенно списывать дуче как политического лидера. Далеко за полночь фюрер с Геббельсом обсуждали в комнате для работы с картами сферы возможного использования Муссолини. Гитлер был как-то странно опечаленным: как бы это он мог милитаризировать Германию или аннексировать Австрию без дуче? Теперь же настало время, когда пути их должны были разойтись.

— У дуче, — заявил Гитлер Геббельсу, — нет большого политического будущего.

Менторе Руффилли перелистал свой настольный календарь. Перед ним прошел калейдоскоп дней с 25 июля по 23 сентября — восемь недель и пять дней, когда его не было в Рокка-делле-Каминате. После возвращения дуче приехал назад и он. Подняв бокал шампанского, Муссолини спросил его:

— Ну так как, молодой человек, идут дела? Заметив сквозь полуоткрытое окно отблеск окуляров

бинокля, он помрачнел. На террасе эсэсовская охрана в черной форме следила за небом, опасаясь возможного налета союзной авиации.

— Как высоко было ранее и как низко теперь, — пробормотал он, вспомнив события пятидневной давности.

Находясь вместе с семьей в замке Хиршберг, неподалеку от Вайльхайма в Южной Баварии, он воспользовался имевшимся там телефоном фюрера категории «А» для восстановления прежних контактов. Марчезе Паулуччи ди Калболи из Мадрида, рекомендовавший ему когда-то кушать молодых устриц и не

забывать про супы, сказал на этот раз:

— Не могу считать себя свободным от клятвы, данной мною короне.

Ренато Бова-Скоппа из Бухареста удивился:

— Муссолини? Это невозможно, ведь он находится в заключении. Я что-то плохо слышу.

Массимо Магистрати из Берна заявил:

— Война вами проиграна и закончена. Швейцария не желает иметь у себя более ваших представителей.

В этот мягкий осенний день, оставив Рашель и детей в Вайльхайме, он вылетел в родную Романию, надев заимствованную черную рубашку, с 15 000 лир в кармане. Глядя на него, можно было понять, что он готов был обнять любого человека, изъявившего желание сотрудничать с ним. В дни, когда он был в силе, 2400 корреспондентов заявляли о своем кровном родстве с ним, теперь же поток таким писем прекратился вовсе. После 25 июля Бадолио заключил в римский форт Боччеа 850 фашистских боссов, и сейчас, когда дуче обратился к сорока кандидатам по вопросу формирования нового правительства, только три человека приняли его предложение. Проведенная в городе кампания по созданию новой милиции дала лишь пятнадцать волонтеров.

Даже его военный министр и начальник генерального штаба, нервный седоволосый маршал Родольфо Грациани, были подведены к нему Гитлером.

— Вообще-то он не пользуется моим полным доверием, — признался фюрер, — так как настроен против немцев. Но никто из генералов не обладает таким престижем и популярностью, как он.

Подобно многим членам нового правительства Муссолини, у Грациани были личные причины для вступления в него — долголетняя вражда к Бадолио, которого он намеревался сместить с общественной арены. Другие хотели обогатиться за счет нового режима. Таковым был, например, Гуидо Буффарини-Гуиди, постоянно не мытый тосканец, которого Муссолини назначил министром внутренних дел. Некоторые хотели посчитаться за старые обиды. Среди них был и Алессандро Паволини, приземистый, с небольшими усиками человек, изображавший из себя чуть ли не Робеспьера, назначенный на должность секретаря партии, всегда завидовавший повесе Чиано.

Когда новые министры встретились в Ла-Рокка 27 сентября на своем первом заседании с последовавшим ужином, сервированным на синем китайском фарфоре, лишь некоторые из них поддержали ликующий возглас Паволини:

— Стоит рискнуть всем, чтобы пережить такой час. Это был их последний редут, и они знали об этом.

При подготовке Ла-Рокка к возвращению дуче Буффарини со своими людьми конфисковали у враждебно настроенных романьольцев автомашины, продовольствие и даже половые щетки.

— Мой корабль бросил якорь со всеми оставшимися в живых на борту, — с кислой миной подвел итог Муссолини. — Но не все оказались достойными людьми.

Мечтая о своем триумфальном возвращении во дворец Венеция, он был сильно разочарован. Преемник фон Маккензена Рудольф Ран, хитрый и тонкий дипломат, посоветовал, чтобы дуче не показывался вообще в Риме, заявив Гитлеру, что в таком случае невозможно было бы обеспечить его полную безопасность. К тому же для Кессельринга поддержание порядка и законности в столице при нахождении там дуче стало бы проблематичным.

Немцы подобрали новую резиденцию для Муссолини на вилле Фелтринелли, на западном берегу озера Гарда, в тысяче километров от Рима. Служебные же помещения должны были располагаться на вилле Орсолине, расположенной в нескольких сотнях метров на этом же озере. По названию ближайшего города — Сало — многие итальянцы называли вновь созданную марионеточную республику «Республикой Сало» и даже «Республикой Каина».

Муссолини опасался, что немцы свяжут ему руки шелковой веревкой, если он попытается выехать за пределы виллы. 27 сентября, когда министры разъехались, он сел к письменному столу и написал длинное письмо Адольфу Гитлеру.

«Республиканское правительство… имеет лишь одно желание: чтобы Италия возможно быстрее заняла надлежащее ей место. Но для того, чтобы достичь эту цель, немецкому военному руководству необходимо ограничить свою деятельность чисто военными вопросами… Все остальное должны решать итальянские гражданские власти…

Если это не будет реализовано, итальянское и мировое общественное мнение сделает вывод о неспособности правительства руководить страной. Само же правительство будет вновь дискредитировано и сделается всеобщим посмешищем…»

В то утро, когда Муссолини написал свое обращение к Гитлеру, адвокат Ренато Зансоне шел не торопясь из здания общественного суда Неаполя по направлению к своему дому в Вомеро. Дойдя пешком до площади Данте, так как общественный транспорт не работал, он увидел, что она оцеплена эсэсовцами. Он тут же свернул в боковую улицу и быстро побежал прочь.

Свернув на запад, а потом на север, он, наконец, оказался в тихом районе города — на улице Виа Сан-Джузеппе-дей-Нуди. У дверей домов стояло несколько женщин с безразличным выражением на лицах. Когда он заторопился дальше, одна из них сказала:

— Куда вы идете, синьор? На улицу Виа Сальватор Роза? Так немцы и там задерживают мужчин.

Произнеся это, женщина дернула его за руку, и он, пройдя за ней внутрь комнаты, спрятался за массивным платяным шкафом. В абсолютной тишине адвокат вдруг услышал, что в шкафу кто-то есть, а под железной кроватью увидел ноги еще двоих мужчин. Женщина тем временем возвратилась на свой наблюдательный пост у двери.

Довольно долгое время — прошло полчаса, а может быть, и час — все было тихо. Затем с улицы женщина крикнула:

— Можете выходить — эти ублюдки ушли.

Когда Зансоне вышел на улицу вместе со своими товарищами по несчастью, то увидел, как из ближайших домов вышло не менее пятидесяти мужчин различного возраста, морщась от солнечного света.

Как потом оказалось, около 200 000 мужчин этого крупнейшего морского порта скрывались в течение двадцати дней, пока шли облавы. Некоторые прятались, подобно летучим мышам, в гротах и пещерах, в церковных склепах и канализационных трубах. Другие отсиживались на чердаках заброшенных домов, готовые в случае опасности уйти по крышам. Счастливчики получили места в городской больнице Кардарелли.

Такому положению дел в городе жители были обязаны двум людям — гауляйтеру Фрицу Заукелю, нацистскому руководителю трудовых резервов оккупированной Европы, подготовившему и отправившему в Германию 600 000 итальянцев, и полковнику Шоллю, коменданту гарнизона Неаполя. 22 сентября по его приказу на стенах домов и афишных тумбах были расклеены прокламации, в которых говорилось:

«До сих пор только 150 человек явились на установленные пункты в соответствии с декретом для отбытия обязательной трудовой повинности, тогда как их число должно составлять более тридцати тысяч. В связи с этим, начиная с завтрашнего утра, военные патрули получат приказ на проведение облав и задержание лиц, уклоняющихся от повинности…»

К тому времени из 600 000 жителей Неаполя 22 000 погибли при 105 воздушных налетах авиации союзников. Сорок процентов жилых домов были разрушены. Теперь начатое союзниками стали продолжать немцы. 16 сентября Шолль приказал очистить зону

побережья на глубину 300 метров и эвакуировать 35 000 семей. Затем немецкие солдаты приступили к систематическому уничтожению промышленного потенциала города. Большой и красивый порт превратился в кладбище подорванных кранов, мостовых ферм и полуразрушенных многоквартирных домов.

У жителей не было ни газа, ни воды, ни света, телефонные линии не работали, а хлебный рацион был сокращен до одной унции (28,3 грамма) в день. Но они не теряли мужества, поскольку 5-я армия генерала Марка Кларка была на расстоянии сорока километров от города.

Немцы продолжали свою разрушительную деятельность. Однако горожане не сразу оценили опасность, нависшую над еще одним жизненно важным объектом Неаполя. Одной из первых это осознала двадцатитрехлетняя Маддалена Церасуоло, дочь сапожника, буквально ворвавшаяся к отцу, проживавшему на улице Вико-делла-Неве, и крикнувшая:

— Надо что-то делать. Они начинают минировать Понте-делла-Санита.

Речь шла об огромном виадуке, проходившем всего в пятидесяти метрах от их дома и имевшем семьдесят три метра в длину и двадцать четыре в ширину, соединявшем город с шоссе, идущим на Рим. Под самим виадуком, а также к западу и востоку от него располагались жилые дома. Карло Церасуоло сразу же воскликнул с яростью:

— Ну уж нет, этого мы им не позволим! Ведь опасности подвергаются и наши жилища.

С тремя товарищами отца Маддалена побежала к мосту, на южной оконечности которого два немецких солдата делали шурф для закладки динамита. Подойдя к ним с тыла, один из мужчин открыл огонь. На другом конце, у статуи короля Умберто I, отец Маддалены с группой горожан также начали стрелять, оказывая им поддержку.

Один из солдат был убит, другой немец, пригнувшись, побежал к грузовику, стоявшему на удалении ста метров. В этот момент двадцатитрехлетний пехотный лейтенант Дино дель Прете подскочил к месту закладки динамита, схватил взрывчатку и забросил далеко в сторону.

Мост был спасен, однако неаполитанцам надо было готовиться к борьбе за каждую пядь своего истерзанного, но по-прежнему дорогого города.

Ранним утром 28 сентября на всех важнейших улицах города стали возводиться баррикады. На востоке баррикады с установленными на них пулеметами прикрывали площадь Национале, отрезав немцев от их складов в Поггиореале. На

севере старики, женщины и дети строили баррикаду трехсотметровой длины, используя трамвайные вагоны, железные решетки и обломки скал. Когда грузовики с немецкими солдатами попытались обойти баррикаду, по ним был открыт огонь.

Теперь Неаполь предстал перед немцами как смертельно опасная ловушка, готовая поглотить их солдат, мотоциклы и грузовики. Винтовочные выстрелы раздавались даже в узких улочках и переулках, никогда не видевших солнца. Из развалин домов строчили пулеметы. Из-за баррикад, сложенных из кроватей, школьных парт, булыжников, вынутых из мостовых, газетных киосков и прочего подручного материала, в немецкие автомашины летели ручные гранаты. В воздухе стояла пыль, пахло порохом и гниющим мусором.

Это не было акцией, запланированной стратегами и никто даже не предполагал, что «четыре дня Неаполя», явившиеся реакцией итальянцев на возрождение «оси», проложат путь к общенациональному движению Сопротивления. 29 сентября, день святого Михаила, стало днем-символом. «В этот день святой изгнал дьявола из рая. Так что и мы должны выгнать немцев из Неаполя!» В течение многих месяцев в тысячах домов Италии стали создаваться целые подпольные склады оружия и боеприпасов, похищенных в казармах карабинеров и так называемой финансовой гвардии. Мясник Фердинандо Кастеллано, например, стрелял в немцев у Понте-делла-Санита из револьвера, который он до того прятал за декоративной головой быка в своем магазинчике. Железнодорожный инспектор Джиованни Аббате прятал ручные гранаты в плетеной корзиночке, висевшей обычно за окном. Джузеппе Санджес, кондуктор городского трамвая, держал патроны в большой кожаной сумке, в которой у него ранее находились проездные билеты.

Федерико Цваб, уроженец Триеста, коммунист, обладал целым арсеналом оружия. Из различных казарм, разбросанных по городу, под грудами апельсинов и грейпфрутов на грузовиках ему были доставлены 50 пистолетов, 300 ручных гранат и три разобранных пулемета, которые он потом собрал сам.

Альфредо Паренте, библиотекарь Института итальянской истории, с группой друзей стал изготовлять зажигательную смесь в бутылках из-под вина, называвшуюся «коктейлем Молотова». Страховому агенту Джулио Шеттини удалось похитить у немцев оставленный на непродолжительное время без присмотра пулемет.

В борьбе за свободу принимали участие люди независимо от

возраста и пола. У упоминавшейся выше Маддалены на плече остались синяки от отдачи при выстрелах из винтовки, обращаться с которой она научилась весьма быстро. Капитан Стефано Фадда, получивший ранение под Эль-Аламейном и ходивший на костылях, возглавил группу горожан, ворвавшуюся в префектуру, захватил там оружие и организовал опорные пункты вдоль западной стороны улицы Виа Чиайя. Когда семидесятилетний профессор Антонино Тарсиа заметил, что немцы отошли от лицея Саннаццаро, из которого его двадцать лет тому назад изгнали фашисты, он, как был, в летнем сером костюме с соломенной шляпой, прошел в свою бывшую классную комнату, где организовал командный пункт партизан.

Для координации действий патриотов профессор отпечатал на пишущей машинке сто экземпляров составленного им манифеста и расклеил их на ближайших улицах.

Хотя в списках бойцов числилось всего около 1600 человек, тысячи добровольных помощников рисковали своей жизнью, поднося боеприпасы, перевязывая и укрывая раненых и чиня пакости немцам. Ассистент священника церкви Сантиссимо Сакраменто двадцативосьмилетний дон Маттео Лиза, худой и в очках, следуя заповеди не убивать, нашел-таки возможность принять участие в боях.

В два часа ночи на второй день восстания он находился вместе с двумя служками на крыше своего шестиэтажного дома по улице Виа Сальватор Роза, когда заметил колонну из двадцати немецких грузовиков, направлявшуюся в сторону Вомеро. Не успела головная автомашина поравняться с домом, как на нее вниз полетели тяжелые каменные цветочницы с геранью.

Эти цветочницы пробили крышу кабины, словно лист бумаги, выведя из строя водителя. Вся колонна остановилась, тогда на головы выскочивших из машин немцев посыпался дождь цветочных горшков, кирпичей и различного железа. Потеряв почти два часа времени, немцы были вынуждены ретироваться.

Циничные и хитрые портовые мальчишки сражались столь же храбро, как и взрослые. Четырнадцатилетний Энцо Бруно воевал с мушкетом, у которого не было приклада, за что К нему на всю жизнь прилипло прозвище Полувинтовка. К ужасу Маддалены Церасуоло за ней повсюду следовал ее кузен Геннаро Капуоццо, одиннадцатилетний мальчишка, требовавший, чтобы и ему было выдано оружие. Перед тем как уйти из дома, он заявил матери, которая его никуда не пускала:

— А ты сиди дома и занимайся вязанием. Одетый в морской бушлат, с каской на голове и

мушкетом, превышавшим его собственный рост, Геннаро в

три часа ночи 29 сентября находился вместе с Маддаленой на террасе монастыря Филиппине. Когда через полчаса шесть танков «тигр», появившихся с севера, протаранили баррикаду, он бросил бутылку с зажигательной смесью в головной танк, открывший огонь по повстанцам.

Бой разгорелся по всему городу, и только в пять часов утра 30 сентября Маддалене вместе с отцом удалось отнести его тело в свой дом на Вико-делла-Неве, где они положили убитого в мастерской отца. Прибежавшая мать Геннаро стала на него ругаться.

— Что я тебе говорила? — воскликнула она гневно с горечью. — Ты думал, что слишком проворный. Посмотри теперь на себя!

Сражение закончилось благодаря решительным действиям повстанцев во главе с капитаном Энцо Стимоло, одноруким ветераном боев в Албании. Им удалось загнать более шестидесяти немцев на стадион Кампо-Спортиво на северо-западной окраине города вместе с плененными ими сорока семью итальянцами. Капитан громко отдавал приказы:

— Сто пятьдесят человек — зайти слева… сто человек — справа.

Это был лишь психологический прием, так как на самом деле у него было всего девяносто человек вместе с присланным профессором Тарсиа подкреплением. Парламентеру немцев он заявил, что стадион окружен тремя тысячами неаполитанцев.

В сумерках представители Стимоло проникли в штаб-квартиру немцев — гостиницу «Паркер-отель» и предъявили ошеломленному полковнику Шоллю требование, которое тот принял более чем охотно: обмен пленными и немедленный вывод немецких войск из города.

Рассвет 1 октября оказался для неаполитанцев триумфальным. С белым флагом перемирия колонны немецких автомашин двинулись в северном направлении к реке Волтурно и к дороге, идущей на Рим. До окраины города головную автомашину сопровождал капитан Стимоло на джипе с трехцветным флагом. А в 9.30 утра передовые танки союзников из авангарда 5-й армии прогрохотали гусеницами по булыжникам площади Гарибальди.

Вместе с ними на броневике прибыл генерал Марк Кларк, вручивший городу золотую медаль за коллективную доблесть. Высокорослому нью-йоркцу бросилось в глаза, что за закрытыми ставнями домов повсюду прятались настороженные глаза, тогда как на улицах не было ни одной живой души. Ему показалось, что он въехал в «город духов». Неподалеку от футбольного стадиона в

Цимитеро-Веччио неаполитанцы сжигали убитых горожан. В простых деревянных ящиках покоились 562 человека — мужчины, женщины и дети, отдавшие свою жизнь за свободу города.

Могилы отмечались откупоренными бутылками вина и листочками бумаги с напечатанными на пишущей машинке именами. От стекла бутылок отражались солнечные лучи.

Вначале число итальянских партизан было небольшим, но, воодушевленные примером неаполитанцев, люди постоянно вливались в их ряды, так что за восемнадцать прошедших месяцев партизанская армия насчитывала уже 200 000 человек. Союзники, оценив их возможности и силу, сбросили им на парашютах 6500 тонн продовольствия, оружия и боеприпасов.

Имена Ганнибал, Львиное сердце, Шторм и Ягуар скрывали их истинные фамилии. Многие решительные люди вступили в гарибальдийские бригады, сформированные итальянским коммунистом номер два — сорокатрехлетним Луиджи Лонго — на севере страны, в Милане. У них был собственный сленг: «носовой платок» означал захваченного в плен фашиста, а снабдить кого-либо «паспортом в Швейцарию» — ликвидировать ударом ножа темной ночью или всадив в него пулю.

Со своих баз в пекарнях, на кладбищах, в конюшнях они наносили удары по военным конвоям и войсковым транспортам Республики Сало Муссолини. В течение двух длинных зим их главным противником была нужда во всем. Людям часто приходилось находиться в горах в легкой летней одежде, в которой им удалось уйти к партизанам, и рваной обуви. Одну сигарету курили по очереди человек пятнадцать. Вынужденную диету, длящуюся долгие недели, составляли кукурузная похлебка и каштаны.

Неоценимую помощь им оказывали крестьяне, порою делившиеся последней салями и предоставлявшие ночлег незнакомым людям.

Маршал Родольфо Грациани своими действиями лишь пополнял их ряды, настоятельно требуя проведения призыва в свою армию, в результате чего не только солдаты, но и офицеры не разбегались лишь из-за постоянной угрозы расстрела. Секретарь партии Алессандро Паволини также способствовал росту числа партизан, загоняя людей во вновь создаваемые черные бригады, предназначенные для борьбы с повстанцами. На заводах и в крестьянских дворах из уст в уста передавался пароль: «Дорога в горы является дорогой к славе».

Воздух на вилле Орсолине был спертым и душным. Температура в кабинете первого этажа день и ночь поддерживалась на уровне двадцати пяти градусов по Цельсию.

Однако утром 18 декабря, когда над озером Гарда стелился туман, Муссолини ежился от холода. За столом шел откровенный обмен мнениями. Его дочь Эдда горячо отстаивала право своего мужа на жизнь.

Витторио Муссолини, находившийся за стеной кабинета, услышал резкий голос сестры, но лишь покачал головой. Ведь он просил Эдду отложить разговор на более позднее время. Похудевший, побледневший, с отвислыми щеками Муссолини, одетый в уже потертую форму почетного капрала милиции, казалось, не мог выдержать столь яростной атаки. Голос Эдды, хриплый от ярости, был хорошо слышен.

— Вы все сошли с ума, — кричала она отцу. — Война проиграна. И не стоит предаваться иллюзиям: немцы смогут оказывать сопротивление не долее нескольких месяцев. Джалеаццо же, несмотря на все это, приговорен к смерти!

Витторио не расслышал ответ отца, но знал, с каким трепетом тот ждал этой встречи. Муссолини вспомнил день похорон Бруно три года тому назад, когда Эдда, решившая не плакать, так закусила нижнюю губу, что кровь стала сочиться по ее подбородку.

— Моя дочь может оказаться опасным противником, — признался он тогда кому-то из министров.

Амбиции не позволили Муссолини отменить или отложить день казни Джалеаццо Чиано, арестованного восемь недель тому назад в веронском аэропорту, когда он возвращался в Италию, и ставшего узником номер 11 902 в городской тюрьме постройки шестнадцатого века. В отдельных камерах там находились пять членов большого совета, которых фашистской полиции удалось отыскать и задержать: семидесятивосьмилетний маршал де Боно, совершенно глухой Джиованни Маринелли, Туллио Джианетти, хотя тот и отказался от своего голосования через несколько часов после окончания заседания совета, а также Луччиано Готтарди и Карло Пареши, присоединившиеся к большинству.

14 ноября на конгрессе фашистской партии в прокуренном зале веронского Кастельвеччио, где дебаты по восьми пунктам манифеста нового правительства продолжались восемь часов, было принято единогласное решение о их казни. Шеф городской полиции майор Никола Фурлотти подвел черту под яростными криками двухсот делегатов:

— Предатели должны заплатить за свое деяние, и как можно раньше.

За двадцать бурных лет колесо истории совершило полный оборот, и Муссолини знал об этом. 8 января 1944 года, когда все шесть заключенных предстали перед специальным трибуналом в

том же Кастельвеччио, дуче испытал на себе такое же давление твердолобых, как и в тот день, когда милицейские шефы ворвались в его кабинет во дворце Чиги, навязав ему диктатуру.

Эдда долго размышляла о происходившем. В тот день, когда была создана Республика Сало, а Муссолини беседовал со своими министрами в Ла-Рокка, она напрямую спросила Алессандро Паволини об отношении нового правительства к Чиано. Секретарь партии, не удостоив ее ответом, вышел из комнаты. Тогда она немедленно послала Витторио в Германию, чтобы привезти детей, остававшихся там в заложниках, на итальянскую землю.

Затем написала Муссолини формальное письмо: «Дуче, мой муж находится в заключении уже два месяца, и ему отказано в двухчасовых прогулках… как злостному уголовнику… Мне разрешили с ним встретиться, но в присутствии представителя рейха и коменданта тюрьмы, находившихся на расстоянии трех метров… Письмо пишет женщина, требующая соблюдения всех прав, предоставляемых каждому заключенному, и для своего мужа…»

Муссолини попытался оправдать свои действия, сказав, что не может преступать законы в целях создания привилегированного положения для своего зятя. Лично он простил Чиано и даже заявил этому чертову послу Рану, что Чиано мог бы быть идеальным министром иностранных дел Республики Сало. Но вся свора — Гитлер, Риббентроп, Паволини и другие — никогда ничего не забудет и не простит. Они хотят видеть, хватит ли у него силы и выдержки не вмешиваться в судопроизводство Чиано и не проявить к нему сострадание. Даже Рашель была настроена воинственно и крикнула Чиано при встрече в замке Хиршберг:

— Дуче не является какой-то частью мебели, которую относят на чердак, когда она надоедает.

Однако с самого начала ноября, когда она приехала на озеро Гарда вместе с Романо и Анной Марией, она ни разу не говорила о том, что Чиано должен предстать перед судом. Сам Муссолини тоже на эту тему не заговаривал. Но появление Кларетты Петаччи, поселившейся неподалеку на вилле Фиордалисо вместе с семьею, вызвало бурную сцену при его возвращении в тот день со службы домой.

Витторио понял, что встреча достигла своего кульминационного пункта. Эдда знала, что проиграла. Ё слепой ярости она обратилась к отцу, который ее обожал, и сказала с колкостью:

— Только из-за таких людей, как ты, мой муж принесен в

жертву. Если ты будешь стоять на коленях передо мною, умирая от жажды, я возьму последний стакан воды и вылью ее на землю на твоих глазах.

Дверь рывком открылась, и в ней показалась Эдда. Она была почти обезумевшей и дрожала всем телом, но в глазах ее пылал огонь непреклонной решимости.

— Посмотрим, — произнесла она, давая понять, что все разговоры окончились. — Еще посмотрим.

К северу от Милана стоял ужасный холод. В полдень 7 января с Альп пошел снег, бесшумно покрывая белым пологом поля и строения, но теплее не стало. К наступлению ночи термометр показывал двенадцать градусов ниже нуля и продолжал падать. На шоссе Брешиа — Верона в ста километрах от города не было никакого движения.

Вдруг, спотыкаясь и полубегом, там появилась женская фигура, время от времени глядя назад, всматриваясь в темноту. В районе Брешии показались далекие огни одинокой автомашины. За женщиной никто не следовал, и она понемногу успокоилась. Водитель этой автомашины даже не предполагал, что севшая к нему женщина была Эддой Чиано, дочерью дуче, у которой оставалось полчаса до встречи на десятом километре с Джалеаццо, который должен был бежать из веронской тюрьмы.

Со времени последней ссоры с отцом Эдда сильно переменилась. От некогда импульсивной дочери диктатора ничего не осталось. Она была теперь испуганной, доведенной до отчаяния женщиной, собиравшей в кулак последние силы для спасения своего мужа.

12 декабря Эдда предприняла решительный шаг, нелегально переправив с помощью друга семьи своих детей в Швейцарию, где они должны были быть в безопасности. Она намеревалась последовать за ними через несколько дней, прихватив дневники Чиано, находившиеся в тайнике на римской квартире. Боязнь их публикации должна заставить ее отца отменить решение трибунала.

27 декабря, когда Эдда попыталась встретиться с Джалеаццо в веронской тюрьме, ей повезло. Красивая двадцатидвухлетняя блондинка, имевшая свободный доступ в тюрьму, представилась ей как фрау Хильдегард Беец, личный секретарь оберштурмбаннфюрера Вильгельма Хёттля.

Хёттль не терял надежду использовать дневники Чиано для дискредитации Иоахима фон Риббентропа. С этой целью он и послал фрау Беец в Верону для поддержания тесного контакта с графом. Следуя указаниям шефа, Хильдегард решила использовать Эдду для проведения операции: дневники — в

обмен на побег Чиано, который должны были подготовить немецкие агенты.

Беец обсудила этот план с генералом Вильгельмом Харстером, начальником службы безопасности Вероны, который, в свою очередь, встретился с доктором Эрнстом Кальтенбруннером в Инсбруке. Оба договорились о проведении операции «Граф» по освобождению Чиано без ведома Гитлера. Однако Эдда должна была сначала представить некоторые из дневников для ознакомления с ними Кальтенбруннера и Гиммлера.

С этого момента Эдда находилась в постоянном напряжении. И вот теперь она уподобилась горбуну, прикрепив на спине и под грудью восемь дневниковых тетрадей Чиано.

Ей никогда не удалось бы проделать задуманное без помощи Марчезе Эмилио Пуччи, галантного авиатора и ее постоянного компаньона. Именно Пуччи выехал в Рим в сопровождении Хильдегард Беец и двух агентов службы безопасности, где изъял под паркетом пола в комнате, где в дневное время находились слуги, документы Чиано. Их он доставил в Верону, спрятав в своем пальто. Генерал Харстер не возражал получить лишь часть из них, но приказал их скопировать, частично перевести на немецкий язык и отправить в Берлин Кальтенбруннеру для оценки. 6 января начальник имперской службы безопасности дал ответ — можно начинать осуществление операции «Граф».

В 8.30 вечера под предлогом предотвращения попытки освобождения Чиано итальянскими патриотами Харстер должен был послать отряд эсэсовцев для занятия тюрьмы. Среди них будут находиться два специальных агента, вызванные из Голландии, — специалисты по бесшумному снятию часовых и ликвидации опасных свидетелей. Так что Кальтенбруннер сможет доложить Гитлеру: Чиано освобожден итальянцами. В 9 часов вечера граф, агенты и Хильдегард Беец должны быть на десятом километре шоссе, ожидая прихода Эдды с деньгами и драгоценностями для мужа. Ему предстоял перелет с первого же контролируемого немцами аэродрома — предположительно Инсбрука — в Будапешт, а оттуда — в трансильванское поместье графа Фестетика, который состоял в контакте с Кальтенбруннером.

Когда после этого придет сообщение, что Чиано оказался в Турции, воспользовавшись тайными эсэсовскими тропами, Эдда должна будет вручить остающиеся дневники фрау Беец.

Но в этот морозный вечер у дочери дуче все шло не так, как должно было быть. Когда Эмилио Пуччи привез дневники из Рима, она спрятала их у одного из друзей семьи в Варезе —

населенном пункте, находившемся неподалеку от озера Комо. Забрав их, она на автомашине Пуччи направилась во вторую половину дня в Верону. Однако неподалеку от Брешии спустило заднее колесо, и ей пришлось идти дальше пешком…

Увидев километровый столб с цифрой десять, она поблагодарила подвезшего ее водителя и вышла в снежную круговерть. «Идет ли все по плану?» — думала она. Кругом было тихо, и Джалеаццо видно не было.

В напряжении Эдда прислонилась к дереву, росшему у обочины. Вдруг на шоссе мелькнул слабый лучик карманного фонаря. Это, видимо, Джалеаццо! Но тут же ее обуял страх. Что, если Хёттль обманул ее, и Чиано никогда не будет освобожден? А сейчас они собираются арестовать ее и забрать дневники. С бьющимся сердцем она скрылась в кустарнике. Лучик, однако, оказался светом фар проехавшего мимо автомобиля. Эдда вновь встала во весь рост.

Она потеряла счет времени. Но вот, словно дух из-под земли, показался какой-то рабочий на мотоцикле.

— Женщина! — воскликнул мотоциклист. — Неподалеку, видимо, находится дом, где можно обогреться?!

— Было бы неплохо, — с юмором ответила Эдда, — но дома-то здесь нет.

Время тянулось бесконечно долго. Наконец, со стороны Брешии к ней подъехал грузовик. Словно лицо3 перебирающееся с места на место, пользуясь попутными машинами, она подняла руку… Часы на окраине Вероны показывали 5 часов утра.

Через четыре часа и пятнадцать минут Джалеаццо предстал перед трибуналом, приговорившим его к смертной казни.

Ручной звонок прозвенел, отдавшись эхом в холле постройки четырнадцатого века. Когда девять одетых в черное судей вошли в зал заседаний в Кастельвеччио, публика и обвиняемые вскочили на ноги. Председательствующий в алой накидке объявил о начале заседания веронского трибунала.

Была суббота 8 января 1944 года. В этот день, необычайно холодный, лед сковал речку Адидже, протекавшую под стенами старого замка, снег толстым слоем лежал на бастионах. Хотя на судьях под мантиями были надеты пальто, они все же мерзли. Справа от них, в углу зала, находились обвиняемые — Джалеаццо Чиано в дождевике, старый маршал де Боно, закутанный в шерстяную шаль, остальные — в костюмах.

Многих присутствовавших пробирал озноб, и не только от холода. Трибунал носил формальный характер, и все это хорошо знали. Даже сама обстановка говорила о спланированной трагедии: с черными бархатными занавесями окон зала резко

контрастировали белые, как черепа, пучки прутьев ликтора и алая скатерть на судейском столе. Характерно, что почти все судьи пытались было освободиться от своих обязанностей. Ренцо Монтана считал, что предстоявшее заседание будет носить «характер мщения, а не правосудия». Франц Паглиани, врач по профессии, заявил секретарю партии Паволини:

— Задача врача заключается в спасении жизни пациента, а не в вынесении ему смертного приговора.

Мало кто из обвиняемых рассчитывал на благоприятный исход. Им не были предоставлены даже адвокаты для защиты. Один только маршал де Боно передал из тюрьмы своей кузине: «Остается дня три. Постарайся, чтобы к моему возвращению был готов хороший ужин».

Остальные разделяли горечь Чиано, который написал Эдде 6 января: «Ты все еще вынашиваешь иллюзию, что я через несколько часов буду свободен, и мы снова будем вместе, для меня же начинается агония».

За двадцать четыре часа до вылазки Эдды к десятому километру шоссе Хильдегард Беец сообщила Чиано ужасную новость: операция «Граф» отменялась. Настороженный сообщением Риббентропа и Геббельса о готовящемся заговоре, Гитлер вызвал к себе Гиммлера и Кальтенбруннера, потребовал от них признания и сурово отчитал. Позвонив генералу Харстеру в Верону, фюрер предупредил его:

— Если Чиано удастся бежать, вы заплатите за это собственной головой.

Когда Кальтенбруннер попытался оспорить решение Гитлера, фактически приговорившего Чиано к смерти, фюрер лишь громко рассмеялся:

— Муссолини никогда не позволит отправить отца своих любимых внуков на смерть. В этом заключается одна из особенностей итальянцев.

В действительности же Гитлер ошибался. Еще за два месяца два представителя старой гвардии, заседавшие в здании префектуры Вероны — во дворце Скалигеро, приговорили шесть жителей города к смертной казни. Это были Пьетро Козмин, очкарик, бывший офицер флота, сам болевший раком легких, и майор Никола Фурлотти, тоже носивший очки, говоривший всегда полушепотом, начальник городской полиции. В тот день, когда Козмин объявил себя префектом с пистолетом в руке, он вместе с Фурлотти решил: если Чиано по протекции Муссолини будет освобожден, он должен будет умереть от рук Фурлотти по дороге из Кастельвеччио в тюрьму.

Постоянно кашляя и прикрываясь черным шелковым носовым

платком, заядлый курильщик Козмин заявил Фурлотти:

— Весь фашистский режим может рухнуть, если не будет преподан соответствующий урок.

Фурлотти понял свою задачу. Прежде чем однорукий сицилийский общественный обвинитель Андреа Фортунато поднялся, чтобы объявить заседание трибунала открытым, шеф полиции шепнул ему:

— Вы должны провести заседание трибунала без сучка и задоринки. То, что это — важные персоны, не должно вас смущать, — добавил он с угрозой.

Фортунато лишь кивнул.

Фурлотти считал напрасной потерей времени всю эту процедуру: ведь обвиняемые были предателями дела фашизма, хотя и заявляли, что не собирались смещать Муссолини.

— Если вы не выступили на заседании большого совета, — обратился обвинитель к Чиано, — то почему вы постеснялись сказать об этом дуче?

— Поскольку я не был уже министром иностранных дел, — ответил тот, — у меня не было возможности запросто обращаться к Муссолини.

— Почему вы пошли на заседание совета, зная о заговоре? — был спрошен де Боно.

— Мне не хотелось идти на заседание, — признался старый маршал, — поскольку полагал, что совет затянется надолго, а я страдаю сонливостью.

— Мне было трудно что-либо понять, — заявил Пареши.

Джианетти же сказал:

— Когда я понял, что это был заговор… я немедленно отказался от своего голосования, сняв свой голос.

— Я думал, что инициатива Гранди преследовала цель укрепления нашей боевой мощи, — молвил Готтарди.

Маринелли же произнес:

— Я находился в десяти метрах от выступавших… и смог уловить лишь небольшую часть дискуссии из-за глухоты.

В воскресенье утром, когда стала выступать защита обвиняемых, Козмин вспылил и подошел к столику, стоявшему слева от судей. В это время адвокат Риккардо Маррозу говорил о долгих годах службы де Боно.

— Хорошо подготовленная речь, не так ли? — прервал его префект, злыми глазами глядя тому в лицо. — Адвокатам защиты следовало бы помолчать. Если будет такая необходимость, их можно и вывести отсюда.

В десять часов утра 10 января суд, подобно «французскому революционному трибуналу», вынес решение. Перед этим

секретарь суда подошел к адвокату Перани и сказал:

— Передайте остальным защитникам: не возражать ни слова и стоять опустив головы, когда председательствующий будет зачитывать приговор.

Во время небольшого перерыва все скамьи были неожиданно вынесены людьми в черных рубашках, а на выходах и лестнице появились фашистские молодчики с автоматами на изготовку, блокировавшие каждую дверь.

— Адвокаты, не бойтесь, — сказал один из них, ˆ~ против вас мы ничего не имеем, но если тех признают невиновными, то мы прекратим комедию. Не забудьте, однако, пригнуться!

Маленький деревянный ящичек передвигался по столу, покрытому зеленым сукном. Это в комнатке, примыкавшей к залу заседаний, судьи проводили голосование. В абсолютной тишине слышался лишь стук опускаемых шаров: белый — невиновен, черный — виновен.

У судьи Ренцо Монтаны закружилась голова. Сорокадевятилетний генерал милиции, ветеран марша на Рим, считал, что настоящие виновники давно уже скрылись, а эти оставшиеся члены большого совета были лишь козлами отпущения. Он все более убеждался, что трибунал, да и все судейство были подстроены с самого начала и до конца. Еще до голосования он попытался выступить в защиту маршала де Боно, упомянув его возраст, заслуги в период Первой мировой войны и необходимость делать различие в степени вины обвиняемых. Судья Энрико Веццалини, ведший тайно переговоры с Козминым, возразил:

— Тут может быть только одно различие: стрелять в спину или в грудь.

Монтана обратился к судье Джиованни Риггио за поддержкой, но тот колебался. И вновь вмешался Веццалини, сказавший:

— Вы предаете фашизм и революцию. Риггио сразу же сдался, заявив:

— Мой долг — голосовать за наказание.

И Монтана с горечью понял: режим борется за свое собственное существование, поэтому для милосердия места не оставалось.

Как врач, Франц Паглиани попытался защитить Маринелли: будучи глухим, он вряд ли разобрался в происходившем. Большинство судейской коллегии, однако, его не поддержало. Для доказательства глухоты необходимо собрать медицинский консилиум, трибунал же должен был поторопиться. Что касается Готтарди и Пареши, то судья Отелло Гадди, твердолобый

начальник местной милиции, брякнул:

— Если я, простой подполковник, понимаю, что к чему, то и они должны были это понять.

Прекратив прения, судьи приступили к голосованию. В результате оказалось:

де Боно: 4 шара — невиновен, 5 — виновен; Туллио Джианетти: 5 — невиновен, 4 — виновен; Маринелли: 1 — невиновен, 8 — виновен. Последним был Джалеаццо Чиано — 9 черных шаров.

Над полем висела полоса тумана, смешанная с дымом. С вязов, окружавших форт Сан-Проколо, сорвалась стая грачей, поднявших шумный гвалт, слившийся с эхом винтовочных выстрелов по пяти мужчинам, сидевшим привязанными к стульям, взятым из ближайшего бара. Когда дым от сигареты Козмина смешался с пороховым дымом, у немецкого офицера, стоявшего рядом с ним, на глазах показались слезы.

— Не могу понять вас, итальянцев, — с трудом проговорил он. — Ваши души либо слишком мягкие, либо слишком жестокие.

У Козмина в голове промелькнула только одна мысль, что подписанное осужденными прошение о помиловании никогда не попадет в руки Муссолини. Ему повезло, что такие твердолобые фашисты, как секретарь партии Паволини и местный шеф полиции Туллио Там-бурини, поддерживали его во всем. Поначалу они попытались убедить министра юстиции Пьетро Пизенти отказаться принять прошение осужденных о помиловании. Когда же тот настоял на своем и собирался передать его лично дуче, Паволини воскликнул в ярости:

— Мы не можем нанести ему такую боль.

До трех часов ночи 11 января никто в прокуренном кабинете Козмина не мог сообразить, что полковник Итало Вианини, инспектор пятой зоны Национальной республиканской гвардии, имел право отклонения любых прошений. Полковника подняли с постели, но он стал отказываться. В течение пяти часов Козмин, Там-бурини и обвинитель Фортунато настаивали на своем, пока тот по прямому указанию своего шефа, генерала Ренато Риччи, не согласился.

Когда майор Фурлотти поднял правую руку и дал сигнал на открытие огня, оказалось, что экзекуционный взвод находился в готовности в форте Сан-Проколо уже в течение четырех часов.

Конец, которого столь ждал Козмин, был ужасным и кровавым. Из тридцати солдат, включенных в состав экзекуционного взвода, стоявшего всего в десяти метрах от жертв, никто ранее не принимал участие в подобных экзекуциях.

— Вам необходимо целиться вот сюда, — сказал им

Фурлотти, показывая на затылки пятерых осужденных.

Таковым был весь инструктаж.

Доктор Ренато Карретто, тюремный врач, обошел умиравших, моля о конце бойни. Пареши упал на левый бок, крикнув: «Да здравствует Италия!» Из шести солдат, целившихся в него, попали только двое, и он был еще жив. Маршал де Боно повторил его возглас, но, как и Готтарди, был мертв. Маринелли, которого с трудом усадили на стул, взывавший к женщине по имени Джулия, тоже был еще жив. Подошедший Фурлотти с автоматом «беретта» добил умиравших.

Последним был Чиано. При подаче команды на огонь он повернул голову, чтобы посмотреть на происходившее, и был сбит пулями на землю.

Доктор заметил, что он еще жив. Майор Фурлотти спустил курок, но Чиано добит не был. Тогда Фурлотти дал еще очередь, целя в правый висок. Чиано вздрогнул и больше не шевелился.

Священник бесшумно вошел в кабинет диктатора, отметив про себя, что человек, сидевший за письменным столом не поднимая головы, был объят страхом. Дуче знал, что дон Джузеппе Чиот, седобородый капеллан веронской тюрьмы, провел последнюю ночь вместе с осужденными и мог рассказать ему о том, что его интересовало.

— Как произошла эта трагедия? — спросил Муссолини резко.

— Так, как вы этого и пожелали, — ответил священник.

Дуче поднял на него глаза:

— Что вы имеете в виду — я?

— Те, кого вы вызвали на заседание большого совета, осмелились дать вам совет, — жестко произнес дон Джузеппе. — А вы вынесли им смертный приговор.

При этих словах Муссолини вскочил на ноги.

— Вы игнорируете тот факт, что приговор вынесли судьи, — попытался он оправдаться.

— Никто не осмелился бы вынести такой приговор без вашего согласия, — возразил священник.

Спокойно, без боязни дон Джузеппе сказал диктатору, что тот спутал измену фашизму с изменой Италии.

— Итальянский народ уже давно различает это, — продолжал капеллан. — Могу даже сказать, что это — мнение каждого.

Муссолини снова сел и обхватил свою голову руками: он не был в этот момент дуче.

— Как они провели последнюю ночь? — выговорил он, облизывая сухие губы.

Все они, вспоминал священник, были близки к Богу. Внутри тюрьмы, хотя там постоянно хлопали двери и раздавался топот

ног, было очень спокойно, даже необычно спокойно. Двери камер были открыты, и они все собрались в камере де Боно, чтобы провести ночь вместе. А говорили они о… высказывании Платона о бессмертии души… о последнем вечере… о Христе в Гефсиманском саду.

Собравшись в кружок около горевшей печки, они говорили о странных, почти мистических вещах. Карло Пареши высказал последнее пожелание, чтобы его зеленая шаль была бы положена на его тело, прикрывая его. Де Боно вспомнил свою солдатскую молодость: шестьдесят лет назад, будучи зеленым лейтенантом, он присутствовал на званом ужине в Кастельвеччио, где теперь суд приговорил его к смертной казни за государственную измену.

— Увидим ли мы Мадонну сразу же после смерти? — просто спросил он дона Джузеппе.

Чиано сохранил свою ожесточенность до самого конца.

— Я никогда не доставлю Гитлеру и Муссолини этого удовольствия, — заявил он, когда им всем было предложено подписать прошение о помиловании.

Только мнение Туллио Джианетти, что тем самым он нанесет вред шансам своих товарищей, заставило его в конце концов поставить и свою подпись.

— Вы должны были знать об этом, — настойчиво произнес дон Джузеппе. — Ваш зять обвинил вас в жестокости за то, что вы не проявили милосердие. Лишь де Боно несколько изменил его настроение, положив ему руку на плечо и сказав, что всем им предстоит предстать перед Божьим судом. «Вы правы, — ответил ему Чиано. — Нас всех подхватил один и тот же ураган. Я умру без злобы в моей душе — передайте это моим близким».

Дрожа всем телом, Муссолини прервал его.

— Он сказал: «Передайте это моим близким?»

— Да, — подтвердил священник, — и вас он тоже имел в виду.

Долгие секунды Муссолини молча смотрел на дона Джузеппе. Затем горе охватило его, и он упал головой на стол, содрогаясь конвульсивно в плаче.

И Чиот подумал: «А ведь прошение, по всей видимости, так и не было ему передано. Он даже его не видел, хотя и не желает в этом признаться. И боится показать, что находится во власти таких людей, как Козмин».

Кларетта Петаччи потом подтвердила, что Муссолини ждал это прошение всю ночь, звоня ей чуть ли не каждый час.

— Обратите свои страдания к Богу, — посоветовал ему Чиот. — Вам придется испить чашу горечи до дна.

Муссолини с мокрыми от слез глазами схватил его руку,

попытавшись улыбнуться.

— Они простили меня, не так ли? — просительно произнес он, крепко держа священника за руку. Спустя несколько секунд добавил, видимо пытаясь сохранить чувство собственного достоинства: — Не говорите никому о том, что вы видели здесь.

Чиот посмотрел на человека, которого Гитлер четыре месяца назад назначил гауляйтером Северной Италии. «Он ведет себя как ребенок, — подумалось ему, — хотя и представил себе узников Вероны в их последний час».

Глава 10
«Они называют меня Бенито Квислингом…»

23 января 1944 года — 18 апреля 1945 года

Личный секретарь Муссолини Джиованни Дольфин усмехнулся. Прошло всего четыре дня с момента посещения дуче доном Джузеппе, как у него появился другой священник. Ожидавшие в приемной министры и генералы молча пропустили его в кабинет Муссолини. Даже министр культуры Фернандо Меццасома, сопровождавший его, вышел, оставив их одних.

Они знали друг друга. В 1920 году Джиусто Панчино, сын миланского железнодорожного мастера, помогал распространению газеты «Иль Пополо» и был постоянным партнером Эдды в играх в полицейские и разбойники и им подобных в парке замка Сфорцеско. В 1941 году он, будучи молодым священником, встретился с Эддой в военном госпитале в Дерми в Албании, в котором она работала медицинской сестрой. Вполне естественно, что она познакомила его с дуче, когда тот приехал на фронт.

Муссолини поставил перед Панчино две задачи: отыскать Эдду, бежавшую в Швейцарию за два дня до приведения приговора над осужденными в Вероне в исполнение, и попытаться достичь примирения.

«Дуче, — написала Эдда в своем письме, переданном отцу Марчезе Пуччи, — я до сегодняшнего дня ждала, что вы проявите хоть в какой-то степени гуманность и справедливость. Если Джалеаццо не окажется в Швейцарии в течение следующих трех дней… все, что я знаю, и все имеющиеся у меня доказательства будут использованы против вас бескомпромиссно…»

Именно это опасение и побудило людей генерала Харстера прочесать всю северную часть Италии в поисках Эдды. К его удивлению Муссолини не знал, где она скрывается, но заявил:

— Кто тронет мою дочь, тронет меня лично. Перед высоким, кареглазым и в очках священником стояла нелегкая задача. Первое, что он сделал, он направился в Рим, чтобы получить от Доменико Тардини, госсекретаря Ватикана, рекомендацию к папскому нунцию в Берне. По возвращении на озеро Гарда 5 февраля его, однако, ожидал удар. Не отказывавшийся в свое время от женщин, постаревший Муссолини вспомнил народную притчу: «Если ты молод, отдай свое тело дьяволу, но если ты стар, отдай свои кости Богу». Во время их второй встречи, изображая из себя рьяного католика, он заявил, что хотел бы

умереть так же, как умер Чиано. И Панчино оказался перед проблемой: если Муссолини намерен исповедаться, то что делать ему, тридцатишестилетнему сельскому священнику?

По прошествии нескольких недель его проблемы разрослись. Во-первых, ему не удалось пересечь границу со Швейцарией, и он был вынужден возвратиться в Рим, чтобы попросить Папу Пия XII вмешаться. Таким образом, до 4 марта ему не удалось попасть в Берн. После этого прошло еще три недели, пока он не отыскал Эдду в одной из клиник в Ингенболе.

Встреча их оказалась душераздирающей. Перед священником оказалась женщина с сильно расстроенным здоровьем, постоянно опасавшаяся, что дневники Чиано могут попасть в руки эсэсовских агентов. При упоминании о ее отце она замкнулась.

— Передай ему, что у него есть только две возможности реабилитироваться в моих глазах — бежать или наложить на себя руки, — решительно заявила она Панчино.

Через три дня Муссолини услышал переданные ему ее слова с ужасом и отчаянием. Целых девяносто минут он дотошно расспрашивал священника о дочери, а на следующий день снова вызвал его к себе.

Как дон Джиусто и предполагал с надеждой и опасением одновременно, диктатор прямо затронул этот вопрос. В своем выступлении в палате общин Уинстон Черчилль открыто сказал, что новое появление Муссолини на первой странице истории нежелательно, поскольку его руки обагрены кровью Чиано.

— Отец Панчино, вы знаете, что это неправда, — обратился дуче к священнику, — но многие так именно и думают. Из утверждения Черчилля следует, что я останусь в истории только как убийца своего зятя. — Он замолчал, подыскивая слова. Затем выпалил: — Послушайте, отец, я испытываю огромное желание, чтобы душа моя обрела покой… Прошу вас замолвить за меня словечко перед Богом.

Панчино растерялся. Он никогда не считал Муссолини дурным человеком, но рано или поздно любой священник должен столкнуться с фатальным чувством убежденности в неполноценности какого-либо человека.

— По существу, у него была добрая душа, — скажет Панчино позже, — но он был очень застенчив и не осмеливался открыто показать свою гуманность.

Вот и тогда он стыдливо признался:

— Если бы моя мать была жива, молился я бы постоянно… Но что скажут люди, если я теперь пойду в церковь?

Священник должен был, однако, оспорить это утверждение. Ведь Муссолини хотел видеть в нем своего духовного отца.

Глубоко взволнованный, он вновь выехал в Швейцарию — чтобы вручить Эдде последнее послание ее отца и помочь обеспечить сохранность дневников Чиано, поместив их в Бернский кредитный банк. Немцы по поручению генерала Харстера предложили ему сто миллионов лир, если ему удастся их украсть. 18-го, а потом и 28 апреля у него были долгие разговоры с Муссолини, в которых он умолял его найти другого духовника.

— Я — не та личность, которая должна быть вашим духовным отцом, — пытался он убедить дуче.

Но Муссолини был с ним не согласен. Тогда дон Джиусто решил: если он будет рядом с ним, хотя ничего собой и не представляя, то, может быть, сможет хоть в чем-то помочь.

Однако 1 июля прогремел гром с ясного неба. Теоретически священник может отпустить грехи любому человеку, но Панчино не имел права осуществить таинство вне пределов своей юрисдикции без специального разрешения Папы. Это ему втолковал нунций. В ту солнечную июльскую субботу в своем дворце, выходящем окнами на бернскую улицу Тунштрассе, нунций Филиппо Бернардини вручил ему личное послание его святейшества Папы Пия XII. В нем говорилось:

— Несомненно, вы имеет право выслушать исповедь Муссолини и отпустить ему все грехи.

Панчино был поражен как ударом молнии. Возвратившись на озеро Гарда, он, однако, нашел Муссолини пребывающем в нерешительности. Довольно быстро священнику удалось установить, что беспокоило дуче — его семилетняя любовь и вместе с тем ненависть к Адольфу Гитлеру и Третьему рейху.

Муссолини, который так восхищался прежде силой фюрера, теперь приходилось только тяжело вздыхать. Сначала немцы прибрали к рукам территорию страны вместе с его жильем, затем приставили к нему тридцать эсэсовцев для охраны, которые не спускали с него глаз день и ночь. На площади в два квадратных километра вокруг его резиденции располагались 700 зенитчиков. Даже Кларетта попала на озеро благодаря эсэсовскому генералу Карлу Вольфу, который потребовал от нее докладов о дуче. Но и без того у Вольфа были повсюду свои глаза и уши. Все телефонные разговоры Муссолини, включая звонки к Кларетте, прослушивались и записывались. Предписания и распоряжения дуче не выходили за пределы так называемой «зоны Ц», установленной немцами. Для большей эффективности его министров поселили в Падуе и Кремоне.

Его врачом, по распоряжению Гитлера, теперь был немец — капитан Георг Цахариас, который лечил его язву и блокировал

желчный проток витаминными уколами и гормонными препаратами, сократив потребление молока. Несмотря на переживания и расстройства, дуче стал поправляться, набрав вес более семидесяти килограммов.

У него были две линии городской телефонной связи, но меньше власти, чем даже у мэра Сало.

— Меня называют Бенито Квислингом, — с некоторым озлоблением сказал он журналисту Карло Силвестри, — но они правы. Какая у меня реальная власть?

Цена его унижения росла очень быстро: с декабря 1943 года Республика Сало должна была платить рейху «протекционистские деньги» в размере десяти миллиардов лир ежемесячно.

Иногда им овладевали сарказм и горечь.

— Если бы это не прозвучало богохульно, — заявил он однажды, — то я бы крикнул: «Боже, сгнои Гитлера и этого хорька Рана».

И порою нападала хандра. Однажды, выпуская на свободу ласточку, случайно залетевшую в его комнату, он произнес со слезами:

— Если бы я мог улететь вместе с ней…

Чаще же всего его охватывала ярость. Грациани доложил, что 65 000 человек призыва 1924–1925 годов, целых четыре дивизии, после прохождения обучения и тренировки в Германии были отправлены домой из-за недостатка вооружения. Было ясно: после 25 июля Кессельринг в них не нуждался. Муссолини воспринял это как выпад против себя лично.

— Почему немцы не используют их? — спросил он своего секретаря Дольфина. И сам же ответил: — Они не хотят, чтобы моя республика имела армию.

4 июня пришло самое болезненное известие: в тысяче километров южнее американцы начали операцию под условным наименованием «Слон». Их танки вошли в предместье Рима — Порта Маджиоре. Дуче тут же объявил три дня всеобщего траура по городу, который он никогда не увидит.

Чаще же всего он откладывал в сторону все дела и читал книги. За 600 дней существования республики он провел всего семнадцать заседаний кабинета министров. Дольфин обратил внимание на то, что Муссолини часами сидел над трудами Сократа. Однажды, когда к нему неожиданно вошел немецкий посол Ран, дуче, как нашкодивший школьник, пытался спрятать платоновскую «Республику». По собственной воле он снизил свой оклад до 12 500 лир в месяц как гражданскому служащему и следил за тем, чтобы расходы семьи не превышали этой квоты.

Его освободитель Отто Скорцени как-то навестил его на

озерной вилле и возвратился в Германию в дурном расположении духа.

— Он уже не диктатор, — рассказал Скорцени своему заместителю Карлу Радлю, — он стал философом.

Когда вскоре после 20 июля дон Джиусто побывал у дуче, то нашел его в странно приподнятом настроении. Причина этого прояснилась скоро. Как раз 20 июля дуче нанес визит Гитлеру в его штаб-квартире в Растенбурге, всего через три часа после неудавшегося покушения графа Штауффенберга на фюрера. Гитлер пожал дуче руку своей левой рукой, показал опаленную форму и дымящиеся руины комнаты для работы с картами, затем в апокалипсическом угаре заявил, что уничтожит всех своих противников. За чайным столиком Муссолини сидел в растерянном молчании, держа кусок шоколадного торта и слушая монолог своего собеседника. Неожиданно прервавшись, тот позвонил по телефону, потребовав ликвидации 5000 арестованных человек и присылки Муссолини пальто на случай, если ему станет холодно. Муссолини заявил напыщенно помощнику Гиммлера:

— В такой момент истории, дорогой Дольман, дуче не испытывает холода.

Когда он окончил свой рассказ, священник заметил, что дуче не мог дольше сдерживаться. Осознавая, что и другим придется вынести унижение 25 июля, Муссолини со сдавленным смешком произнес:

— Именно с ним. Это может случиться именно с ним.

Сырой балтийский воздух, казалось, раскололся. Железобетонный бункер в глубине соснового леса на острове Рюген, у северо-восточного побережья Германии, вздрогнул. Несмотря на темные очки, которые он надел, двадцатисемилетний Луиджи Ромерса почувствовал, как необычный свет, ярче, чем тысяча солнц, ослепил его глаза. В стороне молочно-белый дым клубился, быстро поднимаясь в небо, будто бы происходило извержение вулкана. В 11.45 утра 12 октября 1944 года Ромерса со стыдом ощутил, что весь мокр от пота.

Изумленный военный корреспондент вспомнил о только что прошедшей неделе — семи самых страшных днях его жизни. 10 сентября Ромерса, ветеран-журналист, освещавший тунисскую кампанию и бывший в течение двух лет любимцем Муссолини, был приглашен на озеро Гарда и получил необычное задание: увидеть собственными глазами секретное оружие Гитлера в ходе поездки по Германии. Когда он в конце сентября оказался в Берлине, то не мог даже предполагать, что встречи с Гитлером и

Геббельсом, прошедшие очень коротко, окажутся пропуском в кошмар.

Искренно говоря, вид Гитлера в его бункере в Растенбурге буквально потряс его. После неудавшегося покушения доктор Тео Морелль — врач-шарлатан, которому Гитлер доверил свою жизнь, лечил его стрихнином и уколами морфия, могущими нанести вред клеткам головного мозга. Дрожавший и беспомощный Гитлер производил гнетущее впечатление. В глазах его, однако, промелькнуло благоговение, когда было названо имя Муссолини.

Как доверенному лицу дуче, Ромерсе было позволено осмотреть все — пусковые установки ракет в Пенемюнде, центральные заводы под Нордхаузеном, в глубине гор Гарца, где 10 000 заключенных собирали 6000 ракет дальнего действия.

— То, что мы имеем, — страшное и грозное оружие, — мягко произнес фюрер.

Строгие и внушительные боеголовки ракет «А-4», которыми уже обстреливался Лондон, производили соответствующее впечатление. Ромерсе понадобилось шесть дней, чтобы полностью оценить смертоносный потенциал гитлеровского оружия. В Пенемюнде он присутствовал на испытаниях истребителя «Ме-163» с ракетными ускорителями, и ему было сказано, что 1000 таких самолетов в ближайшее время сойдет со сборочных линий. Он видел опытные образцы противосамолетной управляемой ракеты «Водопад», действующей на расстоянии 50 000 метров, и наблюдал в действии реактивные истребители «Ме-262». С открытым ртом осматривал он истребители с вертикальным взлетом Бахемнаттера и подводную лодку Бёрзига, способную достичь Нью-Йорка и нанести по нему сокрушительный удар.

Однако все эти виды грозного оружия поблекли перед загадочной «дезинтеграционной бомбой», на испытаниях которой он присутствовал на острове Рюген и которая была взорвана на расстоянии трех километров. Хотя ученые Гитлера так и не довели атомную бомбу до совершенства, на заключительной стадии находилась разработка сорокатонной двадцатиметровой ракеты-носителя под атомную боеголовку.

В пять часов вечера раздался резкий телефонный звонок. Ромерсе и трем сопровождавшим его армейским офицерам было разрешено выйти из бункера. Прежде чем выйти, они надели на себя белую защитную одежду и пластиковые шлемы. Солдаты в таком же одеянии показали им путь. Как вспоминал потом Ромерса, казалось, что в лесу произошел страшный пожар, так как на удалении почти двух километров от деревьев остались лишь черные обгоревшие стволы. Облицованные кирпичом укрытия,

замеченные им раньше, были засыпаны.

Вдруг он на что-то наткнулся. Это была коза с дымившейся шкурой и головой будто бы «размозженной молотком». Целое стадо коз подыхало, издавая жалобные крики, «подобно людям».

Несмотря на все эти ужасы, Ромерса подумал, что его доклад обо всем увиденном поднимет дух Муссолини. Если немцы поторопятся, победа окажется в их руках, а значит, будет жива и Республика Сало.

Оберштурмфюрер Франц Шпёглер торопливыми глотками допивал утренний кофе. Оставив чашку на столе, он поторопился к выходу гостиницы «Гарда», и через несколько минут его «фольксваген» несся по берегу озера в сторону виллы Фиордалисо. Некоторое время тому назад взволнованный голос Кларетты Петаччи сообщил, что в десять часов утра, а было 24 октября, она ожидает какие-то неприятности.

Голубоглазый двадцатидевятилетний эсэсовец, приставленный генералом Карлом Вольфом в качестве охраны к семье Петаччи, обожал Кларетту. Между ними сложились отношения брата и сестры. Он вскоре же выяснил необходимость подкармливания семьи, так как она жила за счет прошлых сбережений весьма экономно. Дуче использовал Шпёглера как посредника, передавая Кларетте 3000 лир в месяц. Для пополнения запасов продуктов Шпёглер вместе с Клареттой довольно часто выходили на берег озера на ловлю рыбы, используя семидесятиметровый электрический кабель для производства электрошока.

Когда вдали показалась вилла Фиордалисо, Шпёглер увидел причину беспокойства Кларетты. С внешней стороны железных ворот находились Рашель Муссолини в клетчатом костюме, с плащом на руке, министр внутренних дел Гуидо Буффарини-Гуиди и около пятидесяти полицейских на грузовой автомашине. Возмущенная тем, что ее соперница осмелилась поселиться на озере, Рашель, мирившаяся с этим долгие месяцы, решила, как говорится, обменяться с ней мнениями.

Шпёглер размышлял не долго. Ему надо было каким-то образом задержать Рашель и Буффарини, пока он не проконсультируется с Клареттой и дуче.

— Я настаиваю на разговоре с этой женщиной, — произнесла, вместо приветствия, Рашель.

Немец попросил выждать некоторое время. Открыв калитку, он хотел было позвонить в дверь, но затем, торопливо извинившись, скрылся за домом. Там он обнаружил Кларетту, лежавшую в гамаке и смотревшую на озеро. Быстро переговорив с ней, Шпёглер возвратился к Рашели.

— Либо в доме никого нет, — сказал он ей, — либо они меня не слышат.

Рашель не восприняла ни то, ни другое.

— Я точно знаю, что эта женщина дома, — выкрикнула она.

Тогда Шпёглер заявил, что возвратится в гостиницу и позвонит начальству, но настоятельно попросил обождать на улице и отослать полицейских. Еле сдерживая свой гнев, Рашель в конце концов согласилась.

Сев в автомашину, Шпёглер помчался в гостиницу. Позвонив Муссолини, он изложил ему создавшуюся ситуацию, услышав затрудненное дыхание на другом конце провода. Приняв решение, дуче сказал:

— Я не возражаю против их встречи. Если Рашель увидит ее, то поймет, что она — настоящая леди. — Затем добавил: — В случае, коли одна из них повысит голос, прекратите их разговор.

Шпёглер возвратился на виллу Фиордалисо без большого оптимизма. Рашель в это время пыталась перелезть через трехметровый забор. Буффарини, дергая ее за юбку, умолял:

— Ваше превосходительство, слезьте. Воспользовавшись шумом, Шпёглер проскользнул во

двор и узнал от Кларетты, что ей позвонил дуче, пытаясь убедить ее согласиться на встречу. И она стала одеваться так, чтобы «убить» соперницу, надев бледно-голубое бархатное платье с мехом и соответствующими драгоценностями. Предложив ей руку, чтобы спуститься по лестнице, Шпёглер подумал: тут попахивает провокацией.

И он не был не прав. В красной комнате на первом этаже Рашель тут же плюхнулась на диван, а Буффарини уставился в окно. Оба чувствовали себя не в своей тарелке в стенах, прикрытых темно-красной парчой, с резным, покрытым позолотой потолком и миниатюрными настенными фонтанами. Оценивая убранство комнаты, Рашель воскликнула:

— Какая элегантность! Да и хозяйка ее весьма элегантна! Вот как одевается женщина, находящаяся на содержании главы нации. И посмотрите на меня — ведь я за ним замужем.

Таково было начало их разговора. При словах «женщина, находящаяся на содержании», Кларетта вспылила. Рашель же добавила: «Женщина, которую в Италии ненавидят более всего. Всем известно, что она планирует бежать вместе с Муссолини на подводной лодке из Ла-Специи».

— Вы лжете! — воскликнула Кларетта. Рашель поднялась с дивана и крикнула гневно:

— Она сумасшедшая и представляет собой опасность. Уведите ее отсюда.

Когда Шпёглер поспешил встать между ними, Кларетта вскрикнула и, смертельно побледнев, упала, потеряв сознание. Немец для успокоения налил себе рюмку коньяка. Рашель же спокойно прокомментировала:

— Я знаю эти штучки, и очень хорошо. Никто от этого не умирает.

Придя в себя, Кларетта подошла к телефону и позвонила Муссолини. Кипя от ярости, она закричала:

— Ты знаешь, как она назвала меня? Она назвала меня шлюхой!

— Что?! — послышался сдержанный голос дуче. — Дай мне Шпёглера.

Когда тот взял трубку, Муссолини сказал:

— Шпёглер, постарайтесь, чтобы разговор проходил в соответствующих рамках.

— Дуче, — ответил тот, — ситуация весьма для меня неприятная.

Рашель снова заняла атакующую позицию и потребовала, чтобы Кларетта прекратила свои отношения с дуче для блага его же семьи и блага Италии. Молодая женщина возразила:

— Дуче нуждается во мне, ибо я являюсь его духовной поддержкой.

— Ему ничего не надо, — настаивала Рашель, — кроме как быть оставленным в покое.

— Но именно дуче, — в ответ крикнула Кларетта, — не оставит меня в покое. Об этом свидетельствуют его письма.

— Покажите их мне! — потребовала Рашель.

Кларетта вновь подошла к телефону и попросила разрешения Муссолини зачитать Рашель некоторые отрывки из его писем.

— Есть ли в этом необходимость? — запинаясь произнес дуче. Когда Кларетта объяснила ему ситуацию, он сказал: — Хорошо, но не усугубляй обстановку.

Кларетта с триумфом удалилась. Рашель ожидала ее появления с беспокойством. Все это утро она чувствовала странную стесненность. Дело было не только в том, что о присутствии на озере этой молодой женщины шли разговоры, — над дуче начали сгущаться тучи. Начиная с августа, когда немцы расстреляли пятнадцать партизан на площади Пьяцца ле Лорето в Милане, пошла лавина анонимных писем с угрозами. А позавчера маленький скверик стал символом партизанской мести. Да и сегодня утром Рашель получила послание, которое ее очень обеспокоило. В нем было написано: «Мы заберем вас в Милан».

Когда же появилась Кларетта с пачкой писем, перевязанных шелковой ленточкой, Рашель получила последний удар, услышав

зачитываемые молодой женщиной фразы: «Мне надо слышать тебя… Сегодня мне тебя так не хватало…»

— А это действительно его почерк? — спросила Рашель, прерывая чтицу. Подойдя ближе, она вырвала письма из рук Кларетты.

— Остановите ее! — закричала Кларетта. Шпёглеру пришлось вновь вмешиваться.

— Ваше превосходительство, — твердо произнес он, — эти письма не должны покидать этот дом.

Рашель разъяренно схватила его левую руку, так что ее полированные ногти глубоко вонзились в кожу. Повернувшись к тучному и дрожавшему Буффарини, она пронзительно крикнула:

— Вы же министр внутренних дел. Употребите вашу власть!

Хотя Буффарини попытался как-то на него воздействовать, Шпёглер оставался непреклонным. Кларетта вновь позвонила Муссолини, который опять позвал немца к телефону.

— Это ужасно, Шпёглер, остановите их, остановите их! — с болью в голосе потребовал он.

Для Шпёглера вся эта история показалась чем-то средним между трагедией и кукольным представлением.

В конце концов Рашель поняла беспомощность дальнейших действий. Шпёглер, сильно побледнев, отобрал у нее письма и не собирался отдавать их ей. С горечью после двухчасовой перебранки жена дуче была вынуждена признать свое поражение.

Стремительно выбегая из комнаты, она потеряла контроль над собой и крикнула через плечо в ярости и расстройстве, видимо под влиянием полученного послания:

— Вы плохо кончите, синьора! Вас вывезут в Милан; на площадь Пьяцца ле Лорето!

В туманных улицах Милана голос возвышался и падал, гипнотически вибрируя. Несмотря на холод, люди останавливались и собирались у дверей кафе и баров или приподнимались на больничных койках. Более года скептически настроенные миланцы полагали, что Муссолини, которого не было ни видно, ни слышно, был мертв. И вот теперь, через четырнадцать месяцев молчания, они вновь услышали его выступление в старом боевом стиле.

В 11 часов утра, в субботу 16 декабря 1944 года, перед началом заседания в миланском театре «Лирико», рассчитанном на 2000 мест, он выступил снова, и его обращение разносилось динамиками по всему городу. На основании доклада Луиджи Ромерсы он говорил о секретном оружии, которое проложит дорогу к ультимативной победе, и заверил, что через несколько недель возвратится во дворец Венеция.

— Мы будем защищать долину По, если потребуется, ногтями и зубами, — говорил он в то время, когда 15-я армейская группа союзников под командованием генерала Марка Кларка выдвигалась в высокогорную часть Апеннин, готовясь к наступлению.

В это утро, когда он выходил из театра, город был подобен «вздыбившемуся океану». Женщины бросали ему под ноги цветы, теребили его эполеты и покрывали руки поцелуями, от которых на них оставалась губная помада. На следующий день состоялась триумфальная процессия по улицам города к замку Сфорцеско, в которой приняли участие 40 000 человек. И он снова обратился к толпе, выступив с башни танка, проводя смотр войскам республики — наводящим на всех страх черным бригадам и 10-й флотилии торпедных катеров.

— Даже убежденные антифашисты, — рассказывал свидетель тех дней, — выкрикивали одобрительные возгласы, словно сумасшедшие.

Несмотря на опасения мэра города Марио Басси, дуче настоял на проезде по улицам в открытой автомашине, идущей со скоростью пешехода.

— В противном случае они скажут, что я прятался в танке, — проворчал он.

Винченцо Коста, федеральный секретарь, уроженец Милана, вздохнул с облегчением. Бледный и гордый он стоял за спиной Муссолини во время его выступления + которое было отпечатано крупными буквами, чтобы дуче не пришлось надевать очки перед публикой. Все прошло даже лучше, чем он ожидал. После долгих месяцев уговоров он, наконец, убедил Муссолини показаться в Милане. Теперь оставалось только убедить дуче одобрить дерзкий план, над которым он вместе с секретарем партии Паволино и другими работал в течение трех прошедших месяцев. Подготовка этого плана началась сразу же после неудачного покушения на Гитлера. Немецкий генеральный консул в Милане Густав фон Халем встретился тогда секретно с Костой. В случае начала эвакуации Северной Италии он гарантировал тайный выход и сбор 10 000 фашистов с семьями в лесу, в пятидесяти километрах от Мюнхена. Коста должен был составить список членов эвакуируемых семей с указанием возраста, родства и стоимости имущества, которое они оставляли. Но об этом, подчеркнул Халем, ничего не надо было говорить Муссолини. Ведь тот, вопреки логике, был настроен на оборону долины По.

Представителю старой фашистской гвардии Косте это не понравилось. Что стоило немцам использовать фашистов как разменную монету в разборке с союзниками? 6 августа 1944 года

он побывал на озере Гарда и доложил обо всем Муссолини. Дуче считал, что ничего подобного не произойдет, так как Гитлер настаивал на обороне рубежа По. А о фашистах он, Муссолини, побеспокоится и без помощи фюрера.

И вот дуче выступил перед тридцатью тысячами собравшихся с балкона фашистской федерации на площади Сан-Сеполькро, где фашизм родился двадцать пять лет назад.

Зайдя в кабинет Косты, он спросил:

— Что вы готовите в Вал-Теллине?

И Коста разложил свои карты. Несмотря на несогласие Муссолини, он провел тайное совещание с полковником Фердинандо Джимелли, начальником штаба черных бригад. На многих их встречах потом присутствовали Паволини и вице-секретарь Пино Ромуальди. И они остановились на следующем плане: в случае отхода немцев фашисты сосредоточатся в горах во главе с Муссолини, свободные в принятии любых решений — без всякого нажима со стороны немцев. Сдаться? Уйти в Германию или Швейцарию? А может, организовать сопротивление хотя бы на несколько недель?

Решение будет зависеть от Муссолини, и только от него, когда придет время.

В качестве возможного редута Коста выбрал почти девяностокилометровый горный хребет Вал-Теллина, отстоявший на сто семьдесят километров на север от Милана, и его доводы звучали убедительно. Там еще сохранились фортификации времен Первой мировой войны. В том районе имелись электростанции и больницы, в которых можно будет разместить раненых. Оттуда имелся прямой выход в Германию через горный перевал Стелвио, длиною три километра, а также в Швейцарию — через перевал Бернина. По своей инициативе Коста уже направил туда 200 пехотинцев и 170 артиллеристов с четырьмя 145-миллиметровыми орудиями.

Муссолини молча выслушал сообщение Косты, затем саркастически заметил:

— Я не думал, что вы такой стратег.

Но Коста заметил, что эта идея заинтересовала дуче.

— Даже если у нас не останется никакой территории, — громко произнес Муссолини, — мы все равно выиграем. — Потом, понизив голос, добавил: — Во всяком случае, мы должны в это верить — иначе не сможем дышать.

Видя его настрой, Коста выпалил:

— Если нам придется умереть, то мы не будем повешены на итальянских флагштоках. Но если нам суждено жить, то мы намерены жить с вами под итальянскими флагами…

Муссолини смотрел на него, мечтая о славе. Следовательно, если это потребуется, фашизм сможет добиться почетного мира, не связанного с немецкой шуткой о Бенито Квислинге. И он одобрил план Косты:

— Ваши соображения мне нравятся.

Заметив, что огонь в камине стал гаснуть, Аллен Даллес энергично подбросил туда несколько поленьев. Было около 10 часов вечера 8 марта 1945 года. Бывший дипломат, а теперь глава миссии секретного американского Управления стратегических служб в Швейцарии, он был весь в делах, как и обычно. А находился он в арендованной квартире по улице Генферштрассе в Цюрихе.

Как только огонь снова разгорелся, Даллес вернулся к занимавшему его вопросу. Коль скоро ему предстояло провести большое совещание, то он хотел, чтобы его участники собрались у каминного огня, который будет воздействовать на них благоприятно своим теплом. А если самому потребуется время на обдумывание ответа, то огонь позволит его выгадать за счет раскуривания трубки. Сегодня ему было необходимо, чтобы все чувствовали себя свободно и просто. После переговоров, длившихся долгие месяцы, перед ним, наконец, забрезжил конец войны в Италии.

Он быстро взглянул на часы: оставалось еще пять минут. Тогда Даллес еще раз перелистал написанные от руки документы, лежавшие перед ним на столе. Ничего подобного он не видел за всю свою бытность в разведке. Как он сказал потом, это была своеобразная программа действий, обычно разрабатываемая человеком перед поступлением на работу в какую-либо компанию или учреждение.

«КАРЛ ВОЛЬФ

Обергруппенфюрер СС и генерал войск СС, один из высших руководителей СС и полиции, полномочный представитель германских вооруженных сил в Италии.

Информация о нем может быть получена:

1. От бывшего заместителя фюрера Рудольфа Гесса, находящегося в настоящее время в Канаде.

2. У нынешнего Папы, визит к которому был нанесен в мае 1944 года… С ним можно сконтактироваться в любое время».

На столе лежали листки исписанной бумаги, письма и справки видных церковных деятелей, в которых говорилось о том, что Вольфу удалось спасти целый ряд полотен замечательных мастеров, прекратить забастовки без кровопролития, помочь фельдмаршалу Кессельрингу избежать разрушения Рима и отстоять многих партизан от направления на работу в Германию.

Даллес прочитал и высказывание Герда фон Геверница: «Он хочет показать нам, кто мог бы за него заручиться в случае, если у нас сложится неправильное представление о нем».

В 10 часов вечера Вольф вошел в комнату в сопровождении профессора Макса Хусмана, коренастого швейцарца, любителя крепких сигар, помогшего Даллесу установить контакт с генералом, пришедшим в сером гражданском костюме, и двумя ведущими итальянскими промышленниками. Обратившись к Даллесу, Вольф повторил то, о чем говорил Хусману во время их совместной поездки в поезде из Северной Италии в Цюрих:

— Ни Гитлеру, ни Гиммлеру ничего не известно об этой поездке.

Налив в бокалы виски, Даллес предложил Хусману изложить вкратце суть разговоров, состоявшихся между ними за время пятичасовой поездки в поезде, а сам внимательно смотрел на сидевшего напротив сорокапятилетнего генерала, блондина с начинающими редеть волосами и зеленоватыми глазами, избегавшими его взгляда.

— Он утверждает, — закончил свой рассказ Хусман, — что Германия, несомненно, проиграла войну.

Даллес заметил, что сидевший прямо и настороженно Вольф под воздействием тепла и выпитого виски стал понемногу расслабляться. И предложил:

— Может быть, вы сами изложите свою позицию честно и открыто.

— Вплоть до прошлого года, — начал говорить генерал, — я испытывал полное доверие к Гитлеру. Сейчас же я понял, что война проиграна и продолжать ее было бы преступлением против немецкого народа. В настоящее время я контролирую эсэсовские войска в Италии и готов предоставить себя самого и всю организацию в распоряжение союзников для прекращения военных действий.

Даллес и его тридцать сотрудников начали свою деятельность в Берне еще в ноябре 1942 года, но только в конце 1944 года миланские промышленники стали задумываться о мире, обратившись к нему через кардинала Ильдефонсо Шустера и папского нунция в Берне Бернардини. Смысл их предложения заключался в следующем: если немцы уйдут из Северной Италии, не разрушив крупнейшие заводы, Церковь может стать посредником в деле удержания под контролем все увеличивающейся партизанской армии. А месяц тому назад представитель немецкого посла в Риме Рана, стоявшего во главе заговора, побывал в Швейцарии и передал подобное же сообщение.

В подтверждение серьезности своих намерений Вольф уже освободил руководителя движения Сопротивления Феруччио Парри, седоволосого героя Первой мировой войны, боровшегося с фашизмом все двадцать лет и помещенного недавно Даллесом в одну из цюрихских клиник. А на случай отхода немецких войск Вольф заверил, что им отдано распоряжение создавать лишь видимость остановки заводов.

Вместе с тем Вольф подчеркнул, что одних эсэсовцев будет недостаточно и что он рассчитывает найти общий язык с командованием германских вооруженных сил. Он уже переговорил со своим старым другом Кессельрингом и считает, что его можно будет уговорить. Если Даллес сможет обеспечить проведение переговоров с фельдмаршалом Гарольдом Александером, нынешним верховным главнокомандующим союзными войсками, то Кессельринг или его представитель выедет в Швейцарию для обсуждения условий капитуляции.

Будучи убежденным оптимистом, Даллес одобрил этот рискованный план в расчете вывести из строя 800-тысячную армию одним лишь маневром в операции «Восход солнца».

Прошел час, и Даллес почувствовал, что они в этот вечер зашли настолько далеко, насколько могли. Теперь все зависело от Кессельринга. Оставалось только уточнить еще один вопрос: является ли Муссолини составной частью этого плана? Вольф впервые прямо посмотрел ему в глаза и сказал:

— Муссолини об этом ничего не знает и не будет знать. Это точно, так как мы не можем доверять Муссолини.

С исказившимся лицом Бенито Муссолини трахнул кулаком по столу в своем кабинете на вилле Орсолине и гневно обратился к начальнику секретариата министра иностранных дел — графу Альберто Меллини Понсе де Леону:

— Они, наверное, не в состоянии что-либо сделать, или им не везет. Скорее всего, и то и другое. Дело в том, что подобные заверения бесполезны. Что я хотел бы знать, так это — какие планы у них есть, чтобы остановить крушение обороны долины По. Но нет, эти господа слишком самонадеянны, чтобы сказать мне, что им взбрело в их тупые головы.

Меллини стоял молча, глядя на Муссолини. По всей видимости, это была последняя соломинка. Утром 18 апреля он доложил дуче о недавней встрече с Раном и Вольфом, которые были полны оптимизма. Двумя днями раньше американские войска овладели Нюрнбергом, а русские армии маршала Георгия Жукова форсировали Одер. В Италии 15-я армейская группа генерала Марка Кларка продвигалась вперед, 8-я британская армия подошла к Аргенту, а поляки генерала Андерса наносили

сокрушительные удары по 1-й парашютно-десантной дивизии немцев под Болоньей. Тем не менее Ран говорил о хороших новостях из Германии, а Вольф утверждал, что итальянский фронт будет удержан. Такой безосновательный оптимизм и вызвал ярость Муссолини.

В последние недели недовольство дуче немцами все возрастало. Это было особенно заметно на совещании 14 апреля, на котором их неверие в план, связанный с Вал-Теллиной, не вызывало никаких сомнений. Хотя Алессандро Паволини и ссылался на десятки тысяч чернорубашечников, готовых принять в нем участие, и пятьдесят тысяч термофильцев, на лицах немцев читался скептицизм.

Муссолини конечно же не знал, что все присутствовавшие на совещании немцы — генерал барон фон Витингхоф, преемник Кессельринга на посту командующего войсками на Южном театре военных действий, генерал Вольф и Ран — были участниками переговоров с Даллесом.

Но не только немцы были настроены скептически. Маршал Родольфо Грациани, считавший, что план подготовлен партийными боссами без учета реальной ситуации, полагал: профессиональные военные должны от него воздержаться, поскольку в случае его провала будут рассматриваться в качестве военнопленных. Его эксперты, проанализировавшие план, отозвались о нем как о непрактичном. К тому же в рассматриваемом районе были сильны позиции коммунистов, которые пригрозили вывести из строя все тепловые и электростанции, если туда попробуют сунуться фашисты. 2000 рабочих, обещанных организацией «Тодт», так и не появились.

К огорчению Муссолини даже преданный ему, как он считал, командующий 10-й флотилией торпедных катеров принц Валерио Боргезе не мог ему ничем помочь. Да и как 20 000 человек могут быть переброшены в район Вал-Теллины без грузовых автомашин и без бензина? Боргезе сказал Муссолини прямо:

— Марк Кларк может в любой момент расстелить полуостров подобно напольному ковру, да и партизаны в состоянии захватить вас в плен, когда только захотят.

Для него не было секретом то, о чем не ведали Грациани и другие. Он знал, что генерал Вольф вел переговоры с Даллесом. За день до совещания на вилле Орсолине его навестил шеф СС и открыто сказал:

— Должен сообщить вам, что мы попытаемся выйти из игры. Будете ли вы вести огонь против нас?

Под командованием Боргезе, кроме флотилии, находилась армия, насчитывавшая 50 000 человек и предназначенная для

борьбы с партизанами, которую немцы реально опасались. Прежде чем ответить на поставленный вопрос, он потребовал, чтобы немцы при отходе не стали взрывать промышленные предприятия. Ему же было сказано, что обо всем этом не должен знать Муссолини. Вольф подчеркнул: «Если Кларетта или Рашель каким-то образом узнают что-либо, секрет перестанет быть секретом».

Ничего не зная о закулисных маневрах, Муссолини продолжал считать, что именно он отвечает перед историей за последние шаги и решения. Возможная гибель в славе на Вал-Теллине сохранит его имя на все времена. Ведь были же дни, когда он выступал как мировой посредник, взять хотя бы Мюнхен, где его присутствие сыграло решающую роль.

Отбрасывая мысль о личном спасении, он отказывался от любых предложений быть доставленным в безопасное место.

Туллио Тамбурини предложил, например, план выхода в море на двенадцатиместной подводной лодке, которая доставила бы дуче на остров Ибу, восточнее Борнео, через сто дней плавания… Концепция генерала Харстера состояла в перелете на гигантском самолете — в духе Жюля Верна — в Южную Америку… Посол Ран считал целесообразным вылет на частном самолете в Ирландию.

Месяц тому назад он видел дона Джиусто в последний раз. Говорили, что они встречались в общей сложности двадцать раз, и священник не предлагал других путей спасения, как лишь обращение к Богу. Муссолини принял решение расстаться с ним и сказал:

— Святой отец, давайте попрощаемся, ибо я знаю, что буду убит.

Хотя дон Джиусто предлагал свои услуги и далее, дуче ответил:

— Хорошо, поговорим об этом позже. Время пока еще есть.

Панчино же считал: поскольку у дуче появилось ощущение приближающейся смерти, ему тем более необходимо исповедаться и отбросить ложную гордость. Пока священник говорил, Муссолини держал его за руку, кротко улыбаясь. А тот напомнил:

— Ведь Чиано исповедался и вел себя достойно.

Муссолини продолжал улыбаться, но ничего не ответил. В его глазах сквозило неприятие, когда дон Джиусто, наконец, повернулся и ушел.

У дуче не было никаких иллюзий в отношении судьбы своего друга Адольфа Гитлера. Три месяца назад, на второй неделе января, он принял генерала Ренцо Монтану, ставшего

начальником полиции в октябре 1944 года. Когда он вошел в кабинет, Муссолини говорил по-немецки по телефону, но почти сразу же повесил трубку.

— Это был фюрер, — сказал дуче. — Он покидает свою штаб-квартиру и возвращается в Берлин, откуда будет руководить последней обороной. Он надеется на чудо, которое поможет ему отбросить русских.

Затем к удивлению Монтаны Муссолини посмотрел ему прямо в глаза и медленно промолвил:

— Гитлер хочет умереть в Берлине, и никто не найдет его труп. Лет через десять, а может быть, и сто немцы, привыкшие создавать легенды и мифы, скажут, что душа фюрера вознеслась на небо в столбе пламени, и сделают его национальным героем. Нечто подобное может произойти и со мной…

Он не договорил до конца.

В то самое утро, когда Муссолини отчитал графа Меллини, Кларетта Петаччи, находившаяся в нескольких километрах оттуда, на вилле Мирабелла, была твердо убеждена, что судьба дуче должна быть иной. В середине ноября, после оставившей у нее на душе горький осадок встречи с Рашель, Кларетта переселилась по совету Шпёглера в эту небольшую виллу, расположенную в парке, и стала разрабатывать собственный план.

В гостиной на первом этаже висели фотографии, изображавшие покрытые снегом вершины гор и любителей-альпинистов, совершающих на них восхождение. Как раз горы, по мнению Кларетты, и должны были решить вопрос спасения Муссолини как от интриг фашистов, так и от приближающейся армии генерала Марка Кларка. В одной из пещер в Доломитах, на высоте трех с лишним тысяч метров, они с дуче могли бы скрываться длительное время, если потребуется, то и годы.

План этот Кларетта обсуждала со Шпёглером, и как раз немец предложил ей свое видение проблемы. Лучшим местом была бы хижина, в которой проживала старенькая супружеская чета. А расположена эта хижина в его собственном сосновом бору неподалеку от пика Йохерхофа, возвышающегося над седловиной Риттер, — в двух часах ходьбы по горным тропам от деревушки Ленгмоос, в которой он до войны содержал пансионат для туристов. Дважды он брал Кларетту с собой туда, и они даже переговорили со старыми крестьянами, что у них, возможно, поселятся двое человек на длительное время и что говорить об этом никому не следует. Кларетта уговорила Шпёглера поговорить на эту тему с Муссолини в ее присутствии.

Она облегченно вздохнула, когда дуче не взорвался сразу же, как в случаях, когда ему до этого предлагали различные планы.

Он внимательно выслушал изложенное и произнес:

— Я понимаю, понимаю. — А в заключение спросил: — Хорошо, камрад Шпёглер, а как выглядит это местечко?

Шпёглер попросил одного из своих друзей сделать снимки местности и самой хижины под предлогом того, что итальянцы-горожане не поверят, что в мире существуют такие райские уголки. Передавая дуче эти фотоснимки, Шпёглер сказал:

— Это место, где лисы говорят друг другу «спокойной ночи». — Убедившись, что Кларетта их не слышит, он добавил: — Дуче, туда никто никогда даже не сунется.

На эту тему они говорили потом с Муссолини не менее двадцати пяти раз. Но и Паволини с Костой продолжали его обрабатывать. После неудачного термопильского совещания он сказал Шпёглеру:

— Цвет фашистской молодежи собирается в Вал-Теллине. Я нужен им как символ.

Будучи ответственным за прослушивание и запись телефонных разговоров дуче и его окружения, Шпёглер установил, что Вольф вывел из общей сети две городские телефонные линии, не проинформировав его об этом. Теперь он знал, что Вольф вел по ним переговоры с Швейцарией.

Кларетта раздобыла карту и внимательно ее изучала. Потом они вместе со Шпёглером разработали в деталях маршрут следования: от Гарды до Брешии, затем Мендола и Больцано и в заключение — Вал-Сарентино. Отдельные части пути придется проследовать пешком и ночью, на остальные он оформит транзитное разрешение, чтобы немецкие дорожные посты не причинили им осложнений. К тому же он сам будет их эскортировать.

Преодолев себя, Кларетта постепенно приступила к сбору вещей на дорогу. Если Муссолини выполнит согласованное сутки назад с нею и Шпёглером решение, то в восемь часов вечера они втроем отправятся в путь — на север к Йохерхофу.

В пять часов вечера 18 апреля в гостиной виллы Фелтринелли восемнадцатилетний Романо сидел за пианино и играл «Голубой Дунай». Увидев, что в комнату вошел отец, одетый в пальто, он хотел было вскочить со стула, но Муссолини остановил его:

— Нет, нет, продолжай.

Улыбаясь, он спросил Романо, любившего джазовую музыку:

— С каких это пор тебе стали нравиться вальсы? Погладив волосы шестнадцатилетней Анны Марии,

так полностью и не оправившейся после полиомиелита, произнес, как и всегда:

— Мужайся, Анна Мария, скоро мы станцуем с тобой этот вальс.

Романо любил своего отца, всегда готового сыграть с ним в настольный теннис или кегли, называвшего его Пифагором из-за его плохого знания математики и редко выходившего из себя, да и то в случаях, когда Романо оставил, например, гитару на ступенях лестницы, а Муссолини наступил на нее. Но ни он, ни Рашель не восприняли появление Муссолини в пальто как своего рода прощание. Дуче сказал им, что выезжает в Милан на конференцию и скоро возвратится.

— В Сало я никогда ничего толком не знаю, — заявил он утром графу Меллини. — Каждый мой контакт находится под наблюдением немцев. Я не могу управлять Италией из этой проклятой дыры.

Видимо, вспомнив еще дофашистские дни, он решил объявить Республику Сало социалистическим государством и стал разрабатывать вместе с министром корпораций Анджело Тарчи проект национализации всех отраслей промышленности. Но на озере Гарда все его усилия достичь согласия с итальянскими рабочими блокировались не только немцами, но и коммунистами, и миланскими промышленниками. Теперь, однако, он был намерен проявить решительность. 20 апреля в Милане он объявит о тотальной социализации страны, что явится его новой попыткой войти в историю со славой.

Миланский префект Марио Басси, долгие месяцы уговаривавший Муссолини выступить против немцев, радостно потирал руки. Один из секретарей с озера Гарда передал по телефону закодированное сообщение: «Посылка отправлена».

Басси понял, о чем идет речь, так как код был согласован с самим Муссолини. Позабыв о своем обещании Кларетте и прямо нарушив слово, данное генералу Вольфу, не покидать место своего пребывания, дуче направился в Милан.

В 5.50 вечера, когда колонна автомашин тронулась, Рашель обратила внимание на то, что его обычный эсэсовский эскорт оставался на месте. Даже в отсутствие Вольфа двенадцать человек личной охраны Муссолини во главе с уголовным инспектором Отто Кизнаттом и унтерштурмфюрером Фрицем Бирцером сопровождали его повсюду. Рашель не могла знать, что две недели назад Кизнатт получил из Берлина указание, гласившее: «Если Муссолини попытается отправиться в Швейцарию, задержать его, при необходимости даже силой оружия».

Хотя Адольф Гитлер находился на пятнадцатиметровой глубине в своем берлинском бункере и больше уже его не покинет, «Карл-Хайнц» — как эсэсовская охрана называла

Муссолини — оставался по-прежнему его пленником.

Глава 11.
«Мы будем вынуждены произнести слово «конец»
18–28 апреля 1945 года

На первом этаже здания дворца Монфорте, где три комнаты занимала префектура Милана, Муссолини был один. Своими покрасневшими глазами он уставился в потолок.

Был полдень 24 апреля. Прошло уже шесть дней, как он покинул озеро Гарда, но он не видел впереди ничего, кроме горького конца всего, к чему стремился.

Вначале его планы стали осуществляться довольно быстро. Решив расформировать министерства, он приступил к выплате зарплаты служащим… провел мероприятия по празднованию 21 апреля, годовщины возникновения Рима… с церковной церемонией по отпеванию павших фашистов… затем смотр 300 000 фашистов в замке Сфорцеско, предваряющий выступление в Вал-Теллину. Там он намеревался продержаться не менее шести месяцев, выпуская газеты и ведя радиопередачи, отмечая каждую веху своего последнего исторического периода правления. В Равенну были посланы гонцы, чтобы откопать кости Данте, драгоценного символа культуры.

В замешательство его привело лишь появление в Милане 19 апреля заплаканной Кларетты в сопровождении Франца Шпёглера. Ему, конечно, была понятна ее озабоченность предстоящей разлукой с семьей, которая должна была с помощью посла Рена вылететь в ближайшие дни в Испанию.

А 21 апреля начались неудачи и провалы. В день, когда он собирался объявить миланцам о социализме, союзники вступили в Болонью. Мероприятия, связанные с выходом к Вал-Теллине, пришлось форсировать. Алессандро Паволини с гордостью доложил ему, что им отданы распоряжения, чтобы черные бригады провинций Эмилий, Лигурия и Венето начали выдвижение в долину По и к озеру Комо.

— Через несколько дней, — похвастался он, — в районе Комо у нас будет порядка пятидесяти тысяч человек.

Маршал Грациани, потеряв контроль над собой, воскликнул, указывая своим маршальским жезлом на Паволини:

— Это возмутительно, лгать подобным образом перед самым концом. Вы же прекрасно знаете, что идея оказания сопротивления на Вал-Теллине абсурдна, и тем не менее обманываете дуче!

Паволини с угрозой возразил:

— Маршал, я уважаю вашу личность, но вы не имеете права

выдвигать подобные обвинения.

Побледнев, Грациани отпарировал:

— Болонья пала. И нас ожидает лишь полный разгром и военное поражение.

Холодно, будто бы решалась судьба кого-то постороннего, Муссолини прервал их перебранку:

— Стало быть, другое 8 сентября?

— Все гораздо хуже, — хмуро ответил Грациани.

С горевшими щеками Паволини испросил разрешение выйти и выскочил из комнаты.

Через два дня ситуация стала еще более безнадежной. 23 апреля заместитель секретаря партии Пино Ромуальди, посланный Муссолини на фронт для выяснения обстановки, возвратился весь пыльный и потный.

— Это — катастрофа, — прохрипел он. — Фронта не существует.

— Но ведь немцы обороняют По, — попытался возразить Муссолини.

- Немцы ничего не обороняют, дуче, — почти выкрикнул Ромуальди.

Немного успокоившись, он объяснил: у немцев в долине По остался только один самолет и совсем нет тяжелой артиллерии. 27-го числа они отойдут к Милану.

— Вам следует отдать распоряжение о немедленном выступлении к Вал-Теллине, — предложил Ромуальди. — Немецкого командования более нет.

— Идут разговоры, что в Болонье союзников встречают цветами, — произнес Муссолини ошеломленно. — Так ли это на самом деле?

Ромуальди остался непреклонным.

— К сожалению, так оно и есть. Люди готовы приветствовать всех, кто несет им спокойствие.

Муссолини промолчал. Когда же он заговорил о необходимости возобновления сопротивления, даже федеральный секретарь Коста выразил сомнение, промолвив:

— Вы как-то сказали, что и один человек может сослужить хорошую службу своей стране, сохранив бочку бензина. Но теперь и она пуста.

Лишь в одном вопросе Муссолини проявил настойчивость. Несмотря на предложения фанатиков из числа старой гвардии, он не собирался превращать Милан в подобие Сталинграда, заявляя:

— Милан не должен быть разрушен. Возможно кровопролитие, возможно даже всесожжение, но я не согласен, чтобы правительство было сформировано под меня. Необходимо

прежде всего прекратить притеснение немцами наших людей.

Он убедил самого себя, что именно эту нишу в истории ему необходимо занять.

Муссолини быстро внес изменения в свои планы. Позвонив Рашель, он объяснил, что Мантуя пала, в результате чего его путь назад, к озеру Гарда, отрезан. Ей с детьми необходимо перебраться на виллу Реале, старую королевскую резиденцию в Монце, в пятнадцати километрах севернее Милана. Оттуда их доставят на озеро Комо.

Теперь ему необходимо было провести в жизнь другой пункт своего нового плана. В конце недели он встретился с журналистом-социалистом Карло Силвестри, с которым разработал программу из четырех пунктов о передаче власти в Северной Италии в руки партизан — без коммунистов — сразу же после выдворения немцев и фашистов.

Однако партизаны через тридцать шесть часов отклонили это предложение.

Об этом ему сообщил Силвестри в полдень 24 апреля, а вслед за этим в помещение вошел Отто Кизнатт, его постоянная тень, на этот раз даже не постучав в дверь. Когда он попытался уточнить дату возвращения Муссолини, дуче дал ему уклончивый ответ. Кизнатту не понравилось то, что он увидел на улицах города и во дворе префектуры. Милан был наводнен автомашинами с фашистскими семьями и багажом. С каждым днем фашистские войска таяли все больше. Видя настойчивость Кизнатта, Муссолини в конце концов сказал ему:

— Я никогда не возвращусь на Гарду.

Кизнатт продолжал стоять на своем, заявив:

— Немецкое посольство хотело бы постоянно находиться вблизи от вас, — пояснив, что оно перебралось с озера Гарда в Мерано на австрийской границе. Было бы целесообразно, чтобы и дуче переехал туда тоже.

К его удивлению Муссолини достал карту, разложил ее на диване и после внимательного изучения решил:

— Мы доберемся до немецкого посольства вот этим путем.

Маршрут был довольно странным — сначала на север, потом на восток, через Комо, Менаджио и Сондрио. Кизнатт не обратил внимания на то, что он проходил севернее Вал-Теллины, но сказал:

— Это очень опасный путь, поскольку контролируется партизанами.

Зато, подчеркнул Муссолини, он проходит вблизи швейцарской границы. И добавил:

— Если ситуация станет критической, я смогу укрыться там.

Кизнатт возразил:

— Повторяю: немецкие власти настаивают, чтобы вы были поблизости и ни в коем случае не направлялись в Швейцарию. Во всяком случае, швейцарцы не предоставят вам убежища.

Муссолини раскрыл утренние газеты. Из своего бункера на Вильгельмштрассе Гитлер обратился к дуче со своим последним посланием, в котором говорилось: «Битва за жизнь или смерть против сил большевизма и еврейства вступила в заключительную стадию… Исход войны в этот исторический момент решит судьбу Европы на целые столетия».

Как загипнотизированный Муссолини читал эти строки, будто бы слыша хрипловатый голос, столь знакомый ему по Бреннеру, Фелтре и Растенбургу, возвышающийся и падающий в монологе.

Затем произнес безжизненным глухим голосом:

— Тогда и в Швейцарии мне нечего делать.

В пропахшей пылью библиотеке в доме номер 12 по улице Виа Коперника, находившейся неподалеку от Центрального железнодорожного вокзала Милана, шел разговор о недопущении кровопролития, которого так боялся Муссолини. Молчаливые темные фигуры охраняли все подступы к дому. Глядя на своих товарищей по комитету национального освобождения, делегат от христианских демократов пятидесятиоднолетний Ачилл Марацца докладывал о своей встрече прошедшего дня.

В этот самый момент, а было 8 часов утра 25 апреля, Муссолини осознал крушение всех своих надежд.

Марацца считал странной не только саму встречу, но и место, где она проходила, — городской ломбард, расположенный в узкой, кривой улочке за роскошной гостиницей «Континенталь-отель». Пожилые женщины сдавали там золотые медальоны и поношенные меха, а отошедшие в сторонку Марацца и миланский промышленник Риккардо Челла говорили на пониженных тонах о вопросе, представлявшем собой политический динамит, — о капитуляции Бенито Муссолини.

Убежденный католик Марацца использовал свои связи с архиепископом Палаце для подыскания укрытий для своих товарищей по Сопротивлению, в том числе и коммунистов, в монастырях и церквах по всему городу.

После отказа участников движения Сопротивления от его плана передачи власти Муссолини сделал последний шаг по предотвращению кровопролития, которое могло произойти после того, как он покинет город. В качестве посредника он выбрал состоятельного Челлу, купившего типографию и издательство газеты «Иль Пополо», зная о его близости к Церкви. Дуче хотел,

чтобы архиепископ устроил ему частную встречу с генералом Раффаэле Кадорной, командиром добровольческого корпуса «Свобода» — вооруженной силы комитета освобождения.

Марацца истолковал предложение Челлы по-своему и рекомендовал провести эту встречу на нейтральной территории — во дворце архиепископа. Но ведь Муссолини мог сдаться непосредственно комитету спасения, а не его военному руководителю. Затем он стал бы находиться под покровительством архиепископа, ожидая назначения дня проведения трибунала. Однако капитуляция должна быть безоговорочной.

Но Челла заартачился, не считая возможным сказать об этом Муссолини, так как понимал, что у того не было намерения капитулировать. И подчеркнул, что Муссолини беспокоила судьба семей фашистов, остававшихся в городе. Марацца же настаивал на проведении встречи во дворце архиепископа.

И вот сейчас Марацца пытался проаргументировать свое предложение, зная, что его задача — не из простых. Вот уже несколько месяцев среди членов комитета шла непрекращавшаяся борьба мнений. Взгляды Мараццы разделял только представитель либералов Джиустино Арпезани. Представитель партии действия Лео Валиани поддерживал левое крыло, в которое входили социалист Сандро Пертини и коммунист Эмилио Серени. Все они были стойкими патриотами, но выдвигали бескомпромиссные требования — никаких переговоров с фашистами, лишь их капитуляция или смерть.

К радости Мараццы, хотя дискуссия и была жаркой, возражений по его предложению было мало.

— Хорошо, — произнес, наконец, Серени, — коммунисты согласны, но не считают себя этим связанными. — И оговорил условие: — Никто из членов комитета не должен вступать в переговоры с Муссолини. Если он намерен капитулировать во дворце архиепископа, то это по сути — военный вопрос. Для принятия его капитуляции следует послать генерала Кадорну.

Марацце надо было срочно добиться рандеву с доном Джузеппе Биччиераем, представителем архиепископа. Чтобы не допустить развязывания гражданской войны в Милане, время терять было нельзя.

В 9 часов вечера 24 апреля Марацца со своими друзьями настроился на радиостанцию Би-би-си, чтобы послушать последние известия. Произошло то, чего они уже давно ожидали: подразделения 10-й горной дивизии генерала Марка Кларка форсировали реку По. Следовательно, союзники скоро войдут в Милан.

Для коммуниста Эмилио Серени этот день имел особое значение. Утром к нему на квартиру пришел Луиджи Лонго и сказал:

— Ну так что, будем начинать?!

Серени знал, что тот имел в виду. День вооруженного восстания, которое союзники старались всеми силами не допустить, наступил. Еще 13 апреля генерал Марк Кларк заявил во Флоренции по радио, предупреждая партизан:

— Время для ваших действий еще не наступило. Не распыляйте свои силы. Не проводите опрометчивых акций.

В то же время в Сан-Леокко, южнее Неаполя, в штаб-квартире союзников были сформированы двадцать пять диверсионно-разведывательных групп, предназначенных для действий в лесах и горах, перед которыми была поставлена задача: «Взять Муссолини живым и немедленно доложить об этом в штаб. Держать его в безопасном месте до подхода союзных войск».

Коммунисты же получили собственные указания из Рима от Пальмиро Тольятти, возвратившегося туда из Москвы: «Не подчиняйтесь генералу Кларку. В наших интересах, чтобы… народ… ликвидировал нацистско-фашистский режим еще до подхода союзников… Используйте подходящий момент для восстания…»

Луиджи Лонго отдал распоряжение: «Никаких проходов и золотых мостов для отходящих фашистов. С ними — только война на уничтожение».

Будучи патриотами, представители левого крыла понимали необходимость доказать свою независимость от союзников, показав свое равенство при готовности сотрудничать. Сандро Пертини, например, заявил:

— Мы не являемся их слугами. И если убьем Муссолини, то только докажем свою независимость.

Серени и его товарищи знали, что им делать. В 2 часа ночи рабочие должны были занять заводы и фабрики. Фашисты, не сдавшиеся в течение четырех часов, подлежали публичному расстрелу. Любой участник марша на Рим предстанет перед народным трибуналом, который в отношении дуче и его приспешников будет обязан вынести только смертный приговор.

В северных районах страны коммунисты контролировали пятьдесят процентов оружия, продовольствия и транспортных средств. Более 100 000 рабочих стали членами их партии. Пройдя суровую школу боев в Испании, вишийской Франции и схваток с режимом Муссолини, коммунисты закалились и теперь не видели причин предания дуче суду союзников, что, несомненно, явилось бы бесчестием для Италии.

Такое мнение поддерживали все сторонники левого крыла. На утреннем заседании Лео Валиани высказал их общую позицию:

— Пора покончить с тем, что продолжалось более двадцати лет. Пришло время сказать «конец» всему этому кошмару.

И слово это было написано кровью.

Сквозь окно квартиры родителей в миланском районе Сан-Бабила Кларетта Петаччи наблюдала за утренним довольно редким движением транспорта. За ее спиной стоял мужчина, молчаливо ожидавший распоряжений, — Асверо Гравелли, официальный представитель фашистской партии. И вдруг она решила:

— Если вы сможете достать для меня форму женского вспомогательного корпуса, я была бы вам весьма обязана.

За шесть дней пребывания в Милане решительность Кларетты укрепилась. Три дня назад ее родители вместе с Мириам вылетели в Испанию на самолете, предоставленном послом Раном. Перед отлетом ее младшая сестра попыталась уговорить Кларетту изменить свое решение остаться:

— Если ты улетишь с нами, то освободишь его от заботы о себе. Когда же все закончится, ты сможешь возвратиться.

Кларетта только строго посмотрела на нее, стараясь скрыть свое отчаяние.

— Ты думаешь, что я смогу приехать назад? — с сомнением сказала она Мириам. — И считаешь, что я смогу поглядеть ему в глаза, бросив его одного в опасности? — Покачав головой, она добавила: — Нет, это невозможно. Сейчас слишком много людей отворачиваются от него.

Когда родители садились в машину для следования на аэродром, Кларетта уткнулась лицом в замерзшее стекло окна, пытаясь ужаснуться. У Мириам же сложилось впечатление, будто бы она видит последние кадры кино перед самым появлением надписи «Конец».

Но если конец и был неизбежным, Кларетта пыталась сделать все возможное, чтобы хоть что-то спасти. 23 апреля она послала письмо друзьям на виллу Мирабелла, попросив выслать ей необходимую одежду. Пребывание в Милане оказалось более продолжительным, чем она ожидала, а она хотела, чтобы Бен видел ее в лучшем виде. Поэтому она составила целый список, в который включила красную и зеленую ночные рубашки, черное кимоно, разрисованное цветами, вечернее бархатное платье с мехом, белую шелковую пижаму и всю косметику, чулки и медицинские препараты. Францу Шпёглеру, которому она вручила письмо, она призналась в том, что фантазия Паволини о

Вал-Теллине может взять у дуче верх над их планом ухода к Йохерхофу.

— Нам надо, наверное, просто усадить его в автомашину и увезти, — сказала она в отчаянии.

Прошло тридцать шесть часов, а Шпёглер не возвратился, и ее охватил страх. А что, если Муссолини вдруг отправится в Вал-Теллину? Тогда ей не понадобятся платья. Поэтому она и попросила достать ей серо-зеленую форму женского вспомогательного корпуса. Гравелли пообещал выполнить ее желание.

— Пожалуйста, Асверо, — произнесла Кларетта и добавила, будто бы это стало очевидным: — Я хочу умереть вместе с ним.

Дон Джузеппе Биччиерай остановил автомашину, и Ачилл Марацца сошел на тротуар. Махнув рукой, он тут же скрылся за углом ближайшей улочки. Сорокавосьмилетний священник дал газу и поехал к дворцу архиепископа.

Дон Джузеппе был связным архиепископа Милана кардинала Шустера с движением Сопротивления. Направляясь к нему, священник обратил внимание на перемены, произошедшие в городе. Многие магазины были закрыты, улицы пусты. Охрана общественных зданий сбрасывала форму и облачалась в гражданскую одежду. Из окон этих зданий на улицу выбрасывались пишущие машинки, радиоаппараты и даже телефоны.

На первом этаже дворца постройки шестнадцатого века кардинал Шустер обедал вместе со своими секретарями Гуглиемо Галли и Экклезио Терранео. Войдя, Биччиерай увидел сцену, наблюдавшуюся им в прежние времена. Одетый в шелковую сутану алого цвета и красные ботинки с пряжками кардинал кушал жиденький овощной суп — и это был весь его обед.

Оба священника любили его. Он лично служил мессы и никогда не злоупотреблял звонком, вызывая их.

Как всегда, они выговаривали ему:

— Вам следовало бы покушать больше, ваше высокопреосвященство.

А он, тоже как всегда, ответил:

— Мне этого вполне достаточно, мать моя была такой же.

Зная, что кардинал не любил многословие, Биччиерай доложил ему вкратце суть дела. После звонка Маращцы он подобрал того в районе вокзала и долго ездил по улицам, выслушивая его предложения и ища мирного разрешения проблемы. Марацца был готов в случае необходимости прийти пополудни в кардинальский дворец. С ним мог бы появиться и Арпезани. Генерал Кадорна подтвердил им:

— Если Муссолини желает встретиться со мной, я — в вашем распоряжении.

Шустер спокойно отдал распоряжения. Промышленнику Челле следовало сконтактироваться с помощниками Кадорны с тем, чтобы генерал и диктатор знали: архиепископ ожидает их. Представители левого крыла вряд ли появятся на этой встрече. Но если Муссолини и фашистов удастся уговорить прийти к соглашению, восстание, которое принесет голодному городу лишь новые страдания, не начнется.

То, что кардинал сделал все возможное, чтобы не превратить город во второй Сталинград, его окружение знало хорошо. Еще 13 февраля он написал Муссолини письмо с просьбой не устраивать в Милане последний оборонительный редут.

— Пожалуйста, спасите Милан и не принимайте решение, высказанное не вами и являющееся глупым и безрассудным.

Теперь казалось, что его усилия были ненапрасными. Закончив обед, он послал Галли посмотреть, готова ли гостевая комната, находящаяся за его приемной, к встрече неожиданных гостей. Обычно в ней находились лишь кровать и складной стул для прибывавших епископов.

Если все пойдет хорошо, то сегодня ночью в ней будет располагаться дуче и первый маршал империи Бенито Муссолини, которому будет обеспечено надежное убежище до тех пор, пока не появятся союзники.

Приземистый Галли поспешно возвратился в кабинет кардинала.

— Все в порядке, ваше высокопреосвященство, — доложил он.

Но тут до него дошло, что ни кардинал, ни дон Биччиерай, ни Терранео его не слушали. Вдали послышался воющий звук сирены, и звук этот стал приближаться, пока не задрожали стены древнего дворца. Трамваи во всем городе тут же направились в депо.

Миланское восстание началось.

Итак, Муссолини все же решился на встречу с представителями движения Сопротивления лицом к лицу.

Часы на каминной полке показывали 6 часов вечера. Прошло почти три часа с момента появления Муссолини у кардинала. Он прихватил с собой только министра внутренних дел Паоло Цербино, его заместителя Франческо Барраку и префекта Марио Басси. В последнюю минуту был приглашен и маршал Грациани. Секретарю партии Алессандро Паволини дуче о своей миссии ничего не сказал, поскольку тот не верил в возможность мирного исхода.

От помощника Кизнатта, унтерштурмфюрера Фрица Бирцера,

Муссолини избавиться не смог. Подумав, что дуче садится в свою «альфа-ромео», чтобы скрыться, тот прыгнул на ходу, открыв заднюю дверцу автомашины.

Так как представители движения Сопротивления не появлялись довольно долго, кардинал в лучших бенедиктинских традициях угостил Муссолини розовым ликером с бисквитом. Разговор у них, однако, как говорится, не клеился.

Кардинал не знал, что дуче удалось рекрутировать для операции «Вал-Теллина» всего 3000 человек. «Это все же более трехсот», — подвел скептический итог Муссолини.

Появившиеся лидеры повстанцев вели себя вначале замкнуто, даже враждебно. Эсэсовцы Бирцера с автоматами на изготовку держали под прицелом не только внутренний двор, но и статую святого Амброджио, покровителя Милана. Патриоты подумали было, что попали в ловушку, но затем заметили: люди Муссолини тоже испытывали страх. Риккардо Челла, взяв за рукав генерала Кадорну, пытался уговорить его прийти к мирному решению вопроса. Высокорослый Кадорна с орлиным лицом, оборвав его, сказал:

— Идите к черту.

Либерал Филиппо Джацини оказался поблизости от заместителя министра внутренних дел Баракку, и тот прошептал ему, к полному его удивлению:

— Давайте объединимся против немцев.

— Сейчас это уже поздно, — холодно ответил Джацини.

Ачилл Марацца, прибывший вместе с Кадорной, увидел, что его опасения подтвердились: на встрече присутствовал и представитель левого крыла — член партии действия Риккардо Ломбарди. Тот получил четкие инструкции своего шефа Валиани:

— Муссолини не должен выдвигать никаких условий. Речь может идти только о его капитуляции. На размышления — не более часа.

Последним человеком, прибывшим на совещание, был либерал Джиустино Арпезани. Когда Шустер стал представлять присутствовавших, Арпезани шепотом спросил у Кадорны:

— Должны ли мы пожать руку дуче?

— Я уже это сделал, — ответил генерал.

Тогда и либерал последовал его примеру.

Кардинал собрался выйти, но дуче попросил его остаться, на что тот с готовностью согласился, опасаясь, что в комнате может произойти схватка. Он остался сидеть на диване справа от Муссолини. Остальные присели полукругом, суровые и непримиримые, — Кадорна, Арпезани, Марацца, Ломбарди, Грациани, Барраку и Басси.

С решительным выражением лица Муссолини открыл совещание.

— Итак, каковы ваши предложения? — спросил он тоном школьного учителя, будто бы возвратившись в свою прежнюю школу в Гуалтиери и обращаясь к заблудшим ученикам.

Глаза присутствовавших обратились к Маракце.

— Мои инструкции весьма четкие и немногословные, — произнес тот. — Я могу предложить вам только безоговорочную капитуляцию.

Дуче посмотрел на него, будто получив удар в лицо. Челюсти его заметно сжались, а рука схватилась за подлокотник дивана.

— Я пришел сюда не для этого, — почти выкрикнул он.

Затем выдвинул свои условия: обеспечение безопасности семей фашистов, обхождение с членами фашистских воинских формирований как с военнопленными в соответствии с Гаагской конвенцией и аккредитация дипломатов в целях гарантии соблюдения международных прав. Он говорил еще долго, пока Ломбарди не прервал его:

— Это — детали. Думаю, что у нас есть полномочия для их обсуждения.

Генерал Кадорна был не столь уверен. За репрессалии по отношению к населению бойцы черных бригад не могут рассматриваться как военнопленные, но как военные преступники. После его слов наступила тяжелая тишина. Маршал Грациани вскочил со стула, на котором сидел.

— Мы не можем подписать никакое соглашение, не поставив об этом в известность немцев, — обратился он к Муссолини. — Они — наши союзники, и это — дело чести.

Его прервал раздраженно Маракца:

— Если дело идет о чести, мы не нуждаемся в ваших нравоучениях. — Переведя дух, он продолжил: — Очевидно, что у немцев — не те же мерки и критерии…

То, что он сказал далее, прозвучало как разрыв бомбы: перед началом совещания дон Джузеппе Биччиерай сообщил ему и генералу Кадорне, что переговоры генерала Вольфа с союзниками о капитуляции немцев практически завершены. Кардинал счел необходимым пригласить дона Биччиерая, чтобы прояснить сказанное.

Священник спокойно привел по памяти подробности разговора, который у него состоялся накануне с полковником Вальтером Рауфом, представителем Вольфа в Милане. В заключение он рассказал о предложении немцев разоружить фашистские части до подхода союзных войск.

Муссолини это поразило как электрошоком.

— Сейчас мы можем сказать, — с негодованием произнес он, — что Германия нанесла Италии удар ножом в спину. Они всегда относились к нам как к рабам. — И повторил дважды: — А в самом конце они нас предали.

Кардинал попытался его успокоить, сказав, что капитуляция еще не подписана, но Муссолини оставался непреклонным.

— Вести переговоры за моей спиной — это уже предательство.

Лидеры повстанцев смотрели на него с нескрываемым уважением, но и с чувством некоторой неловкости. В глазах Джиустино Арпезани дуче выглядел трагикомической фигурой с небритым подбородком и нечищеной обувью. Ломбарди обратил внимание на пятно от молока на лацкане его кителя. Кадорна вначале почувствовал «жалость к человеку, сброшенному с пьедестала», потом, однако он ожесточился: это был человек, принесший в жертву все во имя собственных амбиций, и сейчас из-за него землю Италии топтали оккупанты.

Кардинал отметил про себя, что события выходят из-под его контроля, и вражда к Муссолини будет сдерживаться уже недолго. Верх в его размышлениях взяла мысль связаться с немцами и сообщить им об измене их генералов. Но потом вспомнил, что Церковь дала обязательство сохранения всего происходившего в секрете. Грациани, лицо которого было похоже на маску смерти, не сказал ничего. Маракца же напомнил Муссолини, что время не терпит: партизаны приступили уже к освобождению городов по всей Ломбардии.

— Надо решить вопрос о недопущении кровопролития, — согласился Муссолини, но не внес никаких конкретных предложений. Вдруг он вскочил на ноги и хрипло заявил: — Я принял решение и немедленно отправлюсь к немцам, чтобы свести с ними счеты.

Лидеры повстанцев потребовали установить лимит времени. Муссолини в ответ сказал:

— Через час я возвращусь, и мы достигнем соглашения.

На лице Мараццы появилась скептическая улыбка. Махнув рукой, дуче вышел из комнаты.

Шустер попытался убедить его остаться в комнате, для него приготовленной, но Муссолини не захотел и слушать. Тогда кардинал ухватил за рукав Грациани:

— Прошу вас не допустить импульсивных действий Муссолини.

Маршал пообещал сделать все, от него зависящее.

Среди людей, собравшихся у лестницы, находился секретный агент, работавший все 600 дней против Республики Сало. Увидев

приближавшегося дуче с лицом как у буйвола, он забыл, на чьей стороне был, и рука его автоматически поднялась в римском салюте. На лице Муссолини даже отлила кровь, и он с трудом произнес:

— Это какой-то сумасшедший.

Перескакивая через две ступеньки, дуче спустился по лестнице во двор.

Риккардо Челла был расстроен: поначалу все складывалось хорошо, а теперь было не пойми что. Всю дорогу от дворца архиепископа Муссолини дрожал, как человек в шоке, когда же машина въехала в ворота префектуры, был вообще вне себя. К ужасу Челлы он вдруг выхватил из кармана небольшой пистолет «беретта» с позолоченной рукояткой.

— Да, у меня было оружие, и я хотел перестрелять всех их, — выкрикнул он. — Другого 25 июля не будет!

Федеральный секретарь Винченцо Коста, который не знал даже, куда ездил Муссолини, увидел сквозь открытое окно, как дуче обратился к унтерштурмфюреру Бирцеру с искаженным от ярости лицом:

— Ваш генерал Вольф предал нас. Он подписал акт о капитуляции.

Изумленный Бирцер поднес руку к губам и повторил тупо:

— Генерал Вольф? Предал?

А Муссолини побежал вверх по лестнице, выкрикивая:

— Они — уголовники, наемные убийцы, с ними нельзя иметь ничего общего.

В 7.30 вечера в префектуре царил настоящий хаос. Заседание в кабинете Муссолини на первом этаже напоминало скорее конфронтацию, нежели совещание. Почти каждый участник кричал во весь голос, внося предложения и контраргументы.

— Отдайте распоряжения, — устало произнес дуче, обращаясь к секретарю партии.

Пазолини с удивлением ответил:

— Какие еще распоряжения, дуче? Вы же сказали о выступлении в Комо.

В их разговор вмешался Коста:

— Что это еще за дела? Десять часов тому назад ведь называли Вал-Теллину.

Неподалеку от Муссолини слепой ветеран войны заплакал:

— Не покидайте нас… Я отдал свои глаза за фашизм… Я готов отдать и жизнь.

Журналист Карло Силвестри сказал свое мнение по поводу криков:

— Не доставляйте своим противникам такого удовольствия.

Полковник Вито Казалиново, помощник Муссолини, не говоря ни слова, подал ему пальто.

Новость, сообщенная Грациани, только подлила, как говорится, масла в огонь. Союзники форсировали Адидже, и передовые части генерала Кларка могли войти в Милан в ближайшие часы. Витторио Муссолини посчитал это за свет в конце туннеля и промолвил, обращаясь к отцу:

— К чему тогда уходить? Почему не остаться в префектуре, в которой можно отбить все атаки партизан, и не дождаться прихода американцев?

— И быть пригвожденным к позорному столбу в лондонском Тауэре или оказаться в клетке, подобно дикому зверю в Мэдисон-сквер-Гарден? — возразил Муссолини. — Нет уж, Никогда!

Предательство Вольфа, непреклонность лидеров движения Сопротивления и опасение быть осмеянным союзниками оказались тремя факторами, выведшими Муссолини из равновесия в этот критический момент.

Только его последняя решительная позиция могла как-то восстановить баланс.

На другом конце города, во дворце архиепископа, положение дел было не лучше. Лидеры повстанцев, разбившись на небольшие группки, ожидали появления дуче, нетерпеливо поглядывая на часы. Вдруг в конце коридора послышался шум, и в комнату ворвались Лео Валиани и Эмилио Серени. Обеспокоенные долгим отсутствием Ломбарди, они подумали, а не удалось ли Марацце и Арпезани уговорить остальных на передачу Муссолини в руки союзников? Вслед за ними появился социалист Сандро Пертини, который только что узнал о проводившемся совещании. Он примчался, решительно настроенный прервать переговоры.

— Вы не должны были соглашаться ни на какие разговоры с ним, — крикнул Пертини генералу Кадорне. — Общественный суд — вот то, чего мы хотим.

Марацца возразил ему:

— Если Муссолини сдастся нам, то мы сдержим свое слово.

В этот момент из своей приемной показался кардинал, обеспокоенный поднявшимися криками, и предупредил всех присутствовавших о большой ответственности, которую они понесут в случае попытки взять Муссолини силой:

— Это может привести к гражданской войне.

— Колесо истории вращается, — возразил Пертини, — и ни вы, ни я не можем его остановить.

— Вы должны обещать вашему архиепископу, что не поднимете вооруженное восстание.

Взбешенный Серени крикнул:

— Во-первых, вы — не мой архиепископ, а во-вторых, вооруженное восстание обязательно начнется.

Серени, да и остальные все еще считали, что Муссолини возвратится во дворец и сдастся, предоставив себя под защиту кардинала до подхода союзных войск. Один из представителей левого крыла сунул под нос архиепископу кулак с криком:

— Вы ответите за это!

Дон Джузеппе Биччиерай тут же разделил их друг от друга своей мощной фигурой.

В префектуре споры тоже еще не прекратились. Винченцо Коста, выдвинувший идею Вал-Теллины, считал, что в случае необходимости надо будет просто взять Муссолини и увезти в горы силой. Тогда фашизм «сможет умереть в славе». Цербино и Барраку, все еще надеявшиеся на мирный исход, пытались шумно разубедить его. Министр корпораций Анджело Тарчи уговаривал Муссолини остаться в Милане. Его поддерживал министр юстиции Пьеро Пизенти.

Они могли бы скрыться в замке Сфорцеско и дождаться там прихода союзников, а Грациани в это время капитулирует вместе с армией. Но Муссолини отклонил их предложение, решив направиться к озеру Комо, отстоявшему на шестьдесят километров севернее города, и оттуда продолжить переговоры с Шустером.

В Комо, судя по направлению и силе ветра, четыре дороги были еще открыты для движения, что позволит: установить контакт с Шустером; выдвинуться к Вал-Теллине, если Паволини удастся собрать там достаточное количество войск; уйти в Швейцарию; последовать за немцами в Мерано.

Грациани, не забывший ультиматум партизан и посмотревший на часы, положил конец дискуссиям, сказав:

— Сейчас почти 8 часов вечера, дуче. Предлагаю продолжить дискуссию в Комо.

Муссолини сразу же подбежал к окну и крикнул по-немецки ожидавшим эсэсовцам:

— Подготовьтесь к немедленному выезду.

Принц Валерио Боргезе наблюдал, улыбаясь скептически, за тем, как дуче через несколько минут перебегал во дворе префектуры от машины к машине, наказывая:

— Встретимся в 8 часов утра в префектуре Комо 26 апреля.

В течение ночи должны быть досмотрены все городские казармы и солдаты, находящиеся в них, отправлены в Вал-Теллину.

Во дворе префектуры поднялся крик:

— На Комо… на Комо.

Все присутствовавшие на заседании рассаживались по своим машинам. Муссолини уселся на заднем сиденье открытой «альфа-ромео», держа в руках автомат, который ему сунул какой-то солдат, не зная, как с ним обращаться. Кто-то был излишне возбужден, кто-то подвержен страху, но все торопились.

Стоя в стороне, принц Боргезе наблюдал за разыгрывавшимся спектаклем. Хотя двор имел только один выход, более тридцати легковых и грузовых автомашин выстроились в колонну. Через несколько минут двор опустел. В нем виднелась лишь одинокая фигура Боргезе.

Министр юстиции Пьеро Пизенти вспоминал, что в опустевшем дворце стали раздаваться беспрерывные телефонные звонки от префектов и начальников федеральных служб, пытавшихся получить последние указания дуче.

Префект Марио Басси, подняв трубку, услышал голос дона Джузеппе Биччиерая, звонившего из дворца архиепископа. Лидеры повстанцев с нетерпением ожидали решения Муссолини. Басси ответил кратко:

— Дуче уехал, ему нечего было вам сказать. Когда дон Биччиерай сообщил эту новость лидерам движения Сопротивления, на лице Лео Валиани скользнула улыбка. Он был, пожалуй, первым из собравшихся там, кто полностью оценил значение бегства Муссолини. Срок ультиматума истек, так что дуче поставил сам себя вне закона.

Ночь была темной, и вот посреди ее в кабинете полковника Альфредо Малгери, начальника ломбардийской финансовой гвардии, раздался телефонный звонок. Малгери узнал голос майора Эгидио Либерти, одного из офицеров генерала Кадорны:

— Это — Коллино. Мы должны приступать к действиям прямо сейчас. Через полчаса вы получите письменное распоряжение. — В заключение майор добавил: — Желаю успехов!

Пятидесятитрехлетний полковник вскоре получил распоряжение, доставленное ему связным от Лео Валиани. В нем говорилось:

— Задача финансовой гвардии — захватить этой ночью префектуру Милана…

В казарме, обнесенной колючей проволокой, с окнами, заложенными мешками с песком, Малгери обсудил детали предстоявших действий со своими офицерами. В городе находилось до двенадцати тысяч фашистов и немцев, в его распоряжении было всего четыреста человек, которым предстояло выйти на другой конец Милана и отрезать девять дорог с целью

изоляции здания префектуры.

— Это же самоубийство, — сказал один из офицеров.

Полковнику было трудно ему возразить.

В серо-зеленой форме с желтыми языками пламени на петлицах люди вышли в город в 4 часа утра. Каждая улица и покрытая туманом аллея могли таить в себе засады, поэтому все хранили полное молчание. Неподалеку от Корсо-Монфорте, на подступах к префектуре, начал строчить пулемет. Люди Малгери открыли огонь из винтовок, и пулемет замолк.

— Вперед, парни, — крикнул полковник.

Без промедления гвардейцы устремились во двор префектуры, где еще девять часов назад отдавал свои распоряжения Муссолини. В подвалах были обнаружены всего пять перепуганных служащих.

Восстание набирало силу. Улица за улицей заполнялись партизанами, прибывавшими на грузовых автомашинах с красными флагами. Среди прохожих попадались ряженые с карнавала, одетые чертями и индейцами. У «Ла Скалы» народ не разошелся, слышались пьяные крики и песни.

С рассветом тысячи партизан, сверив часы, приступили к намеченным действиям, быстро и без лишнего шума занимая казармы, полицейские участки, почту и телеграф. В гостинице «Савойя» немецкие дипломаты, си-девшие за завтраком, открыли рты от изумления. Обслуживавшие их официанты выстроились у стен, достав, как по волшебству, красные шейные платки. Бородатый партизан, направив на дипломатов автомат, рявкнул:

— Всем встать и держать руки на затылке. Одновременно несколько джипов, и грузовиков

подъехали к радиостанции в Порта-Тичинезе. Пятнадцать человек в гражданской одежде с автоматами в руках вошли в стеклянные двери. Фашистская ночная охрана сопротивления не оказала. Командир партизанской бригады имени Маттеотти, насчитывавшей тысячу человек, Коррадо Бонфантини взял в руки микрофон, когда воздушные сирены взвыли в различных частях города, что являлось сигналом взятия всех ключевых позиций. От Таранто на юге до границы со Швейцарией на севере миллионы итальянцев услышали его взволнованный голос:

— Говорит Коррадо, приветствуя из освобожденного Милана всех людей в Италии, ставших, наконец, свободными…

На глазах его показались слезы радости.

Бенито Муссолини выслушал эту новость молча. Он сидел в ресторане гостиницы «Гольф-отель» в Грандоле, находящемся на высоте 350 метров над уровнем серых вод озера Комо. Вместе с десятью партийными боссами и Кларетой Петаччи, которая

последовала за ним, не дожидаясь возвращения Шпёглера, он ожидал, когда подадут завтрак. Теперь, по прошествии семнадцати часов с тех пор, как он покинул город, планы его были, как и всегда, текучими и неопределенными.

В полночь из квартиры префекта Комо он написал последнее письмо Рашель. «Я завершаю последнюю главу всей жизни, последнюю страницу своей книги. — Слова эти были написаны синим карандашом, подпись же сделана красным. — Прошу простить меня за все обиды, причиненные тебе непреднамеренно. Но знай, что ты была единственной женщиной, которую я действительно любил».

Хотя Рашель находилась всего в двух километрах от него, расположившись в одной из вилл, куда была доставлена фашистским эскортом из Монцы, видеть ее он не захотел. Она с Романо и Анной Марией должны были направиться в Швейцарию, его же путь лежал в Вал-Теллину.

Полной уверенности в успехе у него не было, хотя он и верил в неизбежность хода событий. Всю ночь, проведенную в префектуре Комо, он продолжал взвешивать все «за» и «против», как бы продолжая дебаты, начатые в Милане. С одной стороны, у него было намерение направиться в Бреннер, чтобы присоединиться к Гитлеру. С другой же — ему хотелось попасть в Швейцарию, и он затратил довольно много времени, звоня в американское консульство в Лугане. Поначалу агент Аллена Даллеса Дон Джонс надеялся, что Муссолини с двумя министрами пересечет границу в час ночи, однако швейцарцев это время не устроило.

Как позже объяснил Даллес, это было его решением. Поскольку Швейцария, деликатно прикрыв глаза, смотрела сквозь пальцы на деятельность американского Управления стратегических служб в нейтральной стране, отсутствие там дуче в тот момент, когда генерал Вольф был готов подписать акт о капитуляции, могло бы вызвать международные осложнения.

Но вот Муссолини воскликнул:

— Хватит раздумий. Необходимо принимать решение.

Спать он, однако, не смог. В 3 часа утра кто-то предложил направиться на виллу федерального секретаря в Менаджио, находившуюся в нескольких километрах севернее, где дуче мог бы отдохнуть, пока Паволини не эскортирует его в Вал-Теллину. Среди оставшихся партийных боссов поднялась настоящая паника, что о них забудут. Маршал Грациани, выхватив пистолет, прекратил гвалт, заявив:

— Если кто-нибудь сделает шаг, буду стрелять.

В Менаджио, выпив чашку кофе с молоком и вздремнув

полчаса, Муссолини опять задумался о Вал-Теллине. Его настораживало, что от Паволини не было никаких известий. Один из офицеров предложил возвратиться в гостиницу «Гольф-отель», расположенную у дороги, и там выждать, пока не прояснится обстановка.

И вот он прослушал объявление Бонфантини по радио. Удалось ли Паволини выбраться из Милана? Никто из присутствовавших не осмелился прервать его задумчивость. Официанты принесли сдобу, отварное мясо и грубый хлеб для двенадцати человек, сидевших за столом.

— Милан освобожден от фашистов, — повторило радио.

Один из присутствовавших выключил приемник. Наступило тягостное молчание. Наконец, глядя на стол, Муссолини произнес:

— Дайте-ка я посмотрю на лица преданных мне до последнего момента людей.

Вновь наступило молчание, прерванное стуком ножей и вилок. Все принялись за завтрак, кушая без ап-петита7~стараясь скрыть свое замешательство.

В гостинице «Барчетта» в Комо маршал Грациани завтракал со своими офицерами. Напротив них сидел Винченцо Коста с командующим черными бригадами Франко Коломбо.

Грациани выезжал вместе с дуче в Менаджио, затем возвратился назад в Комо. Его «Альфа-Ромео 2500» с покрашенными серебром колесами стояла наготове.

В восемь часов утра Коста сообщил Грациани, что Паволини с тремя тысячами человек находится севернее Милана. Оба они разыскали дуче и передали ему это сообщение, затем Грациани ушел. Среди фашистских боссов прошел слух, что Муссолини собирается скрыться в Швейцарии, и они запаниковали.

Когда Коста направился к Муссолини, ему было сказано, что тот отдыхает.

— Вы получите указания в полдень, — заявил ему Барраку.

Паволини, которому Коста передал это, был недоволен, а по прошествии некоторого времени и вовсе замолк. Коста посоветовался с Грациани, что им делать, чтобы остановить падение духа: войска союзников приближались, фронт трещал, и солдаты дезертировали пачками.

Грациани, надушенный дорогим одеколоном, посмотрел на того с удивлением и сказал:

— А чего же вы хотите?

— Мы хотим знать, как нам следует умереть, — последовал ответ.

Грациани промолвил уклончиво:

— Дуче может принять решение выехать в Вал-Теллину, но это совсем не обязательно. В настоящий момент он ожидает важного разговора.

Коста и Коломбо решили, что сам Грациани только и ждет подходящий момент, чтобы капитулировать, так как незадолго до этого заявил в префектуре Комо:

— Я — человек чести, а не марионетка и намерен отправиться на фронт. Когда же американцы окажутся от меня в десяти шагах, то сдамся им в плен.

— Если Муссолини кончит плохо, — бросил через плечо Коломбо, уходя, — ответственность ляжет на вас. Мы же все умрем как крысы.

Уголовный инспектор Отто Кизнатт собирался отоспаться в пустой казарме чернорубашечников в Менаджио, но это ему не удалось, так как Муссолини поднимал его с постели три раза за ночь.

Поспешно собрав документы на озере Гарда в день, когда Муссолини покинул Милан, Кизнатт не спал сорок восемь часов, пытаясь его настичь в надежде, что унтерштурмфюрер Бирцер окажется на своем месте. И вот, разыскав их в «Гольф-отеле» в Грандоле, он попытался уснуть, улегшись пораньше.

Первый раз Муссолини разбудил его в 10 часов вечера, сообщив, что партизаны собираются спуститься с гор и что он послал появившегося Паволини в Комо за десятью бронированными машинами и подкреплением.

— Достаточно ли будет их, чтобы отбить нападение? — поинтересовался дуче.

— С десятью бронированными машинами, — успокоил его Кизнатт, — можно сделать все.

В полночь Муссолини позвонил ему опять. Он находился в кабинете коменданта и изучал карты.

— Что вы скажете об этом? — закричал дуче. — Нет и следа от Паволини и броневиков. Никто не знает, где найти секретаря партии. — В голосе его прозвучала жалость к самому себе. — Моим трагическим уделом становится то, что в самые важные моменты жизни я оказываюсь один.

Кизнатт попытался его успокоить, сказав, что на рассвете пошлет дозор.

А в два часа ночи ему опять пришлось вскакивать с постели на очередной телефонный звонок.

— Наконец-то появился Паволини, — взволнованно произнес дуче. — С ним всего два броневика, и то старой конструкции. Стыд и срам!

— Сколько с ним людей? — уточнил Кизнатт.

— Ответь сам, — сказал Муссолини и передал трубку Паволини.

— Двенадцать, — признался тот.

В этот момент Кизнатт понял, что армия Республики Сало более не существует. Всего дюжина представителей старой гвардии, людей в возрасте, изъявили готовность последовать за Паволини. Основная же масса потеряла былую уверенность в связи с исчезновением Муссолини, испытывала страх перед партизанами в горах и решила не покидать Комо. Сотни человек влились в ряды движения Сопротивления. Затея с Вал-Теллиной оказалась очередной фашистской утопией и пустыми словами.

Таким образом, Муссолини оставалось только одно: продолжать оказывать уважение пакту о создании «оси» до самого конца, неизбежного и горького. И он сказал Кизнатту:

— Тронемся в путь в пять часов утра. Будет надеяться, что окажемся в немецком посольстве в Мерано до наступления темноты.

В двадцати километрах севернее Менаджио, на дороге, проходившей вдоль озера, в одном из домов деревушки Муссо открылось окно, из которого выглянул капитан Давид Барбиери, командир местных партизан. Над озером стелился туман, хотя и шел мелкий дождь. Вдруг он услышал шум двигателя автомашины. Обратившись к партизанам, стоявшим за его спиной, он произнес:

— А вот, наверное, и Муссолини собственной персоной.

Было 6.50 утра.

Когда Барбиери заметил во главе довольно большой колонны бронемашину с 20-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами, он дал знак, чтобы его люди оставались на местах. Колонна растянулась на километр и насчитывала около сорока автомашин. Имея лишь легкое вооружение, партизаны не могли осуществить открытое нападение на бронемашину и грузовики с солдатами. Молча Барбиери вывел людей в сады у подножия горы, где те залегли цепью. Когда на узкой дороге показались машины министров, капитан выстрелил в воздух, подавая сигнал партизанам.

Тут же заговорили пулеметы броневика, но колонна была вынуждена остановиться, так как на дороге впереди оказался завал.

Еще ночью партизанский связной передал Барбиери, что в Менаджио формируется колонна, к которой на усиление подошли 200 солдат-зенитчиков во главе с лейтенантом Хансом Фаллмайером. В колонне должен находиться сам Муссолини. Барбиери сразу же распорядился соорудить на дороге завал в

двух километрах от деревушки, использовав стволы деревьев и валуны, как раз на ее изгибе у отвесной скалы.

С грузовика, шедшего за броневиком, в котором находились Муссолини и Паволини, спрыгнули Бирцер и Кизнатт с автоматами на изготовку. Они увидели, что задняя правая шина броневика, наехавшего на треугольные партизанские «ежи», была спущена. В тридцати метрах далее виднелся завал. Слева от них круто вверх шла скала, справа же находился обрыв к озеру. Место для засады было выбрано искусно.

Из-за завала появились трое партизан с белым флагом. Впереди шел граф Пьер Луиджи Беллини делле Стелле, известный среди повстанцев под псевдонимом Педро двадцатипятилетний флорентиец с черной бородкой, командир партизанского подразделения 52-й гарибальдийской бригады.

Лейтенант Фаллмайер, бегло говоривший по-итальянски, пошел им навстречу. «Колонна направляется в Мерано, и немцы не намереваются вступать в стычку с итальянцами», — объяснил он. Беллини покачал головой. У него был приказ останавливать все вооруженные группы людей и не пропускать их дальше.

Когда Фаллмайер попытался возразить, молодой партизанский командир заявил:

— Ваша колонна находится под прицелом моих мортир и пулеметов. Вы будете стерты с лица земли за пятнадцать минут.

В этот момент Беллини увидел подошедшего политкомиссара Урбано Лаццаро, который сделал ему знак рукой. Он успел осмотреть колонну, и увиденное устрашило его. За грузовиками со станковыми пулеметами были прицеплены горные орудия и зенитные пушки малого калибра.

— Если дело дойдет до боя, то, пожалуй, они сотрут нас в порошок, — прошептал он.

Беллини задумался: ведь его «армия» насчитывала всего восемь человек, вооруженных каждый винтовкой, кинжалом и тремя ручными гранатами. К ним присоединились двенадцать местных жителей, не имевших никакого оружия. Правда, в казарме были прихвачены три станковых пулемета, которые теперь смотрели на дорогу. С группой Барбиери партизаны насчитывали около пятидесяти человек.

Но у него было одно преимущество: захотят ли немцы вступать в бой, когда война, фактически, уже окончена?

Узнав, что колонна начала выдвижение из пункта дислокации, Беллини выслал связных во все близлежащие гарнизоны, к дорожным постам и патрулям в северной части озера и потребовал подхода подкреплений с тяжелым оружием и мортирами. На определенных интервалах должны были быть

установлены пулеметы. В соседней деревушке Донго жители приступили к минированию моста, используя гелигнит.

Если немцы будут настаивать на своем, он был намерен взорвать этот мост.

— Сколько итальянцев следует в колонне?

— Несколько гражданских лиц, — ответил Фаллмайер, не называя Муссолини и его министров. — Но они меня не касаются. Меня беспокоят лишь мои люди.

Беллини решился пойти на блеф.

— Мы можем пропустить немцев, — предложил он, — но для этого среди них не должно быть посторонних. И добавил: — Вы, однако, должны будете сопроводить меня вдоль колонны для осмотра.

После продолжительного обмена мнениями Фаллмайер в конце концов согласился.

Беллини попросил Лаццаро выслать связных к ближайшим блокпостам, чтобы все бывшие там в наличии партизаны стянулись к дороге.

— Надо послать гонцов в горы, — добавил он, — чтобы люди спустились вниз. И надо, чтобы каждый имел что-нибудь в руках. Пусть немцы думают, что все они вооружены.

С момента остановки колонны прошло пять часов. Но вот около часа пополудни Бирцер увидел две автомашины с Фаллмайером, Беллини и партизанским эскортом, возвращавшиеся из Донго. Через несколько минут взволнованный Фаллмайер докладывал обстановку Кизнатту и Бирцеру. По всему сорокакилометровому пути до штаба дивизии в Чиавенне он видел в бинокль вооруженных людей, все дорожные мосты заминированы. Поэтому Фаллмайер был готов выполнить требование Беллини — отделить своих людей от фашистов.

— Итальянцев надо ссадить с машин, — доказывал он Кизнатту. — В этом случае партизаны гарантируют пропуск немцев в Германию без применения оружия обеими сторонами… Мы не можем ни двинуться вперед, ни возвратиться назад. Мосты сзади нас взорваны. Если вы не примете этих условий, я выведу своих людей и буду действовать один.

Кизнатт и Бирцер осознавали, что сделать что-либо в такой ситуации было, фактически, невозможно. Конечно, они отвечали за Муссолини, но стоило ли проливать кровь за проигранное дело. После десятиминутных переговоров они согласились с предложением Фаллмайера.

— Если двухсот человек недостаточно для вступления в бой, то тридцати — тем более.

Правда, у них были свои планы в отношении Муссолини. Они

хотели обговорить их, как вдруг задняя дверка бронеавтомобиля открылась, и их подозвал к себе дуче. Бирцер заметил внутри бронемашины Кларетту Петаччи, одетую в мужское пальто голубого цвета, со шлемом водителя мотоцикла на голове.

— Со мною женщина, судьба которой для меня важна. Можете ли вы взять ее под свою защиту?

Немцы пошли на хитрость, сказав, что колонна скоро тронется. Единственным же шансом на его спасение было посадить дуче в грузовик переодетым в немецкого солдата. Спутники его должны были оставаться на месте.

— А если я встречу фюрера и скажу ему, что был вынужден прибегнуть к этому трюку, — попробовал протестовать он, — то буду чувствовать себя неловко.

— Сопротивление в данных условиях бесполезно, — возразил Кизнатт, и Бирцер поддержал его, сказав:

— В этом заключается единственная надежда благополучно миновать блокпост.

Бормоча, что подумает, Муссолини закрыл дверку.

— Дуче, времени на размышления нет, — громыхнул Кизнатт. — Решайтесь немедленно, так как мы уходим.

Неожиданно Кларетта стала кричать: «Дуче, спасайтесь!», да так громко, что полковник Вито Казалинова, помощник Муссолини, прикрикнул на нее, чтобы она замолчала. Через несколько секунд дверца снова открылась, и из нее показался немецкий унтер-офицер военно-воздушных сил с каской на голове.

— Я ухожу, — с горечью сказал диктатор, обратившись к Паволини, — так как доверяю немцам больше, чем итальянцам.

Тот со стыдом опустил голову.

Кизнатт и Бирцер поправили Муссолини каску, съехавшую на затылок, дали темные очки и вручили автомат. Длинная шинель доходила ему до пят. И тут Муссолини стал настаивать, чтобы за ним последовали и его соратники. Бирцер ответил, что это невозможно.

— Тогда, по крайней мере, мой друг, — попросил дуче, указывая на заплаканную Кларетту.

— Нет, это тоже невозможно, дуче, — возразил Бирцер. — Вы должны идти один.

Прикрытый немцами, Муссолини вскарабкался на борт четвертого грузовика с конвоем. Кизнатт взял на заметку номер автомашины — BX 529507.

В 3.10 пополудни грузовики с немецкими солдатами тронулись, сопровождаемые дикими криками брошенных министров.

— Спрячьтесь, дуче, — шепотом сказал Бирцер, — и не высовывайтесь.

Через пять минут голова колонны остановилась у блокпоста Донго, где находился Лаццаро со своими людьми. Как было обусловлено с Беллини, только лейтенант Фаллмайер спрыгнул на землю, чтобы сопровождать партизан, осматривавших один грузовик за другим. Как по иронии судьбы, напротив четвертого грузовика, где находился Муссолини, виднелся лозунг, написанный крупными буквами: «Только Бог может помочь фашистам, люди же — никогда».

Сквозь окошко головного грузовика Бирцер наблюдал за происходившим. Контроль его людей закончился, но он беспокоился за Муссолини. Было мало надежды, что партизаны не опознают столь знакомое им лицо. Может быть, ему стоило отдать приказ на открытие огня? Теперь, в самом конце, вновь устроить бойню из-за Муссолини? Партизаны в это время осмотрели второй, затем третий грузовик.

Лацарро проверял немецкие документы. Он, как и Беллини, слышал от капитана Барбиери, что в колонне должен находиться Муссолини, но не очень-то в это верил. Вдруг раздались крики. Кто-то звал его. Перегнувшись через борт грузовика, Лаццаро увидел Джузеппе Негри, сына местного башмачника, бежавшего к нему.

Будучи орудийным номером на корабле, на котором Муссолини следовал из Понцы в Маддалену, он близко видел дуче и не забыл его лица.

— Билл, — услышал Лаццаро шепот парня, — мы обнаружили негодяя!

На вилле Строцци во Флоренции, стоявшей на берегу реки Арно, двадцатичетырехлетний майор Макс Корво еще и еще раз проверил слова шифрограммы. Вообще-то было маловероятно, что командование партизан Милана неправильно истолкует его запрос. Ведь в параграфе 29 акта о «долгосрочном перемирии» речь шла о Бенито Муссолини.

Имя Муссолини было знакомо начальнику оперативного отдела американского Управления стратегических служб Корво, носившему небольшие усики, задолго до создания тем марионеточного государства. Еще 26 июля 1943 года Франклин Делано Рузвельт направил послание Уинстону Черчиллю с предложением, что в случае заключения сепаратного мира с Италией «главный дьявол должен быть арестован». Черчилль согласился с ним, предложив, когда подойдет время, обсудить это с советским руководством.

«Кое-кто предпочтет немедленную экзекуцию без

длительного судебного процесса, за исключением опознания, — писал Черчилль, — другие же посчитают необходимым держать его в тюремном заключении до конца войны в Европе… Лично мне это безразлично… учитывая, что пока еще нет солидных военных успехов как предпосылки для осуществления немедленного мщения».

И Корво установил наблюдение за дуче. Его итальянские агенты, используя, по сути дела, ту же тактику, что и Отто Скорцени, нащупали его в Понце и на Маддалене. Однако главнокомандующий союзными войсками генерал Эйзенхауер запретил его планы по захвату Муссолини как слишком рискованные.

Преемник Эйзенхауэра фельдмаршал Гарольд Александер тоже наложил вето уже на новый план Корво. А он предусматривал выброску тридцати парашютистов во главе с ним самим в район Сан-Сиро, в шести километрах северо-западнее Милана, которые должны были захватить дуче и его приближенных и доставить их в безопасное место.

И вот теперь, в 6 часов вечера 27 апреля, Корво решил-таки попытаться захватить Муссолини. Он не знал, покинул ли дуче Милан, а тем более — что он задержан в Донго. За два дня до этого его агенты сообщали, что диктатор ведет переговоры с кардиналом Шустером. Учитывая окончание войны, Муссолини мог бы сообщить важную информацию о ближайших планах Гитлера. К тому же плененный дуче перестал бы являться символом сопротивления для быстро слабеющих фашистских войск.

Невзирая на вето Александера, майор разработал четвертый план захвата Муссолини. Транспортный самолет «С-47» совершит посадку на грунтовой аэродром Брессо, в десяти километрах от Милана. Поскольку на нем не было никакого аэродромного оборудования и даже взлетно-посадочной полосы, садиться нужно было днем, что для опытного пилота проблемы не составит. Этим путем, однако, можно было бы надежно доставить дуче в штаб-квартиру Александера в Казерту, неподалеку от Неаполя, с соблюдением максимальных мер безопасности.

Корво еще раз перечитал свое послание.

«Прошу проинформировать о ситуации с Муссолини. Точка. Если вы готовы передать его нам, мы вышлем самолет, чтобы его забрать. Точка».

Корво был убежден, что на этот раз план его не сорвется. За несколько часов до получения партизанами этого обращения и посылки самолета его луганский сотрудник Мим, которого в Управлении стратегических служб знали как капитана Эмилио

Даддарио, должен был прибыть в Милан для обеспечения последующей передачи Муссолини союзникам.

— Успокойтесь, синьора, — произнес граф Беллини, — пожалуйста, успокойтесь. С Муссолини ничего не случится.

В небольшой комнате с высокими окнами муниципалитета Донго он попытался остановить поток слов Кларетты Петаччи. После ее задержания вместе с другими итальянцами в колонне Кларетта сбросила бывшее на ней пальто. При ярком свете потолочной электрической лампочки она выглядела как обычно — в вельветовом костюме табачного цвета с белой блузкой и норковой накидкой.

— Если бы вы знали, что мне пришлось пережить за последние несколько дней. Все ударились в бега, только и заботясь о спасении собственной шкуры. Большинство оказались просто предателями!

Прошло три часа с тех пор, как Лаццаро вместе с Беллини поднялся на грузовик, чтобы опознать Муссолини. Ему даже показалось странным, насколько вяло и тупо дуче воспринял свое поражение, когда Билл хлопнул его по плечу, воскликнув:

— Кавалер Бенито Муссолини!

— Я не буду ничего предпринимать, — заверил он их отрешенно-фатальным голосом, спускаясь на землю.

Сидя в муниципальном правлении, он вел себя как человек, подвергнувшийся шоку, и попросил лишь стакан воды, словно нисколько не сожалея о прошлом и не заботясь о будущем.

Беллини не намеревался его утешать, но опасался контрмер со стороны фашистов. Не особенно доверял он и новичкам, недавно влившимся в ряды партизан, многие из которых жаждали разбогатеть за счет резервного фонда Республики Сало, находившегося, как они слышали, в колонне, — золотые слитки и иностранная валюта стоимостью несколько миллиардов лир.

В семь часов вечера Беллини лично доставил дуче в камеру в казарме финансовой гвардии в Гермазино, в восьми километрах от Донго. Казарма находилась в покрытых облачностью горах на высоте семисот метров.

Оказавшись в казарме, Муссолини застенчиво попросил графа передать его сердечный привет женщине, находившейся в муниципальном правлении, назвав ее синьорой Петаччи. Таким образом Беллини впервые познакомился с ней — пользовавшейся дурной славой женщиной, которую он презирал, как и тех пятьдесят пленных фашистов, находившихся частью еще здесь, а частью отправленных в Гермазино. Среди них находились Алессандро Паволини и брат Кларетты — Марсело, выдававший себя за испанского консула.

Реакция Кларетты, однако, озадачила его. Для много о себе понимавшей куртизанки эта реакция казалась слишком страстной, слишком неподдельной, тогда как вначале ее поведение было воспринято им как наигранное и искусственное.

— Как долго он будет находиться в ваших руках? — допытывалась она.

Но Беллини и сам этого не знал. Унтер-офицер местных карабинеров позвонил в Милан и сообщил о задержании Муссолини, но оттуда пока никаких указаний не поступало.

— Вам следует передать его союзникам, — протестующе заявила Кларетта.

Беллини же считал себя ответственным перед собственным правительством, так что союзников это вовсе не касалось.

— Как раз наоборот, — ответил он ей, — я приложу все свои усилия, чтобы он не попал в их лапы.

Вдруг Кларетта обратилась к нему почти крича, как бы пытаясь втолковать нечто важное:

— Как мне заставить вас поверить в то, что все эти годы я находилась с ним, потому что люблю его? Я и жила-то только тогда, когда была вместе с ним… вы должны верить мне!

Откинувшись на спинку стула, она закрыла покрытое слезами лицо руками.

Беллини принялся ходить по комнате. Вид плачущей женщины выводил его из себя. И он стал просить ее, чтобы она не считала его врагом. Он предпримет все, что в его силах, чтобы уменьшить ее страдания.

— Я никогда не думала, что враг может быть таким хорошим и милым, — проговорила Кларетта сквозь слезы. — Это позволяет мне обратиться к вам с просьбой о большом одолжении. Сможете ли вы мне его оказать?

Беллини присел на стул и закурил. Но, хотя он и слушал внимательно, женщина не торопилась со своей просьбой. Говоря монотонно и негромко, она поведала о первой своей встрече с Муссолини и годах, проведенных с ним. Поскольку рассказ ее был долгим, Беллини прервал ее, произнеся:

— Скажите, что вы имели в виду, и я обещаю сделать все возможное, чтобы помочь вам.

Кларетта наклонилась вперед и схватила графа за руку.

— Поместите меня к нему. Позвольте нам быть вместе. В этом ведь нет ничего плохого. Не говорите, что это невозможно.

Беллини, отдернув руку, попытался ее отговорить от этого. Ведь если что случится с Муссолини, она тоже окажется в опасности. И вдруг Кларетта произнесла шепотом:

— Теперь я понимаю. Вы собираетесь его расстрелять.

Беллини с горячностью ответил:

— Ничего подобного.

К его удивлению Кларетта молча вытерла глаза и сказала:

— Обещайте мне, что я смогу находиться с ним до самого конца, если он будет расстрелян, и что меня расстреляют вместе с ним. — Затем добавила: — Моя жизнь потеряет смысл, если он будет мертв. Единственное, чего я прошу, дать мне возможность умереть вместе с ним.

Молодой партизан был тронут до глубины души. «Вот каковой может оказаться любовь женщины», — подумал он, почувствовав стыд, что презирал ее до этого.

— Я подумаю и посоветуюсь с друзьями, — ответил он, стараясь сдержать дрожь в голосе.

В 9.30 вечера в типографии газеты «Иль Пополо д'Италиа» на площади Кавур в Милане станки были готовы к печати. За столом главного редактора Лео Валиани вычитывал верстку, испытывая гордость за то, что именно эта газета, вышедшая более чем в девяти тысячах номеров, отражая язык и мысли Муссолини, возвестит о триумфе народа.

Вдруг его позвали к телефону. «Видимо, это коммунисты Лонго и Серени из штаба партизанского руководства», — решил он.

За своей спиной он услышал голос социалиста Сандро Пертини:

— Мы не должны отдавать его.

У телефона оказался Серени, который сказал ему:

— Федерико (таков был партизанский псевдоним Валиани), послушай-ка: союзники запрашивают нас о Муссолини. — Голос его дрожал от возбуждения, и он зачитал послание майора Корво. — Что будем делать? — спросил затем Серени.

— Альдо (псевдоним Серени в партизанских кругах), — спокойно ответил Валиани, — мы вообще ничего не будем делать.

В трех кварталах севернее «Ла Скалы», на первом этаже дворца Кузани, недавно реквизированного под штаб партизанского командования, генерал Раффаэле Кадорна продолжал работать, сидя за столом. Было уже далеко за полночь, но у пятидесятишестилетнего генерала забот еще хватало. Будучи командующим силами антифашистского Сопротивления, он не был уверен, будут ли две немецкие дивизии отходить на запад через город, что могло бы привести к новому кровопролитию. Вдруг он поднял голову, услышав шаги за дверью.

Генерал хорошо знал двоих вошедших мужчин. Первым был гладко выбритый, высокорослый Вальтер Аудизио, тридцатишестилетний офицер связи от коммунистов, которого

все звали «полковник Валерио». Он был ветераном гражданской войны в Испании, где воевал в составе Интернациональной бригады, за что отсидел в местной тюрьме. Отстаивая линию партии, он всегда горячо жестикулировал руками. Вторым был сорокашестилетний Альдо Лампреди, носивший очки, бывший плотник, ничем не выделявшийся в толпе. Он тоже был ветераном испанской гражданской войны, а теперь являлся заместителем командира гарибальдийской партизанской бригады и одним из самых непримиримых повстанцев.

— Получен приказ комитета, генерал, — сообщил Аудизио. — Нам надлежит направиться в район, находящийся севернее города, для осуществления казни Муссолини.

Кадорна подумал: «Это исходит от комитета восстания, в который входит пять представителей левого крыла. А предложение, скорее всего, внесено коммунистами». И тут же вспомнил, что центральный комитет национального освобождения в принципе одобрил казнь фашистских лидеров.

— Есть ли у вас письменное распоряжение? — спросил он тем не менее.

Оба покачали головами.

— Американцы находятся в окрестностях Комо, — произнес Лампреди. — Как только они узнают о том, что Муссолини нами арестован, они постараются его у нас забрать. Так что времени остается не много.

Кадорна знал, что это соответствует действительности, и в свою очередь не хотел передачи Муссолини союзникам. Позднее он поклялся, что не получал телеграммы майора Корво, но еще до этого по личной инициативе попросил Итало Пьетру, командира павезской бригады, направить людей на север для эскорта и охраны дуче. Однако Пьетра отказался, так как его тысяча дисциплинированных партизан была нужна ему для осуществления полицейских функций в городе.

Непрерывно куривший сигареты «Ориенталь» Аудизио рассказал Кадорне, что еще в 6 часов вечера обратился к полковнику Альфредо Малгери, командиру финансовой гвардии, с просьбой направить в Гермазино своих людей. Но тот ответил: «Хотя Муссолини и содержится там, в казарме финансовой гвардии, он все равно является пленником партизан». А в 11.20 вечера Аудизио был вызван к Луиджи Лонго.

Лампреди, восприняв молчание Кадорны за согласие, стал перечислять свои требования: им потребуется пропуск в зону, поскольку ни его, ни Аудизио на озере Комо никто не знал… десяток партизан для производства экзекуции… транспорт.

Кадорна все еще колебался с принятием решения. Да и

проблемы города занимали его в первую очередь.

За восемь месяцев своего военного руководства он довольно часто вступал в столкновения с Луиджи Лонго, так что пригрозил уйти со своего поста и стать простым партизаном. Только высадка союзников заставила его изменить свое мнение. Коммунисты настолько почувствовали свою силу, что на одном из недавних собраний, где он председательствовал и призвал Лонго к порядку, один из присутствовавших выкрикнул:

— Не слишком-то выпендривайся. Ты здесь ничего не решаешь.

Час ночи был уже позади, и генерал потерял терпение. Его беспокоила судьба тысяч горожан, а тут коммунисты — со своим, как он считал, мелким вопросом. Сердито махнув рукой, он произнес

— Ну и кончайте с ним.

На перебинтованном лице человека виднелись только два глаза и рот. Граф Беллини невольно вспомнил эпизод из картины по сценарию Герберта Уэллса, которая называлась «Человек-невидимка» и которую он видел еще в детстве в родном городе. С головою, замотанной бинтами как кокон, в долгополой шинели карабинеров и с армейской фуражкой человек этот походил на раненого партизана, направляющегося в больницу, ничем не напоминая Бенито Муссолини.

Было уже 2 часа утра 28 апреля. В тесной камере с каменными стенами Беллини прощался с партизанами, сторожившими Муссолини, объяснив, что слишком много людей знали о местонахождении дуче. Поэтому его было целесообразно перевести в другое, более безопасное место. Муссолини воспринял свое перемещение без протеста. А на дороге, в темноте и под дождем, их ждал «Фиат 1500» с включенным двигателем.

Распоряжение о переводе Муссолини из Германзино поступило к Беллини в 11.30 вечера. Оно исходило от коменданта Комо полковника барона Джиованни Сардагны. Местом, куда должен был быть доставлен Муссолини, была деревушка Блевио на восточном берегу озера, в восьми километрах севернее Комо. В качестве раненого английского офицера дуче следовало поместить на виллу богатого промышленника, друга Сардагны.

Около часа ночи Сардагна получил по телефону распоряжение из штаб-квартиры Кадорны отменить операцию «Блевио». В качестве нового места пребывания Мусслини был назван городок Молтразио, расположенный севернее Комо. Однако, поскольку телефонная связь с северными районами была прервана, Сардагна не смог известить Беллини об изменении прежнего распоряжения.

Когда «фиат», набирая скорость, выехал на горную дорогу, Беллини сообщил дуче хорошую новость. Он проконсультировался с заместителем комиссара бригады Мишелем Моретти, Биллом-Лаццаро и Луиджи Канали, региональным инспектором по Ломбардии, которые не возражали против просьбы Кларетты поместить ее вместе с дуче. Вначале, откашливаясь и трогая рукой бинты, Муссолини был в некотором замешательстве и даже немного напуган. Подъехав к Донго, Беллини сказал водителю:

— Сверни направо к мосту и остановись. Там нас должна ждать другая автомашина.

В слабых лучах карманного фонаря Беллини заметил «фиат», из которого навстречу ему вылез Моретти. За ним следовали Кларетта, Канали и еще двое партизан. Встреча Кларетты с Муссолини произошла, по мнению Беллини, абсурдно формально.

— Добрый вечер, ваше превосходительство.

— Добрый вечер, синьора. Почему вы здесь?

— Потому что я так захотела.

Их разговор напомнил ему встречу на улице двух малознакомых людей.

Дрожа от холода и промокнув до нитки, граф не видел впереди ничего, кроме еще одной бессонной ночи. Он ехал следом за машиной, в которой сидели Моретти, Канали и Кларетта, оставлявшей за собой брызги желто-коричневой воды. В его машине Муссолини сидел между ним и женщиной-партизанкой. Время от времени их останавливали блокпосты, и в свете фар Беллини видел, как Канали объяснял необходимость срочной доставки раненого в больницу.

В десяти километрах севернее Комо в городишке Молтразио, расположенном на берегу озера, были слышны звуки автоматных выстрелов, а в небе над горой то и дело вспыхивали осветительные ракеты.

Канали тут же постучал в дверь ближайшего бара, и хозяин, сочувствовавший партизанам, сообщил о происходившем. Оказалось, что части 1-й американской бронетанковой дивизии генерал-майора Вернона Причарда, выходя на окраину Комо, вели бой с фашистами.

Канали, после недолгого раздумья, предложил поместить обоих в небольшом крестьянском домике неподалеку. С видимым спокойствием Муссолини только спросил, далеко ли туда ехать. В течение сорока пяти минут, пока автомашина не остановилась, он молча кутался в одеяла, лежавшие на заднем сиденье.

— Все выходите, — сказал подошедший Канали. — Остаток

пути пройдем пешком.

Дождь все не прекращался. Им пришлось пробираться в полной темноте, ориентируясь на невысокую каменную ограду. Над ними нависали горы, покрытые облачностью. Когда Кларетта поскользнулась на мокром булыжнике, то дуче и Беллини одновременно протянули ей руки. Беллини вдруг осознал всю нелепость происходившего — партизаны спереди и сзади… забинтованная голова Муссолини, выделявшаяся в темноте ночи… Кларетта в норке и туфлях на высоких каблуках, шедшая спотыкаясь… сам Беллини в зеленом потертом пиджаке, с намокшей бородкой… Через пятнадцать минут ночного кошмара они оказались около деревушки, расположенной у подножия Джиорджино-ди-Меццегра.

Было три часа ночи. Стук Канали в дверь одного из домов показался им громоподобным. Однако его хозяин Джиакомо де Мариа, входивший в движение Сопротивления, открыл дверь почти незамедлительно. Хотя ни он, ни его жена Лия не знали, кто были их гости, они с готовностью согласились предоставить им убежище.

Из кухни гостям быстро принесли горячий эрзац-кофе. Все, кроме Муссолини, выпили его с благодарностью. Он же расположился вблизи Кларетты, повернувшись спиной к огню в печи. Она сидела молча, подперев подбородок руками. Лия де Мариа поспешила в комнату на втором этаже, разбудила сыновей и отправила их досыпать к родственникам. Пока она готовила постель, Беллини с товарищами приняли меры безопасности.

Спальня представляла собой небольшую холодную крестьянскую комнату, столь же бедно обставленную, как и та, в которой Муссолини родился шестьдесят два года тому назад. Свет настольной лампы слабо освещал большую деревянную кровать под вымытыми добела стропилами. В комнате были стальное зеркало, эмалированный тазик для умывания с кувшином и плетенное из камыша кресло. Вот и вся обстановка. От окна до земли было не менее пяти метров.

— Относитесь к ним хорошо, — сказал Канали хозяевам. — Это — хорошие люди.

Для охраны в доме были оставлены два партизана. Сам же Беллини пообещал заехать утром.

Объяснив Лие, что господин любит спать на двух подушках, Кларетта робко сказала дуче:

— Комната приготовлена. Может быть, поднимемся? Муссолини, не отвечая, продолжал смотреть на огонь.

Беллини подумал: «Как же поведут себя эти двое?» Он и не знал, что это будет вообще первая ночь, проведенная ими вместе.

Радист Джузеппе Кирилло передал необычную шифрограмму. За прошедшие шесть месяцев ему пришлось отправить из штаба партизан корреспондентам американского Управления стратегических служб во Флоренции и Сиене не менее семисот радиограмм, но эту он запомнил.

Когда курьер принес ему на третий этаж дома номер 27 по улице Виа Москова текст для передачи, первой же его реакцией был звонок в штаб-квартиру партизан. К телефону подошел, как он вспоминал позднее, социалист Джиан-Батиста Стуччи, развеявший его сомнения. Текст, лежавший перед ним, как обычно отпечатанный на пишущей машинке, подлежал шифровке и передаче.

Прошлым вечером Кирилло получил сразу две радиограммы от майора Макса Корво. Посчитав первую же очень важной, он побежал во дворец Кузани, находившийся за четыре квартала, чтобы вручить ее лично секретарю командующего Альберто Козаттини.

Расшифрованный текст второй радиограммы гласил: «Самолет, который должен забрать Муссолини, приземлится завтра вечером в 6 часов на аэродроме Брессо. Точка. Подготовьте сигнальные огни».

И опять Кирилло вручил шифрограмму, на этот раз представителю партии действия Фермо Соляри. Однако, хотя часы и шли, ответных текстов для передачи он не получил. Видимо, партизанское командование посчитало целесообразным не отвечать, чтобы сбить американцев с толку.

Но вот к нему поступил текст. Кто его составил, он не знал. В нем говорилось: «Сожалеем, но доставить Муссолини не может. Он осужден народным трибуналом и казнен на Том же месте, где нацистами были расстреляны пятнадцать патриотов»..

Было 3 часа утра 28 апреля. На самом деле Вальтер Аудизио с сопровождавшими его лицами отправился в Донго лишь через четыре часа и десять минут.

Капитан Эмилио Даддарио проснулся в 4 часа утра 28 апреля недовольным и сконфуженным. За истекшие двенадцать часов произошло столь много различных событий, что он потерял Муссолини из виду. И он попытался встретиться с генералом Кадорной.

Еще в 8 часов вечера 25 апреля, когда Муссолини покинул миланскую префектуру, Даддарио получил четкие указания от Аллена Даллеса. Шеф американской миссии Управления стратегических служб прекрасно понимал, что Даддарио с двенадцатью итальянскими агентами имел больший шанс найти и изолировать дуче, чем вся американская армия. И особенно

подчеркнул необходимость избежать стычки между американскими солдатами и партизанами из-за Муссолини. После подробного инструктажа в Лугано Даддарио — черноволосый, неразговорчивый, получивший юридическое образование человек — пересек итальянскую границу в районе Понте-Чиассо, понимая, что его задача была не только деликатной, но и опасной — как ходьба по минному полю.

Он был встречен своей группой из двенадцати человек, выдававших себя за участников движения Сопротивления, и они на пяти автомашинах направились в Чернобио, в шести километрах от Комо. Там его ожидал неприятный сюрприз. В бывшей штаб-квартире генерала Вольфа остававшиеся там немцы и лейтенант Витторио Бонетти, тоже американский сотрудник, были окружены местными партизанами. Когда «альфа-ромео» Даддарио с американским флагом показалась там, Бонетти бросился ему навстречу. Приветствовав, он рассказал, что только что принял капитуляцию ночного гостя Вольфа — маршала Родольфо Грациани.

Чтобы успокоить немцев и партизан, пришлось потратить довольно много времени. В Комо Даддарио ожидала подобная же ситуация. Ему пришлось провести переговоры с немцами, принять капитуляцию и организовать их охрану и защиту до подхода частей 1-й американской бронетанковой дивизии. Только в полночь колонна его машин достигла Милана, продвигаясь со скоростью сорок километров в час под проливным дождем.

В два часа ночи в затемненном центре города, неподалеку от собора, по ним был открыт перекрестный огонь трех пулеметов. Смертельный свинцовый ливень сорвал как американский, так и итальянский флаги. В головной машине — «альфо-ромео» Грациани-Даддарио — маршал и его водитель бросились на пол, тогда как Бонетти, сидевший за рулем, дал газ, и машина рванула на площадь Кордузио. И вновь они попали под огонь. Тогда Бонетти выключил фары. Оглядевшись в темноте, они заметили, что находятся около «Ла Скалы» и гостиницы «Регина».

Агенты попрыгали из всех пяти автомашин и бросились к зданию гостиницы, в которой находилась штаб-квартира миланского управления СС. Послышались гортанные голоса. Бонетти крикнул:

— Осторожно, внимание! Мы американцы. Выскочившие из забаррикадированных колючей проволокой дверей немецкие солдаты пропустили их внутрь.

В холле царила настоящая вакханалия. Пьяные немцы, горланя песни, с трудом перешагивали через разбросанные повсюду бутылки от шампанского. На небольшом диване лежали

полуголые мужчина и женщина. Даддарио, будто бы он был самим Эйзенхауэром, распорядился:

— Проведите меня к полковнику Рауфу. Поднимаясь по лестнице в кабинет представителя

Вольфа, Даддарио размышлял. Двадцатишестилетний офицер, ставший первым американцем, появившимся в Милане, понимал всю ответственность, которую брал на себя. В городе было много немецких опорных пунктов, созданных Рауфом, который уже несколько дней ничего не слышал о генерале Вольфе. Чтобы избежать побоища в городе, ему надо было попытаться убедить немцев ничего не предпринимать до подхода частей IV корпуса генерала Уиллиса Криттенбергера, которому они должны затем сдаться. Кроме того, он должен был связаться с генералом Кадорной и уговорить того, чтобы и партизаны вели себя спокойно, а также решить вопрос с Грациани. Только потом можно будет перейти к выполнению своего основного задания — выяснить местонахождение Бенито Муссолини.

Выслушав его, Рауф отдал распоряжение, и один из эсэсовских офицеров помог Бонетти связаться со штаб-квартирой Кадорны.

— Говорит лейтенант Бонетти, представитель миссии Соединенных Штатов, — сказал тот в телефонную трубку. — Я нахожусь в гостинице «Регина».

Однако упоминание пресловутого опорного пункта эсэсовцев вызвало ярость у офицера штаба генерала Кадорны, бросившего трубку, воскликнув:

— Ну, ты там, дурацкая башка. Сейчас не до шуток. Даддарио аж вскипел от злости. Было уже 4 часа

утра, время летело очень быстро, а ему обязательно надо срочно связаться с партизанами.

— Звони еще раз, — приказал он. — Я сам переговорю с Кадорной.

В небольшой комнатке, обшитой панелями и примыкавшей к кабинету генерала Кадорны, полковник Витторио Паломбо, начальник партизанского штаба, вслушивался в происходившее рядом. Сквозь стеклянную дверь он видел расплывчатые фигуры Кадорны и капитана Даддарио, двигавшиеся словно в воде. Более отчетливо он слышал голос Даддарио, говорившего прекрасно по-итальянски.

— Нас несколько раз могли подстрелить, и такое положение дел необходимо приостановить. Люди действуют слишком горячо.

Кадорна рассмеялся, когда представил себе, что прочувствовал гость.

— Мой дорогой, — произнес он затем, — положение сложилось опасное, а люди задиристы. Даже меня, командующего вооруженными силами партизан, позавчера обстреляли около «Ла Скалы».

Через несколько минут Паломбо услышал вопрос, заданный Даддарио:

— Какова последняя информация о Муссолини?

— Сейчас у нас нет никакой информации о нем, — ответил Кадорна твердым голосом.

«Как долго, — удивился Паломбо, — стороны будут поддерживать этот блеф?» Если бы Даддарио узнал, что партизаны захватили Муссолини, он бы не отступил, хотя даже не намекнул, что личность дуче его очень интересует.

А дело оказалось проще простого. Седоголовый председатель партии действия Ферруччио Парри, часто бывавший в Швейцарии, знал, что Даддарио состоял в тесном контакте с Алленом Даллесом.

И вот, увидя, как тот вошел во дворец, Парри поспешил к Кадорне и сказал ему:

— Даддарио разыскивает Муссолини. Смотрите, чтобы никто в вашем окружении не проболтался, что дуче у вас. — Затем добавил: — Даддарио вообще-то хороший парень, у нас с ним были кое-какие общие дела, но в данном вопросе надо быть очень осторожным.

Этого было вполне достаточно. Четырнадцать партизан из бригады Итало Пьетре, спавшие мертвым сном в вилле Романиа на соломе, были разбужены резким светом фонарей «летучая мышь». Перед ними была поставлена задача составить экзекуционный взвод, поступив в распоряжение «полковника Валерио».

Паломбо поспешил вдоль по коридору в комнату секретарей. Машинистка уже начала печатать пропуск, текст которого был им набросан. Идею ему подсказал случай с засадой, из-за которой Даддарио был вынужден скрыться в гостинице «Регина». Сам того не ведая, человек, разыскивавший Муссолини для передачи его союзникам, должен был теперь оказать партизанам помощь.

Насколько Паломбо знал, Даддарио в свое время помог в изготовлении паспортов, с помощью которых многие участники итальянского движения Сопротивления благополучно перешли границу со Швейцарией. Исходя из этого, Паломбо подготовил документ, текст которого гласил:

«Полковник Валерио» (известный как Магноли Джиован Батиста ди Цезаре) является итальянским офицером, входящим в состав командования добровольного корпуса «Свобода».

Национальный комитет освобождения Северной Италии направляет его в Комо и его окрестности со специальным заданием. Прошу обеспечить свободу передвижения ему и его вооруженному эскорту.

Капитан Даддарио».

Паломбо услышал, что беседа у генерала Кадорны закончилась. Поспешив по коридору, он успел перехватить капитана, когда тот выходил из кабинета генерала.

— Он никогда не обращал внимания на то, что подписывал, — рассказывал он позже. — Он был к тому же слишком занят Грациани.

Паломбо оказался прав. Поскольку у него не было никакой информации о Муссолини, Даддарио решил заняться вплотную Грациани и пропахнувшим порохом городом. Он видел свою задачу в стабилизации обстановки до подхода американских войск. Он уже достиг договоренности с Грациани, что тот отныне рассматривается как американский пленный и будет перемещен из гостиницы «Регина» в гостиницу «Милано» с американским флагом на его балконе/Насколько понимал Даддарио, маршала следовало сохранить живым и держать подальше от коммунистов. Если война в Германии будет продолжаться, Грациани сможет представить важную информацию о дальнейших военных и политических планах нацистов.

Генерал Кадорна разговаривал с комендантом Милана генералом Эмилио Фалделлой, когда дверь в кабинет открылась и вошел Аудизио с винтовкой наперевес, трехцветным шарфом на шее, в кожаном коричневом пальто.

— Я отправляюсь, — произнес он.

— Хорошо, — ответил Кадорна, — смотри, чтобы все было как следует.

— Что все это значит? — спросил Фалделла. — Куда он направляется?

— Они захватили Муссолини, и он поехал, чтобы забрать его, — спокойно ответил Кадорна, не вдаваясь в подробности.

Фалделла даже не подумал, что Муссолини живым брать и не собирались. Возвратившись к себе, он по собственной инициативе позвонил начальнику тюрьмы Сан-Витторе и распорядился подготовить двадцать камер для приема Муссолини и его «шишек».

С сухостью во рту граф Беллини медленно поднялся из-за огромного письменного стола из орехового дерева, изготовленного еще в восемнадцатом веке. Когда рука его дотронулась до кобуры пистолета, лицо стало мрачным. Через несколько минут могла начаться перестрелка из-за Муссолини.

Телефонный звонок в его новую штаб-квартиру в здании муниципального правления Донго не означал ничего хорошего. Партизанское командование из Менаджио, расположенного в двадцати двух километрах южнее, предупреждало: черная «лянча-априлиа» с регистрационным номером РМ 001 только что протаранила баррикаду из камней и стволов деревьев вопреки отданному приказу об остановке. За ней проследовала грузовая автомашина, окрашенная в желтый цвет, с вооруженными людьми на борту.

Беллини предположил, что это — группа фашистов, направленная для освобождения Муссолини. В этот момент в его распоряжении было как раз очень мало людей: большинство находились либо на дорожных постах, либо охраняли заключенных. Вдруг около здания остановился грузовик, набитый солдатами. Офицер, бывший с ними, потребовал местное начальство.

Чтобы выиграть время, Беллини передал, что ожидает его в своем кабинете, и сразу же позвонил Биллу-Лаццаро в Домасо:

— Собери сколько сможешь людей — и быстро ко мне. Мне нужна помощь.

Офицер отказался подниматься наверх и пригрозил арестовать всех, если Беллини сам не спустится вниз. «Это — типичная тактика старой фашистской гвардии, — подумал Беллини. — Ничего не остается, как выйти на улицу и вступить в переговоры».

И он стал спускаться по лестнице, невольно остановившись на выходе. На площади около здания не было видно ни души. Дождь перестал, вершины Вал-Теллины за озером отсвечивали белизной в лучах появившегося солнца. Причина отсутствия жителей ему стала тут же ясна: в двадцати метрах дорогу перекрывала цепь из пятнадцати солдат, стоявших молча и настороженно. На них была новенькая форма, а автоматы в руках еще не протерты от смазки.

Их появление Беллини расценил как угрозу, «нависшую над всем». Никто не произнес ни слова, пока офицер не сделал шаг ему навстречу.

Глава 12
«Боже, какой позорный финал…»

28–29 апреля 1945 года

Глаза Вальтера Аудизио под голубым беретом сузились.

— Полковник Валерио из добровольческого корпуса «Свобода», — представился он. — Мне надо переговорить с вами по вопросу чрезвычайной важности.

«И голос, — подумал Беллини, — напоминает грубую манеру разговора фашистов. Но наедине я с ним поговорю как надо».

Когда солдаты последовали вслед за ними к зданию, у Беллини мелькнула отличная мысль.

— Может быть, парни желают перекусить? — спросил он их.

Подобно мальчишкам, отпущенным с уроков в школе, солдаты потопали к надворной кухне.

«Шансы пока уравнялись», — сказал себе Беллини. Жестом он попросил полковника подняться наверх по лестнице. «Если придется раскрыть карты, то я все же смогу задержать заносчивого фашиста, пока не подоспеет Билл со своими ребятами».

Поднимаясь по лестнице, Вальтер Аудизио еще не остыл от пережитого. Хотя он и пытался возложить выполнение неприятной миссии на полковника Малгери, Луиджи Лонго остановил свой выбор на нем. Но с момента его выезда из Милана вместе с Альдо Лампреди в 7.10 утра все пошло кувырком. Во-первых, экзекуционный взвод опоздал, а во-вторых, выделенная им грузовая автомашина оказалась очень маленькой для всего отряда, так что ему пришлось реквизировать другую в Комо. К тому же тамошний руководитель повстанцев Оскар Сфорни, приняв их за фашистов, отказался оказать ему помощь.

Разозленный Аудизио, выгнав Сфорни из кабинета, позвонил в Милан Лонго.

— Они все против меня. Думаю, что эти болваны настроены на кооперацию с американцами.

Лонго сухо и неумолимо ответил:

— Либо вы расстреляете Муссолини, либо мы расстреляем вас.

К своему удивлению Аудизио увидел, что, пока он звонил в Милан, Лампреди поспешил в Донго, будто бы его присутствие ничего не значило. Тогда он настоял, чтобы Сфорни со своим помощником поехали вместе с ним.

Тут же к ним присоединился морской офицер, посланный

римским правительством для ведения переговоров о сдаче Муссолини. На первой же заправочной станции, сунув в бок этого офицера пистолет, Аудизио сказал:

— Вы не имеете к нашему делу никакого отношения, уматывайте!

На всем пути до Донго он постоянно нажимал на сигнальный гудок, проскакивая блокпосты, чтобы только не терять время на бесполезные разговоры с местными партизанскими командирами.

Войдя в кабинет Беллини, Аудизио предъявил ему свой мандат. Но именно он вызвал у Беллини сомнение. Увидев подпись Даддарио, граф предположил худшее. Заметив же вошедшего Альдо Лампреди в белом дождевике, вслед за которым появился Мишель Морет-ти, заместитель комиссара гарибальдийской бригады, один из самых известных после Лонго коммунистов, Беллини успокоился.

Что же касается Сфорни и его помощника, то Аудизио, обозвав их фашистами, распорядился поместить в камеру, в которой до этого находилась Кларетта Петаччи.

— Мы намерены перестрелять всех важных фашистских бонз, — сообщил графу Аудизио. — Таков приказ, полученный мною.

Беллини был ошеломлен. На минуту слова застряли в его горле, затем он запротестовал. Расстрелять людей без суда — столь же плохо, как и то, что вытворяли фашисты. Аудизио распорядился дать ему список заключенных и, несмотря на протест Беллини, стал делать на нем отметки, ставя черные кресты. Бенито Муссолини — смерть. Кларетта Петаччи — смерть.

— Вы расстреляете женщину? — вспылил Беллини.

— Она поддерживала его политику все эти годы, — ответил Аудизио ровным голосом.

— Да она была всего-навсего его любовницей, — огрызнулся граф. — Казнить ее за это…

— Я не выношу никакого приговора, — поправил его Аудизио. — Приговор вынесен в приказе…

Графу ничего не было известно о статье 29 «долгосрочного перемирия». Не знал он и того, что ни повстанческий комитет, ни Луиджи Лонго не ведали, что Кларетта содержалась вместе с Муссолини. И все же он попытался найти компромиссное решение, предложив передать Муссолини и Кларетту Моретти, а остальных пленных доставить в Донго — в распоряжение Аудизио. Тогда Беллини и его люди снимут с себя всю ответственность за дальнейшее.

Инстинктивно Беллини понимал, что надо выиграть время,

хотя ему было неизвестно о шифрограмме, переданной в 3.59 пополудни из Комо передовыми частями 1-й американской бронетанковой дивизии в штаб IV корпуса: «Большой стрелок» должен быть передан нам сегодня к вечеру».

«Во всяком случае, — подумал Беллини, — Аудизио не знает, где содержится Муссолини, и об этом ему сказано не будет».

Отправившись в Гермазино, граф не учел того обстоятельства, что Моретти, заместитель комиссара бригады и его товарищ по оружию, был фанатичным коммунистом, а самое главное — находился в составе группы, препроводившей прошлой ночью Муссолини и Кларетту в крестьянский дом.

Не успел Беллини уехать, как Моретти сел в «Фиат 1100», водителем которого был бывший шофер местного ювелира — Джиован Батиста Дженинацца, и отправился за Муссолини и Клареттой.

Рядом с ним сидел Альдо Лампреди, а на переднем сиденье, около водителя, — Вальтер Аудизио, ворчавший на каждом повороте:

— Да осторожней ты!

«Фиат» выехал на мощенную булыжником площадку у ручья, в котором три пожилые женщины полоскали белье. Когда все четверо вышли из машины, хлопнув дверками, было 3.50 пополудни.

Моретти и Лампреди, войдя в боковую улочку, оставили на какой-то момент Дженинаццу с Аудизио, беспрерывно курившим свои крепкие сигареты. Вдруг водитель, просто рефлекторно, сделал одиночный выстрел из автомата, звук которого отозвался эхом от гор и каменных построек. Затем быстрым шагом пошел вслед за остальными.

В это время Роза Барбанти, беженка из разбомбленного Турина, прогуливалась с собакой. Подойдя к Дженинацце, она спросила:

— Что здесь происходит?

— Не знаю, — ответил водитель.

Он и на самом деле ничего не знал, да и не хотел об этом вести разговор. Перед тем как выехать из Донго, ему было сказано:

— Учти, что скоро увидишь очень важных людей. Постарайся их сразу же забыть, если тебе дорога твоя голова.

Барбанти заинтригованно продолжала прислушиваться. Около 4 часов пополудни она увидела пятерых людей, направлявшихся к дороге. Первым шел мужчина в коричневом кожаном пальто, который крикнул ей:

— Уходи отсюда.

Поспешив скрыться, она тем не менее уголком глаза заметила, что в подходившей группе людей были «какой-то старичок и женщина…».

Войдя в спальню, как рассказывал Аудизио, он поприветствовал Муссолини и сказал ему:

— Я пришел, чтобы освободить вас.

Тем самым он хотел усыпить подозрение дуче. Муссолини же, тронутый его словами, ответил:

— Я отдам вам всю империю.

Альдо Лампреди, бывший вместе с ним в доме, однако, потом сказал, что такого театрального диалога не слышал. Он считал: Муссолини отлично понимал, что пробил его час.

Будучи членом правления партии, он прибыл в Дон-го вместе с отрядом, чтобы проследить за тем, как будет исполняться приказ Луиджи Лонго: «Никаких эффектных сцен, никаких исторических речей, только экзекуция».

Из окна дома Лия де Мариа смотрела на уходивших. Кларетта, которая была ей очень симпатична, куталась в шарф. Весь день потом Лия ломала себе голову, что же ожидает столь приятных людей. В полдень она принесла им прямо в спальню кое-что покушать. Они сидели на постели, укутав ноги для тепла одеялами. Женщина покушала маисовую кашу и выпила молока, мужчина взял кусочек мортаделлы, хлеб и немного салями. Ни тот, ни другая не притронулись к домашнему сыру, который она специально подогрела, и это ее немного обидело. Когда она через некоторое время возилась в саду, то увидела, как мужчина, стоя у окна, показывал женщине вершины Вал-Теллины.

Ее удивило, что мужчина был очень похож на Муссолини, о чем она сказала молодым партизанам, сторожившим эту парочку у дверей спальни. Оба рассмеялись и ответствовали:

— Да, он действительно похож на Муссолини, но, конечно, это не он.

Поднимаясь по лестнице, чтобы привести в порядок постель, она увидела, что оба парня спешили догнать уходивших. Тут-то у нее возникло подозрение. Наволочки подушек были мокры от слез и перемазаны краской для ресниц и бровей.

Когда «фиат» тронулся с места, Кларетта не плакала. Сидя на заднем сиденье, она держала Муссолини за руку. Оба они показались Дженинацце странно спокойными. Спускаясь под гору, машина двигалась со скоростью похоронных дрог, так как впереди нее шел не торопясь Лампреди. Моретти тоже ушел вперед. На переднем сиденье находился только Аудизио с автоматом в руках, постоянно смотревший назад.

Проехав пятьсот метров от крутого поворота дороги, он

приказал остановиться. Водитель увидел, что они подъехали к железным воротам виллы Белмонте, каменные стены которой густо заросли плющом. За домом виднелось озеро. Выйдя из машины, Аудизио подошел к воротам, открыл калитку, затем вернулся и сказал Муссолини и Кларетте:

— Выходите.

Рукой показал им, чтобы они шли к дому, и пошел за ними следом.

В пятнадцати метрах от озера их ожидал Моретти, а на повороте дороги в пятидесяти метрах сзади двое партизан перекрыли дорогу, шедшую из деревни. Между ними и автомашиной находился Лампреди. Так что бежать было некуда.

Джузеппина Кордаццо, тридцатитрехлетняя горничная, убиравшаяся наверху, была удивлена происходившим. Недавно мимо дома проехала автомашина с людьми в голубых беретах с красным флагом. Теперь же к воротам подъехала незнакомая машина и остановилась. Она немедленно побежала к хозяйке дома, сидевшей в саду и читавшей газету.

— К нам пытается въехать какая-то автомашина, — запыхавшись, произнесла она.

В этот момент женщины увидели подходившего к ним мужчину, крикнувшего хриплым голосом:

— Идите в дом, или вы будете убиты!

Забежав в дом, они подскочили к окну. К своему удивлению увидели какую-то молодую женщину, пытавшуюся обнять стоявшего рядом с ней мужчину, и двух вооруженных людей, находившихся неподалеку.

Дженинацца толком не расслышал, что сказал Аудизио. А тот жестко произнес:

— По приказу командования добровольческого корпуса «Свобода» на меня возложена миссия привести в исполнение приговор итальянского народа.

Кларетта вскрикнула, поняв ранее Муссолини, что это был конец, и стала кричать:

— Вы не можете лишить нас жизни таким образом! Вы не можете так поступить!

— Отойдите в сторону, или будете убиты первой! — рявкнул Аудизио в ответ.

На лбу его показался пот, и он нажал на спусковой крючок автомата, но тот заклинило. Тогда он выхватил пистолет из кобуры, раздался сухой щелчок, но выстрела не последовало. Обернувшись к Моретти, Аудизио крикнул:

— Дай мне свой автомат!

Моретти тут же подбежал к нему и передал вошедший в

историю длинноствольный французский автомат калибра 7,65 миллиметра, образца «Д-Мас», выпуска 1938 года, номер Ф.20830 с трехцветной лентой на цевье.

Муссолини расстегнул свою серо-зеленую куртку, впервые в своей жизни избавившись от страха, и произнес отчетливо своему палачу:

— Стреляйте мне в грудь.

Кларетта попыталась схватить ствол автомата. Когда же Аудизио дал очередь, она была сражена наповал и упала, держа в руке стебелек какого-то растения, сорванного ею по дороге. Тогда Аудизио дал две короткие очереди по Муссолини, выпустив девять пуль. Четыре попали диктатору в нисходящую аорту, а другие — в бедро, шейную кость, затылок, щитовидную железу и правую руку.

Женщины на вилле Белмонте панически отпрянули от окна. До их слуха донеслись две сухие очереди, и наступила тишина. Прижавшись друг к другу, они молчали, дрожа всем телом. С гор донеслось эхо выстрелов, похожее на гром.

Струйки горячей воды падали в ванну. Остановившийся в гостинице «Галлия» в Милане полковник Чарльз Полетти, только что назначенный военным губернатором Ломбардии, с удовольствием подставлял под воду лицо и руки. Теперь американец мог спокойно оценить события прошлой ночи, самой ужасной в его жизни.

Со своим помощником, британским полковником Артуром Хенкоком, Полетти ехал всю ночь из Флоренции в надежде, что американцы освободили Милан. Большую часть пути на крыльях его «альфа-ромео» лежали партизаны, почти постоянно стрелявшие в воздух, составлявшие его эскорт. В 9.30 утра 29 апреля он понял, что офицер, помощник Марка Кларка по гражданским делам, был слишком оптимистичным. Добравшись до Милана за двадцать четыре часа до прибытия туда командира корпуса генерала Уиллиса Криттенбергера, Полетти и Хенкок выяснили, что город находился в руках партизан.

Полетти был еще в ванне, когда к нему вошел его водитель, произнесший задыхаясь:

— Эй, полковник, Муссолини — в городе!

Сердце Полетти упало.

— И для этого мы тащились сюда всю ночь, — устало отреагировал он. — А где?

Капрал быстренько уточнил у горничной, которая и рассказала ему эту новость: «На площади, называемой Пьяцца ле Лорето».

Полетти подумал, что ему делать, и решил:

— Поехали туда.

Когда Хенкок сказал, что еще не побрился, Полетти выговорил ему:

— Не корчи из себя британского сноба! Муссолини в городе появляется не каждый день.

Не зная, что Муссолини уже схвачен, Полетти ожидал: это будет последнее обращение дуче к народу.

Утро было незабываемым. Как только автомашина с партизанским эскортом отъехала от гостиницы, перед ними во всей красе предстала горная вершина Монте-Роза, находившаяся в двадцати километрах от швейцарской границы. Солнце поднялось уже довольно высоко, а по улицам шествовала колонна женщин-фашисток с намалеванными алой краской на лбах серпом и молотом. Когда же машина сквозь толпы народа повернула к площади Пьяцца ле Лорето, перед глазами Полетти показалась невероятная картина. Американец увидел дуче, висевшего вверх ногами на специально сооруженной виселице. Рядом с ним висела Кларетта Петаччи, а далее еще тринадцать фашистских боссов, среди которых были Алессандро Паволини и брат Кларетты, расстрелянные экзекуционным взводом в Донго сразу же после смерти Муссолини. На грузовике, окрашенном желтой краской, они были затем доставлены в Милан под покровом темноты и повешены на том месте, где немцами в августе 1944 года были расстреляны пятнадцать патриотов. Таково было страшное возмездие коммунистов.

Поначалу толпа смотрела просто с любопытством на повешенных. Затем кто-то сунул в руку Муссолини скипетр и повернул его голову так, чтобы она легла на белую блузку Кларетты. Фотокорреспонденты принялись щелкать наиболее впечатляющие кадры. Стен Свинтон, представлявший военную газету «Старз энд страйпс», обратил свое внимание на кольца и локоны Кларетты, а также на ее нижнее белье голубого цвета. Милтон Брейкер из «Нью-Йорка тайме» запечатлел лицо дуче повернутым к солнцу.

Репортер Юнайтед Пресс Джеймс Ропер обратился с вопросом к одному из партизан:

— Коли Муссолини был самым ненавистным человеком в стране, зачем было вешать его вместе с любовницей?

Тот в ответ сделал лишь широкий жест руками, сказав:

— Мы же итальянцы, в конце концов.

Вдруг на площади начались безобразные выходки. Какой-то мужчина стал бросаться чем попало в голову Муссолини. Толпа принялась дико отплясывать вокруг повешенных, что корреспондент «Балтимор сан» Говард Нортон расценил как

«гадкие, отталкивающие и недисциплинированные действия». Некая женщина пять раз выстрелила в мертвое тело дуче за своих пятерых погибших на войне сыновей. Кто-то сорвал с него рубашку, поджег ее и пытался сунуть в лицо. А несколько человек умудрились начать мочиться на его голову, несмотря на стоявших вокруг женщин.

Итало Пьетра послал десять партизан, которые были вынуждены стрелять в воздух, чтобы утихомирить толпу, но все было бесполезно. Их командир назвал происходившее «цирком дикарей». Преисполненные ненавистью, накопленной за долгие годы, люди ругались, терзали тела повешенных, осыпая их проклятиями и пинками. Даже 300 карабинеров не смогли навести порядок и были вынуждены ретироваться. За ними последовали и пожарники, будучи не в состоянии погасить людскую ненависть.

Когда о происходившем сообщили кардиналу Шустеру, тот впервые за все время повысил голос:

— Свяжите меня с Кадорной!

По телефону он сказал префекту Риккардо Ломбарди с угрозой:

— Либо вы снимете повешенных, либо я это сделаю сам.

Не обошлось и без жертв. Один из задержанных, которых перевозили на грузовике, бывший секретарь фашистской партии Ачилл Старасе, отдавший последний римский салют дуче, был тут же арестован.

Полетти пробормотал:

— Это необходимо остановить!

Когда труп Старасе был приобщен к другим, вдруг наступила тишина. Возбужденные крики прекратились, как «по Божьему мановению».

— Посмотри-ка, — пробормотала какая-то женщина, глядя на Кларетту, — после всего этого даже чулки не порваны.

В то время как Полетти пробирался к своему автомобилю, раздался трезвон колоколов миланских церквей.

Перезвон этот продолжался довольно долго: гулко бухали соборные колокола, на высоких нотах звонили колокола церкви Санта Джиованна алла Крета, слышалась печальная каденция колоколов церкви Сан Бабила и торжественный рокот колоколов церкви Сан Амброзио. В звоне этом слышалось: дуче мертв, мы победили и стали свободными… Новость эта неслась по городу, Италии и всему миру.

Адольф Гитлер услышал о судьбе своего старого союзника в тот же день пополудни, находясь в бункере в Берлине, уже после своей женитьбы на Еве Браун. Окружавшие его чувствовали, что

он никак не мог до конца осознать случившееся. Русские танки были всего в километре, да еще ему сообщили, что Генрих Гиммлер, которому он всецело доверял, называя «верным Генрихом», ведет переговоры с союзниками. С наступлением ночи он попрощался с приближенными, готовясь принять бесславный конец.

Уинстон Черчилль находился в Чекуэре, когда услышал об этом. В приподнятом настроении он обратился к своим гостям, сидевшим за обеденным столом, воскликнув:

— Кровавая бестия мертва.

Когда же ему сообщили о Кларетте и «вероломных, трусливых действиях» Аудизио, это потрясло его рыцарскую натуру.

В ярости он послал фельдмаршалу Александеру радиограмму: «Разве любовница Муссолини была в списке военных преступников? Могли ли любые власти расстрелять эту женщину? Британские военные должны провести расследование по этому вопросу».

Штаб-квартира союзных экспедиционных войск находилась в школьном здании из красного кирпича в Реймсе. Генерал Дуайт Эйзенхауэр сказал своему начальнику штаба генералу Уолтеру Беделлу Смиту:

— Боже, какой позорный финал. Когда люди получают хоть немного власти, они часто теряют человеческий облик.

Почти в четырехстах километрах оттуда в своем штабе во Флоренции человек, оказавшийся косвенной причиной такого конца Муссолини, чувствовал то же самое. Однако, несмотря на шоковое состояние и расстройство, генерал Марк Кларк в конце концов пришел к выводу, что это, может быть, было к лучшему, сказав:

— Ведь даже собственный народ ненавидел его.

Да и большинство участников итальянского движения Сопротивления испытывало такое же чувство. Когда генерал Кадорна услышал о событиях на площади Пьяцца ле Лорето, то произнес:

— Наконец-то поставлена точка в этом отвратительном деле.

Женщины, увидевшие его стоявшим на выезде на автостраду и ожидавшим появления передовых американских частей, заявили ему с определенным оттенком недовольства:

— Вы слишком быстро расправились с ним. Надо было бы провезти его через всю Италию, чтобы люди могли на него плюнуть.

И он тоже стал считать, что это была месть, которую требовал народ.

Лео Валиани торопливо открыл дверь своей квартиры неподалеку от Центрального железнодорожного вокзала, услышав звонок телефона. На другом конце провода был помощник главного редактора газеты «Италиа либера»:

— Мы собираемся сделать специальный выпуск. Муссолини повешен на площади Пьяцца ле Лорето.

Один из четверых судей Муссолини чувствовал эмоциональное волнение: на этот раз казнены были не сопротивленцы, поднявшие восстание четыре дня тому назад, а фашисты, еще несколько недель в прошлом заставлявшие его прислуживать себе.

Вальтер Аудизио не спал. Он лежал в постели в одной из комнат дворца Кузани, с высокой температурой.

Для тех, кто придерживался кредо Муссолини, это был самый черный день в их жизни. Шестидесятилетний Джиованни Руццини принимал участие в марше на Рим, сохранив до этих дней свою черную рубашку на память о тех событиях. Сейчас же он, капитан армии Республики Сало, валялся на койке в больнице Корсо-Порта-Романа с партизанской пулей в ноге, прислушиваясь к гвалту и шуму с площади Пьяцца ле Лорето, находившейся в одном квартале от больницы, которые явственно доносились через раскрытое окно. С глубоким разочарованием он сказал своему соседу по палате:

— Точно я пока не знаю, но мне кажется, что все потеряно. Может, я и был не прав, но я до сих пор верю в него.

Федеральный секретарь Винченцо Коста находился в камере номер 36 тюрьмы Сан-Донино в Комо, где содержались еще двадцать других фашистских деятелей, принимавших участие в подготовке операции «Вал-Теллина». Была ночь. Железный засов отодвинулся, и охранник втолкнул в камеру племянника дуче — Вито. Едва слышно он сообщил им новость. Присутствовавшие издали дикий крик, а Коста, как на вечерней поверке, произнес:

— Бенито Муссолини! Хор голосов ответил:

— Присутствует.

И все запели песню марша на Рим, вспоминая молодые годы.

Рашель Муссолини была в женском крыле этой же тюрьмы.

Партизаны отделили ее от детей, и это беспокоило ее больше всего. В хаосе, царившем в камере, только одна женщина узнала ее, но она попросила ее молчать. Другие рассказывали друг другу истории своего ареста. Во дворе чей-то голос выкрикивал имена, раздавались пулеметные очереди и громыхание грузовиков. Революция кончилась, как и начиналась, — в крови. Женщины кричали и цеплялись за решетки окон, Рашель же оставалась спокойной, ожидая лишь, когда снова будет вместе с Романо и

Анной Марией.

Из последних известий, переданных по радио, она знала, что Бенито мертв. Однако она достигла такой черты, что горе ее уже не трогало. Лишь утром она вспомнит свое предсказание Кларетте: «Ты окажешься на площади Пьяцца ле Лорето!»

Одна из женщин, заметив спокойствие Рашель, спросила ее:

— А почему вы не плачете? Разве вы никого не потеряли?

Бок о бок два американских офицера поднимались по длинной лестнице префектуры. Шаги их заглушались ковром в черную и красную полоску. Было 2 часа пополудни. Полковник Чарльз Полетти и майор Макс Корво наносили свой первый после освобождения города визит партизанскому командованию.

Незадолго до этого в кабинетах первого этажа были налицо острые разногласия в оценке действий повстанческого комитета. Либерал Джиустино Арпезани высказывал недовольство, что вплоть до утра этого дня он ничего не знал об аресте Муссолини.

— Мое имя поставлено под воззванием, которого я даже не видел, — жаловался он.

Ачилл Марацца высказывался в том же духе. Сандро Пертини, несмотря на свою роль в восстании, открестился от цинизма на площади Пьяцца ле Лорето. Заикаясь от возмущения, он обратился к Эмилио Серени:

— Вы видели это безобразие? Восстание обесчещено. Серени тщетно пытался сослаться на линию коммунистической партии:

— История избрала этот путь — некоторые люди должны были не только умереть, но умереть с позором.

Представитель партии действия Феруччио Парри тоже не промолчал, высказав опасение:

— Безобразие и негодные методы могут нанести вред партизанскому движению не только сейчас, но и в будущем.

— Что сделано, то сделано, — попытался успокоить их Полетти. — Во время войны эмоции всегда перехлестывают через край. Сейчас же я предлагаю снять тела повешенных и прекратить вздергивание других. Таков мой приказ.

— Хорошо, — согласился с ним Парри, — но куда нам девать Муссолини? Толпа может разорвать его на клочки.

Полетти высказал мнение, что последнее решение в отношении Муссолини будет «являться уже частью истории».

— В Америке имеется нечто, называемое моргом. Есть ли у нас что-либо подобное?

— У нас есть покойницкие для бедняков.

— Ну и отлично, — решил Полетти. — Надо отправить его туда под охраной партизан, чтобы с ним ничего более не произошло, поскольку все окончено. Нельзя вымещать на нем зло,

да и вообще следует покончить со счетами.

Приложения

Приложение I

«Такие же фанатики… что и те, кто сжег Жанну Д'Арк»

Несмотря на большое число английских почитателей, Бенито Муссолини провел всего восемь дней в Англии, присутствуя на Лондонской конференции по вопросам репараций в декабре 1922 года.

Для него все английское оставалось мистическим. Он считал, что это была нация, кушающая пять раз в день и специально одевавшаяся для питья чая в пять часов пополудни. Однако трезвая оценка лондонской действительности итальянскими представителями скорректировала его мнение в сторону реальностей, благодаря в первую очередь графу Дино Гранди, послу Италии при дворе святого Джеймса, которому удалось удержать англо-итальянские отношения, как говорят моряки, на ровном киле даже в штормовые годы абиссинской и испанской гражданской войн.

Приводим письма Гранди Муссолини и министру иностранных дел Чиано, в которых он раскрывает слабые стороны англичан и развеивает миф об их таинственности. Письма были отправлены из итальянского посольства, находившегося по адресу: Лондон В-1, площадь Гросвенор, 4–18 августа 1933 года и 6 ноября 1936 года соответственно.

«Дорогой президент!

Вслед за своей информацией о прессе посылаю вам статью «Франция и фашизм», опубликованную в сегодняшнем номере газеты «Морнинг пост». Она является своеобразным ответом на ваши публикации «После Лондона» от 24 июля и недавней «Закат и потемки демократии», которые вызвали настоящую сенсацию и спровоцировали некоторых лидеров, таких, как, например, Хадлестон, взяться за перо. Об этом свидетельствуют статьи «Фашизм с некоторым различием» в «Дейли мейл», «Определение эпохи» — в «Санди тайме», «Смысл фашизма» — в «Морнинг пост».

Я уже сообщал, что английский народ никогда ранее не проявлял такого интереса к новым идеям и фашистскому движению, как в эти дни. Газеты быстро подхватили эти настроения, давая соответствующие броские заголовки.

Прилагаю краткий доклад по недавним публикациям о птичьем заповеднике в парке поблизости от Падуи. Обращаю на это внимание, чтобы проиллюстрировать довольно странную психологию этой страны и подчеркнуть те аспекты, которые

необходимо иметь в виду для осознания того, что я называю «организация симпатий», разработанной британской нацией для завоевания лидирующих позиций в мире.

Министр финансов Невилл Чемберлен за день до принятия палатой общин бюджета страны опубликовал в газете «Тайме» свое письмо, в котором обратил внимание на необходимость защиты бедных маленьких птичек, летающих в парке под окнами казначейства.

Могу заверить вас, что британцы проявили больше интереса к судьбе этих птичек, нежели к бюджету. Кстати, обращаю ваше внимание и на книгу Поля Морена о Лондоне, которая, вне сомнения, вам известна. (Я не привожу книг, которые вы бы не упоминали как прочитанные.) Морен — бывший французский дипломат, пожалуй, единственный, кто понимал Англию. Так вот он говорит: «Эта странная и мистическая раса обладает взглядами и мышлением, непонятными для нас, европейцев».

Вчера на премьере исторического фильма (снятого, между прочим, в кооперации с итальянцем Тёплицем) «Частная жизнь Генриха VIII» цензура вырезала бой петухов, но оставила ужасные сцены казни Анны Болейн и Катерины Говард с показом наточки топора, криков и плача женщин и их обезглавливания. Мне представляется, что эта страна нуждается в компенсации врожденной жестокости к людям любовью к животным.

Упомяну еще о статье в «Тайме» об уличном движении в Риме, которую вы, по-видимому, уже читали. Все англичане без исключения говорят о Риме, вашем Риме, как о колдовском рае. Но при этом часто замечают:

— Какая, однако, жалость: слишком шумно. На это я обычно отвечаю:

— Подождите немного. Муссолини скоро решит и эту проблему.

С уважением

Гранди».

«Дорогой Джалеаццо!

Когда вы звонили по телефону позавчера, у меня был Риббентроп. Он прибыл в Лондон несколько дней тому назад и навестил меня, сделав жест видимого товарищества и радушия, которые проявил и я со своей стороны. Вообще-то, пожалуй, следует, чтобы у англичан сложилось впечатление, будто бы представители двух крупных фашистских государств координируют свои действия. Я сказал Риббентропу, что могу передать в его распоряжение свой опыт четырехлетней работы в Лондоне, чем он, кажется, остался весьма доволен. В соответствии с вашими указаниями я, однако, предоставлю ему

свободу действий в расчете, что он сам наделает ошибок. Думаю, что за ним нужен глаз да глаз.

Приезд Риббентропа через три месяца после официального заявления, поскольку немецкое посольство в течение шести месяцев оставалось без главы, был весьма шумным. Он появился на нескольких автомашинах в сопровождении целой толпы репортеров и пресс-атташе, которые с ходу начали шумную рекламу, и своего четырнадцатилетнего сына, которого затем определил на учебу в вестминстерскую школу. Вследствие этого почти во всех газетах появились снимки мальчишки, одетого в «клоунскую» одежду от Этона. Публикации эти сопровождались далеко не хвалебными комментариями, типа: «Нацистский посол решил воспитать своего сына в английском духе… Однако, когда молодой Риббентроп возвратится в Германию, он забудет, как отдавать нацистское приветствие…»

Это, на мой взгляд, было большой ошибкой Риббентропа: он проигнорировал тот факт, что англичане уважают только людей, которые не признают их превосходства.

Вторая ошибка заключалась в даче им интервью сразу же по приезде на железнодорожную станцию Виктория. Он сообщил репортерам, что прибыл в Лондон для укрепления уз дружбы между Великобританией и Германией, но это будет непросто (первый промах) и на это уйдет много времени (второй промах), но в конце концов взаимопонимание будет достигнуто, так как у обеих стран имеется общий противник — коммунизм (третий промах). Это интервью вызвало адский шум: в течение двух дней газеты ничего другого не печатали. Высылаю вырезки из статей (не только газет левого крыла), из которых вы увидите, что самые лестные слова о Риббентропе звучат следующим образом: «Нахальство и дерзость — дешевый трюк — ложный шаг — фальстарт — послы, которые не могут держать язык за зубами, не могут быть послами…» Попав на дипломатическую арену, он повел себя подобно слону, оказавшемуся в посудной лавке.

Нойрат был прав, когда сказал, что с англичанами лучше торговать шампанским, нежели вести политические дела. Но с действиями Риббентропа связаны и другие аспекты. Несмотря на заявления Ванзитарта [7] и нескольких членов кабинета министров, настроенных против Германии, большинство английского народа, да в общем-то и кабинет, желают установить с Германией добрососедские отношения, чтобы отвести угрозу новой войны. Риббентроп представляет собой только наконечник копья в нынешней крайне сложной обстановке. Все будет зависеть от того, как Гитлер отреагирует на предложения Англии, все более и более направленные на достижение взаимопонимания.

Проблема англо-германских отношений особенно важна для нас, так как касается непосредственно англо-итальянских отношений. Вы и сами, дорогой Джалеаццо, прекрасно видели и понимали это во время ваших исторических встреч с Гитлером и Нойратом. Так же, как в 1935 году, когда британская политика расстроила союз, который дуче установил с Л авалем, в 1937 году можно ожидать ее попыток — признаки их уже просматриваются — отделить Германию от Италии.

Ваш недавний визит в Берлин явился международным событием, за ходом которого британцы смотрели пристально. Тесный германо-итальянский союз, короновавший дуче на пятнадцатом году его дипломатических усилий, обеспокоил Англию… если Италия и Германия станут укреплять этот союз, Британия будет вынуждена пойти на соглашение с Римом и Берлином одновременно… а это является основой нашей политики, что вы столь эффективно продемонстрировали фюреру.

Британские либералы, лейбористы и тому подобные, в особенности последние, представляют собой конгломерат фанатиков, непременных антифашистов, которых я называю «историческим отгульным скотом».

Они такие же фанатики, что и те, кто шесть веков тому назад сжег Жанну д'Арк, а двумя веками позднее отрубил голову Марии Стюарт и затем Чарльзу 1. Не напрасно палач Марии Стюарт был предком семейства Цециль, из которых лорд Цециль является последним, пользующимся дурной славой потомком. Год тому назад «скоты» едва не взяли власть в свои руки. Но им не удалось настроить британский народ против Италии, хотя они и смогли отправить правительство Болдуина в отставку…

Антифашистский фанатизм побудил их (лейбористскую партию) принять консервативную программу перевооружения как средство борьбы против угрозы фашизма…

Чем более Италия и Германия будут демонстрировать свое единство, тем более Англия будет вынуждена вести переговоры с народами обоих великих фашистских государств… Документы о создании союза, подписанные вами и Гитлером, должны рассматриваться по своей эффективности как новый рычаг, который дуче подвел под «старую и скрипучую Европу».

Ваш *Гранди».*

Приложение II

Любовные письма диктатора

Бенито Муссолини и Кларетта Петаччи в период с 1932-го по 1945 год обменялись почти 300 письмами, большинство из

которых хранятся ныне в Вашингтонском национальном архиве. Письма, публикуемые здесь, были написаны Муссолини ранней осенью 1940 года, когда Кларетта с трудом поправлялась после хирургической операции, сделанной ей в связи с внематочной беременностью. Все они были написаны во дворце Венеция и, как правило, без указания дат.

«Моя малышка!

Пишу всего несколько слов, так как попозже навещу. Думаю, что ты чувствуешь себя уже хорошо. Мне этого так хочется, моя любовь. Наша любовь — любовь с большой буквы, поскольку это действительно большая любовь, — желает этого.

С 18-го по 15-е (ты должна) выздороветь. Встретимся 25-го в воскресенье во дворце Венеция.

Твой *Бен* обнимает тебя».

«Моя дорогая малышка!

Образно говоря, ты преодолела самые трудные ступени на пути выздоровления. Ты прошла уже двенадцать ступеней, а на этой неделе, которая, как обещают, должна быть солнечной, вскарабкаешься и на другие двенадцать. Если ты сможешь выходить на улицу, выздоровление пойдет еще быстрее. Через несколько минут я зайду в твою комнату, в которой все осталось так же, как и тогда, когда ты там была, и которая ждет тебя. Здесь тебя с нетерпением ждут книги, музыка, скрипка и халатики. Бен ждет также, счастливый быть в роли няньки. Скажи, помогает ли это твоему выздоровлению? Сегодня я еще позвоню.

Бен обнимает тебя нежно с чувствами, тебе известными».

«Моя дорогая малышка!

Пишу тебе с единственным желанием — помочь в восстановлении здоровья. Я помогу тебе всем, что ты только пожелаешь. Надеюсь, что скоро увижу тебя в твоей комнате, в которой без тебя пусто.

Твой *Бен,* любящий тебя».

«Моя дорогая выздоравливающая!

Твое состояние меня радует. Думаю, что это письмо и мой послеобеденный визит помогут тебе перепрыгнуть еще несколько ступеней на пути к полному выздоровлению. Наберись, однако, терпения и не теряй мужества. После выздоровления все покажется тебе новым, ранее не виденным и удивительным. Единственное, что для тебя не будет новым или удивительным, — это *Бен* и его любовь к тебе».

«Моя дорогая больная, но уже выздоравливающая девочка!

Хочу, чтобы эти строки компенсировали тебе Феба, покинувшего нас сегодня. К вечеру я навещу тебя, рассчитывая, что мой «магнетизм» поможет тебе преодолеть еще несколько

ступеней к выздоровлению. По твоему голосу могу судить, что ты чувствуешь себя лучше. Терпение и мужество — которыми ты обладаешь. Твоя любовь обнимает тебя».

«Моя дорогая малышка!

Извини, что вчера вечером был немного резким. Иногда я этого даже не замечаю. Таков мой образ жизни, который, к сожалению, влияет на меня. Этот листок бумаги является предвестником большого магнетизма, который я принесу сегодня. Дни, подобные сегодняшнему, станут доказательством того, что «рывок» к выздоровлению не займет много времени. Хочу быть с тобой душой, которая тебе известна и принадлежит тебе. Прошу тебя приложить все свое мужество к выздоровлению, а также любовь, которая сделает *Бена* счастливым».

«Моя дорогая малышка!

Сейчас, когда я пишу эти строки, солнце вышло из облаков и ярко освещает мой письменный стол. Хотел бы, чтобы моя нежность также излилась на твою душу и укрепила силу воли к выздоровлению. Вопрос сейчас лишь в силе воли. Я уже отметил ступени: с 15-го по 22-е — в постели, с 22-го по 29-е — на ногах, а потом — дворец Венеция. Память об этих беспокойных и мучительных днях начинает постепенно изглаживаться. Завтрашний вечер станет значительно лучше, и ты будешь чувствовать себя на вершине мира. Умоляю тебя: слушай меня, хотя бы сейчас.

Твой *Бен,* как всегда, обнимает тебя».

«Моя дорогая малышка!

Наконец, я получил известие, которого ожидал с нетерпением: неожиданная боль отступила, ты чувствуешь себя лучше, и эта неделя должна стать поворотным пунктом. Дорогая, сегодня я навещу тебя, может быть, поздно вечером, но буду обязательно. На следующей неделе ты вернешься в свою комнату, в которую я постоянно захожу, наполненный меланхолией.

Обнимаю тебя.

Бен».

«Моя дорогая малышка!

Как горестно слышать, что ты лежишь в постели после мучительной ночи. И все же я счастлив, что мой магнетизм сделал свое дело. Сегодня я приду с ним опять. Посылаю тебе нестровит, содержащий в себе сразу четыре витамина, который принимаю и сам. Это — исключительно тонизирующее средство, выпускаемое в жидком виде или в таблетках. Начни принимать его немедленно в предписанных дозах. Не кушай сегодня твердую пищу, пей только подслащенную воду, настой ромашки и кофе. Вот уже месяц, как ты находишься в постели: пора

выздоравливать. Мысленно обнимаю и остаюсь нежно любящий тебя

Бен».

«Моя любовь!

Думаю по своему невежеству, что происходящее является признаком выздоровления. С этого момента проблема будет заключаться в морали. Ты должна быть спокойной, а ты можешь быть такой. Я начинаю воспринимать обособленно и беспристрастно каждую вещь и каждого человека, да и весь мир, особенно с тех пор, как ты заболела. С тех пор я только и думаю о твоем выздоровлении. Не знаю, помогают ли тебе в этом плане мои письма, но надеюсь на это. Характер моей работы не позволяет мне придаваться лирике, но моя нежность и любовь переполняют мою душу. Вставай, начинай ходить, и будешь чувствовать себя лучше. Обращай, однако, внимание на то, что говорят доктора: они знают больше, чем мы. Не поддавайся капризам и не хнычь, особенно сейчас, когда уже виден благополучный исход.

Бен, охотно исполняющий роль няньки, обнимает тебя.

«Моя малышка и большая любовь!

Голос твой говорит мне, что ты чувствуешь себя лучше, что началось твое выздоровление и ты последовательно преодолеваешь соответствующие ступени. Мысленно нахожусь всегда рядом и поддерживаю тебя в этом.

Имей в виду, что на следующей неделе ты должна возвратиться в свою комнату, которая ожидает тебя во всех мелочах. Вставай с постели и начинай ходить. Я хочу этого, этого же хочет твоя молодость, но прежде всего — любовь, любовь твоего *Бена».*

«Моя дорогая маленькая выздоравливающая!

В справке о твоем здоровье говорится: «спокойный продолжительный сон». Теперь тебе надо вставать и собрать в кулак свою волю. Желание выздороветь помогло тебе уже пройти половину пути. Еще несколько ступеней, и все. Твоя комната ожидает тебя в том виде, как ты покинула ее. Не слишком оттягивай нашу встречу. Воспользуйся прекрасными днями и не забывай про любовь твоего *Бена».*

«Дорогая моя малышка!

Я не ожидал услышать о слезах из-за кофе. Надеюсь, что тебе давали его чайными ложками. Сегодня ты смогла встать около 11 часов утра. Погода лучезарна, как и моя любовь. Когда ты будешь читать эти строки, надеюсь, что глаза твои будут уже сухими. Если бы я был рядом, я осушил бы их своими поцелуями».

«Дорогая малышка!

Прошел месяц с тех пор, как ты браво пошла под нож хирурга. В те ужасные дни мы все находились под влиянием превратностей судьбы, но теперь жизнь снова возвратилась в твое тело и душу. В этом тебе помогла прекрасная погода и, может быть, немного и моя любовь. Как только ты получишь это письмо, вставай с постели и попроси вывести тебя на свежий воздух. Тогда ты почувствуешь сразу, как восстанавливаются твои силы. Жизнь воистине чудесна, даже если не светит солнце и небо не голубое. Ее необходимо лишь наполнить любовью, подобно моей к тебе. Начиная с понедельника 30-го буду ждать тебя здесь. Здесь тебя ждет все, включая конечно же *Бена».*

«Любовь моя!

Сегодня начинается второй месяц твоей болезни, но и месяц твоего выздоровления. Я помогу тебе своей любовью, сама же ты должна собрать всю силу воли. Соединенные вместе, эти элементы составят надежную основу, и победа не замедлит прийти. Хватит страдать, жизнь должна продолжаться с ее ежедневными делами и заботами, в том числе и прогулками, особенно сейчас, в сентябре. Скоро ты будешь опять на ногах и совсем здорова, что наполняет меня радостью. *Бен* обнимает тебя, как всегда».

2 октября 1940 года, за два дня до встречи с Гитлером на Бреннерском перевале, Муссолини направил эту записку Кларетте. (А через десять дней, разозленный тем, что фюрер оккупировал Румынию, не проконсультировавшись с ним, дуче решил совершить нападение на Грецию.)

«Моя любимая малышка!

Поскольку я должен уехать, посылаю тебе мольбу и пожелание, идущие от всего моего сердца: тебе должно стать лучше. А еще лучше — ускорь выздоровление и сократи дни болезни.

Даже вдалеке от тебя я хочу быть рядом с тобой, и я приложу все усилия, чтобы ты услышала мой голос, который тебе когда-то нравился. В календаре я увидел, что сегодня — день ангелов-хранителей. Пусть же они поддержат то, что исходит от моей любви. Будь на месте, когда я возвращусь.

Бен обнимает тебя».

Август 1941 года — месяц, в котором Муссолини потерял своего любимого сына Бруно и в котором он вместе с Гитлером посетил Украину. За несколько дней до своего отъезда он 27 августа написал Кларетте:

«Дорогая!

Несмотря на солнце и море, злополучные дни августа 1941 года тянутся очень долго. Я всегда много думаю о тебе и буду

думать во время поездки, которую предпринимаю без особого энтузиазма.

«Я буду отсутствовать пять или шесть дней. Будь спокойна и здорова. В голове моей почти совсем пусто, но в сердце была и остаешься ты, как вчера, как всегда. Твой *Бен* крепко обнимает тебя».

Кларетта довольно часто испытывала горечь от легкомысленных, неоправданных, на ее взгляд, и вызывавших у нее ревность поступков дуче, когда он встречался с другими женщинами.

В приводимом письме, скорее всего написанном также в августе 1941 года, Муссолини отвечает на ее обвинение:

«Дорогая малышка!

Твои службы работают отлично. Я действительно был в воскресенье 24-го в доме Р., и если в течение четырех месяцев ты не получала подобную информацию, то это значит, что твои информаторы — честные люди, поскольку за это время я не был ни в том доме, ни в других местах. У тебя есть тенденция драматизировать события. Но все же я благодарен тебе. Могу заверить тебя, что эти мелочи не стоят придаваемого им тобой значения и беспокойства, не говоря уже о моем унижении. Существует лишь одно, что должно тебя беспокоить: побыстрее выздороветь и вернуться к выполнению своей задачи в качестве маленького «талисмана», который мне теперь необходим, как никогда прежде. Твоя комната по-прежнему ждет тебя с нетерпением. Возвращайся поскорее, скажем в понедельник, что принесет большую радость для любящего тебя *Бена».*

А в этом письме Муссолини в целомудренном настроении старается достичь примирения после любовной ссоры:

«Клара!

То, что произошло с 13.45 до 14.10, столь далеко от моего сознания, что я с трудом вспоминаю детали. Я позвонил тебе в перерыве между делами что-то около 17 часов и хотел прийти в твою комнату, чтобы посмотреть на тебя. Но чувствовал себя настолько униженным, что не решился встретиться с тобой. Жду теперь твоего решения. Завтра я — точнее мы — соберемся выехать к морю. Семнадцатое — не тот день и не то число, которые благоприятствуют чему-либо, да я и не верю в религиозные предрассудки. Нам обоим необходимо хоть немного побыть на море. Хотел бы закончить это письмо словами, которые тебе известны, но которые, как я опасаюсь, ты могла отвергнуть и забыть. Приходи, несмотря ни на что. Полагаю, что, по-прежнему — твой *Бен».*

В письме от 3 февраля 1938 года, которое она датировала,

что случалось очень редко, Кларетта, в свою очередь, просит прощения у Бенито:

«Любимый!

Прости меня. Сердце мое полно тревоги. Ты позвонил мне, но меня не было дома. Я не могла тебя слышать — может быть, ты хотел позвать меня к себе… а я сходила с ума от вожделения к тебе… Мне хочется плакать…

Я должна была пойти с матерью навестить бабушку, у которой стало плохо с сердцем. Мы ушли уже после пяти часов вечера. Когда я вернулась, ты звонил уже во второй раз, но напрасно. А мне так хотелось увидеть тебя и попросить извинения. О, прости меня и не сердись — это было не по моей вине. Я всегда жду твоего звонка, и в этом заключается смысл всей моей жизни. Я люблю тебя, и твой голос — единственная моя радость и блаженство. Видеть тебя, говорить с тобой — вот мое счастье…

Скажи мне, что ты не слишком расстроен. Как я могу передать, что чувствую. Мне остается только извиняться, да и то смиренно. Я не знаю даже, что сказать: я обожаю тебя и прошу меня простить. Мой дорогой, боль гложет меня. Мне хочется бежать к тебе, ведь ты так близок мне. Мне хочется посмотреть в твои глаза, чтобы убедиться, что они такие же ласковые, как и всегда…

Прими, пожалуйста, мои извинения и признания в любви, преданной и безграничной. Я вся дрожу от мысли, что разочаровала тебя».

Кларетта сама поставила дату на этом письме — 20 мая 1942 года.

Потеряв самообладание от постоянных поражений своих армий, дуче, возвратившись из инспекционной поездки по проверке мероприятий по обороне побережья Сардинии, попросил ее о временном прекращении их отношений:

«Клара!

Жертва, в которой заключались твои любовь, нежность и смиренность, может, и была огромной, да и есть, но повторяю: необходимо разобраться абсолютно во всем совершенно спокойно — в людях, вещах и событиях.

Думаю, что скоро ты будешь мне благодарна за это и даже испытывать счастье в связи с исчезновением обычаев и привычек, бывших когда-то дорогими для тебя и меня. Умоляю не истолковывать происходящее какими-то изменениями в отношении того, о чем тебе говорило мое сердце. Пожалуйста, отдохни и будь здорова. Нервы, как твои, так и мои, требуют мира и покоя. Когда горизонт очистится от туч, мы увидим

непотухающий огонь, который будет поддерживаться этими строками».

Из Мейны на озере Маджьоре, куда она уехала вместе с семьей после 25 июля1943 года, Кларетта излила свою душу в письме к Муссолини, не зная, жив он или мертв:

«Мой любимый Бен!

У меня нет чернил, а ближайшая деревня довольно далеко. Но я не могу не сообщить тебе внезапную мысль, появившуюся у меня прошлой ночью, усилившую мое кровообращение и затруднившую дыхание. Ты можешь сказать, что в ней нет ничего особенного, за исключением трагедии, обрушившейся на мир и представляющей опасность для всего живого и всей вселенной.

Какая мука, Боже мой! Перехожу к сути своей мысли. Можно ли умереть дважды морально и духовно? Боюсь, что мне придется объяснить тебе, Бен, что я имею в виду. Я умерла в прошлое воскресенье, трагическое воскресенье, в день твоего падения, невероятного и неправдоподобного, в день твоего тюремного заключения, в день, когда ужасные тучи закрыли солнце Италии, которое уже не будет сиять из-за стыда оказаться проданным иудами. Я умерла из-за того, что случилось с тобой — главой, лидером, высшим человеческим существом, творцом судьбы Италии. Твой крах захватил и меня в тот момент, когда все наши мечты, надежды и твоя самоотверженность были посвящены делу подъема благосостояния итальянского народа, его благу…

Поскольку ты постоянно был в моем сердце, то ли собирая твои фотографии, будучи еще девушкой, то ли заучивая твои слова и выражения, восхищаясь твоим политическим искусством, так и в эти последние тяжелые годы я всегда была с тобой, в годы, мучительные для всего мира и для тебя в особенности, когда мы пытались забыть собственные проблемы, уделяя все свое внимание проблемам кровавой войны, когда я продолжала разделять твою боль и борьбу, вкладывая в них свои чувства и сознание.

В тот трагический момент я почувствовал, что происходило в твоей душе — страдание, отвращение, возмущение, обособленность от мерзкой человеческой природы. То, о чем думал ты, думала и я — час за часом, минута за минутой. Я была рядом с тобой, остаюсь и буду всегда чувствовать себя рядом. Возможность любить тебя, несмотря на происходящие события, ежедневная принадлежность тебе, хотя сейчас ты находишься в одиночестве, покинутый всеми и испытывая отчаяние, придают мне силы и желание жить, жить для тебя, продолжать отдавать свою молодость и любовь — вот что составляет суть моего существования.

Ночью мне вспомнились слова, сказанные как-то тобою, которые приходили мне на ум снова и снова: «Все прошло, имидж стерся с годами, и я не помню их лиц, глаз и голосов, ничего».

Это ты говорил о женщинах, бывших в твоей жизни. И даже подчеркнул:

«Ни одна из женщин никогда не занимала того места в моем сердце, которое занимаешь ты. Оглядываясь назад, могу сказать, что любил по-настоящему только тебя одну».

И я не хочу, чтобы мой портрет оказался в ряду тех, кого ты когда-то любил. Моя же любовь до сих пор жива и страстна. Но скажи мне, скажи, что я не потеряю всего этого со временем. Нет, любовь переживает время, доминирует и возвышается над ним, наполняет его собой и утверждает: жить стоит. Бен, прости мне мои глупые мысли, набегающие одна на другую, как дюжина фотографий, закрывающих друг друга, подобно игре света и теней. Но вся эта путаница проходит, все встает на свои места, и я чувствую себя счастливой. Когда же мое сознание возвращается на землю, меня мучает лишь одна мысль: я осталась без тебя. И я начинаю плакать, чувствуя свою беспомощность. Полагаю, ты понимаешь меня.

Подумай только, мой Бен, какой смешной и глупой я могу иногда быть. Я становлюсь ревнивой и восстаю против всех тех женщин, которые были в твоей жизни, которые отведали то, что я считала только своим. Я вспоминаю все раны, нанесенные тобою моему сердцу, от которых я до сих пор испытываю боль. Как ты заставлял меня плакать и как ты делал меня счастливой. Но я не хочу забыть даже горестные для меня часы. Конечно, многое я и забыла, но есть вещи, которые оставили в моей душе глубокий след. Однако они не вызывают у меня слез, лишь то, что любовь наша была не столь продолжительной… Мне хочется возвратиться назад и остановить тебя от того, что ты со мною делал. Но что это изменит теперь?… Хотя это и кажется маловероятным, но порою и сквернословие может ранить. И как часто мне приходилось от этого страдать. Мне помнится, как ты смеялся над моею вспыльчивостью и раздражением.

Почему я не могу быть рядом с тобой, Бен? Почему они этого не разрешают? Я бы спала на полу… я готова на все, лишь бы быть рядом с тобой… разделять твои мучения и поддерживать своей любовью…

Бен, любовь моя, разреши мне быть с тобой, стоять на коленях у твоих ног, смотреть на тебя, слышать твой прекрасный голос — теплый, необыкновенный (ни у кого в мире нет такого голоса, глаз и рук). Бен, позвони мне. Я — твоя маленькая рабыня. Возьми мою жизнь, но не страдай, не чувствуй себя

одиноким. Я — душой рядом с тобой.

Сегодня утром к нам приходил молодой парень починить водопровод. Так вот он пел: «Батальоны, батальоны смерти, батальоны жизни…»

Он пел с удовольствием, посмотрев на меня украдкой. Когда я заплакала, у него на глазах тоже появились слезы. Как много людей плачут в тиши своих домов, вспоминая прошлое. Бен, подлая измена иуд будет отмщена, а те, кто пытался вычеркнуть из памяти людей дела такого гения, как ты, будут наказаны. Многие недостойны быть рядом/с тобой, но Италия велика, и я буду молить святую Риту, которой поклонялся и ты, ниспослать тебе благодать. Бен, любимый, подай мне знак, поддержи, чтобы я не умерла, без тебя для меня все потеряно, остается без света, без надежды. Пришли хоть словечко, любовь моя. Долго я так не выдержу».

Мучимый всю свою жизнь сомнениями, терзаясь от чувства собственной неполноценности, Муссолини слышал от Кларетты слова поддержки, в которых нуждался, чтобы утвердить свое «я».

Во втором письме с озера Маджьоре, которое он вряд ли получил, Кларетта постаралась, как и в течение всех семи лет, укрепить его мнение о себе как о человеке, чье имя будет «начертано на небосводе отечества».

«Любимый мой, моя бедная большая любовь!

Что ты сейчас делаешь? Что происходит с нами?.. Этот кошмар не кончается, но, видимо, это — суровая реальность? Не играет никакой роли, знают ли они, что я тебе пишу. Пусть знают, что я не отрекаюсь от тебя, как не отрекаюсь от любви, которую буду всегда испытывать к тебе. Если любовь — преступление, то я виновна. В те ужасные часы, когда варвары обыскивали кабинет моего отца, отдавшего тридцать пять лет на лечение тел и душ людей, когда они ворвались в виллу, крича, что весь твой огромный труд полетел ко всем чертям, мне хотелось плакать и даже умереть. Только один человек помог нам (это был шофер семьи Петаччи), которому мы, по сути дела, обязаны жизнью. Я сейчас приехала в Мейну к Мими и пытаюсь благодаря ему связаться с тобой. Думаю, ты понял, о ком идет речь: имени его я называть не хочу. Знай, что на свете есть еще хорошие люди. Как долго я здесь пробуду, не знаю. У нас нет ни средств, ни силы. Мы ошеломлены и раздавлены реальностью. Если бы я только могла быть рядом с тобой и быть хоть чем-нибудь тебе полезной… Какой злой рок обрушился на нашу любовь… Здесь я стараюсь держаться храбро, и глаза мои сухи… Меня ужасают только твое унижение и обеспокоенность да сознание того, что я не могу стать перед тобой на колени и сказать о своей любви и

преданности, а также чем-либо помочь… Хотя ты и сделал то, что сделал… Ты убил всех, кто тебя любил, кто верил в тебя… доведя многих до крайности. И вот теперь они никак не могут поверить в то, что все кончено, что такой великий человек, как ты, единственный в своем роде, божественное создание, сокрушен теперь судьбой. Они не верят в это, да в это и нельзя поверить.

Двадцать три года работы, тяжелого труда, борьбы; двадцать три года жертвенности, самоотречения, шума и суматохи, горечи; двадцать три года огромного строительства, создания военно-морского флота и военно-воздушных сил — и все благодаря твоей силе воли. Ты взрыхлил землю и сформировал людей, попытавшись соединить кровь рабочих и крестьян. Почему ты был столь хорош? Почему ты не пролил кровь, которая могла бы спасти человечество? Я не могу молчать и хочу сказать о своей муке и боли. Меня переполняют слезы. Как я завидую твоей жене… Она может тебя слышать, слышать слова и голос… смотреть в твои глаза, разделять твое безграничное горе…

Мысль, что я могу больше не увидеть тебя никогда… Тогда мне лучше умереть… Скажи мне, что это неправда, что я снова увижу тебя, что эта надежда поддерживает и твою жизнь… Что они могут с тобой сделать? Что сделал ты?.. Будь, пожалуйста, выше всего этого… В том мире, где нет солнца, ты обретешь покой… Дай мне знать, есть ли еще кто, кому можно доверять… Не слышала, жив ли еще Ридольфи… и с тобой ли Альбине Сообщи мне о себе… Прошу тебя, верь, что годы интимной и духовной жизни, освещенной нашей любовью, нельзя опорочить инсинуациями. Они преодолеют время и события. Я — с тобой, как вчера, как сегодня, всей своей душой…

Как они могут стереть или вычеркнуть твое имя, которое высечено на камне истории? Что бы ни случилось, ты все равно останешься существом, избранным Богом, гением, появляющимся на свет раз в несколько столетий.

Ты — тот, кто ты есть, и что ты сделал — останется с тобой, вокруг тебя и после тебя. Имя твое будет жить в веках, а зажженный тобою свет и твой труд будут светить прекрасно и величественно. Что бы кто ни говорил, ты — гений, и, если маленькие людишки захотят разрушить твои творения, все равно твое имя останется написанным на небосводе отечества и будет освещено солнцем правды.

Если бы я могла поговорить с тобой, то сказала бы тебе многое. Если ты и виновен, то только в том, что был слишком хорошим, великодушным, слишком похожим на Цезаря. Змеи должны уничтожаться, прежде чем они смогут укусить. Об этом сейчас говорить бесполезно, и ты знаешь, что я имею в виду.

Единственной реальностью является повседневность, которая нас Сивает. Мне тягостно оттого, что ранее я не знала, что ты для меня значишь, кем являешься и будешь являться. Не знаю, есть ли у тебя время, чтобы вспомнить обо мне, да и желание вспомнить. Но все равно я — на твоей стороне и живу лишь воспоминаниями. И виновата в том, что люблю тебя.

Дорогой, дай мне знать о себе как можно скорее, не важно, каким образом. Скажи, что у тебя хватит силы преодолеть боль и эту трагедию. Скажи, что чувствуешь мою близость, что готов взять мою маленькую руку в свою натруженную, как мы всегда делали, идя гулять, или помогали друг другу в тяжелые минуты. Я не могу жить без тебя, без твоего голоса, без твоих теплых слов, без твоего мышления, воображения и необычных фраз. Как я могу жить, не глядя в твои глаза? Что со мною будет? Что будет с нами? Поверь мне, пожалуйста, Бен, что я не смогу заменить тебя в своем сердце кем-то другим.

Для меня невозможно, после любви к тебе, любить и жить с другими. Я тлею, подобно умирающему огню, в муках и без поддержки… У меня уже нет сил так жить дальше… Если тебя нет со мной, остальное ничего не значит…

Скажи мне, что еще не все кончено… Знал бы ты, как я страдаю… Скажи мне, по крайней мере, приносят ли мои слова тебе утешение и дают ли поддержку, скажи, что чувствуешь мое маленькое сердце рядом с собой, что ты видишь мои слезы и что я помогаю тебе в этот горький час. Мужайся, Бен. Будь сильным для истории…»

Приложение III

«Гитлер… весьма чувствителен и легко поддается раздражению»

Почти двадцать лет майор Джузеппе Ренцетти докладывал Муссолини о происходившем в Германии — в качестве генерального консула в Лейпциге (1927–1929 годы), основателя и президента Итало-германской торговой палаты в Берлине (1929–1935 годы), генерального консула в Берлине (1937–1941 годы). Будучи убежденным сторонником национал-социализма с 1937 года, Ренцетти поддерживал дружеские отношения с Гитлером, Герингом и Геббельсом, занимая ответственные посты в период подъема нацистского движения и прихода нацизма к власти.

Ниже приводим его сообщения об особенностях характера и стремления Адольфа Гитлера в 1931–1933 годах.

Без даты, скорее всего, вскоре после 10 октября 1931 года — первой встречи Гитлера с президентом Гинденбургом

«Гитлер был весьма доволен своей встречей с Гинденбургом,

который слушал его внимательно и с пониманием и обещал, что, если кабинет Брюнинга [8] не получит необходимого большинства, он предложит национал-социалистам сформировать правительство. В своих разговорах с Гитлером президент вновь подчеркнул свою решимость строго придерживаться основ конституции.

После этой встречи положение Гитлера стало «легальным». Поэтому он сказал мне, что хотел бы нанести его превосходительству официальный визит, и просил передать дуче об этом его желании.

О своем намерении он упоминал еще за несколько месяцев до этого, но я тогда сказал ему, что пока это нецелесообразно с учетом могущих возникнуть осложнений. Гитлер возразил, что лидеры социалистической партии уже нанесли визиты в Париж и Лондон, тогда как он хочет побывать прежде всего в Риме из-за симпатии, испытываемой им по отношению к Италии, и из-за восхищения дуче, а также с целью установления более тесных отношений между Италией и Германией в дополнение к существующим англо-германским. Как я должен был ответить на это?»

Берлин, 20 ноября 1931 года

«Я проинформировал Гитлера о мнении дуче в отношении риска, которому может подвергнуть себя национал-социализм, если попытается связать себя по рукам и ногам с центристской партией при формировании коалиционного правительства. Гитлер просил меня заверить его превосходительство, что учтет его мнение и не начнет переговоры, пока не будет убежден в своем доминирующем положении. Не станет он добиваться и согласия различных земель до решения центрального вопроса.

Переговоры с представителями различных групп проходят успешно. Даже экономическая партия, которая еще несколько недель тому назад Поддерживала Брюнинга, теперь на стороне Гитлера. Как бы то ни было, смена правительства является теперь уже лишь вопросом времени. Раздор между нацистами и группами правого крыла продолжается. В целях смягчения их отношений я предложил пригласить представителей всех этих групп ко мне на дом в пятницу 27-го. Мне хотелось бы добиться слияния немецкой националистской партии с национал-социалистической и превратить «Стальной шлем» в милицию гитлеровской партии. Я представляю себе всю сложность этой задачи, но надеюсь на успех.

Гитлер счастлив иметь возможность прибыть в Рим лично выразить свое уважение дуче. Он сможет выехать вечером 11 декабря и будет в Риме пополудни следующего дня. Его буду

сопровождать я, а также Геринг, секретарь Гесс и один из членов руководства партии. Его пребывание в Риме будет непродолжительным, учитывая внутригерманскую ситуацию. После визита Гитлера в Рим намерены приехать члены парламента, лидеры СА, штурмовых отрядов, делегация молодежной организации и другие. Я предложил Гитлеру произвести обмен визитами партийных групп, составленных из наиболее влиятельных членов партий, не только для изучения достижений фашизма, но и установления дружеских отношений между национал-социалистами и фашистами.

Гитлер рассказал мне, что был очень огорчен, услышав о создании итало-германской ассоциации в Мюнхене под патронажем генерального консула — господина Центца, отъявленного масона и противника национал-социализма. Однако эта ассоциация была, по мнению Гитлера, одной из лучших. Я заверил его, что подобные ассоциации полезны в целом ряде областей деятельности и не преследуют политических целей.

Говоря об этих ассоциациях, учитывая ситуацию в Германии, я посоветовал не препятствовать их работе, поскольку они имеют весьма незначительное воздействие на общественную жизнь в Германии. К тому же Мюнхен не следует считать важным политическим центром. Мюнхен — всего-навсего столица Баварии, а в остальном — город, как и многие другие в Германии. Хотя Гитлер и основал в нем свою партию, ее штаб-квартира должна быть в ближайшее время перенесена в Берлин, поскольку основная деятельность и все переговоры он проводит именно там.

По моему личному мнению, мы должны признавать и поддерживать создание итало-германских ассоциаций, не принимая, однако, в них никакого участия. Этот тип организаций отражает мнение местной общественности, поэтому не следует вызывать антагонизм различных групп населения, входящих в них. Из-за того, что берлинская ассоциация не была принята правым крылом, там пришлось организовать другую. Думаю, что нам следует держаться подальше как от одной, так и от другой. Этой линии должны придерживаться все наши представители, ибо, по крайней мере, до сего дня такие ассоциации не имели практически почти никакого влияния в обществе, да и насчитывали не так уж и много членов.

Обстановка в Германии далеко не спокойная и не простая, поэтому необходимо сначала хорошо во всем разобраться, чтобы не быть использованными заинтересованными партиями».

Берлин, 12 января 1932 года

«Я говорил сегодня с Гитлером в отношении планируемой им

поездки в Рим. Он сказал мне, что отчетливо видит препятствия на пути реализации этой задумки и решил не форсировать события. Более того, в сложившейся ситуации он даже не знает, когда сможет выехать из Германии. Я повторил ему, что дуче постоянно думает о Германии и пытается помочь, хорошо разбираясь в обстановке.

Чтобы доставить им (национал-социалистам) удовольствие, я рекомендовал бы пригласить в Рим Геринга. Не стоит даже говорить о том, что его поездка будет носить частный характер и мотивироваться состоянием здоровья (Геринг сломал ребро, находясь в Швеции, нуждается в отдыхе из-за перегруженности работой, к тому же все еще переживает потерю любимой жены). Таким образом, его поездка не вызовет подозрений, а национал-социалисты будут счастливы. Об этом я никому ничего не говорил».

Рим, 9 шюня 1932 года (Памятная записка) «Его превосходительство, глава правительства, сказал мне, что готов принять Гитлера после 15 июля, и попросил уточнить необходимые детали с его личным секретарем».

Рим, 12 шюня 1932 года

«9-го числа имел честь доложить его превосходительству, главе правительства, о горячем желании Гитлера посетить Рим. Гитлер намерен высказать лично свое уважение к лидеру фашизма и премьер-министру, имея цель укрепить складывающиеся отношения дружбы. Свои визиты в иностранные государства он хочет начать с Италии, полагая, что этот визит окажет положительное воздействие на немецкий народ в плане улучшения его отношения к нацистской партии.

Гитлер хотел бы нанести визит в период с 1-го по 15 июля. К этой дате ему необходимо возвратиться в Германию, чтобы возглавить кампанию по выборам нового рейхстага. По моему мнению, этим визитом Гитлер собирается связать себя морально с Италией. С другой стороны, визит окажет необходимое влияние на лидера коричневорубашечников, сентиментального человека по натуре, поскольку будет проведен еще до взятия ими власти.

Его превосходительство, глава правительства, дал свое принципиальное согласие на этот визит. Гитлер должен приехать как гражданское лицо и пробыть два или три дня. Он нанесет визит его превосходительству и секретарю партии, чьим гостям он будет. Если будет удобно, то он сможет произвести смотр милиции. Визит должен носить официальный характер, чтобы не дать никакого повода для подозрительности нашим противникам.

Его превосходительство попросил меня обсудить с его личным секретарем Чиаволини необходимые подготовительные

мероприятия к визиту.

Об этом я ничего не сказал ни Гитлеру, ни кому-либо другому, ожидая мнение Чиаволини по следующим вопросам:

а) время визита;

б) день, когда можно будет проинформировать Гитлера;

в) программа визита (встречи, мероприятия, меры безопасности).

Я ничего не обещал Гитлеру, хотя было ясно, что у него самые серьезные намерения приехать. Он прекрасно понимал, какие это может вызвать международные последствия, но в то же время полагал, что они не сыграют большой роли после прихода его партии к власти. Гитлер даже сказал, что и без визита его политика в отношении Италии не претерпит никаких изменений. По нашему мнению, если визит не состоится, это повлечет за собой определенную потерю влияния на Гитлера, конечно при наличии желания как-то использовать его».

Берлин, 21 июня 1932 года

«Я передал Гитлеру соображения его превосходительства. Он слушал внимательно, будучи счастлив и горд, что дуче проявляет к нему интерес и симпатию. Гитлер, как я уже отмечал, в то время преклонялся перед Муссолини.

Лидер коричневорубашечников, прослышав о попытках покушения на жизнь дуче, напомнил мне, о чем говорил в прошлом году, когда прошли слухи о возможности визита Муссолини в Германию:

— Дуче сможет приехать в Германию лишь тогда, когда мы возьмем власть в свои руки. Тогда для его жизни не будет никакой опасности, и немецкий народ сможет выразить ему свое обожание.

В разговоре об Австрии Гитлер сказал мне, что не может полностью рассчитывать на эту нацию. Тамошние политики говорят о ее насильственном присоединении к Германии, лишь бы получить деньги. Франция им платит, и все остается без изменений.

Его нисколько не взволновали угрозы Баварии и деятельность принца Руппрехта. (Гитлер ненавидит Габсбургов и Виттельсбахов.)

Принц вращался в католических кругах и за несколько дней до этого принял участие в банкете католических промышленников Рейнской области в Дюссельдорфе.

— Двух штурмовиков было бы достаточно, чтобы утихомирить сепаратистов, — сказал в этой связи Гитлер.

Затем он спросил меня, есть ли что новое в отношении его поездки в Италию. Я сказал, что дуче будет рад видеть его, но

поинтересовался, насколько целесообразен выезд до 31 июля. Ведь внутригерманская ситуация, подчеркнул я, требует его присутствия в стране. К тому же не стоит срывать переговоры, ведущиеся в Лозанне.

Гитлер весьма неохотно согласился с моими доводами. (Он уже запланировал эту поездку: один день во Флоренции, два — в Риме, один или два дня — в Неаполе. При этом он намеревался прилететь из Мюнхена в Верону или Милан самолетом, а оттуда проследовать на автомашине.

Не знаю, действовал ли я достаточно предусмотрительно, но я не нанес никакого ущерба нашим взаимоотношениям, уходя от Гитлера, постаравшись убедить, что реализация поездки зависит не от нас.

Гитлер изолируется все более и более от нынешнего кабинета министров. Мне нетрудно убедиться, что он следует советам, которые я давал ему в недавнем прошлом. На днях он охарактеризовал их как «слабаков», которые легко поддаются манипулированию.

— Я хочу достичь своей цели намного раньше, чем это ожидается, — сказал он мне при встрече».

Бенедетто-дель-Тронто (курорт на побережье Адриатики, где Ренцетти проводил свой отпуск) 15 июня 1932 года

Ачиллу Старасе, секретарю Национальной фашистской партии, Рим

«Ваше превосходительство!

Получил на днях распоряжение Чиаволини сконтактироваться с вами лично по вопросу визита главы немецкого национал-социализма, намечаемого на ближайшее время, о котором я уже докладывал вашему превосходительству устно.

Гитлер намеревается прибыть в Италию в период с 1-го по 15 июля всего на три или четыре дня, чтобы затем возвратиться в Германию для ведения избирательной кампании. Гитлера будут сопровождать его помощник Геринг, имевший честь быть в прошлом году представленным дуче, секретарь Гесс и несколько членов руководства партии (по возвращении в Германию я пришлю список и характеристики на этих людей, маршрут поездки Гитлера и специальные запросы гостей).

Вся эта группа будет являться гостями партии. Служба безопасности подключится с момента пересечения ими границы, ответственные за это лица должны поддерживать прямой контакт со мной.

Гитлер — вегетарианец и не пьет вино, очень любит музыку. Если не будет слишком жарко, он хотел бы посетить некоторые

монументы и музеи Рима. Он очень чувствителен и легко поддается раздражению, поэтому теплый прием окажет на него благоприятное впечатление. Говорит он только по-немецки.

Вот то, что я хотел сказать по поводу визита. Считаю целесообразным сообщить Гитлеру детали поездки только за несколько дней до выезда, чтобы избежать публикаций в газетах. Как я считаю, поездка должна состояться после окончания Лозаннской конференции.

Здесь я пробуду до завтрашнего вечера. Если не произойдут какие-либо изменения, то 16-го намерен выехать в Берлин. Коли ваше превосходительство не имеет ничего против, то свою информацию я дам по телефону, естественно не упоминая Гитлера.

С уважением

Ренцетти».

* * *

Берлин, 23 января 1933 года

«В последние несколько дней проходили переговоры между различными группами правых с целью создания национального фронта. Немецкие националисты, прервав свое молчание, объявили войну фон Шляйхеру [9], а «Стальной шлем» сблизился с ними и нацистами с целью вхождения в создаваемый фронт.

В политических кругах правого крыла существует убеждение, что такое согласие вполне достижимо и что Гинденбург, учитывая ситуацию, свалит Шляйхера и предложит представителям фронта взять власть в свои руки.

Большое значение придается посредничеству фон Папена [10], который имеет большое влияние на окружение президента.

Состав нового кабинета министров, как это представляют себе «заговорщики», будет выглядеть следующим образом:

канцлер — Гитлер;

вице-канцлер и иностранные дела — фон Папен;

экономические вопросы — Хугенберг [11];

проблемы труда и занятости — Франц Зелдте [12];

внутренние дела — представитель партии;

финансы — нынешний министр фон Крозиг;

военные вопросы — генерал Беремберг, командующий войсками в Восточной Пруссии (вне политики);

президент и внутренние дела в Пруссии — представитель партии.

Национальные группы, о которых я уже упоминал, должны

слиться (встреча, которая состоялась в моем доме, дала возможность их представителям сконтактироваться).

Гитлер — самоуверен, будучи убежден, что его нежелание идти на компромисс себя оправдало. Афера Штрассера [13] закончена. Когда тот выступил со своей диссидентской декларацией, я сказал Гитлеру, бывшему в упадочническом настроении, чтобы он не вздумал уступать. Я его убедил, что, как бы ни было болезненно расставаться со старыми товарищами он должен подать пример: в революционном движении, как и в религиозном, должен быть только один лидер и один идеал.

Не знаю, насколько мои слова оказали влияние на Гитлера, однако буквально через несколько минут он выдвинул эту идею перед парламентской группой, повторив ее в моем присутствии Бальбо.

Я неоднократно говорил Штрассеру о необходимости примирения с Гитлером и убеждал Геринга в целесообразности уладить их спор. Однако Штрассер, оставаясь в рядах партии, попал под влияние Шляйхера и тем самым обрек себя на погибель. В некоторых кругах шли разговоры о том, что канцлер лишь искал подходящую формулировку, чтобы освободиться от диссидентов.

Кризис в партии коричневорубашечников, связанный с рядом осложнений, практически завершен. Теперь уже не играет большой роли, остается ли Штрассер в партии или нет, поскольку он уже не занимает никаких постов. Перед Гитлером встает теперь другая проблема, вытекающая из его попытки устранения полковника Рема [14], начальника штаба милиции [15], обвиняемого в гомосексуализме. До сих пор Гитлер не проявлял большого желания предпринимать какие-либо меры в этом плане, но, поскольку между нацистами и «Стальным шлемом» достигнуто взаимное согласие, он будет вынужден действовать. Рём — отличный организатор и надежный друг, но он не может оставаться на своем посту, не нанося вреда доброму имени милиции.

Я предупреждал различных нацистских деятелей, как ныне, так и в прошлом, быть аккуратными и внимательными и не упреждать события. Если власть завоевывается трудно, то удержать ее еще труднее. Любое неправильное действие может означать конец самому движению. Еще до взятия власти они должны были убедиться в наличии лиц, способных брать на себя руководство.

Об этом я говорил с Гитлером и Герингом еще в прошлом и надеюсь, что они знают теперь, как им поступать и действовать после взятия власти в свои руки, чтобы удержать ее в течение

долгих лет, разрушая планы тех, кто предсказывал, будто бы Гитлер не продержится более трех лет».

Берлин, 31 января 1933 года

«К моей информации от 23-го хочу дополнительно сообщить следующее.

Падение Шляйхера стало очевидным вечером 26-го. Никто, даже представители правого крыла, не предполагали, что события будут развиваться столь стремительно. В действительности в некоторых кругах правого крыла назначение Гитлера ставилось под сомнение, и высказывалась мысль, что Шляйхер продержится еще несколько недель.

Неожиданный уход канцлера в отставку был вызван целым рядом его ошибок и изоляцией, в которой он оказался, не говоря уже о его неспособности реально оценить обстановку.

Поскольку я намерен выслать вам подробности происходящего в самое ближайшее время, докладываю пока, что в воскресенье 29-го было, наконец, достигнуто соглашение между различные *л* группами, хотя до последней минуты все было под вопросом из-за чрезмерных требований Хугенберга. Принятию соглашения способствовали слухи, что Гинденбург уже назначил Гитлера канцлером и что министры якобы принесли присягу.

В ночь с субботы на воскресенье прошли слухи об угрозе военного путча с целью отстранения Гинденбурга. Никто толком не знал, насколько правдоподобны были эти слухи. Нацистам, с которыми я общался дни и ночи, я сказал, что эти слухи звучат нелепо. Во всяком случае, я уверен, что все друзья Шляйхера будут смещены со своих постов.

Шляйхер окончательно себя скомпрометировал. Я никогда ему не доверял и считал его слишком амбициозным. (Его жена тоже очень амбициозна, что само по себе опасно, особенно в Германии, где женщины стремятся вмешиваться в политику, то есть соваться не в свое дело.)

Шляйхер, в моем представлении, имел благоприятную возможность, о чем я ему говорил не раз, помочь нацистам и создать единый национальный фронт. Но он оказался не в состоянии воспользоваться ситуацией, наоборот способствуя противопоставлению ведущих лиц и групп друг другу. Мастер маневра и интриг, верный последователь Брюнинга, не обладая, однако, его умением приспосабливаться, он вел себя как дилетант и потерял свои политические и военные позиции. В последние несколько дней казалось, чтф он потерял и голову.

Слабым звеном нового правительства является Хугенберг. Кроме его неспособности разобраться в экономической ситуации, на него влияют скрытные разногласия между националистами и

национал-социалистами. Я говорил своим друзьям, что им следовало бы либо избавиться от Хугенберга, не провоцируя кризиса, либо заставить его придерживаться установленной линии. Предлагал я им также провести всеобщие выборы, и по возможности скорее. (Гитлер прошлой ночью в ходе большого факельного шествия сказал мне, что вполне согласен с моими предложениями.) Зелдте, Геринг и многие другие, в том числе и Шахт [16], сердечно поблагодарили меня за то, что я сделал в вопросе сплочения национальных сил. Гарцбургский фронт ведь был рожден в моем доме, союз со «Стальным шлемом» состоялся в основном благодаря мне, встречи в Риме в прошлом ноябре, да и в моем доме, оказали большое влияние на последующее развитие событий. Я счастлив, что мои усилия были замечены и признаны также фашистами и Италией.

Я не могу предсказать что-либо определенное в настоящее время, но готов отметить, что Гитлер и другие нацистские лидеры, с которыми я встречался (Гитлер хотел даже, чтобы я был с ним рядом во время недавнего факельного шествия, но я не захотел оказаться на виду), убеждены: их провал сейчас означал бы конец движения и начало хаоса в Германии. Все инициативы, предпринятые в этот период времени (мною было внесено очень много предложений), преследовали цель укрепления позиций нацистов и недопущения повторения прошлых ошибок, а также расстановку надежных людей на ключевые позиции, реорганизацию полиции и нанесение мощных ударов по левым.

О складывающейся ситуации хотел бы лично доложить вашему превосходительству. Если вы считаете это целесообразным, то я буду в Риме во второй половине месяца».

Берлин, 31 января 1933 года

«Гитлер пригласил меня сегодня в свою канцелярию и сделал следующее заявление: «В качестве канцлера хочу сообщить вам, чтобы вы передали это его превосходительству, что моя позиция и политика дружбы по отношению к Италии, которую я проводил до этого, будут оставаться неизменными. Министр Нойрат разделяет мою точку зрения, хотя в самом министерстве сейчас положение довольно сложное. Невозможно сделать все сразу. Знайте, что я еще не сделал там необходимую кадровую перестановку в целях замены непригодных лиц. У моих людей нет еще достаточного опыта, но я надеюсь, что вокруг меня будут только самые надежные. Мне хотелось бы встретиться с Муссолини, а пока прошу передать ему мой сердечный привет и выражение восхищения. Теперь я могу ехать, куда хочу, но в Рим принципиально полечу самолетом даже в качестве частного лица. Своим положением я обязан фашизму. И хотя в обоих движениях

имеются различия, неоспоримо, что Муссолини создал мировоззрение, которое объединяет две идеологии. Без этого я не смог бы занять свое нынешнее положение. Если справедливо, будто бы идеологии и системы не предназначены на экспорт, то верна и посылка, что идеи распространяются подобно лучам солнца и морским волнам».

Я ответил: «Я обязательно передам его превосходительству то, что вы столь любезно сообщили мне. Его превосходительство, насколько я знаю, постоянно следил за вашим движением и делами с большой симпатией, рад вашим теперешним успехам и с удовольствием выслушает ваше заявление, сделанное мне. Я имею полное представление о трудностях, которые вам предстоит преодолеть, но уверен, как был уверен и ранее, в ваших способностях справиться с ними.

Политика Италии проста, — добавил я далее, — это достижение соглашения четырех держав в Европе. Для этого требуются согласованные действия Италии, Германии и Великобритании, которые заставят Францию либо присоединиться к ним, либо остаться в одиночестве. Соглашение это, однако, окажется недостижимым в случае, если какая-то страна пойдет на заключение сепаратного договора с Францией.

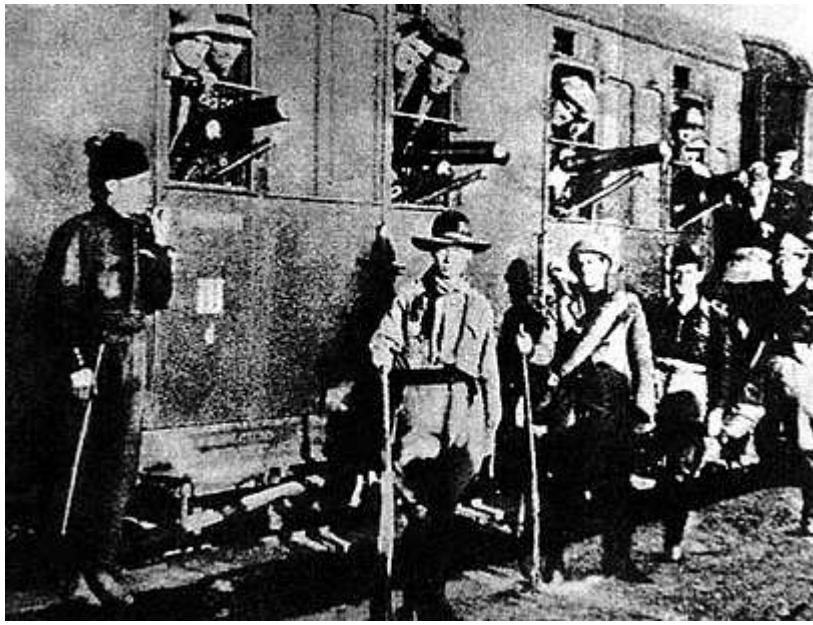
Италия и Германия могут подписать культурно-идеологическое соглашение, а также политическое и экономическое. Обе нации с сегодняшнего дня будут стремиться к реализации в Европе новой доктрины и новой политической теории. Вследствие этого необходимо, чтобы обе они хорошо понимали друг друга и были способны завязать тесные идеальные отношения и сотрудничать в деле продвижения новой революционной идеи, которая должна распространиться на всю Европу».

Гитлер внимательно выслушал все, что сказал я, кивая в знак согласия, затем попросил меня поддерживать с ним тесный контакт, такой же дружественный, как и в прошлые годы».

Иллюстрации

Бенито Муссолини в 1921 году

Муссолини в 1921 г.



Лояльно настроенные к чернорубашечникам рабочие железнодорожники у поезда, занятого их отрядом

Колонна из Монтеротондо с отрядом солдат из Сиены вступает в Рим по мосту Саларио

Фашисты громят один из последних опорных пунктов социалистов — редакцию газеты «Аванти»

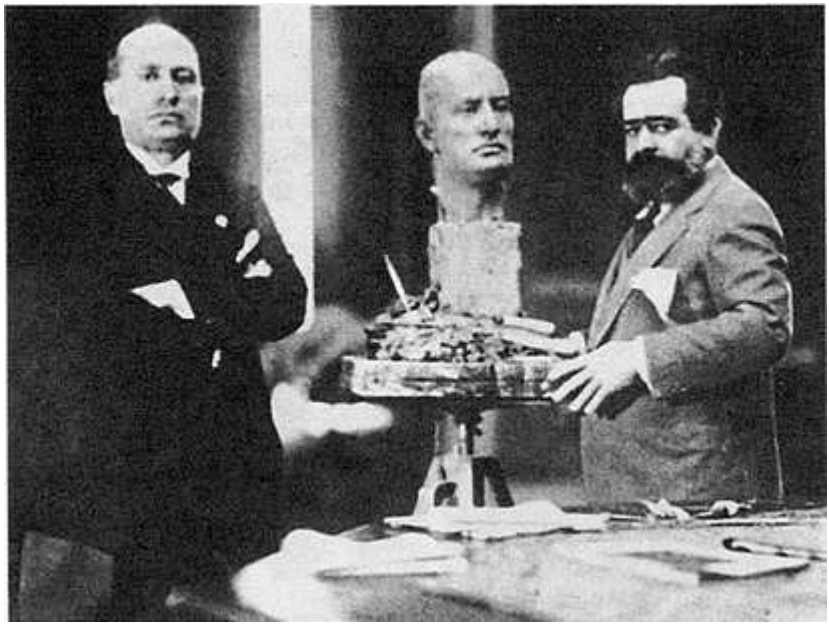
Восьмой арест Муссолини в 1915 году в Риме, на площади Барберини

Муссолини во время пребывания в Швейцарии — каменщик, рассыльный, агитатор

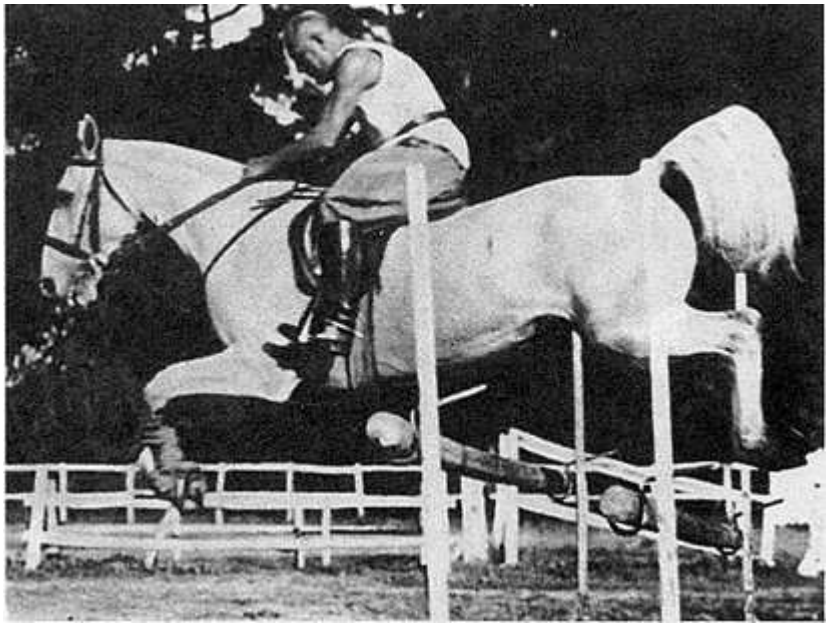
Муссолини — капрал Берзаглиерского полка, декабрь 1916 года

Семейная фотография: Бенито, Рашель и их дочь Эдда — в фотоателье

Одна из ранних характерных поз Муссолини после ранения и демобилизации из армии — на фоне собора Святого Марка в Венеции



Муссолини, ставший премьер-министром, позирует в сюртуке и брюках-бриджах скульптору Каприно в гостинице «Савойя»



Преодоление препятствия на кобылице Фру-Фру

В римском зоопарке с молодой львицей Италией

На лыжной прогулке в Терминилло

Участие в пропагандистском мотоциклетном ралли

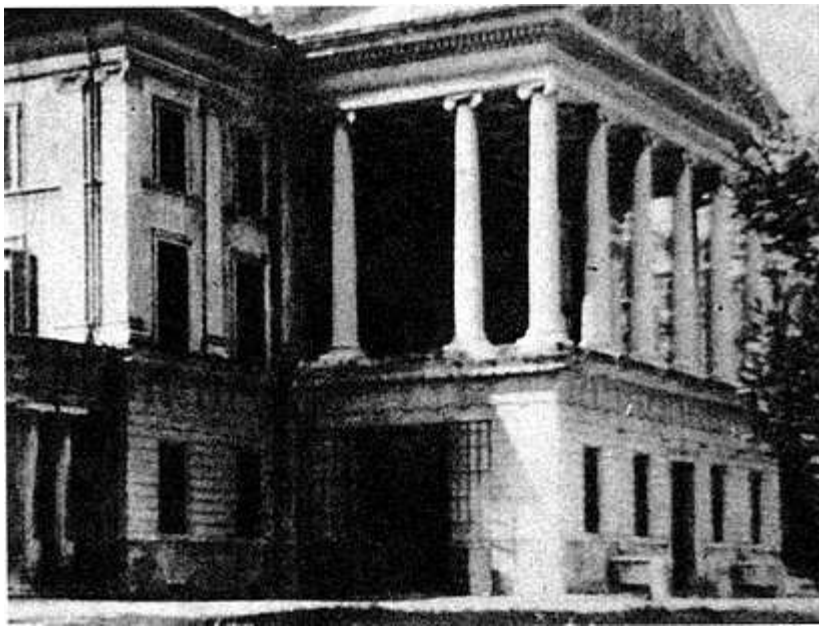
Перед спуском в шахту в Коне

С «пушечным мясом» будущих войн

Муссолини с балкона дворца Венеция провозглашает: «Книга и винтовка — символы настоящего фашиста»

В полете на своем личном самолете

Социалист Джиакомо Маттеотти (в центре), убитый фашистскими молодчиками



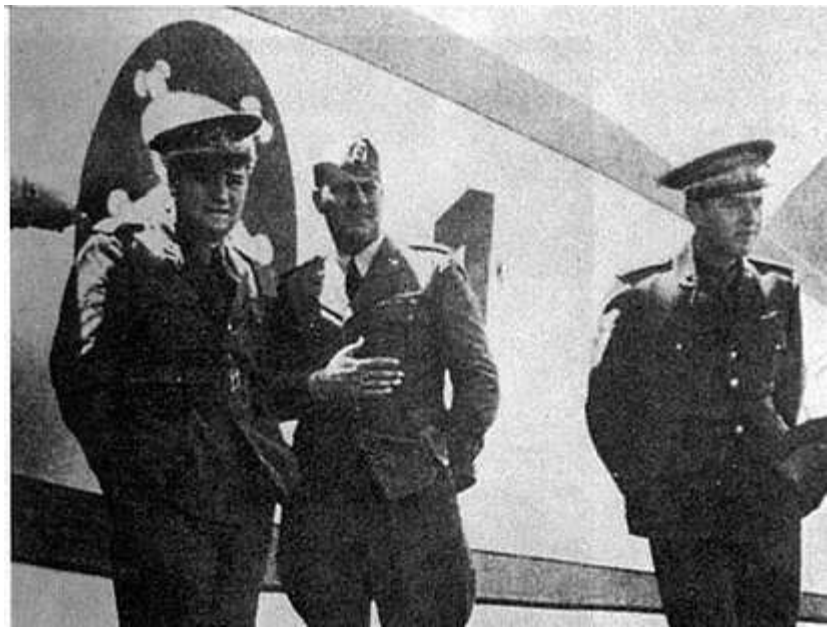
Сорокакомнатная вилла Торлония в Риме, которую Муссолини «арендовал» за одну лиру в год

В Остии, куда Муссолини частенько выезжал вместе с Рашель

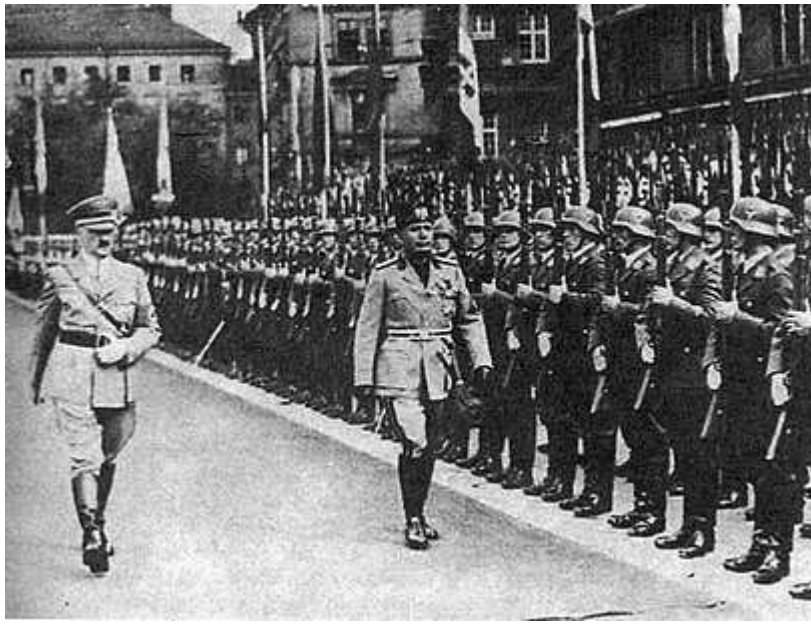
Дальфус, Чиано и Муссолини в Остии в 1934 году

Дочь Муссолини Эдда с Джалеаццо Чиано, за которого она вышла замуж по настоянию отца

Главным противником итальянских войск в войне в Абиссинии была ее труднопроходимая территория



Среди широко разрекламированных пилотов, воевавших в Абиссинии, были и сыновья дуче Витторио и Бруно (слева и справа). В центре — Джалеаццо Чиано



Выступая в Болонье, Муссолини похваляется восемью миллионами итальянских штыков

Первая встреча с Гитлером в июне 1934 года в Венеции

Гитлер внимательно выслушивает мнение дуче

Первое появление свастики на улицах Италии

Король Виктор-Эммануил отдает честь по старому обычаю. Справа от него королева Елена

В казино «Боргезе» дуче и фюрер восхищаются скульптурой Канове

Муссолини со своим освободителем из заточения в Гран-Сассо — немецким хаупт-штурмфюрером СС Отто Скорцени

Рашель Муссолини на охоте

Кларетта Петраччи в Римини

Верона, форт Сан-Проколо, 11 января 1944 года. Члены большого совета, приговоренные к расстрелу (сидят слева направо): де Боно, Пареши, Готтарди, Чиано, Маринелли. Справа стоит майор Фурлотти

Экзекуционный взвод готов к открытию огня

Тюремный священник дон Джузеппе Чиот совершает обряд помазания казненного Чиано

Семейная фотография на озере Гарда

На инспекционном смотре

Командующий силами антифашистского Сопротивления генерал Раффаэле Кадорна выступает перед партизанами

Маршал Родольфо Грациани (слева) с федеральным секретарем Винченцо Костой

Граф Пьер Луиджи Беллини (партизанский псевдоним Педро), арестовавший пытавшегося скрыться дуче

Палач Муссолини — Вальтер Аудизио (партизанский

псевдоним «полковник Валерио») — представитель коммунистов

Милан, площадь Лорето, 29 апреля 1945 года: ужасный, но неизбежный конец Муссолини и Кларетты Петаччи

notes

Примечания

1

В 1932–1938 годах. *(Примеч. авт.)*

2

«Миротворцы» этим соглашением лишь потворствовали агрессивным устремлениям Гитлера. *(Примеч. перев.)*

3

Когда автор говорит о России, следует иметь в виду Советский Союз, реально существовавший в то время. *(Примеч. перев.)*

4

4 На самом деле нападение на Советский Союз было произведено вероломно, без объявления войны. *(Примеч. перев.)*

5

5 Основные беды и невзгоды немцев и итальянцев на советско-германском фронте автор относит на счет мороза и снегов, не говоря ни слова о стойкости и героизме советских людей, воевавших в тех же условиях. *(Примеч. перев.)*

6

6 Генерал-фельдмаршал Эрвин фон Роммель за свои успехи в Африке получил прозвище «лис пустыни». Проигрывать сражения он стал, лишь когда по личному распоряжению Гитлера был вынужден докладывать в Берлин планы намечавшихся операций с точным указанием мест сосредоточения войск, времени и характера действий. Британская разведка читала его донесения, в результате чего союзники наносили упреждающие удары по ослабленным участкам его позиций. Принимал участие в заговоре против Гитлера. После неудавшегося покушения на фюрера в июле 1944 года покончил жизнь самоубийством. *(Примеч. перев.)*

7

7 Сэр Роберт Ванзитарт (ставший позднее лордом) — заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1930–1938 годах. *(Примеч. авт.)*

8

8 Брюнинг Генрих — бывший глава католической центральной партии, канцлер с 1930 года, вынужденный подать в отставку 30 мая 1932 года по настоянию Гинденбурга. *(Примеч. авт.)*

9

9 Шляйхер Курт фон — один из основных оппонентов Гитлера, канцлер с 1 декабря 1932 года, отправлен в отставку в январе 1933 года Гинденбургом в угоду Гитлеру. Убит эсэсовцами в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года. (Примеч. авт.)

10

10 Папен Франц фон — был недолгое время канцлером (с июня по декабрь 1932 года). (Примеч. авт.)

11

11 Хугенберг Альфред — глава правой националистской партии. Присоединился к Гитлеру, будучи министром продовольствия и сельского хозяйства. Ушел в отставку в июне 1933 года. *(Примеч. авт.)*

12

12 Зелдте Франц — лидер правой ветеранской организации «Стального шлема», имевшей собственные вооруженные отряды. *(Примеч. авт.)*

13

13 Штрассер Грегор — лидер национал-социалистического движения в период нахождения Гитлера в тюрьме (1924 год), у которого в качестве личных секретарей работали Генрих Гиммлер и Йозеф Геббельс. Стал одной из жертв инициированной Гитлером операции «Ночь длинных ножей». *(Примеч. авт.)*

14

14 Рём Эрнст — организатор и начальник СА — штурмовых отрядов, приведших Гитлера к власти. Оказался в числе основных жертв «чистки» в июне 1934 года. *(Примеч. авт.)*

15

15 Здесь и далее под названием «милиция» следует понимать штурмовые отряды. *(Примеч. авт.)*

16

16 Доктор Шахт Ялмар Гораций Грили был до 1930 года президентом центрального банка, являясь финансовым чародеем и брачным маклером в дьявольском союзе с ведущими немецкими промышленными магнатами. *(Примеч. авт.)*